

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

І. В. ГЕССЕНОМЪ

VIII

БЕРЛИНЪ 1923

На великомъ изломѣ

(Отчетъ гражданина о пережитомъ 1916—17 годахъ)

С. В. Завадскаго

Должно пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобы Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ.

Жуковскій.

У меня нѣтъ будущаго: я старъ. У меня нѣтъ настоящаго: я бѣженецъ. Мысль невольно обращается къ прошлому, преимущественно недавнему, и я съ горечью убѣждаюсь, что возрастъ и мытарства послѣднихъ лѣтъ успѣли сильно погнуть мою память, которая когда то (и такъ ли ужъ далеко то время?) была почти безупречной.

И хочется закрѣпить на бумагѣ, что еще помнится, и беретъ сомнѣніе. Это ничего, что я — не болѣе, какъ «голосъ изъ толпы»: Герценъ, по моему, правъ, утверждая, что писать воспоминанія предоставляется всякому, лишь бы онъ умѣлъ разсказывать, да и было о чемъ разсказать. Но вотъ бѣда: ни ключа, который бы поспособствовалъ устраненію туманныхъ пятенъ и слѣпыхъ точекъ памяти, ни раны, которая бы закрылась въ душѣ окончательно и перестала болѣть.

Ну, что-жъ, — постараюсь ограничиться островками одной Wahrheit, не прибѣгая даже къ безразличной Dichtung, хотя бы это и вредило зодческой цѣлостности изложенія. А на душѣ у меня, — пусть боли и много, — накипи озлобленія и ненависти не образовалось; надѣюсь, что это мнѣ поможетъ удержаться въ предѣлахъ средняго безпристрастія; во всякомъ случаѣ, хочу быть скупымъ на характеристики и осторожнымъ въ приговорахъ, а если, передавая событія, не удержусь — предчувствую — и отъ высказыванія сужденія, то намѣреніе мое таково, чтобы они не повисали на людяхъ репейниками. Замѣчу, кстати, что я не забылъ ядовитыхъ словъ Щедрина о цѣнности размышленій въ «генеральскихъ» воспоминаніяхъ, но когда пишешь о пережитомъ внутреннее отъ внѣшняго часто неотдѣлимо.

Вольныхъ искаженій не допущу, за невольныя ошибки заранѣе прошу меня простить.

Я кончилъ: достоинства предисловій, въ моихъ глазахъ, измѣряются ихъ краткостью.

А теперь начинаю. «Дай, — оглянусь».

I

КАНУНЪ РЕВОЛЮЦІИ

И вотъ дурной конь понесъ меня,
и тутъ прорвало всѣ плотины.

Платонъ.

Послѣдній годъ стараго строя засталъ меня въ должности прокурора петроградской судебной палаты. Каждый глядитъ лишь въ свое окно и видитъ часть того, что совершается вокругъ, но тогда мое окно было достаточно широко и выходило не на задворки, а на улицу. Многому за этотъ годъ былъ я свидѣтелемъ, и кое что изъ воспоминаній моихъ, относящихся къ тому времени, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ на письмѣ, какъ бы въ дверяхъ повѣствованія о самой революціи.

Уже расшатывались скрѣпы, надламывались спайки, слышался вездѣ зловѣщій трескъ, — весь государственный укладъ разваливался.

Правительство не ставило себѣ принципіальныхъ задачъ: идти впередъ было ему страшно (да, пожалуй, и поздно), идти назадъ — было стыдно. Оставалось одно: отдаваться безсмыслицѣ случайной работы изо дня въ день, уподобляясь лошадямъ на топчакѣ, съ котораго никуда пѣтъ привода.

Отсутствіе у правительства программы было на первый взглядъ не такъ замѣтно изъ за лихорадочной смѣны министровъ. Моя старѣющая память, кого либо, можетъ быть, и пропускающая, насчитываетъ за одинъ 1916 годъ четырехъ предсѣдателей совѣта министровъ (И. Л. Горемыкина, Б. В. Штюрмера, А. Ф. Трепова, и кн. Н. Д. Голицина), четырехъ министровъ внутреннихъ дѣлъ (А. Н. Хвостова, Б. В. Штюрмера, А. А. Хвостова и А. Д. Протопопова), трехъ министровъ иностранныхъ дѣлъ (С. Д. Сазонова, Б. В. Штюрмера и Н. Н. Покровскаго), трехъ военныхъ министровъ (А. А. Поливанова, Д. С. Шуваева и ген. Бѣляева) и трехъ министровъ юстиціи (А. А. Хвостова, А. А. Макарова и Н. А. Добровольскаго). Но самыя смѣны эти едва ли могли быть такъ часты, если бы на очереди стояло осуществленіе хоть небольшой программы.

А чѣмъ чаще мѣнялись министры, тѣмъ хуже шло даже повседневное дѣло, тѣмъ меньше съ ними считались, тѣмъ труднѣе становился выборъ достойнаго или по крайней мѣрѣ удовлетворительнаго.

Все это едва ли требуетъ доказательствъ. Мѣнять машиниста на ходу поѣзда нельзя, и не всегда новый машинистъ пускаетъ въ ходъ поѣздъ безъ досаднаго толчка. Въ частности, нельзя было смотрѣть спокойно на перемѣны военныхъ министровъ во время величайшей войны и притомъ послѣ отступленія нашихъ войскъ изъ Галицкой Руси.

Также понятно, что не стоитъ не только слушаться калифа на часъ, но и прислушиваться къ нему. Скажу про себя, какъ прокуроръ столичной палаты, я по заведенному порядку обязанъ былъ представляться каждому предсѣдателю совѣта министровъ. Я и видѣлся съ И. Л. Горемыкинымъ и Б. В. Штюрмеромъ, а когда во главѣ кабинета всталъ А. Ф. Треповъ, я уже къ нему не поѣхалъ; не поѣхалъ я и къ кн. Н. Д. Голицину, хотя и былъ съ нимъ знакомъ. И не хотѣлось мнѣ представляться вновь не потому, что два первыхъ представленія

свелись исключительно къ разговору о моемъ покойномъ отцѣ: такой разговоръ лишенный всякаго служебнаго значенія, могъ и не повториться, — а просто мнѣ казалось безразличнымъ все, что бы я ни услышалъ отъ лица, берущаго бразды правленія, по всей видимости, опять на самое короткое время.

Что же касается трудности выбора, то у насъ (это, я думаю, безспорно) людей, годныхъ въ министры, хотя бы съ оговорками, всегда было мало, а потому увеличившійся спросъ на министровъ не могъ не понизить требованій, предъявляемыхъ къ уровню подготовки кандидатовъ. Если и основательно указываютъ, что совѣтскіе дѣятели почти сплошь берутся явно не за свое дѣло и что временное правительство допускало такого военнаго министра и верховнаго главнокомандующаго, какъ безнадежно штатскій А. Ф. Керенскій, то все же надобно признаться, что начало этому было положено назначеніями Б. В. Штюрмера и А. Д. Протопопова. Я не буду голословенъ, но ограничусь двумя примѣрами, по одному для каждаго. Штюрмеръ на посту министра иностранныхъ дѣлъ обнаружилъ невѣдѣніе, кому принадлежатъ Салоники*: исходъ балканскихъ войнъ остался ему неизвѣстнымъ. А министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ домогался, чтобы военное министерство разрѣшило въѣздъ въ Россію нѣмецкому шпіону; разумѣется, объ измѣнѣ руководителя русской внутренней политики не можетъ быть и рѣчи: просто нѣмецкій шпіонъ еще передъ войной, какъ хиромантъ предсказалъ А. Д. Протопопову, что онъ встанетъ во главѣ правленія, и Протопоповъ хотѣлъ теперь знать, исполнилось ли уже пророчество, или же ему предстоитъ дальнѣйшее возвышеніе**, — а кто такой этотъ хиромантъ, министру внутреннихъ дѣлъ заботы было мало.

И еще однимъ порокомъ страдало правительство: оно ни на кого не опиралось; оно не удовлетворяло ни крестьянъ, ни рабочихъ, ни торгово-промышленные круги, ни чиновничество, ни общественныхъ дѣятелей, ни землевладѣльцевъ; не удовлетворяло оно ни фронтъ, ни тылъ, ни лѣвыхъ, ни правыхъ; не удовлетворяло, повидимому, и самого царя. Не будучи увѣрено въ своей правотѣ, оно не могло внушить къ себѣ уваженія смѣлому; стыдясь своей неправоты, оно не могло показаться сильнымъ трусливымъ: власть крѣпка только тогда, когда массы или еще вѣрятъ въ ея безупречность, дающую ей нравственный авторитетъ, или убѣждены въ совершенной ея безсовѣстности, позволяющей ей не задумываться передъ средствами расправы.

Правда, этой бѣдѣ долго помогала удивительная косность русскихъ людей, какъ то безсознательно предпочитающихъ быть обывателями, а не гражданами, стадомъ, а не обществомъ, но такая государственная невоспитанность огромнаго большинства, даже въ образованныхъ кругахъ, была выгодна правительству, когда населеніе боялось, не будетъ ли отъ новшествъ еще хуже. А между 1905 и 1916 годами произошла наглядная перемѣна, и всѣ мы слышали передъ революціей повсюду одну и ту же фразу; «хуже не будетъ». Слова эти были въ корнѣ ошибочны: всегда можетъ быть хуже, потому что дно у чаши бѣдствій, по мѣрѣ ихъ накопленія, опускается. Но такое настроеніе въ массахъ должно было наводить на размышленія: инертная обывательская толща, еще въ 1905 году державшая дружественный нейтралитетъ по отношенію къ правительству,

---

* Показаніе, данное въ верховной слѣдственной комиссіи лицомъ, полная освѣдомленность котораго стоитъ внѣ сомнѣнія. Не называю его, такъ какъ полагаю, что свидѣтели въ правѣ притязать на оглашеніе своихъ показаній лишь на судѣ.

** Объ этомъ подробнѣе будетъ разсказано дальше (во второй главѣ второй части).

очевидно собиралась въ слѣдующей схваткѣ стараго и новаго осчастливить этимъ нейтралитетомъ уже революціонеровъ.

Уцѣлѣлъ ли по крайности послѣдній столпъ старины: обаяніе царскаго имени въ широкихъ народныхъ низахъ? Пусть на правительство злобятся, но царь то, царь? Многіе горячо хотѣли вѣрить, что уцѣлѣлъ. Вѣрилъ этому, кажется, и самъ несчастный царь; но вѣра его покоилась на такомъ зыбкомъ основаніи, какъ всеподданнѣйшіе доклады А. Д. Протопопова и выкрики крайне правыхъ организацій. Всего за нѣсколько дней до крушенія стараго строя министръ внутреннихъ дѣлъ отослалъ императрицѣ записку о настроеніи умовъ въ государствѣ и утверждалъ въ этой запискѣ, что крестьянство беззавѣтно предано царю и его семьѣ и что всякая революціонная попытка будетъ смыта волною народнаго негодованія. Увы, самъ Протопоповъ потомъ * сознался, что писалъ завѣдомую ложь: хотѣлъ будто бы успокоить и ободрить. Въ дѣйствительности царское имя потускнѣло въ народѣ, и потускнѣло оно также за послѣднее передъ революціей десятилѣтіе **. Хоть и говорятъ, что примѣры не доказательство, но я безъ примѣровъ ни на шагъ и опять таки приведу здѣсь два. Въ 1905 году кучка революціонеровъ устроила митингъ, если не ошибаюсь, около станціи Веребье (Николаевской ж. д., въ предѣлахъ Новгородской губ.); пока они говорили крестьянамъ противъ помѣщиковъ, слушатели выражали полное свое одобреніе; но вотъ ораторъ перешелъ къ тому, что не будетъ царя; крестьяне насторожились: какъ же это такъ? Я пишу по памяти, но разсказываю не анекдотъ, а фактъ. До сихъ поръ помню, какъ крестьянинъ свидѣтель съ искреннимъ негодованіемъ говорилъ: «Мы спрашиваемъ, какъ же можно безъ царя, а онъ возьми да покажи на Никиту; вотъ, говоритъ, хоть его можно будетъ замѣсто царя выбрать. Это Никиту то царемъ! Ну, мы и того...» Я увлекся по примѣру Өукидида и привелъ будто бы подлинныя слова, но право противъ тона показанія не погрѣшилъ ни на волосъ. Митингъ былъ прерванъ; революціонеровъ начали бить и не на шутку: они бѣжали что-то около версты до станціи, но и тамъ крестьяне пытались продолжать избіеніе, которое прекращено было только вмѣшательствомъ станціоннаго жандарма. Это происходило въ концѣ 1905 года, а въ 1917 году, почти наканунѣ революціи, Тамбовскій (кажется, не ошибаюсь) окружный судъ разбиралъ заурядное дѣло о заочномъ оскорбленіи царя; главнымъ свидѣтелемъ обвиненія выступилъ степенный старикъ, сѣдой дѣдъ; онъ показывалъ, какъ онъ унималъ подсудимаго; и, глядя ясными глазами на судей, свидѣтель произноситъ: «зачѣмъ ты, говорю, царя то трогаешь? Ты его, говорю, не трожь; онъ тутъ не при чемъ. Ты ее, ругай...» И здѣсь свидѣтель безмятежно, въ засѣданіи суда, началъ поносить императрицу. Это была уже не пьяная и не мальчишеская брань, такъ что судьи растерялись: хоть новое дѣло сейчасъ же начинай ***.

Нѣтъ, грозныхъ признаковъ было довольно. И все это насъ обязывало. У насъ и бывали мгновенья просвѣта. Но мысль робка, а чувство властно. Многіе совсѣмъ не допускали возможности революціи: все какъ нибудь обойдется. Многіе видѣли ея неизбѣжность, — но не теперь же она, не завтра же будетъ. А она уже стучалась въ дверь...

* На допросѣ въ верховной комиссіи.

** Теперь я замѣчалъ признаки обратнаго теченія.

*** Слышалъ тогда же отъ А. А. Миндера, въ то время старшаго предсѣдателя Саратовской судебной палаты.

Я не задаюсь воспроизведеніемъ всего, что происходило на моихъ глазахъ въ теченіе 1916 года, и предлагаю вниманію читателей лишь нѣсколько отрывковъ. Постараюсь выбрать наиболѣе характерное для этой поры предсмертныхъ судорогъ стараго режима.

1. ДѢЛО ХРУСТАЛЕВА-НОСАРЯ

Съ самаго вступленія моего въ должность прокурора палаты и почти каждый день, принимаясь за разсмотрѣніе вновь вступившихъ бумагъ, находилъ среди нихъ одно, а то и два прошенія Хрусталева-Носаря.

Звукъ этого имени вѣетъ теперь поистинѣ чѣмъ то стародавнимъ, а у нѣкоторыхъ оно, быть можетъ, и вовсе выпало изъ памяти. Было, однако, время, когда оно наряду съ именемъ Бронштейна властно навязало себя всему Петрограду, тогда еще Петербургу. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Георгій Степановичъ Носарь (революціонный псевдонимъ — Хрусталевъ) былъ предсѣдателемъ, а Бронштейнъ (нынѣ всѣмъ извѣстный подъ фамиліей Троцкаго) — товарищемъ предсѣдателя того петербургскаго совѣта рабочихъ (безъ иныхъ добавленій) депутатовъ, съ которымъ въ концѣ 1905 года самъ Витте счелъ необходимымъ вести переговоры, прежде чѣмъ рѣшился взять его членовъ подъ стражу.

Сосланный по суду въ Сибирь, Хрусталевъ-Носарь оттуда бѣжалъ заграницу; онъ проживалъ въ Парижѣ, когда началась послѣдняя европейская война. Хрусталева потянуло на родину, и онъ обратился къ русскому послу во Франціи и къ нашему правительству въ Петроградѣ съ соотвѣтствующими просьбами. Разрѣшенія вернуться онъ не получилъ; ему, кажется, вовсе не отвѣтили. Тѣмъ не менѣе, онъ собрался въ путь и поѣхалъ. Разумѣется, его арестовали при въѣздѣ въ Россію и, по доставленіи въ столицу, возбудили противъ него обвиненіе въ побѣгѣ съ поселенія.

Дѣло это возникло до того, какъ я сталъ прокуроромъ палаты. Хрусталевъ былъ простою пѣшкой революціи, идя въ поводу, какъ и многіе другіе, у Троцкаго; живя въ Парижѣ, онъ утерялъ всякое значеніе въ мѣстныхъ эмигрантскихъ кругахъ, сталъ, говоря кратко, живымъ мертвецомъ: на немъ поставили крестъ; въ Россію его влекло искреннее желаніе послужить родинѣ въ грозный часъ ея борьбы съ внѣшними врагами. И я до сихъ поръ не понимаю, почему его нельзя было простить и принять; по всей вѣроятности, мѣшалъ громкій титулъ предсѣдателя, но вѣдь только титулъ, потому что дѣйствительнымъ предсѣдателемъ, и даже не предсѣдателемъ, а властителемъ въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ 1905 года былъ Троцкій.

Разъ что прощенія не послѣдовало, дѣло не представляло никакихъ трудностей для судебной власти: бѣжалъ съ поселенія — отправляйся на каторгу. Даже и присяжныхъ не нужно. Однако я засталъ производство по дѣлу все еще въ стадіи предварительнаго слѣдствія. Правда, Хрусталевъ настойчиво домогался примѣненія къ нему манифеста 1913 года (по случаю трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ); но подъ манифестъ онъ, очевидно, не подходилъ: пропустилъ указанный въ манифестѣ срокъ на возвращеніе; значитъ, и надъ этимъ долго думать было нечего. Боюсь, что забылъ истинную причину замедленія въ ходѣ слѣдствія, но впечатлѣніе осталось у меня такое: никого Хрусталевъ уже не занималъ, а петроградскіе слѣдователи, при чрезмѣрной обремененности работою, были вынуждены двигать въ первую голову только важныя

дѣла; къ нимъ, конечно, обычно причислялись и арестантскія, но не такія же, обвиняемымъ по которымъ все равно грозило съ неизбѣжностью гораздо худшее заключеніе въ каторжной тюрьмѣ.

Чего только не писалъ Хрусталевъ въ своихъ безчисленныхъ прошеніяхъ: всѣхъ онъ обвинялъ въ пристрастномъ къ нему отношеніи, въ умышленной къ нему несправедливости; но красной нитью черезъ его писанія проходило непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что онъ — вѣрный сынъ родины, окруженный измѣнниками, продающими Россію нѣмцамъ. Ненависть его главнымъ образомъ обрушивалась на предсѣдателя и прокурора петроградскаго окружнаго суда, измѣна которыхъ была для него очевидна. Помню, что въ одномъ изъ прошеній онъ требовалъ строжайшаго разслѣдованія причинъ приведшихъ къ освобожденію изъ пересыльной тюрьмы, гдѣ онъ тогда содержался, какого то нѣмецкаго подданнаго, будто бы явнаго германскаго шпіона, и впередъ утверждалъ, что разслѣдованіе выяснитъ предательство прокурора суда. Хотя, какъ нарочно, предсѣдатель и прокуроръ были дѣйствительно по крови нѣмцы и по вѣрѣ лютеране (В. Е. Рейнботъ и Ф. Ф. фонъ Нандельштедтъ), но я не могъ сомнѣваться, что они не измѣнники и что бѣдный Хрусталевъ сошелъ съ ума. Сначала я все таки считалъ своей обязанностью провѣрять фактическія указанія жалобщика; всѣ они были опровергаемы провѣркой; такъ, напримѣръ, «нѣмецкій шпіонъ» оказался турецкимъ подданнымъ, совершенно ни къ нѣмецкой національности, ни къ шпіонству непричастнымъ и вовсе не выпущеннымъ изъ тюрьмы на волю, а высланнымъ въ Вологду на жительство подъ надзоръ полиціи до окончанія войны. Безработныхъ въ моемъ распоряженіи не было, и мнѣ, какъ только я окончательно убѣдился въ томъ, что Хрусталевъ страдаетъ маніей преслѣдованія, пришлось большей частью ограничиваться по его прошеніямъ лишь составленіемъ отвѣтовъ о неосновательности возбуждаемыхъ имъ обвиненій. Отвѣты эти я составлялъ по возможности вразумительнѣе и обстоятельнѣе, чтобы не обижать больного понапрасну, но мои предосторожности не повели ни къ чему: онъ и ранѣе недовольный мной за то, что разслѣдованія не подтверждали его заявленій, скоро замѣтилъ, что я въ своихъ отвѣтахъ почти вовсе пересталъ ссылаться на какую либо провѣрку, и яростно обрушился на меня: былъ и я зачисленъ въ ряды предателей, купленныхъ нѣмцами. Посыпались жалобы министру; жалобы шли, конечно, черезъ мои руки, и я долженъ былъ писать по нимъ объясненія.

Я лично доложилъ министру, что, по мнѣнію моему, Хрусталева нужно лѣчить, а не карать и что незачѣмъ дѣло о немъ пріостанавливать до его выздоровленія или смерти, а проще прекратить по высочайшему повелѣнію. Спѣшу оговориться, я всегда держался того убѣжденія, что русскій императоръ самъ ограничилъ свою самодержавную власть судебными уставами 1864 году, и пока уставы эти въ соотвѣтствующей части не отмѣнены законнымъ порядкомъ, онъ не имѣетъ права прекращать уголовнаго преслѣдованія до постановленія по дѣлу приговора, а въ правѣ только помиловать осужденнаго *.

* Для лицъ, признающихъ всякую мысль объ ограниченіи царской власти судомъ или государственной думой за явную крамолу, привожу два примѣра, показывающихъ, что мнѣніе объ ущербленіи полноты самодержавія судебными уставами раздѣляли гр. К. И. Паленъ (министръ юстиціи въ 1868—1878 годахъ) и К. П. Побѣдоносцевъ, то есть дѣятели, правизна которыхъ стоитъ внѣ сомнѣній.

Александръ II приказалъ графу Палену поднести къ высочайшему подписанію указъ объ увольненіи сенатора М. Н. Любощинскаго въ отставку безъ прошенія. Графъ

Но я и не домогался для Хрусталева никакого изъятія: я предполагалъ, что государь помилуетъ бывшаго революціонера, какъ ссыльно-поселенца, то-есть проститъ ему участіе въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, а тогда, по крайнему моему разумѣнію, должно было отпасть само собой и обвиненіе его въ побѣгѣ съ поселенія, такъ какъ наказаніе, отъ котораго онъ самовольно уклонился, было бы уже съ него снято.

Министръ читалъ жалобы Хрусталева на меня и потому не могъ не раздѣлить мнѣнія моего, что Хрусталевъ не въ своемъ умѣ, но захотѣлъ, чтобы сперва душевная болѣзнь Хрусталева была установлена въ порядкѣ слѣдственныхъ дѣйствій.

Около этого же времени ко мнѣ въ служебный кабинетъ нѣсколько разъ заходилъ В. Л. Бурцевъ, теперь редакторъ-издатель «Общаго Дѣла», а тогда извѣстный, какъ бывшій редакторъ-издатель «Былого» и разоблачитель провокацій. Онъ удостовѣрилъ, что Хрусталевъ помѣшался еще въ Парижѣ и только поэтому сумѣлъ возбудить противъ себя почти всю находившуюся тамъ русскую революціонную эмиграцію. Слова В. Л. Бурцева падали, какъ уже видно, на вполнѣ подготовленную почву, но прекратить дѣло за сумасшествіемъ обвиняемаго, на что Бурцевъ расчитывалъ изъ состраданія къ Хрусталеву, было, конечно, нельзя, такъ какъ побѣгъ съ поселенія совершенъ былъ еще до болѣзни.

Возбудивъ вопросъ объ освидѣтельствованіи Хрусталева въ состояніи умственныхъ способностей, я неожиданно натолкнулся на недовѣріе къ дѣйствительности сумасшествія обвиняемаго со стороны двухъ главныхъ «измѣнниковъ» предсѣдателя и прокурора суда. Они подозрѣвали притворство. Съ этимъ я согласиться не могъ, такъ какъ успѣлъ уже повидаться съ Хрусталевымъ: еще на письмѣ туда-сюда, а притворяться сколько нибудь искусно глазами и всею безпорядочною, спотыкающейся рѣчью, едва ли возможно. Во всякомъ случаѣ, противъ производства освидѣтельствованія ни предсѣдатель, ни прокуроръ суда не возражали, а были только настроены скептически въ отношеніи его исхода.

Но трудно вообразить себѣ до какой степени бѣшенства и озлобленія дошелъ Хрусталевъ, когда приступили къ его освидѣтельствованію: такъ и посыпались на всѣхъ жалобы, дышавшія неподдѣльнымъ и безмѣрнымъ негодованіемъ

Паленъ изготовилъ проектъ указа, но вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ прошеніе о своей отставкѣ, ссылаясь на то, что государь воленъ отмѣнить законъ о несмѣняемости судей, но пока этотъ законъ еще дѣйствуетъ, не въ правѣ нарушить его, а самъ гр. Паленъ, исполнивъ какъ вѣрноподданный приказаніе государя, не можетъ, какъ министръ юстиціи, остаться въ должности къ моменту подписанія такого указа. И Александръ II отказался отъ своего намѣренія уволить М. Н. Любощинскаго.

Значительно позже, уже при Николаѣ II, Д. С. Сипягинъ (тогда еще главно-управляющій канцеляріей по принятію прошеній на высочайшее имя), желая перерѣшить всеподданнѣйшимъ докладомъ одно гражданское дѣло (кажется, бароновъ Корфовъ), окончательно рѣшенное кассаціоннымъ сенатомъ, вошелъ изъ осторожности съ представленіемъ въ комитетъ министровъ. Насколько мнѣ теперь помнится, Сипягинъ хотѣлъ получить одобреніе составленному имъ проекту всеподданнѣйшаго доклада, но какъ бы то ни было, предположеніе его обсуждалось въ комитетѣ, и первымъ на это предположеніе обрушился К. П. Побѣдоносцевъ, заявившій, что вызывать русскаго самодержца на пересмотръ гражданскихъ дѣлъ, рѣшеніе по которымъ вступило въ законную силу, значитъ смѣшивать самодержавіе съ азіатской деспотіей, а русскаго императора приравнивать къ турецкому султану.

Оба случая передаю со словъ моего отца, бывшаго живой лѣтописью русскаго суда съ 1866 по 1910 годъ, а въ упомянутомъ засѣданіи комитета министровъ присутствовавшаго за министра юстиціи.

на то, что враги его н Россіи хотятъ сдѣлать его сумасшедшимъ. Убѣдившись, что зачинщикъ всего я, онъ окончательно записалъ меня въ число продавшихся Германіи. Въ моихъ глазахъ это было лишнимъ доказательствомъ его болѣзни: сумасшедшіе обыкновенно убѣждены, что они нормальны, а сумасшедшими часто считаютъ окружающихъ. Поэтому я спокойно ждалъ того засѣданія суда, въ которомъ Хрусталевъ будетъ освидѣтельствованъ.

За нѣсколько дней до засѣданія, я, однако, былъ кѣмъ то (теперь ужъ не помню) освѣдомленъ, что врачи, наблюдавшіе за больнымъ (кажется, доктора Чеховъ и Останковъ, но навѣрное сказать не могу), сомнѣваются въ томъ, сумасшедшій ли онъ.

Это меня очень удивило, такъ какъ мой служебный опытъ говорилъ, что врачи психіатры склонны въ каждомъ человѣкѣ, чуть чуть неуравновѣшенномъ, видѣть душевно-больного. Дѣлать было нечего; приходилось расчитывать уже на судей. Тутъ мой расчетъ не оправдался: Хрусталевъ судомъ, согласно съ заключеніемъ экспертовъ, былъ признанъ здоровымъ. Товарищъ прокурора, участвовавшій въ засѣданіи или пришедшій туда изъ любопытства (кто именно, я уже забылъ) и разговаривавшій съ экспертами тотчасъ же послѣ засѣданія, потомъ говорилъ мнѣ, что они, — по собственнымъ ихъ словамъ, не сочли себя вправѣ признать сумасшедшимъ виднаго дѣятеля освободительнаго движенія. Это звучитъ дико, но я не сомнѣваюсь въ томъ, что такъ именно и было: настроеніе умовъ тогда уже теряло спокойствіе, необходимое для правильныхъ сужденій. И Хрусталевъ только потому, что именовался прежде предсѣдателемъ совѣта рабочихъ депутатовъ, долженъ былъ слѣдовать на каторгу, долженъ былъ стать жертвой ad maiorem revolutionis gloriam.

Былъ ли Хрусталевъ присужденъ къ каторгѣ *, въ памяти моей стерлось. Я состоялъ уже сенаторомъ, когда вспыхнула революція. День 27 февраля 1917 года принесъ Хрусталеву освобожденіе; двери дома предварительнаго заключенія, гдѣ онъ содержался со времени своего освидѣтельствованія, раскрылись; «революціонный народъ», какъ думали тогда, выпустилъ оттуда всѣхъ узниковъ, преимущественно уголовныхъ преступниковъ, выпустилъ и Хрусталева. Бывшій мой секретарь В. Н. Свидерскій разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ Хрусталевъ распоряжался пожаромъ (не на пожарѣ, а именно пожаромъ) зданія окружнаго суда и потомъ собиралъ толпу, чтобы идти къ «прокурору палаты Завадскому и арестовать его». Добрыя чувства не должны оставаться безъ отмщенія, и если я не пострадалъ за свое участіе къ Хрусталеву, то именно лишь потому, что онъ былъ сумасшедшій: дорогою онъ чѣмъ то отвлекся, и до меня (а я жилъ отъ суда довольно далеко) не дошелъ. Чѣмъ угрожало мнѣ нашествіе, можно вывести изъ того, что другая толпа въ этотъ же день арестовала моего преемника, дѣйствительнаго прокурора судебной палаты Л. А. Шульгина, и отвела его въ зданіе государственной думы; тамъ онъ былъ немедленно освобожденъ, едва добрелъ до квартиры товарища прокурора палаты Н. Н. Шведера, жившаго наискось отъ Таврическаго дворца, и пролежалъ у него на диванѣ весь день, а вскорѣ затѣмъ и умеръ отъ нервнаго потрясенія.

Дальнѣйшая судьба Хрусталева мнѣ осталась неизвѣстной. Слышалъ я, будто въ началѣ большевицкаго переворота онъ у себя на родинѣ въ Переяславскомъ, кажется, уѣздѣ Полтавской губерніи, былъ комиссаромъ, но очень короткое

* Министръ, при наличности такой экспертизы, докладывать Государю не рѣшился.

время: даже и на фонѣ общаго сумасшествія оказалось замѣтно, что онъ не въ здравомъ умѣ. И безъ него сумѣлъ обойтись Троцкій.

2. ДѢЛА О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ

Не диво, что безумной головѣ Хрусталева-Носаря всюду мерещилась измѣна: и вполнѣ здоровые люди въ тревожные годы войны склонны были подозрѣвать измѣну тамъ, гдѣ ея, повидимому, а то и несомнѣнно, не было. Большинство дѣлъ этого рода, производившихся въ бытность мою прокуроромъ палаты, оказывались дутыми. Основательныхъ мнѣ помнится всего два.

Къ дутымъ, вопреки мнѣнію многихъ, я не причисляю дѣла о бывшемъ военномъ министрѣ В. А. Сухомлиновѣ. И если не касаюсь его здѣсь, то исключительно оттого, что оно шло мимо меня: слѣдствіе производилъ сенаторъ И. А. Кузминъ, а за слѣдствіемъ наблюдалъ В. П. Носовичъ. Имъ обоимъ, да еще Н. Н. Таганцеву, предсѣдательствовавшему при разбирательствѣ этого дѣла въ сенатѣ, и надобно будетъ познакомить широкій читательскій кругъ съ тѣмъ, что они считаютъ твердо установленнымъ въ дѣлѣ. Я могу разсказать лишь объ одномъ фактѣ, второстепенномъ, но по моему характерномъ, который былъ мимоходомъ выясненъ при производствѣ (уже подъ моимъ наблюденіемъ) слѣдствія о нѣкоей Г., женѣ русскаго художника, нѣмкѣ по происхожденію и сожительницѣ австрійскаго шпіона Бруно Валентини (кажется, такъ), обвинявшейся тоже въ шпіонствѣ. Этотъ Валентини передъ войной или въ самомъ ея началѣ успѣлъ бѣжать за границу, оставивъ свою петербургскую квартиру на Торговой улицѣ въ полное распоряженіе Г. Когда В. А. Сухомлиновъ потерялъ постъ военнаго министра и долженъ былъ оставить казенное помѣщеніе, то онъ переѣхалъ именно въ эту квартиру. Подумайте, сколько было возможностей для бывшаго военнаго министра найти себѣ помѣщеніе въ Петроградѣ не у сожительницы бѣжавшаго шпіона, которая и сама потомъ обвинялась въ шпіонствѣ, а министръ все таки попалъ именно къ шпіонамъ. Вы скажете: случайность. Можетъ быть. Но мнѣ такая случайность отчего-то напоминаетъ другую изъ давнихъ временъ моей службы товарищемъ прокурора петербургскаго окружнаго суда: въ народной толпѣ на Марсовомъ полѣ нѣкто, почувствовавъ чью то руку въ карманѣ своей шубы, поспѣшилъ схватить эту руку, но схватилъ ее уже на воздухѣ; задержанный утверждалъ, что потерпѣвшій ошибся и схватилъ его вмѣсто дѣйствительнаго вора, а затѣмъ, по справкамъ о судимости, оказалось, что задержанный уже трижды былъ судимъ за карманныя кражи. Ошибся ли потерпѣвшій? Я въ такія случайности плохо вѣрю.

Разъ я заговорилъ о дѣлѣ Сухомлинова, мнѣ трудно удержаться отъ воспроизведенія одного событія, связаннаго съ этимъ дѣломъ и, насколько мнѣ извѣстно, оглашаемаго въ печати впервые мною. Я бы не рѣшился на это, зная исключительную скромность А. А. Хвостова, бывшаго тогда министромъ юстиціи*, если бы слышалъ о томъ отъ него; но чувствую себя свободнымъ, такъ какъ онъ мнѣ не говорилъ ни слова, что, впрочемъ, нисколько не опорачиваетъ достовѣрности моего разсказа: все, что я сейчасъ передамъ, мною было услышано вслѣдъ за самымъ событіемъ и изъ источника, стоящаго внѣ малѣйшихъ сомнѣній **.

* Для лицъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ министерствъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, поясняю, что рѣчь идетъ не объ А. Н. Хвостовѣ — племянникѣ, а объ А. А. Хвостовѣ — дядѣ.

** Не называю его: пусть ужъ онъ самъ себя назоветъ, когда выберется отъ большевиковъ.

На одномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ А. А. Хвостова, происходившемъ въ ставкѣ, государь, отойдя къ окну и глядя въ него, неожиданно произнесъ: «Повелѣваю вамъ прекратить дѣло Сухомлинова». Министръ ничего не отвѣтилъ. Государь повторилъ свое распоряженіе и спросилъ министра, почему онъ молчитъ. А. А. Хвостовъ на это сказалъ приблизительно слѣдующее: «Думаю, какъ бы лучше исполнить волю вашего величества. Прекращеніе дѣла о Сухомлиновѣ безусловно вредно для государства и для династіи. Но если ваше величество настаиваете на томъ, то я бы сдѣлалъ такъ: я бы прекратилъ дѣло по собственному почину. Не сомнѣваюсь, что скоро вредъ такой мѣры станетъ очевиднымъ. Тогда ваше величество можете уволить меня, какъ негоднаго министра юстиціи, а имя ваше не будетъ къ этому прикосновенно». Послѣ такого отвѣта государь отказался отъ выраженнаго имъ намѣренія прекратить уголовное преслѣдованіе Сухомлинова.

Можно, конечно, быть того мнѣнія, что министръ юстиціи долженъ былъ воспользоваться случаемъ и разъяснить принципіальную недопустимость прекращенія уголовныхъ дѣлъ верховной властью до суда. Но я смѣю думать, что А. А. Хвостовъ избралъ единственный путь, на которомъ была вѣроятность успѣха, и при этомъ выказалъ незаурядную преданность государю; такое щепетильное желаніе оградить царское имя отъ нареканій даже за дѣйствительно отданное царемъ распоряженіе тѣмъ болѣе исключительно, что обычно сановники наши предпочитали свои ошибки прикрывать именемъ монарха.

Я люблю и почитаю А. А. Хвостова и знаю, что онъ для себя ничего не искалъ. Онъ ничего и не получилъ. Быть можетъ, внезапное перемѣщеніе его на постъ министра внутреннихъ дѣлъ объясняется отчасти именно нежеланіемъ его, какъ министра юстиціи, идти навстрѣчу прекращенію Сухомлиновскаго дѣла. Тѣ, кому прекращеніе это было нужно и кто въ данномъ случаѣ скрывался за волею будто бы государя, расчитывали, вѣроятно, что А. А. Макаровъ окажется въ качествѣ министра юстиціи покладливѣе. Но они ошиблись. Когда я видѣлся съ А. А. Макаровымъ въ день его увольненія отъ этой должности, онъ былъ менѣе сдержанъ, чѣмъ обыкновенно, и не утаилъ отъ меня, что и отъ него государь (кажется, письменно) потребовалъ прекращенія слѣдствія по дѣлу о Сухомлиновѣ и также не настаивалъ на своемъ («своемъ» ли?) требованіи послѣ того, какъ получилъ отъ А. А. Макарова подробныя разъясненія, насколько такое прекращеніе вредно для престола въ обстоятельствахъ военнаго и тревожнаго времени.

Кто же домогался прекращенія Сухомлиновскаго дѣла? Объ этомъ я могу только догадываться, и пусть мои догадки останутся при мнѣ. Скажу только, что А. А. Хвостовъ былъ переселенъ съ Итальянской къ Цѣпному мосту волею Б. В. Штюрмера и что около того же времени въ Царскомъ Селѣ у А. А. Вырубовой завтракала императрица въ обществѣ Распутина и Е. В. Сухомлиновой, жены бывшаго министра и двоюродной сестры шпіона, зачастившей передъ тѣмъ къ Распутину.

Я отвлекся, однако, отъ своей темы, и долженъ разъ навсегда предупредить читателей, что и впредь такъ будетъ неоднократно: я — олицетворенное вводное предложеніе, скобки въ человѣческомъ образѣ. А впрочемъ и то сказать: вѣдь заговоривъ о Распутинѣ, я, пожалуй, ближе подошелъ къ преступному колебанію государственныхъ устоевъ, чѣмъ это будетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, особенно, когда я перейду къ «дутымъ» дѣламъ.

Было еще одно дѣло, которое на мой взглядъ, никакъ нельзя назвать дутымъ. Это—дѣло о заговорѣ въ Финляндіи, имѣвшемъ цѣлью облегчить германскій дессантъ въ предѣлахъ великаго княжества. Слѣдствіемъ было установлено, что въ Германіи, около Гамбурга, существовалъ даже особый лагерь, гдѣ молодые финны, стремившіеся использовать войну въ цѣляхъ отторженія Финляндіи отъ Россіи, обучались нѣмецкому языку и нѣмецкому военному искусству, чтобы потомъ влиться въ дессантный корпусъ и служить ему проводниками по Финляндіи. Добровольцевъ въ этотъ лагерь изъ рядовъ восторженной молодежи и вербовали заговорщики. Впослѣдствіи энтузіасты жестоко поплатились: нѣмецкое командованіе отказалось отъ первоначальнаго намѣренія сдѣлать высадку на финскомъ побережьѣ, и обучавшіеся подъ Гамбургомъ добровольцы были принудительно двинуты на русско-германскій фронтъ; многіе изъ нихъ погибли въ сраженіяхъ за чужое дѣло; нѣсколько перебѣжало къ намъ, не желая умирать во славу одной Германіи, причемъ они подвергали себя двойной опасности: перебѣгая, быть убитыми въ догонку нѣмецкой пулей и, перебѣжавъ, быть обвиненными въ измѣнѣ Россіи; были, наконецъ, и такіе, что просто попались русскимъ въ плѣнъ, — ихъ наше командованіе ужъ не колебалось признавать измѣнниками со всѣми изъ того послѣдствіями.

Но меня это дѣло заботило не жизненнымъ существомъ своимъ, а со стороны формы. Я не о составѣ преступленія говорю. Юридически осмыслить бывшія отношенія Россіи и Финляндіи такъ же трудно, какъ опредѣлить стиль большинства домовъ въ губернскихъ городахъ: дома строили люди беззаботные на счетъ художества, а паяли связь Россіи съ Финляндіей люди, беззаботные на счетъ юридическихъ категорій. Споровъ, слѣдовательно, не оберешься, и ни до чего не договоришься. Для себя, однако, я давно пришелъ, въ мѣру своего разумѣнія, къ выводу, что Финляндія была не самостоятельное государство, а составляла лишь часть русской имперіи, хотя и управляемую на особыхъ основаніяхъ. Поэтому признаки государственной измѣны, по моему, были всѣ налицо, но больнымъ вопросомъ являлась подсудность: преступленіе совершено въ Финляндіи. Конечно, легко было сослаться на прецедентъ дѣла о выборгскомъ воззваніи. Но прецедентъ не законъ, а мои юридическія выкладки всякій разъ неизмѣнно приводили меня къ заключенію, что преступленія, совершенныя на финской почвѣ, подвѣдомственны финскому же суду. Съ другой стороны, я не сомнѣвался, что передать это дѣло финляндцамъ значило бы позволить заговору безпрепятственно развиваться, значило бы поощрить всевозможные способы предавать существенные интересы Россіи въ ея страшной борьбѣ съ нѣмцами: такъ ужъ повелось, что всѣ окраинные наши (дѣйствительные и даже мнимые) инопленники, за исключеніемъ развѣ (и то отчасти) латышей и эстовъ *), рѣшительно по-

---

* Латыши и эстонцы также (основательно и безъ основанія) не являлись любителями русскихъ пріемовъ управленія, но ихъ нѣсколько примиряло съ нами то, что мы, начиная съ царствованія Александра III, не хотѣли давать ихъ въ обиду нѣмцамъ. Огромное значеніе имѣло введеніе русскаго суда въ Прибалтійскомъ краѣ. Я признаю, что бывшій тамъ прежде нѣмецкій судъ стоялъ высоко въ смыслѣ юридическихъ навыковъ, но безпристрастіе его страдало, даже, быть можетъ, и помимо сознательной воли. Приведу здѣсь кстати поразительный случай, какъ привычная несправедливость окружающихъ воспринимается иногда за нѣчто безспорно законное людьми, стоящими внѣ малѣйшаго упрека. Будучи товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента и работая какъ то надъ однимъ дѣломъ, по которому рѣшенія судебной палаты, уже дважды были кассированы сенатомъ, я пришелъ къ выводу, что послѣ 1870 года любой крестьянинъ въ правѣ строить мельницы на участкахъ, выдѣленныхъ изъ помѣ-

вертывались къ Россіи спиной, если не могли ждать удара сзади. Было бы для меня легче, если бы я принадлежалъ къ тѣмъ, которые по ходячей пословицѣ, изъ за деревьевъ не видятъ лѣса, но я убѣжденно и уже давно исповѣдывалъ, что нарушеніе закона, хотя бы и съ наилучшими намѣреніями, всегда вредно, такъ какъ открываетъ ворота усмотрѣнію властей и роняетъ уваженіе къ правопорядку въ населеніи. Какъ бы то ни было, русскій во мнѣ побѣдилъ юриста, и я отправился къ министру юстиціи сказать, что языкъ мой не поворачивается вымолвить вслухъ тѣ умозаключенія о законномъ направленіи этого дѣла, которыя логически опровергнуть выше моего умѣнія, и я только прошу избавить меня отъ обязанности дать письменное предложеніе судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ о приступѣ къ слѣдствію. По мнѣнію моему, надлежало испросить высочайшее повелѣніе, которымъ производство слѣдствія возлагалось бы на слѣдователя Н. А. Машкевича, а наблюденіе за слѣдствіемъ на меня. Я понималъ, конечно, что высочайшая воля не законъ, и не искалъ укрыться отъ личной своей отвѣтственности подъ сѣнью монаршаго приказанія: я хотѣлъ только, чтобы наше появленіе въ Финляндіи было свыше поддержано передъ мѣстными властями, которыя иначе едва ли бы допустили насъ до какихъ либо слѣдственныхъ дѣйствій на финской почвѣ. Министръ согласился со мною, и высочайшее повелѣніе было испрошено. Первую поѣздку въ Гельсингфорсъ слѣдователь сдѣлалъ со мной: опасаясь осложненій, я не желалъ уклоняться самъ отъ ихъ послѣдствій, могущихъ быть очень непріятными (чтобы не сказать болѣе) для каждаго, кѣмъ бы я себя ни замѣнилъ. Финны, однако, удовлетворились нашими полномочіями: мы не только безъ помѣхи вызывали къ себѣ свидѣтелей и допрашивали ихъ, но и заключали обвиняемыхъ подъ стражу. Лишь немного позже одинъ изъ сѣверныхъ губернаторовъ сдѣлалъ было попытку «пассивной обструкціи», но не болѣе того. Поэтому я затѣмъ уже не ѣздилъ присутсвовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, и дальнѣйшій ходъ дѣла извѣстенъ мнѣ бумажно. Сущность его я вкратцѣ изложилъ выше, а въ подробности входить не стоитъ: слѣдствіе затянулось до временнаго правительства, которое поступило на строгомъ основаніи закона и передало дѣло въ финскій судъ, гдѣ оно и было погребено по первому разряду *). И я нѣсколько задержался на разсказѣ объ этомъ слѣдствіи только потому, что приготовляясь говорить о нарушеніяхъ закона со стороны другихъ лицъ, не считалъ себя въ правѣ умолчать, какъ законъ былъ нарушенъ и мною. Нарушалъ я его съ большимъ надрывомъ и во имя блага родины, нарушалъ и былъ искренно готовъ отвѣтить за то: но будущее, ставъ настоящимъ, показало, что я не соблюлъ велѣній закона въ пустую: кому придетъ въ голову утверждать, что передача

щичьей земли, хотя бы въ совершенномъ ранѣе купчемъ договорѣ и было отмѣчено объ отказѣ отъ этого права, но безъ упоминанія, что уплачено и сколько именно за такой отказъ. Составленное мною по дѣлу заключеніе было напечатано и разослано сенаторамъ. Одинъ изъ нихъ, балтійскій баронъ, не могъ удержаться отъ выраженія мнѣ своего порицанія за мою юридическую ересь. Зная его исключительную честность и выдающіяся способности, я попросилъ его опровергнуть меня до засѣданія письменно. Черезъ три дня онъ сообщилъ мнѣ по телефону, что всѣ его попытки потерпѣли неудачу и онъ присоединяется теперь къ моему взгляду, а себя извиняетъ лишь привычкой съ юности къ противоположной практикѣ судовъ.

* Быть можетъ, не лишено интереса мое наблюденіе на допросахъ въ Гельсингфорсѣ: рабочіе, конторщики и т. п. говорили по шведски, хотя несомнѣнно были всѣ финны, а ректоръ университета давалъ показанія по фински, такъ что я, понимая, съ помощью англійскаго и нѣмецкаго, наполовину объясненія простыхъ людей, вынужденъ былъ ждать, пока переводчикъ не искроетъ мнѣ смысла отвѣтовъ профессора, намѣренно избравшаго совсѣмъ непонятный арійскому уху языкъ.

дѣла этого къ законному по формѣ и беззаконному по существу дальнѣйшему производству въ финскихъ судебныхъ установленiяхъ повредило чѣмъ нибудь военнымъ успѣхамъ Россiи? Бѣда къ намъ пришла съ другой совсѣмъ стороны. Нѣтъ, чѣмъ я дольше живу, тѣмъ чаще думаю, что напрасно принято нападать на старое изреченiе: fiat iustitia, pereat mundus. Оно, конечно, не можетъ значить: разрушай, судья, своими приговорами мiръ; но оно имѣетъ такой смыслъ: не уклоняйся судья отъ примѣненiя закона лишь потому, что тебѣ кажется возможнымъ какой либо отъ этого вредъ.

Перехожу къ дѣламъ безъ сердцевины. Не было ли ея въ нихъ вовсе, или ея не умѣли найти, но только я ея такъ и не видалъ.

Первое дѣло — о купцѣ-евреѣ, фамилiю котораго я забылъ. Военныя власти, переславшiя мнѣ дознанiе о немъ, считали установленнымъ, что онъ во время войны посылалъ Балтiйскимъ моремъ черезъ Финляндiю, Швецiю и Данiю въ Гамбургъ и другiе нѣмецкiе порты огромное количество жмыховъ. Только что я предложилъ приступить къ производству предварительнаго слѣдствiя, ко мнѣ явился присяжный повѣренный О. О. Грузенбергъ, извѣстный судебный ораторъ. Онъ, какъ принявшiй на себя защиту обвиняемаго, въ случаѣ, если бы дѣло дошло до суда, хотѣлъ меня убѣдить въ отсутствiи состава преступленiя, но не убѣдилъ. Я разсуждалъ такъ: провозъ въ осажденную крѣпость продовольствiя хотя бы только для животныхъ долженъ быть несомнѣнно почитаемъ измѣной, а Германiя въ то время была та же осажденная крѣпость. Тѣмъ не менѣе, слѣдователь очень скоро съ моего вѣдома и одобренiя освободилъ обвиняемаго изъ подъ стражи. И не потому только, что обвиняемый былъ очень старъ и тяжело боленъ, а вслѣдствiе того, что выяснились большiя, выражаясь осторожно, увлеченiя дознанiя; особенно изобиловалъ неточностями сдѣланный при дознанiи переводъ отобранныхъ отъ обвиняемаго документовъ, которые въ подлинникѣ были написаны по нѣмецки. Изъ поразительно грубыхъ ошибокъ укажу здѣсь на одну: зафрахтованная обвиняемымъ волжская баржа «Чуринъ» (въ нѣмецкомъ подлинникѣ «Tschurin») превратилась на дознанiи подъ руками неосмотрительнаго переводчика въ «Шверинъ», морской пароходъ, совершавшiй рейсы между Швецiей и Германiей. Такъ изъ дѣла ничего и не вышло.

Но самое примѣчательное я приберегъ къ концу. Послѣ того, какъ обвиняемый былъ освобожденъ подъ залогъ или ва поруки (теперь не помню въ точности), я получилъ отъ командованiя одного изъ фронтовъ (тоже забылъ какого именно) грозный запросъ, почему освобожденъ измѣнникъ и почему я не донесъ объ этомъ военному начальству; бумага завершалась требованiемъ строгаго взысканiя съ завѣдующаго тюрьмой, осмѣлившагося выпустить арестанта, и настаивала въ тонѣ приказанiя на томъ, чтобы обвиняемый снова былъ взятъ подъ стражу. Камерный товарищъ прокурора палаты Н. А. Громовъ, ознакомившiйся съ запросомъ этимъ ранѣе меня, пришелъ въ большую тревогу, но я уже не въ первый разъ*) ощутилъ крайнее удивленiе, какъ это наше военное

* У меня было еще два столкновенiя съ военнымъ командованiемъ оба раза по случаю прiостановленiя (въ Витебской и въ Лифляндской губ.) исполненiемъ судебныхъ рѣшенiй по гражданскимъ дѣламъ. Въ своихъ отношенiяхъ я настаивалъ, что судебныхъ рѣшенiй военныя власти прiостанавливать не въ правѣ. Чего касалось первое рѣшенiе (въ Витебской губ., подъ Двинскомъ) и чѣмъ кончилась переписка, уже не припомню. А второе дѣло было такое: мировой судья (въ Лифляндiи) постановилъ выселить нанимателя изъ занимаемаго имъ помѣщенiя, на точномъ основанiи договора, ва невзносъ наемной платы. Узнавъ, что командованiе воспротивилось приведенiю въ исполненiе такого существенно мирногражданскаго рѣшенiя, ни въ чемъ не могущаго

командованіе имѣетъ столько свободнаго времени, чтобы заботиться не о своихъ дѣлахъ *.

Въ тотъ же день я отвѣтилъ командованію приблизительно слѣдующее: выпущенъ не измѣнникъ, а древній и больной старикъ, улики противъ котораго, собранныя дознаніемъ, на слѣдствіи не подтвердились, такъ что о новомъ заключеніи обвиняемаго подъ стражу не можетъ быть и рѣчи, пока не будетъ собрано достаточно новыхъ уликъ; законъ, по которому я былъ бы въ подобныхъ случаяхъ обязанъ сообщать что либо военнымъ властямъ мнѣ неизвѣстенъ, а объ отвѣтственности начальника дома предварительнаго заключенія, гдѣ обвиняемый содержался, я бы возбудилъ вопросъ только въ томъ случаѣ, если бы постановленіе судебнаго слѣдователя объ освобожденіи обвиняемаго осталось безъ немедленнаго исполненія. Отношеніе свое я закончилъ тѣмъ, что подлинный запросъ и копію моего отвѣта я одновременно представляю министру юстиціи. Имѣю частныя свѣдѣнія, что меня ругательски ругали, но на меня не жаловались.

Другое, кончившееся ничѣмъ слѣдствіе производилось судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ П. А. Александровымъ: заподозрѣны были члены одного промышленнаго предпріятія на Уралѣ въ томъ, что вывозили черезъ Финляндію и Швецію въ Германію вмѣстѣ со шлакомъ золото. Упоминаю объ этомъ дѣлѣ вотъ ради чего. Дознаніе возбуждено было полковникомъ желѣзнодорожной жандармской полиціи В. Ф. Плетеневымъ; подозрѣніе пало на очень вліятельныхъ лицъ, и полковника собственное его начальство, включительно до начальника штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ генерала Никольскаго, стало осаживать какъ безъ толку ретиваго. Получивъ объ этомъ свѣдѣнія, я озаботился немедленнымъ вытребованіемъ дознанія къ себѣ; вызванный мною Плетеневъ горячился, доказывая свою правоту и основательность обвиненія; съ другой стороны, твердили, что онъ зарывается. Я, признаюсь, любовался полковникомъ: пусть онъ увлекается, но какъ хорошо, что у насъ есть еще люди, готовые попасть на невыгодный у начальства счетъ, лишь бы исполнить то, въ чемъ они видятъ свой долгъ. Прочелъ я дознаніе; какъ ни смотри, а провѣрки путемъ слѣдственныхъ дѣйствій оно требуетъ и тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ выше положеніе заподозрѣнныхъ. И вотъ, въ самомъ началѣ слѣдствія приходитъ ко мнѣ въ служебный кабинетъ членъ государственнаго совѣта по выборамъ, петроградскій земскій дѣятель бар. В. В. Меллеръ-Закомельскій (не

повредить военнымъ дѣйствіямъ, я обратился къ командованію съ возраженіемъ, какъ блюститель закона. Мнѣ было отвѣчено что командованіе имѣетъ право отмѣнять всѣ распоряженія гражданскихъ властей въ силу военнаго положенія. Я возразилъ, что знаю законы по обязанности прокурора, но нельзя съ распоряженіями административной гражданской власти смѣшивать судебныя рѣшенія, постановляемыя отъ имени верховной власти, которой подчинено и командованіе, и что неисполненіе рѣшенія, вошедшаго въ законную силу, является неисполненіемъ монаршей воли. Аргументъ былъ мною редактированъ ad hominem: меня увѣдомили, что рѣшеніе приведено въ исполненіе на общемъ основаніи.

* Въ этомъ третьемъ случаѣ еще можно было понять, что дѣла о государственныхъ измѣнахъ могутъ заботить военныя власти, но, казалось бы, только до передачи ихъ гражданскому слѣдователю. И если ужъ дѣйствія гражданскаго суда представляются странными, лучше было бы не кричать на бумагѣ, а спросить, почему было сдѣлано именно такъ. Но я постоянно видѣлъ, что военныя власти не знаютъ предѣловъ своего вѣдѣнія и къ должностнымъ лицамъ, и учрежденіямъ гражданскаго вѣдомства относятся съ полнымъ неуваженіемъ. Я за все время своего прокурорства такъ и не могъ добиться, чтобы телеграммы на мое имя съ указаніемъ занимаемой мной должности не были вскрываемы и задерживаемы иногда на нѣсколько дней военной цензурой.

юенный генералъ), говоритъ, что подозрѣніе въ вывозѣ золота падаетъ, въ числѣ другихъ и на него (я это, конечно, зналъ), и заявляетъ, что самый фактъ передачи дознанія къ производству слѣдствія есть ничѣмъ незаслуженное для него оскорбленіе. Мой прокурорскій и судейскій опытъ научилъ меня не удивляться такимъ заявленіямъ, ихъ же число, Ты, Господи, вѣси. Русскіе образованные люди такъ и не привыкли къ новому суду за полвѣка его существованія, и не меньше, чѣмъ простые крестьяне, отпрянывали отъ него (отчасти не безъ нашей вины) въ ужасѣ, какъ только судьба заставляла ихъ съ нимъ соприкасаться. А ужъ если кого вызывали въ судъ по частному обвиненію или о комъ производили слѣдственныя дѣйствія по чьей либо жалобѣ, то всегда прокуроръ или слѣдователь оказывался обидчикомъ, хотя бы онъ ничѣмъ не выразилъ, что подозрѣваетъ обидѣвшагося въ взводимомъ на него преступленіи. Обыкновенно бывало, что никакія убѣжденія и успокоенія не помогали, и чѣмъ больше было связей у тѣхъ, кто считалъ себя невинно оскорбленнымъ, тѣмъ сильнѣе приходилось окапываться въ своемъ судебномъ лагерѣ. Но тутъ на меня глядѣли умные глаза, жалоба излагалась сдержанно и безъ возбужденія, безъ недопустимыхъ выраженій противъ кого-либо. Я рѣшилъ поэтому попытаться поставить вопросъ на принципіальную почву. Я сказалъ барону Меллеру-Закомельскому, что подозрѣніе можетъ случайно упасть на всякаго и что именно для него было бы чрезвычайно невыгодно, если бы полковникъ Плетеневъ уступилъ начальству и дѣло было затушено въ стадіи дознанія: тогда враги барона (а у кого ихъ нѣтъ) могли бы говорить: «знаете, какъ то странно, что дѣло кончено келейно, безъ суда; видно, боялись вывести его на свѣтъ». Напротивъ того — продолжалъ я — если баронъ, какъ надо полагать, не чувствуетъ за собой вины, то онъ долженъ самъ настаивать на производствѣ слѣдствія, чтобы потомъ зажать ротъ клеветникамъ ссылкой на прекращеніе дѣла судебной властью внѣ зависимости отъ чьихъ либо стороннихъ вліяній. Къ моему удовольствію, баронъ Меллеръ-Закомельскій разомъ согласился со мною, замѣтно успокоился и, уходя, просилъ только ускорить ходъ слѣдствія. Онъ, вѣроятно, и не предполагалъ, какъ выросъ въ моихъ глазахъ и какъ поколебалась для меня вѣроятность его виновности.

Теперь я подошелъ къ пресловутому дѣлу о государственной измѣнѣ банкира Д. Л. Рубинштейна. Дознаніе по этому дѣлу производили военныя власти: особая комиссія, изъ состава которой я видѣлъ и зналъ только предсѣдателя ея генерала Н. С. Батюшина и еще полковника Рязанова, носившаго чисто русскую фамилію и говорившаго по русски безупречно, но оказавшагося почему то лютераниномъ. Мое отношеніе къ дѣлу выражается лучше всего старымъ присловьемъ: съ боку припека. Я уже зналъ, что Рубинштейнъ содержится въ псковской тюрьмѣ по обвиненію въ измѣнѣ, когда ко мнѣ явился генералъ Батюшинъ за консультаціей. Всѣ вопросы его въ это посѣщеніе, а затѣмъ и въ слѣдующія, сводились къ одному: есть ли составъ предступленія въ томъ то и въ томъ то. Мѣнялись только приводимые генераломъ факты, потому что обвиненій было множество. То генералъ мнѣ разсказывалъ, что Рубинштейнъ передалъ нѣмцамъ тайну изготовленія пуль капитана Кутового, то сообщалъ, что Рубинштейнъ еще до войны участвовалъ въ продажѣ австрійцамъ лѣсныхъ площадей Минской губерніи, а теперь нѣмецкое командованіе какъ по нотамъ пользуется для военныхъ цѣлей проведенными тамъ при покупкѣ просѣками. Многое я въ настоящее время уже забылъ, да подробностей и передавать незачѣмъ. Достаточно отмѣтить, что протоколовъ дознанія генералъ мнѣ не по-

казывалъ (да и обязанъ не былъ), а довольствовался или передачей копій своихъ донесеній по начальству или словесными утвержденіями, будто дознаніемъ уже установлено то-то и то-то. Припоминается, какъ онъ разсказывалъ о пуляхъ Кутового: Рубинштейнъ съѣздилъ въ Швецію, имѣя пулю этого образца на часовой цѣпочкѣ въ видѣ брелока, и велъ переговоры въ Стокгольмѣ съ нѣмцами, вскорѣ послѣ чего германскія войска стали стрѣлять въ насъ пулями, почти тожественными, сдѣланными явно въ подражаніе пулямъ Кутового. Кое что въ словахъ генерала было для меня странно*; однако не вѣрить ему, что дознаніе вполнѣ изобличало Рубинштейна, я не имѣлъ ни повода, ни права, да и спрашивалъ меня генералъ только о составѣ преступленія. Я отвѣчалъ, что составъ преступленія есть, исходя, конечно, изъ предположенія, что установлены соотвѣтствующіе факты.

Рубинштейнъ содержался подъ стражей не менѣе полугода, когда генералъ Батюшинъ пришелъ ко мнѣ въ сопровожденіи полковника Рязанова и выразилъ желаніе, чтобы дознаніе комиссіи было обращено къ производству предварительнаго слѣдствія. Я отвѣтилъ, что ничего не могу возразить противъ такого направленія дѣла съ формальной точки зрѣнія, но по существу хотѣлъ бы сперва ознакомиться съ дознаніемъ, такъ какъ слѣдователь не въ правѣ привлечь кого бы то ни было въ качествѣ обвиняемаго при недостаточности уликъ, а тогда пришлось бы начать слѣдственныя дѣйствія съ освобожденія человѣка, обвиняемаго въ рядѣ государственныхъ измѣнъ и лишеннаго свободы столь продолжительное время. Генералъ Батюшинъ оставилъ мнѣ все дознаніе на нѣсколько дней, и я до сихъ поръ не могу забыть того чувства подавленности, которое овладѣло мною по прочтеніи этого дѣтскаго лепета: все слухи, все сплетни, все обрывки безъ начала и конца. Разсказы генерала были только смѣлою попыткой реконструкціи цѣлаго зданія изъ жалкихъ обломковъ и отдѣльныхъ кирпичей. Если Рубинштейнъ былъ виновенъ, то Батюшинъ, Рязановъ и К-о послужили лучшей ему защитой, потративъ даромъ такъ много драгоцѣннаго для умѣлаго слѣдствія времени; если же Рубинштейнъ былъ невиновенъ, то вѣдь это ужасъ: сидѣть подъ замкомъ полгода, пока о тебѣ собираютъ не улики, а какіе то анекдоты. Я далъ себѣ трудъ и написалъ для генерала Батюшина «шпаргалку» того, что по меньшей мѣрѣ должно быть установлено дознаніемъ, если онъ не желаетъ освобожденія Рубинштейна въ самый моментъ приступа къ предварительному слѣдствію. Батюшинъ на меня вознегодовалъ ужасно: противъ освобожденія Рубинштейна онъ возставалъ съ жаромъ, говоря, что военное командованіе этого не потерпитъ**, а дознаніе, въ которомъ запутался, хотѣлъ отпихнуть отъ себя, во что бы то ни стало. Я понималъ положеніе генерала: продолжать дознаніе, безъ надежды закончить его удовлетворительно, значило бы еще больше отягчать свою отвѣтственность за длительное содержаніе человѣка подъ стражей безъ достаточныхъ уликъ, а идти на немедленное освобожденіе обвиняемаго въ порядкѣ слѣдственныхъ дѣйствій было бы все равно, что разомъ подчеркнуть неправильность принятой комиссіей мѣры пресѣченія. Болѣе того, я отдавалъ себѣ отчетъ и въ своемъ положеніи: какихъ собакъ не повѣситъ на меня командованіе, да и оно ли одно, когда слѣдователь освобо-

* Напримѣръ, я не могъ понять, почему нѣмцы не сумѣли бы воспользоваться, какъ образцомъ для подражательнаго воспроизведенія, тѣми пулями, которыми мы въ нихъ стрѣляли на фронтѣ, и долженъ былъ принимать объясненія генерала въ томъ видѣ, какъ онъ мнѣ ихъ давалъ, съ ссылками на авторовъ спеціалистовъ.

** И тутъ все та же наивная увѣренность во всемогуществѣ военной власти.

дить такую крупную дичь среди отысканныхъ военными властями измѣнниковъ. Но помочь ни генералу, ни себѣ я ничѣмъ не могъ, а долженъ былъ подчиняться тому, что мнѣ говорили законъ и человѣческая совѣсть.

Генералъ Батюшинъ ушелъ отъ меня врагомъ, и болѣе я съ нимъ не видался. Генералъ рѣшилъ дѣйствовать помимо меня. Вскорѣ министръ юстиціи, которымъ тогда былъ А. А. Макаровъ, спросилъ при моемъ личномъ ему докладѣ, какого я мнѣнія по поводу возможной передачи дознанія о Рубинштейнѣ гражданскимъ судебнымъ властямъ для производства слѣдствія. Отвѣтъ мой читателямъ извѣстенъ; я только прибавилъ еще одно соображеніе: передача дѣла въ другія руки вызоветъ необходимость все начинать сызнова, то есть повлечетъ за собой чувствительное замедленіе въ его ходѣ, а это тѣмъ нежелательнѣе, чѣмъ болѣе придается дѣлу важности. Министръ присоединился къ моимъ доводамъ, и тѣмъ разговоръ нашъ кончился. Нѣкоторое время спустя я изъ разныхъ источниковъ сталъ получать свѣдѣнія, что генералъ Батюшинъ не только устно, но и письменно (въ рапортахъ по начальству) опорачиваетъ меня, указывая даже на мое польское происхожденіе и заподозрѣвая мою безпристрастность въ отношеніи Рубинштейна. Мнѣ было, разумѣется, все равно, считаетъ ли меня Батюшинъ, а съ его словъ и все военное командованіе, полякомъ или русскимъ, честнымъ или подкупнымъ; я даже допускалъ и допускаю, что генеральскія писанія не были завѣдомою напраслиною на меня: за поляка онъ могъ принимать меня и вполнѣ искренно *, а такъ какъ онъ при повторныхъ разговорахъ со мною, до конца не уразумѣлъ, въ чемъ разница между вопросами о составѣ преступленія и о силѣ уликъ, то и «перевертнемъ» онъ могъ меня почесть, пожалуй, не только для наружнаго, но и для внутренняго употребленія. Я только недоумѣвалъ, куда онъ все это клонитъ. Хочетъ моего смѣщенія, чтобы договориться съ тѣмъ лицомъ, которое меня замѣнитъ? Я должностью прокурора палаты не дорожилъ, но едва ли министръ согласился бы на мое увольненіе: еще недавно онъ предлагалъ мнѣ мѣсто директора второго департамента (по вопросамъ личнаго состава всего вѣдомства), а затѣмъ, когда сенаторы гражданскаго кассаціоннаго департамента просили его назначить меня къ нимъ въ департаментъ оберъ-прокуроромъ, заявилъ, что не желаетъ разрывать со мной ближайшихъ по службѣ отношеній. Если Батюшинъ этого и не зналъ, то все же ему было очевидно, что мое смѣщеніе не могло бы послѣдовать безъ большихъ проволочекъ, а онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ дознанія, какъ можно скорѣе. Моимъ догадкамъ положилъ конецъ новый разговоръ съ министромъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Батюшинъ домогается передачи

---

* Признаю впрочемъ нужнымъ тутъ же оговорить, что я, если бы даже дѣйствительно считалъ, напр., полковника Рязанова нѣмцемъ, хотя бы изъ за его вѣроисповѣданія, не могъ бы по совѣсти приписывать неприглядныя побужденія на основаніи только этого. Но многимъ у насъ, когда они оправдываются, ссылка на чье либо инородческое происхожденіе кажется соблазнительной. Припоминается мнѣ, кстати, какъ еще въ 1895 году б. министръ путей сообщенія А. К. Кривошеинъ (не А. В. Кривошеинъ, который тогда еще былъ въ земскомъ отдѣлѣ или въ переселенческомъ управленіи министерства внутреннихъ дѣлъ на должности не выше вице-директорской), давая объясненія передъ особой комиссіей графа Д. М. Сольскаго о томъ, почему позволилъ себѣ уволить безъ прошенія инженера Ходоровскаго отъ должности начальника Либаво-Роменской или Полѣсскихъ ж. д., счелъ выгоднымъ сослаться на то, что инж. Ходоровскій — полякъ и католикъ. Я не касаюсь здѣсь того, что инженеръ этотъ по имени и отчеству Иванъ Ивановичъ на дѣлѣ былъ русскимъ и православнымъ, я просто привожу этотъ случай, чтобы показать, насколько пріемы ген. Батюшина не являлись въ чиновничьемъ болотѣ исключительными.

дѣла для производства слѣдствія подъ высшимъ наблюденіемъ прокурора варшавской судебной палаты. Въ то время варшавская палата, какъ и виленская, была уже въ родѣ католическихъ епископовъ in partibus infidelium и пребывала въ Москвѣ, но судебный слѣдователь варшавскаго окружнаго суда по особо важнымъ дѣламъ Матвѣевъ производилъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ товарища прокурора варшавской судебной палаты В. Д. Жижина какое то запутанное слѣдствіе въ прифронтовой полосѣ и оба они пользовались славой въ военныхъ кругахъ. Вотъ въ ихъ собственно руки и хотѣлъ генералъ Батюшинъ отдать свое незадачливое дѣтище и тѣмъ обезопасить его отъ меня. Я эгоистически обрадовался такому исходу и тѣмъ, помню, удивилъ методическаго до мелочей и законнаго до формализма А. А. Макарова *, который сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее: «Ели вы и не видите для себя въ этомъ обиды, то ваше право наблюдать за предварительнымъ слѣдствіемъ по дѣлу Рубинштейна несомнѣнно, такъ какъ почти всѣ предполагаемыя его преступленія могли быть совершены только или въ петроградскомъ судебномъ округѣ, или за границею; а право нужно отстаивать до послѣдней возможности». Я возразилъ, что отъ обязанностей никогда не уклоняюсь и стойко выдержу всѣ нареканія, когда въ дѣлѣ, послѣ передачи его на мое попеченіе, ничего не окажется, но рваться за лишней обузой не буду. Министръ простился со мною, говоря, что онъ не поколебленъ въ своемъ мнѣніи и постарается настоять на передачѣ дѣла въ мои руки, если ужъ будетъ признано нужнымъ производить предварительное слѣдствіе, не ограничиваясь дознаніемъ комиссіи.

Прошло еще нѣсколько времени. Какъ то вечеромъ министръ позвонилъ ко мнѣ по телефону (тогда у насъ горячее было время) и въ разговорѣ сообщилъ, что уже состоялось высочайшее повелѣніе о передачѣ батюшинскаго дознанія для производства слѣдствія въ округъ варшавской судебной палаты. «Я очень радъ» стремительно вырвалось у меня, что, — какъ я слышалъ въ телефонъ, — даже разсмѣшило А. А. Макарова; но онъ тогда же сказалъ, что приметъ всѣ мѣры переубѣдить государя и сниметъ съ меня незаслуженное пятно. Я, говоря совершенно искренно, никакого пятна на себѣ не видѣлъ и не ощущалъ, но не хотѣлъ вновь поднимать уже исчерпанное до конца наше разногласіе и постарался скорѣе «перейти къ очереднымъ дѣламъ». Не о себѣ я думалъ тогда; и не смѣлъ я осуждать военное командованіе за испрошеніе такого высочайшаго повелѣнія, которымъ варшавскій судебный округъ распространялся на территорію петроградскаго: не могъ же я забыть, что министерство юстиціи (болѣе сознательно относящееся къ закону), еще недавно, не безъ моего къ тому же участія, исходатайствовало другое высочайшее повелѣніе, которымъ округъ петроградской судебной палаты былъ распространенъ на всю Финляндію (то-есть даже на область, гдѣ дѣйствовали совсѣмъ особые суды); пусть мы рѣшились нарушить законъ, вполнѣ убѣжденно не довѣряя лойяльности финновъ. но и военныя власти, какъ я уже отмѣтилъ, тоже могли добросовѣстно не довѣрять моему безпристрастію. Однако, было во всемъ этомъ нѣчто не исчэрпывавшееся вопросомъ лично обо мнѣ, а потому значительно болѣе важное и для меня. Какихъ нибудь три мѣсяца назадъ А. А. Хвостовъ, передъ самымъ его увольненіемъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, докладывалъ госу-

* На А. А. Макарова тяжело ложится въ общемъ мнѣніи фраза: «Такъ было и такъ будетъ», сказанная имъ въ государственной думѣ при отвѣтѣ на запросъ о разстрѣлѣ рабочихъ на Ленскихъ пріискахъ, но по поводу этого мнѣ придется обстоятельно говорить въ своемъ мѣстѣ.

дарю, что предполагаетъ взять меня къ себѣ въ товарищи; государь, по словамъ А. А. Хвостова, отвѣтилъ согласіемъ, добавивъ, что слышалъ про меня много хорошаго... Тогда почему же одинъ дурной отзывъ обо мнѣ, данный даже помимо непосредственнаго моего начальства, могъ оказаться въ глазахъ государя достаточнымъ основаніемъ для созданія по дѣлу Рубинштейна особой искусственной подслѣдственности? А если этотъ отзывъ былъ такъ высокъ, почему же тогда государь не возбудилъ вопроса о невозможности оставлять прокуроромъ палаты въ столицѣ человѣка, которому опасно довѣрить наблюденіе хотя бы на первый разъ за однимъ только дѣломъ о государственной измѣнѣ? Почувствовавъ на самомъ себѣ всю шаткость и не согласованность мѣропріятій, исходящихъ отъ верховной власти, я какъ то живѣе ощутилъ холодъ страха за будущее и уже отъ этого тоскливо-тревожнаго настроенія не освободился до большевицкаго переворота. Я, конечно, непослѣдовательность рѣшеній государя могъ наблюдать и наблюдалъ давно, еще задолго до войны *, но, во первыхъ, прежде остовъ русской имперіи казался мнѣ (да и мнѣ ли одному?) несокрушимымъ, а во вторыхъ, и въ послѣдніе годы, когда въ душу стали закрадываться сомнѣнія, случаи царской уступчивости перемежающимся вліяніямъ, даже по болѣе важнымъ вопросамъ, казались мнѣ (не умѣю нагляднѣе выразиться) какъ бы нарисованными, лишенными живой плоти, пока я самъ не испыталъ этого на себѣ, хотя и по ничтожному сравнительно поводу **. Хотите — вѣрьте, хотите — нѣтъ, но мнѣ было бы легче, если бы рѣшили тогда же удалить меня съ должности прокурора палаты: я бы, разумѣется, волновался и возражалъ противъ такого ко мнѣ отношенія, но это были бы волненія по личному вопросу, а не та глухая тревога, которая, разъ возникнувъ, продолжала быстро во мнѣ расти и въ началѣ 1917 года вылилась въ болѣзненное предчувствіе близости крушенія.

Министръ не успѣлъ привести въ исполненіе намѣренія своего говорить съ государемъ: спустя недѣлю я посѣтилъ А. А. Макарова, уже послѣ того, какъ состоялся приказъ о его увольненіи. Я еще былъ прокуроромъ палаты, когда въ Петроградъ пріѣхали слѣдователь Матвѣевъ и товарищъ прокурора Жижинъ для производства слѣдственныхъ дѣйствій о Рубинштейнѣ, котораго они, по неизвѣстнымъ для меня основаніямъ, сочли возможнымъ держать подъ стражею. Со мною повидаться они, тоже неизвѣстно почему, признали излишнимъ.

---

* Напримѣръ, лѣтомъ 1899 года отецъ мой, тогда временно управлявшій министерствомъ юстиціи, докладывалъ государю, что великій князь Михаилъ Александровичъ, не можетъ быть по закону провозглашенъ наслѣдникомъ, какъ имѣющій на престолъ только условное право при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ. Государь призналъ справедливость этихъ доводовъ отца и сказалъ, что вопросъ о предоставленіи Михаилу Александровичу титула наслѣдника-цесаревича рѣшенъ отрицательно и (подлинное выраженіе государя) безповоротно. А спустя нѣсколько дней, К. П. Побѣдоносцевъ прислалъ отцу для обнародованія высочайшій указъ о присвоеніи великому князю титула наслѣдника, сопровождая эту присылку поясненіями, что государь уступаетъ желанію вдовствующей императрицы. Вспоминается и другой случай. Приблизительно около этого же времени С. Ю. Витте, тогда министръ финансовъ, разсказывалъ въ засѣданіи комитета министровъ, что онъ долженъ былъ прекратить начатую имъ съ одобренія государя таможенную войну противъ нѣмцевъ, такъ какъ получилъ прямое о томъ приказаніе государя изъ Киля, послѣдовавшее за свиданіемъ его съ Вильгельмомъ II.

** Дорожа возможной точностью положенія, оговариваюсь, что тогда же я пережилъ другой поводъ для своей тревоги, о чемъ скажу ниже; но мнѣ кажется, что этотъ другой поводъ возникъ немного позже.

Дѣло кончилось ничѣмъ, но какъ именно это произошло, я не знаю. Рубинштейна впервые я увидѣлъ въ Зимнемъ Дворцѣ, въ столовой, гдѣ завтракали члены и слѣдователи верховной комиссіи, излѣдовавшей злоупотребленія стараго режима. Зачѣмъ онъ туда пришелъ, меня никто не освѣдомилъ, но тогда я собственными глазами удостовѣрился, что онъ уже выпущенъ на свободу. А затѣмъ я былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля сенаторомъ В. А. Бальцемъ, стоявшимъ во главѣ комиссіи, въ задачу которой входило разслѣдованіе злоупотребленій спеціально военнаго вѣдомства. Оказалось, что подъ стражею находится уже генералъ Батюшинъ: ему, если не ошибаюсь, вмѣнялось въ вину включеніе ложныхъ свѣдѣній о ходѣ дознанія по дѣлу Рубинштейна въ письменные доклады начальству. На этомъ я и разстался съ генераломъ и съ полковникомъ: больше о нихъ я не слышалъ за все время революціи *.

Дутымъ долженъ я назвать еще одно дѣло, которое такъ и не родилось, но рожденіе котораго было бы для меня очень мучительно. Родить это дѣло собирался С. П. Бѣлецкій, тогда товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ январѣ 1916 году я былъ вызванъ къ министру юстиціи А. А. Хвостову на особое совѣщаніе, членами котораго оказались, кромѣ насъ двоихъ, еще министръ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ, товарищъ его по должности С. П. Бѣлецкій и директоръ второго департамента министерства юстиціи В. А. Бальцъ. Смутно помнится, что присутствовалъ и товарищъ министра юстиціи А. Н. Веревкинъ, но навѣрно этого сказать не могу. Докладчикомъ выступилъ С. П. Бѣлецкій. Очень жалѣю, что давно уничтожилъ «страха ради большевицка» мои замѣтки, набросанныя тогда же. А теперь я рѣшительно не въ состояніи припомнить, въ чемъ именно Бѣлецкій усматривалъ вину двухъ будущихъ министровъ временнаго правительства А. И. Гучкова и К. А. Гвоздева. Онъ обвинялъ ихъ какъ предсѣдателя и члена военно-промышленнаго комитета въ какихъ то революціонныхъ дѣйствіяхъ, граничащихъ по военному времени съ государственной измѣной. Разъ я забылъ фактическую сторону дѣла, то мнѣ остается сказать одно: я до сихъ поръ живо ощущаю то стѣсненіе сердца, съ которымъ слушалъ рѣчь Бѣлецкаго, построенную очень искусно и тѣмъ не менѣе производившую на меня впечатлѣніе пустого орѣха. Я и тогда былъ убѣжденъ и теперь остаюсь при убѣжденіи, что и самъ Бѣлецкій не вѣрилъ своимъ словамъ: если бы въ распоряженіи его были настоящія улики, то онъ не предоставлялъ бы честь ихъ окончательнаго установленія прокуратурѣ, а далъ бы поводъ лишній разъ блеснуть департаменту полиціи и жандармамъ. Очевидно, въ намѣренія Бѣлецкаго только входило произвести вокругъ имен Гучкова и Гвоздева непріятный для нихъ шумъ, а тамъ конечный неуспѣхъ можно было бы свалить на неумѣнье или даже нежеланье судебнаго вѣдомства.

Позволяю себѣ небольшое отступленіе. Впослѣдствіи я составилъ отчетливое представленіе о личности Бѣлецкаго. Я узналъ, что онъ опуталъ своего министра А. Н. Хвостова цѣлой сѣтью соглядатайства, даже посадивъ ему рядомъ съ шофферомъ, въ видѣ разъѣздного курьера, агента-сыщика; я узналъ, что онъ, устроивъ охрану своему благодѣтелю и покровителю Распутину, и за нимъ установилъ тщательное наблюденіе, въ итогѣ котораго департаменту полиціи былъ извѣстенъ буквально каждый шагъ Распутина: агенты по часамъ указывали, куда ѣздилъ старецъ и кто когда у него былъ. Я самъ убѣдился,

* Уже ставъ эмигрантомъ я гдѣ то прочелъ имя генерала Батюшина въ числѣ «рейхенгальцевъ».

что наблюдаютъ и за мною: я не могъ начать ни одного должностного разговора по своему телефону, чтобы не услышать, какъ ко мнѣ присоединяютъ подслушивателя, а потому въ важныхъ случаяхъ предпочиталъ говорить съ министромъ не изъ своей, а изъ сосѣдней квартиры*. Почти то же было и съ А. А. Хвостовымъ: когда онъ сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то полюбопытствовалъ и убѣдился, что переписка его, какъ министра юстиціи, была подвергаема систематической перлюстраціи. Но и къ тому времени, о которомъ я теперь разсказываю, мнѣ было хорошо извѣстно, что С. П. Бѣлецкій — ставленникъ Распутина и бывшій директоръ департамента полиціи изъ числа тѣхъ, что поддерживали департаментскія традиціи, такъ хорошо охарактеризованныя мнѣ еще въ концѣ 1901 года А. А. Лопухинымъ, тогда прокуроромъ петербургскаго окружного суда: онъ, ссылаясь на свою практику товарища прокурора, наблюдавшаго въ Москвѣ за политическими дознаніями, удостовѣрилъ мнѣ, что вполнѣ возможны даже такіе случаи, когда какой нибудь студентъ, сосланный въ Сибирь за революціонную дѣятельность, въ дѣйствительности ни разу ни одного настоящаго революціонера не видѣлъ, такъ какъ распропагандировали его, устроили для него кружокъ и тамъ занимались съ нимъ, напримѣръ, изготовленіемъ адской машины, исключительно провокаторы.

Когда я началъ возражать Бѣлецкому, я болѣе всего боялся, какъ бы въ моихъ словахъ не выявилось мое недовѣріе къ нему самому, которое обосновать тогда для меня было затруднительно, а высказать необоснованно было бы неумѣстно. Долженъ признаться, что мои возраженія были сбивчивы: я не могъ справиться съ охватившимъ меня волненіемъ. Выручилъ меня В. А. Бальцъ, который поддержалъ мои доводы съ полнымъ спокойствіемъ, найдя для нихъ такую форму, которая отнимала у Бѣлецкаго малѣйшее право обидѣться. Мнѣніе Бальца было принято обоими министрами, рѣшившими, что собранныя улики недостаточны для предварительнаго слѣдствія или даже формальнаго дознанія. Бомба Бѣлецкаго не взорвалась, и я вернулся домой невредимый. Впослѣдствіи, уже во время революціи, мнѣ передавали слова Бѣлецкаго, тогда содержавшагося въ Петропавловской крѣпости: онъ утверждалъ, что революціи очень помогъ я съ Бальцемъ своимъ нежеланіемъ вывести Гучкова и Гвоздева на чистую воду. Роли военно-промышленнаго комитета въ приготовленіи революціонной вспышки, опрокинувшей русскую монархію я не знаю, и потому не могу судить, есть ли въ утвержденіи Бѣлецкаго хоть тѣнь правдоподобія. Но пользуюсь случаемъ высказать глубокое мое убѣжденіе въ томъ, что дѣятели революціи ничего не осуществили бы, если бы не было дѣятелей на революцію. Дѣятелями на революцію я называю тѣхъ сановниковъ и публицистовъ, которые удерживали старый режимъ отъ предоставлявшихся ему на каждомъ шагу возможностей быть законнѣе, свободнѣе и послѣдовательнѣе и тѣмъ постепенно отпугивали отъ него все болѣе обширные круги населенія. Къ числу такихъ дѣятелей на революцію я и отношу С. П. Бѣлецкаго.

Читатели уже могли замѣтить, что я пишу здѣсь не столько о государственныхъ измѣнахъ, сколько по поводу государственныхъ измѣнъ. Дѣлая еще шагъ въ сторону, я хочу тутъ же набросать нѣсколько краткихъ замѣчаній о дореволюціонномъ производствѣ политическихъ дѣлъ, то есть о такихъ преступленіяхъ, которыя или подрывали или признавались подрывающими существовавшій въ то время государственный строй.

* Для лицъ, которыя меня не знаютъ, добавлю, что не страдаю не только маніей преслѣдованія, но даже просто мнительностью.

Когда я поступилъ на службу въ судебное вѣдомство, политическія дѣла шли помимо суда: для нихъ былъ не судъ, была расправа; административное разбирательство, конечно, обставлялось нѣкоторыми гарантіями, но въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ разбирательство дѣлъ, напримѣръ, о третьихъ кражахъ. Хорошъ ли такой порядокъ или дуренъ, я говорить считаю излишнимъ; какъ на него приходилось глядѣть въ условіяхъ русской дѣйствительности, я скажу немного позже, а теперь отмѣчу только то, что судъ въ цѣломъ своемъ составѣ, нэ былъ причастенъ къ «политикѣ», которой касались лишь отдѣльныя лица прокурорскаго надзора въ качествѣ представителей судебнаго вѣдомства и блюстителей закона при чинахъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Я состоялъ уже прокуроромъ окружного суда въ Новгородѣ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, одинъ изъ самыхъ крупныхъ, по моей терминологіи, дѣятелей на революцію, провелъ законъ о судебномъ разбирательствѣ политическихъ дѣлъ. Повидимому, такой законъ, несмотря на всѣ его недостатки *, можно было лишь привѣтствовать, но я, не скрою, огорчился ужасно; я всегда вѣрилъ въ жизненность брошенной Вергиліемъ мысли: «timeo Danaos et dona ferentes», и мнѣ казалось безспорнымъ, что передача политическихъ дѣлъ суду была бы хороша, если бы наша администрація въ лицѣ департамента полиціи, дѣтища того же Плеве, искренно отреклась отъ вмѣшательства въ эти дѣла; а я не имѣлъ никогда основанія думать, что Плеве хотѣлъ суда вмѣсто расправы, а не одной вывѣски суда надъ старымъ зданіемъ, гдѣ, по его предположенію, останется прежняя расправа; я ждалъ (и не напрасно), что сейчасъ же начнется давленіе на судъ, начнется подборъ судей и прокуроровъ, и предвидѣлъ, что безупречное имя русскаго суда будетъ забрызгано вслѣдствіе малодушія или увлеченія нѣсколькихъ десятковъ изъ нашей среды.

Когда я, послѣ почти десятилѣтняго перерыва, снова явился въ ряды боевой прокуратуры на должность прокурора петроградской судебной палаты, политическій сыскъ, какъ и въ старые годы, былъ всецѣло въ рукахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а если судъ и выносилъ неоднократно безупречные приговоры лицамъ, обвинявшимся въ государственныхъ преступленіяхъ, то приговоры эти, незамѣтные, какъ все хорошее, пропадали для общества безслѣдно въ грохотѣ, съ которымъ отправляли правосудіе «птенцы гнѣзда» Щегловитова . . .

Зная, что я — послѣдняя спица въ колесницѣ уголовнаго преслѣдованія за политическія преступленія, я ограничился тѣмъ лишь, что не допускалъ постановки на судъ сомнительныхъ дѣлъ, только изрѣдка наступая на жандармскіе окопы.

Разскажу здѣсь бѣгло два случая, когда я позволилъ себѣ такія наступленія. По одному дознанію оказалось, что у обвиняемаго была найдена подпольная литература при слѣдующихъ обстоятельствахъ: обыскъ производился уже въ кабинетѣ, когда жандармскій офицеръ, руководившій обыскомъ вышелъ въ переднюю, гдѣ передъ тѣмъ ничего усмотрѣно не было, и обнаружилъ тамъ въ углу, за подставкою для зонтовъ, пачку «нелегальщины». Я немедленно возбудилъ переписку объ отвѣтственности этого офицера. Я не сомнѣвался тогда, не сомнѣваюсь и теперь, что онъ самъ подбросилъ пачку въ уголъ, но всѣ мои

* О недостаткахъ и пробѣлахъ этого закона я тогда же написалъ статью для «Журнала министерства юстиціи», но министръ Н. В. Муравьевъ не разрѣшилъ ее напечатать, какъ неумѣстную со стороны чина прокуратуры критику только что изданнаго законодательнаго акта.

настоянія кончились лишь прекращеніемъ дознанія и поставленіемъ ретивому жандарму со стороны его начальства на видъ нежелательности подобнаго нахожденія поличнаго «въ одиночку»: начальство усмотрѣло здѣсь только горячность и неумѣнье обставить всѣ части обыска необходимыми гарантіями, а не тяжкое должностное преступленіе. Другой случай былъ таковъ: декаденствующій поэтъ — юноша, еврей, никогда насколько можно было судить, не занимавшійся политикой активно, былъ на одномъ большомъ сборищѣ молодежи; тамъ къ нему подсѣлъ какой то молодой человѣкъ, разговорился, увязался провожать и по дорогѣ упросилъ «на эту ночь» взять къ себѣ свертокъ съ революціонными изданіями, ссылаясь на то, что боится обыска. Поэтъ взялъ свертокъ и, прійдя домой, бросилъ его, какъ онъ былъ въ газетной бумагѣ, не разворачивая, на письменный столъ, гдѣ его и нашли раннимъ утромъ явившіеся съ обыскомъ жандармы. И здѣсь я добился только того, что юноша оказался вновь на свободѣ; а таинственный незнакомецъ такъ и остался неуловимъ: жандармы, пришедшіе на обыскъ почему то не знали, кто онъ.

Я бы не хотѣлъ, чтобы кто нибудь изъ читателей моихъ могъ добросовѣстно подумать, будто я былъ противъ борьбы съ революціонерами. Я всегда смотрѣлъ на революцію, которая вспыхнула бы въ Россіи, какъ смотритъ сынъ на хирургическую операцію для любимаго отца: такъ страшно, что нельзя на нее рѣшиться, прежде чѣмъ убѣдишься въ полной невозможности спасти отца терапевтическимъ леченіемъ. Я всегда исповѣдывалъ, что долгъ русской образованной молодежи идти не въ подполье и не въ ряды помогающихъ подполью, съ кафедры, съ газетныхъ столбцовъ и изъ менѣе замѣтныхъ закоулковъ, а на рядовую государственную службу, только съ твердымъ намѣреніемъ служить, не прислуживаясь, и возвышаться, не давая головѣ кружиться. Я всегда думалъ, что работа чиновника — если онъ честенъ, прилеженъ и не глупъ, — не пустяки, а важное дѣло, существенно необходимое для Россіи, при мало развитой самодѣятельности ея общественныхъ круговъ. Я всегда мечталъ, что моимъ единомышленникамъ удастся во время дойти по служебной лѣстницѣ до тѣхъ ступеней, на которыхъ можно будетъ открыть предохранительный клапанъ и рядомъ реформъ выпустить вонъ накопившіеся революціонные пары. Вотъ какъ я понималъ борьбу съ революціей и путемъ уголовнаго законодательства, то есть обложеніемъ карою всѣхъ дѣйствій, вытекающихъ изъ того душевнаго настроенія, которое заставляетъ смотрѣть на приготовленіе къ революціи какъ къ Рождественской елкѣ: Какъ хорошо, что моего отца будутъ рѣзать хирурги, какъ это будетъ весело и какъ мы позабавимся, если операція затянется. Будучи убѣжденъ, что революція не праздникъ, а опасный кризисъ и что длить революцію значитъ рисковать превращеніемъ воспаленія легкихъ въ чахотку, я всѣхъ весело настроенныхъ революціонеровъ считалъ существенно вредными для будущности государства, не менѣе, чѣмъ буйныхъ сумасшедшихъ для окружающихъ. Но я былъ и остаюсь рѣшительнымъ врагомъ всѣхъ мѣръ, направленяыхъ на то, чтобы судъ изъ установленія, призваннаго спокойно и совѣстливо оцѣнивать силу уликъ и устанавливать составъ преступленія, — безразлично какого именно, — преобразился въ палку, которою администрація могла бы бить всѣхъ, кого она почитаетъ революціонерами. Это, по мнѣнію моему, не борьба съ революціей, а работа на революцію. И такою работой насколько я могъ и могу судить, занимался департаментъ полиціи, корпусъ жандармовъ, союзъ русскаго народа и тѣ судьи, которые шли вольно или невольно на поводу министра юстиціи И. Г. Щегловитова.

3. ДѢЛО МАНАСЕВИЧА-МАНУЙЛОВА

Дѣло Манасевича-Мануйлова возникло въ августѣ 1916 года. Само по себѣ оно было довольно зауряднымъ: шантажъ банка. Если же для производства предварительнаго по этому дѣлу слѣдствія я избралъ судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ В. Н. Середу, извѣстнаго мнѣ своими дарованіями и независимостью, то поступилъ такъ исключительно изъ-за личности обвиняемаго и потерпѣвшихъ. Шантажъ былъ направленъ противъ «Соединеннаго банка» (такъ называемаго «поляковскаго») въ лицѣ графа В. С. Татищева и И. С. Хвостова. И того и другого я видѣлъ въ своей жизни разъ или два, но отъ нихъ ко мнѣ тянулись нити: А. А. Хвостовъ, бывшій министръ юстиціи, назначившій меня прокуроромъ палаты, а въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ, только что предложившій мнѣ мѣсто товарища министра, приходился И. С. Хвостову роднымъ дядей, а сынъ А. А. Хвостова былъ женатъ на племянницѣ гр. В. С. Татищева; кромѣ того, сестра В. С. Татищева была замужемъ за троюроднымъ братомъ моего зятя, а дочь за моимъ двоюроднымъ племянникомъ. Я нарочно выписываю всѣ эти взаимоотношенія во всѣхъ ихъ подробностяхъ, такъ какъ тогда слышалъ, что меня люди, близкіе къ Манасевичу-Мануйлову, обвиняли въ пристрастіи изъ-за родства, дружбы и «кумовства». Я предвидѣлъ, что въ душу мою будутъ залѣзать грязными руками, вышивая на скудной канвѣ пышные узоры злорѣчія и клеветы, а потому, едва лишь возбудивъ уголовное по дѣлу преслѣдованіе, обратилъ вниманіе министра юстиціи А. А. Макарова на эти, какъ я выразился, нити, которыя могли быть вольно и невольно сочтены, пожалуй, за настоящіе канаты. Министръ зналъ, какъ и я, что у Манасевича-Мануйлова тѣсныя связи съ департаментомъ полиціи и съ самимъ Распутинымъ, а также и то, что Манасевичъ-Мануйловъ является чѣмъ то въ родѣ личнаго секретаря предсѣдателя совѣта министровъ Б. В. Штюрмера, и поэтому не удивился сдѣланному мною выбору слѣдователя, даже не возразилъ противъ заключенія Манасевича-Мануйлова подъ стражу, которое послѣдовало по моему почину: какъ я не избѣгалъ подвергать обвиняемыхъ личному задержанію, но оставить на свободѣ человѣка, обладающаго такими связями и неразборчиваго на средства, значило бы отбить у свидѣтелей всякую охоту быть сколько нибудь откровенными

Манасевичъ-Мануйловъ былъ положительно потрясенъ, когда слѣдователь, раздѣлившій мои сужденія объ избраніи по дѣлу высшей мѣры пресѣченія, объявилъ ему о взятіи его подъ стражу. Онъ не хотѣлъ этому вѣрить и, даже находясь въ домѣ предварительнаго заключенія, на каждомъ допросѣ у слѣдователя то просилъ объ освобожденіи, то грозилъ, это не описка: обвиняемый въ такой мѣрѣ чувствовалъ за собой сильную руку, что грозилъ слѣдователю и не столько ему, сколько прокурору палаты и министру юстиціи; такъ, еще задолго до замѣны А. А. Макарова сенаторомъ Н. А. Добровольскимъ, я зналъ отъ Манасевича-Мануйлова, что эта замѣна послѣдуетъ, если дѣло не будетъ прекращено; было упоминаемо и о моей отставкѣ. Тѣмъ временемъ кто то пытался обойти и министра юстиціи, потому что онъ заговорилъ о желательности смягчить принятую противъ обвиняемаго мѣру пресѣченія. Но тогда А. А. Хвостовъ уже былъ уволенъ изъ министровъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ сталъ по волѣ Распутина А. Д. Протопоповъ, и я не хотѣлъ сдавать своихъ позицій тѣмъ упорнѣе, чѣмъ меньше видѣлъ для себя поддержки. А. А. Макаровъ,

котораго я не могу упрекнуть ни въ малѣйшемъ нажимѣ на мою волю и совѣсть, уступилъ мнѣ и больше объ освобожденіи Манасевича-Мануйлона не заводилъ рѣчи.

А я пользовался арестомъ обвиняемаго для расширенія рамокъ дѣла. Шантажъ, послужившій поводомъ къ возбужденію слѣдствія, былъ уже почти совсѣмъ выясненъ, но рисовались очертанія другихъ шантажей, — мало того: появлялись улики, которыя указывали, что Манасевичемъ-Мануйловымъ было много натворено такого, передъ чѣмъ блѣднѣлъ этотъ жалкій шантажъ.

Не желая воспроизводить отрывки того, что помнится смутно, я здѣсь ограничусь только тѣмъ, что мнѣ теперь представляется достаточно достовѣрнымъ: разскажу, какія еще два дѣла могли выйти изъ того, надъ которымъ работалъ В. Н. Середа.

Нащупывалась такая продѣлка Манасевича-Мануйлова. Въ Петроградѣ жилъ какой то французъ (фамилію я теперь забылъ), который задумалъ писать по французски цѣлую книгу о современной Россіи. Задумалъ ли онъ писать эту книгу по настоящему, или же стакнулся съ Манасевичемъ-Мануйловымъ, но такъ или иначе, а въ руки Манасевича-Мануйлова попалъ подробный конспектъ содержанія книги; оказалось, что одна глава въ ней должна быть посвящена дѣятельности Б. В. Штюрмера; когда Манасевичъ-Мануйловъ показалъ конспектъ этой главы своему принципалу, тотъ пришелъ въ большое волненіе, и находчивый секретарь предложилъ выкупить книгу, пріобрѣсти ее, такъ сказать, на корню, что, повидимому, и состоялось. Мнѣ очень хотѣлось установить, такъ ли это было и, если такъ, то откуда были взяты деньги на ныкупъ и куда онѣ пошли: французу, пополамъ ему и Манасевичу, или же одному Манасевичу.

В. Н. Середа нащупалъ и другую продѣлку обвиняемаго. Впрочемъ, я употребилъ не то слово; не продѣлка это, а чудовищное злодѣйство, и потому понятно, что я добивался выяснить нсѣ его обстоятельства. У Манасевича на содержаніи была какая то пѣвичка или что то въ этомъ родѣ. Одно лѣто она жила въ Райволѣ, не зная, что ревнивый Манасевичъ, пользуясь своими связями съ департаментомъ полиціи и жандармами, приставилъ къ ней на казенный счетъ сыщика. Жилъ тѣмъ же лѣтомъ въ Райволѣ и молодой сынъ богатаго купца (фамилію не припомню), ему понравилась пѣничка, а онъ ей, и они нмѣстѣ катались на его лошадяхъ; сыщикъ донесъ объ этомъ Манасевичу, а тотъ снова прибѣгъ къ своимъ связямъ: молодого человѣка нызвали въ петроградское охранное отдѣленіе и предъявили ему обвиненіе въ государственной измѣнѣ: поставкѣ лошадей черезъ Финляндію въ Германію (европейская нойна тогда уже началась); тотъ возражалъ, что, хотя и торгуетъ лошадьми, нъ Германію ихъ не поставлялъ; но ему было сказано, что онъ, если не хочетъ быть арестованнымъ, какъ государственный преступникъ, долженъ заянить о своей готовности поступить добровольцемъ нъ автомобильную команду и отправиться въ дѣйствующую армію; молодой человѣкъ вынужденъ былъ согласиться на это, и его угнали на фронтъ, откуда не давали отпуска въ Петроградъ: Манасевичъ обезопасилъ себя отъ соперника.

Судьба не пожелала, чтобы все это установлено было непреложно и подробно въ порядкѣ слѣдственныхъ дѣйствій: Манасевича-Мануйлова хватилъ ударъ. Я сначала подумалъ, что онъ притворяется, но и самъ В. Н. Середа, и вызванный имъ врачъ, а затѣмъ судебные эксперты удостовѣрили, что обвиняемый дѣйствительно разбитъ параличемъ; по заключенію докторовъ, Манасевичъ могъ оправиться отъ удара только при условіи заботлинаго ухода и

привычной обстановки. Я бы ни за что и тутъ не согласился выпустить обвиняемаго на свободу, если бы больница въ домѣ предварительнаго заключенія была удовлетворительна; но тюремная инспекція, особенно успѣшно боровшаяся съ прокурорскимъ надзоромъ послѣ передачи главнаго завѣдыванія тюрьмами въ министерство юстиціи, не очень заботилась о тюремныхъ больницахъ, и я по совѣсти не могъ считать больницу дома предварительнаго заключенія даже маломальски сносною. Смертной казни Манасевичу не полагалось и, какъ мнѣ ни хотѣлось вывести его и многихъ съ нимъ на чистую воду, я перешагнуть черезъ живого человѣка въ достиженіи своей цѣли, хотя бы и вполнѣ похвальной, не считалъ себя въ правѣ: убѣдившись, что экспертовъ нѣтъ основанія подозрѣвать въ заднихъ мысляхъ и что лучшей больницы въ петроградскихъ тюрьмахъ не имѣется, я пошелъ на встрѣчу предположенію В. Н. Середы освободить Манасевича подъ залогъ.

Я всегда былъ того мнѣнія, что въ вопросѣ объ арестѣ обвиняемыхъ главная роль принадлежитъ слѣдователю; я получилъ одобреніе министра, когда сообщилъ ему спѣшно по телефону о причинахъ предстоящаго освобожденія Манасевича; я зналъ и знаю, что и вторично я поступилъ бы точно также, — но я уже не сомнѣвался, что съ дѣломъ надобно спѣшить. Къ тому же выводу пришелъ и В. Н. Середа, когда Манасевичъ, какъ только къ нему вернулась рѣчь и до извѣстной степени движеніе, позволилъ себѣ намекнуть еще заплетающимся языкомъ, что Распутинъ поможетъ ему и устроитъ прекращеніе дѣла.

Мы оба отказались отъ обслѣдованія всѣхъ другихъ преступленій Манасевича-Мануйлова; Середа закончилъ слѣдствіе, какъ теперь помню, въ четвергъ; обвинительный актъ былъ уже написанъ къ тому же четвергу; въ пятницу палата утвердила обвинительный актъ, и дѣло было назначено къ слушанію съ присяжными засѣдателями въ окружномъ судѣ на слѣдующій четвергъ, 15-го декабря (ст. ст.).

А наканунѣ, въ среду, 14-го, подъ вечеръ Середа позвонилъ ко мнѣ по телефону и сообщилъ, что сейчасъ былъ у него значительно оправившійся Манасевичъ и утверждалъ, будто бы уже состоялось Высочайшее повелѣніе о прекращеніи его дѣла, о чемъ ему прислалъ телеграмму Распутинъ изъ царской ставки.

Я только что говорилъ также по телефону съ министромъ и услышалъ отъ него о передачѣ дознанія, производимаго комиссіею генерала Батюшина по дѣлу Рубинштейна, въ округъ варшавской судебной палаты. Тяжелое раздумье, которое вызвано было во мнѣ этимъ разговоромъ и о которомъ я уже разсказалъ выше, еще усилилось отъ сообщенія В. Н. Середы, но мнѣ хотѣлось успокоить себя надеждою на лживость телеграммы Распутина: вѣдь министръ только что разговаривалъ со мною и ничего не упомянулъ о Манасевичѣ, а зачѣмъ бы онъ это скрылъ?

Но на другой день утромъ для меня все разъяснилось. Къ ночи министръ дѣйствительно получилъ высочайшее повелѣніе по телеграфу въ такихъ приблизительно выраженіяхъ: «Повелѣваю прекратить дѣло Манасевича-Мануйлова, не доводя до суда. Николай». А. А. Макаровъ не счелъ возможнымъ безпрекословно исполнить навязанную государю волю Распутина и написалъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ убѣждалъ государя отказаться отъ своего распоряженія. Какъ отнесется государь къ такому поступку министра, мы оба не были въ состояніи предугадать, но понимали, что дѣло Манасевича въ тотъ день и во всякомъ случаѣ до царскаго отвѣта изъ ставки, слушаться въ судѣ

не могло. Послѣ разговора съ министромъ я спѣшно передалъ черезъ прокурора суда тому товарищу прокурора, который долженъ былъ обвинять, чтобы онъ настоялъ на отложеніи дѣла за неявкою соподсудимаго и какого то свидѣтеля, ни за что не соглашаясь ни на раздѣленіе предметовъ сужденія, ни на оглашеніе показанія, даннаго свидѣтелемъ слѣдователю. Такъ и вышло: дѣло отложили. Манасевичъ явился было на другой день за полученіемъ залога, но ему отвѣтили, что въ судѣ о прекращеніи дѣла по высочайшему повелѣнію ничего неизвѣстно и что дѣло только отложено, а потому залогъ ему возвращенъ быть еще не можетъ. Въ субботу, 17-го декабря, былъ убитъ Распутинъ. И въ этотъ день, и въ слѣдующіе три дня мнѣ пришлось неоднократно видѣться съ А. А. Макаровымъ, какъ съ министромъ юстиціи; а въ среду, 21-го, я пріѣхалъ къ нему, уже какъ къ лицу, совершенно постороннему для судебнаго вѣдомства: во вторникъ послѣдовали высочайшіе указы объ увольненіи А. А. Макарова отъ должности министра и о назначеніи управляющимъ министерствомъ юстиціи сенатора Н. А. Добровольскаго: предсказаніе Манасевича сбылось въ точности.

Когда, еще немного спустя, былъ утвержденъ въ должности министра внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопоповъ, я не могъ не подивиться живучести вліянія Распутина и шуткою переиначилъ знаменитые стихи изъ пушкинскаго «Бориса Годунова»: Тѣнь Гришкина двухъ насъ усыновила, министрами изъ гроба нарекла».

Но дѣло Манасевича вопреки его ожиданію, почти совсѣмъ оправдавшемуся, не было прекращено. При какихъ обстоятельствахъ государь взялъ назадъ свое распоряженіе, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Кто говорилъ, что отмѣна повелѣнія послѣдовала одновременно съ увольненіемъ А. А. Макарова; кто говорилъ, что Н. А. Добровольскій по указанію И. Г. Щегловитова,также выдвинутаго тогда Распутинымъ въ предсѣдатели государственнаго совѣта, докладывалъ царю о необходимости поставить дѣло Манасевича на судъ. Чей разсказъ вѣрнѣе, рѣшить трудно. Могъ, пожалуй, и Н. А. Добровольскій съ И. Г. Щегловитовымъ выступить противъ Манасевича: вѣдь Распутинъ все-жъ таки умеръ, и оба они въ новомъ его благоволеніи больше не нуждались.

Какъ бы ни было, Манасевичъ судился незадолго до революціи, уже въ февралѣ 1917 г. Присяжные засѣдатели его обвинили. Но приговоръ еще не былъ обращенъ къ исполненію и даже, кажется, не вошелъ въ законную силу, когда толпа выпустила изъ дома предварительнаго заключенія всѣхъ арестантовъ, въ томъ числѣ и Манасевича.

4. ДѢЛО ОБЪ УБІЙСТВѢ РАСПУТИНА

17 декабря ст. ст. 1916 г., въ субботу, рано утромъ, меня разбудилъ звонокъ телефона, который на ночь всегда былъ мною переносимъ къ изголовью кровати.

Голосъ О. О. фонъ-Нандельштедта, прокурора петроградскаго окружного суда, обыкновенно ровный и увѣренный, звучалъ теперь въ трубку возбужденно. Прокуроръ суда сообщалъ, что въ эту ночь, по всей видимости, убитъ Распутинъ и что убійство, кажется, произошло во дворцѣ князя Юсупова на Мойкѣ у Поцѣлуева моста.

Вѣстникомъ гибели Распутина былъ городовой, по фамиліи, помнится мнѣ, Власюкъ. Онъ стоялъ ночью на посту въ одномъ изъ переулковъ, недалеко отъ того мѣста набережной, гдѣ находится дворецъ кн. Юсупова, какъ вдругъ съ Мойки послышалось два выстрѣла, одинъ за другимъ. Власюкъ пошелъ въ ту

сторону, откуда они раздались, и вышелъ къ рѣкѣ, противъ реформатской церкви. Стоявшій у церкви, на другомъ берегу, городовой сказалъ Власюку, что стрѣляли около Юсуповскаго дворца.

Для читателей, незнакомыхъ съ мѣстностью, дѣлаю краткое поясненіе: дворецъ кн. Юсупова расположенъ на самой набережной, а рядомъ съ нимъ дворъ сосѣда съ рѣшеткой вмѣсто забора: на этотъ дворъ выходитъ изъ княжескаго кабинета особая дверь, сдѣланная когда-то, вѣроятно, съ болѣе мирными цѣлями, чѣмъ тѣ, для которыхъ была использована въ эту зимнюю ночь.

Власюкъ, приблизившись къ дворцу, увидѣлъ за рѣшеткою свѣтъ фонаря и тѣни людей. Войдя на дворъ, онъ разглядѣлъ въ двухъ бывшихъ тамъ человѣческихъ фигурахъ молодого князя Юсупова, породнившагося съ царствующимъ домомъ, и стараго княжескаго дворецкаго. Князь встрѣтилъ исполнительнаго блюстителя благочинія и безопасности непривѣтливо и заявилъ, что дѣлать городовому тутъ нечего: просто великій князь Дмитрій Павловича, уѣзжая къ себѣ домой, убилъ собаку.

Петербургъ, и ставъ Петроградомъ, былъ хорошей школою для городовыхъ: они отлично знали удѣльный вѣсъ обывателей и ясно понимали, какъ съ кѣмъ нужно себя держать. Власюкъ сдѣлалъ подъ козырекъ и немедленно отправился обратно на свой постъ. Тѣмъ бы дѣло на эту ночь и кончилось, но, нѣсколько минутъ спустя, въ Власюку подошелъ дворецкій, стоявшій только что съ княземъ во дворѣ, и позвалъ совсѣмъ было успокоившагося городового во дворецъ, говоря, что его зоветъ туда князь.

Власюка впустили въ кабинетъ черезъ боковую дверь со двора. За столомъ стоялъ князь Юсуповъ, а съ боку стола сидѣлъ неизвѣстный городовому господинъ, бывшій какъ сейчасъ же распозналъ опытный глазъ столичнаго полицейскаго, въ формѣ гражданскаго чиновника военнаго вѣдомства съ погонами дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Замѣтилъ городовой и то, что господинъ былъ въ состояніи значительнаго опьянѣнія. Юсуповъ молчалъ, а говорилъ незнакомецъ. Разговоръ былъ выразителенъ и недологъ. Власюкъ передавалъ его приблизительно такъ:

— Знаешь меня?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Я членъ государственной думы — Пуришкевичъ. Слышалъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

Затѣмъ послѣдовали такіе короткіе вопросы, знаетъ ли городовой, кто Распутинъ, любитъ ли городовой родину, и чтитъ ли царя. Власюкъ на нихъ далъ утвердительные отвѣты.

Тогда назвавшійся Пуришкевичемъ сказалъ:

— Такъ, знай же, что этой ночью Распутина не стало. Теперь ступай на свое мѣсто и забудь, что я тебѣ сказалъ; если любишь царя и родину, то долженъ объ этомъ молчать.

И опять отправился Власюкъ на свой постъ. И стоялъ на посту, раздумывая, какъ ему быть. Ретивый служака, онъ былъ смущенъ приказаніемъ Пуришкевича; какъ же молчать если случилось такое исключительное происшествіе? А пока Власюкъ терзался сомнѣніями, уже стала ночь сѣрѣть, и мимо поста, торопясь куда то, прошелъ знакомый агентъ сыскного отдѣленія. Городовой не выдержалъ гнета повѣренной ему тайны и обратился къ сыщику за совѣтомъ, какъ поступить.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ я и былъ разбуженъ звонкомъ телефона. Узнавъ отъ прокурора суда (конечно, вкратцѣ) содержаніе разсказа Власюка и получивъ на свой вопросъ отвѣтъ, что Распутинъ уѣхалъ изъ дому въ часъ ночи, назадъ не вернулся, я немедленно избралъ для производства предварительнаго по дѣлу слѣдствія В. Н. Середу, который положительно мнѣ нравился своей спокойной самостоятельностью и большою любовью къ слѣдовательской работѣ, выполняемой имъ чисто по судейски. Путемъ телефонныхъ переговоровъ было условлено, что В. Н. Середа съ фонъ-Нандельштедтомъ тотчасъ же выѣзжаютъ на мѣсто предполагаемаго преступленія, захвативъ съ собой начальника сыскного отдѣленія, и главное вниманіе обращаютъ на слѣды, которые могли остаться отъ убійцъ или убитаго; въ частности, мы рѣшили непремѣнно взять крови, если она была пролита и еще не замыта, потому что, въ виду ссылки князя Юсупова на какую то убитую собаку, представлялось существенно важнымъ прибѣгнуть къ способу Уленгута для опредѣленія, чья же именно это кровь: дѣйствительно собаки или человѣка.

Затѣмъ уже я позвонилъ къ министру. Услыхавъ отъ меня въ чемъ дѣло, А. А. Макаровъ рѣшительно заявилъ, что не одобряетъ моихъ распоряженій: «вы подумайте, говорилъ онъ мнѣ, — въ какомъ смѣшномъ положеніи окажемся мы, если выяснится, что Распутинъ живъ и гдѣ нибудь у цыганокъ, а мы потревожили важнѣйшаго слѣдователя изъ за собаки». Въ заключеніе министръ попросилъ меня взять назадъ мое предложеніе о приступѣ къ предварительному слѣдствію и пока ограничиться производствомъ дознанія. Я бы многое могъ возразить А. А. Макарову, но предпочелъ подчиниться. Звоня вслѣдъ затѣмъ въ сыскную полицію и прося розыскать В. Н. Середу и передать ему, чтобы онъ нашелъ по близости отъ мѣста, гдѣ производитъ слѣдственныя дѣйствія, укромный телефонъ для переговоровъ со мною, я понималъ, что допускаю грубую ошибку въ качествѣ лица обязаннаго не медлить съ раскрытіемъ преступленія, но малодушно оправдывалъ себя распоряженіемъ министра, съ которымъ, однако, и не попытался вступить въ споръ. Дѣло заключалось въ томъ, что распоряженія мои, опороченныя министромъ, были отданы только по профессіональному, такъ сказать, навыку, по глубоко въѣвшейся въ меня привычкѣ поступать такимъ образомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ; но самъ я, еще уговариваясь съ прокуроромъ суда и слѣдователемъ, чувствовалъ къ удивленію своему, что меня впервые въ жизни не коробитъ отъ убійства.

Долженъ тутъ же дать необходимыя объясненія. Вопреки Льву Толстому я исповѣдую, что насиліе не возбранено даже евангельскимъ ученіемъ. Мало того, — я смѣю утверждать, что евангеліе обѣщаетъ прощеніе за самое преступное насиліе, если оно совершено во имя великой любви, то есть ради такой цѣли, которая вполнѣ чужда личныхъ выгодъ рѣшившагося на преступленіе и окружена для него сіяніемъ святости*. И въ этомъ сужденіи моемъ нѣтъ ничего противнаго духу Христову: я не о самодовольныхъ преступникахъ говорю,

* Я опираюсь на нѣсколько торжественныхъ мѣстъ въ четвероевангеліи, которыя и привожу здѣсь въ церковнославянскомъ переводѣ.

«Обрѣтый душу свою погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю» (Мѳ., X, 39). «Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю; и иже аще погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю» (Мѳ., XVI, 25). «Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю» (Мр., VIII, 35). «Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю; а иже погубитъ думу свою Мене ради, сей спасетъ ю» (Лк. IX, 24). «Иже аще взыщетъ душу свою спасти, погубитъ ю; и иже аще погубитъ ю, живитъ ю» (Лк., XVII, 33).

а настаиваю лишь на томъ, что, по смыслу несомнѣнныхъ словъ великаго учителя, надо выше ставить не душевную незапятанность грѣхомъ, но святую цѣль и потому для нея жертвовать душою, именно душою, а не одною земною жизнью.

Отправляясь отъ такого пониманія евангельскихъ предписаній, я бы, конечно, не могъ удивиться, ощутивъ, что оправдываю убійцъ Распутина, если бы налицо были два, по мнѣ, совершенно необходимыхъ условія: если бы я могъ думать, что смерть Распутина неизбѣжна для спасенія Россіи, и если бы я удостовѣрился, что убійцы не дышатъ самодовольствомъ, а въ сознаніи своего грѣха идутъ навстрѣчу отвѣтственности. Но въ томъ то и дѣло, что ни одного изъ этихъ условій не было. Во первыхъ, развѣ только Распутинъ являлся виновникомъ русскихъ золъ? Было бы болото, а черти будутъ; болоту же нашему и притомъ въ обѣ стороны, вправо и влѣво, я конца не видѣлъ. Съ Распутинымъ при его жизни пытались бороться по настоящему лишь единицы, а сотни заранѣе склоняли покорно передъ нимъ голову, хотя борьба (пусть бы сначала всего въ предѣлахъ отказовъ въ отвѣтъ на его незаконныя домогательства) была, повидимому, не такъ уже безнадежна*. Переиначивая слова Тургенева, я уже тогда твердилъ: житье наглецу между трусами. И не могъ я сомнѣваться, что Распутина легко замѣнить въ самомъ непродолжительномъ времени, такъ какъ въ желающихъ распутинствовать недостатка не будетъ: не даромъ вслѣдъ за смертью временщика всѣ въ Петроградѣ на разные лады обсуждали извѣстіе, что А. Д. Протопоповъ уже поставилъ свою кандидатуру, кощунственно притворившись, будто увидѣлъ между государемъ и государыней ликъ Христа. Во вторыхъ, убійцы не явились съ повинною, какъ-бы, по моему убѣжденію,

---

Обычно эти стихи синоптиковъ толкуютъ такъ, что произвольно слово «душа» замѣняютъ словомъ «жизнь». Въ русскомъ переводѣ евангелія есть даже попытки поставить вмѣсто «погубить» глаголъ «потерять», а вмѣсто «спасти» глаголъ «сберечь», что, однако, совсѣмъ не оправдывается греческимъ подлинникомъ.

Въ частности невозможность разумѣть «жизнь» вмѣсто «души» уясняется, по крайнему моему пониманію, съ несомнѣнностью изъ соотвѣтствующаго мѣста въ евангеліи отъ Іоанна:

«Любяй душу свою погубить ю и ненавидяй души своея въ мірѣ семъ въ животъ вѣчный сохранить ю» (XII, 25).

Здѣсь уже душа (ψυχή) явно отличена отъ жизни (ξωή).

Я давно сталъ толковать эти великія слова Іисуса Христа, ничего въ нихъ не измѣняя, а тогда они могутъ значить только слѣдующее: если для выполненія твоихъ обязанностей, признаваемыхъ тобою высокими, тебѣ нѣтъ другого исхода, какъ взять на душу грѣхъ, не дорожи своей душевной чистотою, какъ бы совершенна она ни была и какими бы усиліями ты ие достигъ ея, а губи свою душу съ полнымъ сознаніемъ всей тяжести принимаемаго на себя грѣха, и тебя нравственныя муки твои и то добро, которое принесло твое самопожертвованіе, оправдаютъ передъ высшимъ судомъ.

* Сошлюсь на свой личный опытъ. Распутинъ настаивалъ на переводѣ въ Петроградъ одного провинціальнаго товарища прокурора. Я не исполнилъ желанія Распутина и даже добился того, что этотъ товарищъ прокурора вовсе оставилъ службу по судебному вѣдомству. А смерть старца застала меня все въ той же должности прокурора палаты. — Судебный слѣдователь Машкевичъ, по моему совѣту, отказался ѣхать къ Распутину, когда тотъ вызывалъ его, желая говорить съ нимъ объ одномъ слѣдствіи, а все же благополучно продолжалъ занимать слѣдовательское мѣсто. — Тѣмъ болѣе, могли бороться министры. Трехъ такихъ я знаю: С. Д. Сазоновъ А. А. Хвостовъ и А. А. Макаровъ. Говорятъ, что къ ихъ числу долженъ быть отнесенъ и А. Н. Наумовъ. О другихъ и такого отзыва не слышалъ, хотя думаю, что и гр. П. Н. Игнатьевъ былъ безупреченъ. За то, сколько находилось людей, которые рабски угождали Распутину, цѣплялись за него, и покупали свое служебное благополучіе цѣною самопродажи, не допуская и вопроса, не слишкомъ ли они идутъ навстрѣчу этому хитрому и смышленному мужику.

слѣдовало людямъ, принявшимъ на себя, хотя бы и ради великой цѣли, тяжкій грѣхъ, а таились подобно заурядным преступникамъ изъ личныхъ счетовъ и были обнаружены лишь вслѣдствіе неосторожности черезчуръ самоувѣреннаго Пуришкевича.

Все это мѣшало мнѣ оправдывать убійство и убійцъ, а тѣмъ не менѣе, я не только не осуждалъ преступниковъ, но положительно былъ доволенъ, что Распутина убили. Конечно, для меня несомнѣнно, что не судья (и не прокуроръ, у котораго нѣтъ иного подхода къ дѣлу, кромѣ судейскаго), а только «дьякъ . . . спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва». Для судьи же (и для прокурора) нравственная оцѣнка поступковъ обязательна. Но какая уже тутъ нравственная оцѣнка, когда человѣкъ, не смѣя оправдывать преступленіе, радуется ему? Нѣтъ, — я и самъ не замѣтилъ, какъ далъ доступъ въ свою душу глухой враждѣ лично къ Распутину, такъ что и въ мертвомъ не умѣлъ увидѣть человѣка, а продолжалъ видѣть въ немъ врага всего того, что по моему, было необходимо для блага родины. Распоряженіе министра съ меня моей вины не снимало: кто удовлетворенъ убійствомъ, тотъ самъ убійца, а потому я ни въ прокуроры ни въ судьи по распутинскому дѣлу не годился и былъ обязанъ о томъ немедленно заявить министру, а я этого не сдѣлалъ и даже поспѣшилъ безпрекословно выполнить его волю, въ ошибочности которой ни минуты не сомнѣвался.

Правда, говоря затѣмъ съ В. Н. Середою и Ѳ. Ѳ. Нандельштедтомъ по телефону, я просилъ прокурора суда разспросить всѣхъ, кого только было можно, а узнавъ, что снѣгъ во дворѣ около рѣшетки обильно залитъ кровью, одобрилъ намѣреніе слѣдователя все таки произвести экспертизу, чтобы выяснить, чья же это кровь, но тутъ снова сказалась только привычка, вторая натура, — да и что значили дознаніе и изслѣдованіе крови, когда настоятельно нужны были немедленные допросы самихъ заподозрѣнныхъ и мѣстный осмотръ въ порядкѣ слѣдственныхъ дѣйствій?

Значительно позже уже послѣ полудня, кто-то мнѣ передалъ что кн. Юсуповъ желаетъ видѣться со мною или съ прокуроромъ суда. Кто именно сообщилъ, не помню: только не самъ князь. Тогда же я узналъ, что онъ уже былъ у градоначальника. Я рѣшилъ ничего болѣе не предпринимать безъ вѣдома министра и вновь позвонилъ къ нему. Я не ошибся: министръ просилъ меня раньше повидаться съ нимъ, назначивъ мнѣ быть у него около пяти часовъ дня, а потомъ уже принять кн. Юсупова. Уклонившись поэтому отъ свиданія съ княземъ, я сговорился съ прокуроромъ суда, что онъ, закончивъ дневную работу по дознанію, заѣдетъ за мною, и мы оба отправимся къ министру.

Когда мы вошли въ билліардную, которая въ казенной квартирѣ министра юстиціи служила пріемной, будучи расположена передъ дверьми большого министерскаго кабинета, тамъ нервно шагалъ изъ угла въ уголъ молодой военный, въ которомъ я по Сѣровскому портрету тотчасъ призналъ кн. Юсупова. Услышавъ, какъ я говорилъ курьеру, чтобы министру было доложено о прибытіи прокуроровъ палаты и суда, кн. Юсуповъ направился ко мнѣ и, глядя на меня возбужденными глазами, горѣвшими на поразительно блѣдномъ лицѣ, произнесъ (голосомъ онъ владѣлъ вполнѣ):

— Мы съ вами, видимо, по одному дѣлу. Позвольте представиться: князь Юсуповъ.

Называя себя въ отвѣтъ и знакомя съ нимъ прокурора суда, я не могъ не чувствовать крайняго удивленія: рѣчь спокойная, а выдаетъ себя всѣмъ

поведеніемъ. Сталъ ли бы онъ метаться по властямъ, для него такимъ мелкимъ, ничтожнымъ, если бы ничего за собою не зналъ? Могъ ли бы онъ, будучи непричастнымъ преступленію, обмолвиться словомъ «представиться», обращаясь къ какому-то прокурору палаты?

Сущность объясненій, данныхъ кн. Юсуповымъ министру, сводится къ слѣдующему:

Кн. Юсуповъ пораженъ и взволнованъ, что его заподозрили въ убійствѣ Распутина, котораго онъ эту ночь и не видѣлъ. У него во дворцѣ вчера собрались нѣсколько знакомыхъ; дамъ онъ не хотѣлъ бы назвать, а изъ мужчинъ были Пуришкевичъ и великій князь Дмитрій Павловичъ. Ночью звонилъ во дворецъ по телефону Распутинъ и звалъ кн. Юсупова къ цыганкамъ, но онъ не могъ покинуть гостей и отказался, чѣмъ разсердилъ Распутина. Великій князь уѣзжая домой, застрѣлилъ на дворѣ собаку, и этотъ выстрѣлъ услышалъ городовой. — Каковъ былъ въ передачѣ кн. Юсупова разговоръ городового съ Пуришкевичемъ, я, къ сожалѣнію, совершенно не помню.

Послѣ того, какъ кн. Юсуповъ удалился, министръ рѣшительно объявилъ мнѣ, что онъ безоговорочно вѣритъ «молодому человѣку». И тутъ я не нашелъ въ себѣ силы возражать, хотя, ни на волосъ «молодому человѣку» не вѣрилъ; но лихо бѣды начало, а тамъ ужъ само катится.

Если не ошибаюсь, прокуроръ суда тогда же сообщилъ, что какая то собака дѣйствительно убита: окоченѣлый собачій трупъ былъ извлеченъ изъ подъ снѣга въ саду дворца, чтобы свидѣтельствовать о правдѣ словъ кн. Юсупова. Но къ ночи выяснилось, что собака была совершенно напрасно принесена въ жертву сокрытія слѣдовъ преступленія. В. Н. Середа извѣстилъ меня приблизительно въ полночь, что взятая имъ кровь по изслѣдованіи оказалась человѣческою. Я не замедлилъ это передать министру по телефону. Тотъ выразилъ свое недоумѣніе: — какъ же можно узнать, что кровь, именно, человѣческая, а не вообще какого либо млекопитающагося? А. А. Макаровъ не былъ ни слѣдователемъ, ни товарищемъ прокурора, но прокуроромъ суда состоялъ последовательно въ Ревелѣ, Нижнемъ Новгородѣ и Москвѣ. Способъ Уленгута, усовершенствованный Туфановымъ въ Кіевѣ, остался министру неизвѣстнымъ, какъ открытый уже послѣ его выбытія изъ рядовъ прокуратуры первой инстанціи. Я разсказалъ вкратцѣ про этотъ способъ и неожиданно услышалъ въ телефонъ вырвавшееся изъ глубины души восклицаніе министра:

— Вотъ, непріятно, что такой способъ открытъ!

Вѣроятно, не одинъ читатель улыбнулся этимъ словамъ, но мнѣ было не до улыбки: я тутъ только понялъ, что и министръ, несмотря на строгій свой формализмъ, также доволенъ убійствомъ Распутина, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ я. И я сейчасъ же почувствовалъ, какъ сердца моего коснулись холодныя руки страха за ближайшее уже будущее: въ то время, когда Россія была на крутомъ откосѣ войны, царь, а съ нимъ вмѣстѣ и весь государственный укладъ въ моемъ представленіи лишался всякой опоры, оказывался какъ бы висящимъ безпомощно въ воздухѣ, если даже великіе князья въ лицѣ Дмитрія Павловича и несомнѣнно праваго устремленія сановники въ лицѣ Макарова фактически или мысленно были участниками преступленія, смыслъ котораго сводился къ протесту противъ линіи царскаго поведенія.

Слѣдующее утро опять разбудило меня телефоннымъ звонкомъ: трупъ Распутина былъ обнаруженъ подо льдомъ Невы у береговъ Петровскаго острова. Если судебныя власти бездѣйствовали, то не дремалъ Протопоповъ: стараясь

заслужить благорасположеніе императрицы, онъ, по собственнымъ его словамъ, какъ мнѣ передалъ ихъ В. А. Бальцъ, бывшій тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, приказалъ полиціи обшарить все дно Невы и залива, «хотя бы до самаго Кронштадта». Такое приказаніе объясняется тѣмъ, что убійцы не умѣли молчать, и уже въ субботу по городу расползлись слухи, будто Распутина спустили ночью въ какую-то прорубь. Нашелъ трупъ опять таки простой городовой: на мосту между Петровскимъ и Крестовскимъ островами онъ увидѣлъ слѣды крови, а подъ мостомъ, у края значительной по размѣрамъ полыньи, лежала зимняя высокая калоша; городовой отправился берегомъ Петровскаго острова внизъ по теченію и въ шагахъ ста отъ полыньи замѣтилъ подо льдомъ, съ поверхности котораго снѣгъ былъ сдунутъ вѣтромъ, какое-то большое черное пятно: этимъ пятномъ и оказался Распутинъ въ шубѣ и объ одной калошѣ, застрявшій на отмели.

Я не сталъ будить министра и немедленно условился съ В. Н. Середою что онъ, не возобновляя слѣдствія о смерти Распутина, тотчасъ же приступить къ новому слѣдствію объ убійствѣ неизвѣстнаго судебнымъ властямъ лица, трупъ котораго только что извлеченъ изъ рѣки и лежитъ на берегу Петровскаго острова. А тамъ — само собой дѣло дойдетъ вновь до дворца кн. Юсупова.

В. Н. Середа такъ и поступилъ. И ему, и мнѣ представлялось мало вѣроятнымъ, чтобы изъ Царскаго села не потребовали распутинскаго тѣла. Поэтому мы договорились вывезти тѣло изъ Петрограда и помѣстить его въ пріемный покой военной богадѣльни (названіе ея позабылъ), на пути какъ разъ къ Царскому: намъ казалось, что тамъ достаточно укромное мѣсто и не сразу станетъ извѣстно, гдѣ лежитъ убитый Распутинъ, а тѣмъ временемъ судебное вскрытіе будетъ произведено.

Съ министромъ я увидѣлся уже около полудня: онъ вызвалъ меня къ себѣ, а затѣмъ мы въ его автомобилѣ съ Итальянской направились вдвоемъ къ дворцу кн. Юсупова и оттуда черезъ Поцѣлуевъ, Николаевскій и Тучковъ мосты къ тому мѣсту, гдѣ былъ найденъ трупъ Распутина. Министру почему то хотѣлось узнать, какъ быстро можно было довезти убитаго изъ дворца до полыньи между Крестовскимъ и Петровскимъ островами. Мы днемъ проѣхали это разстояніе безъ малаго въ четверть часа; очевидно, что ночью, когда улицы пустынны, переѣздъ долженъ былъ взять еще меньше времени. Дорогою, я признался министру, что и самъ не подозрѣвалъ, насколько велика была моя непріязнь къ старцу. И А. А. Макаровъ на это мнѣ отвѣтилъ:

— Вы не были министромъ, и потому не могли испытывать къ нему такую ненависть, какъ я и всѣ тѣ министры, которые не хотѣли ему кланяться.

Было воскресенье, но министръ торопился въ засѣданіе совѣта министровъ, которое должно было происходить на Фонтанкѣ, въ квартирѣ А. Ѳ. Трепова, бывшаго тогда первымъ министромъ. Я вышелъ изъ автомобиля А. А. Макарова у дома Кшесинской, прославленнаго впослѣдствіи Ленинымъ и его приспѣшниками. Прощаясь, министръ сказалъ, чтобы я звонилъ къ Трепову, если случится что либо, требующее срочныхъ распоряженій.

И я дѣйствительно позвонилъ. Оказалось, что Протопоповъ поручилъ генералу Попову производить разслѣдованіе по дѣлу объ убійствѣ Распутина, и Поповъ, допрашивая свидѣтелей, мѣшалъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ Середы. Я сознавалъ за Макаровымъ и за собою грѣхъ промедленія, допущеннаго наканунѣ, но теперь слѣдователь работалъ, и по закону никакихъ параллельныхъ слѣдствію дознаній, кромѣ производимыхъ по порученію слѣдователя, быть не

могло, а тѣмъ болѣе такихъ дознаній, которыя бы затрудняли ходъ слѣдствія. Я добился соединенія съ квартирою А. Ѳ. Трепова и переговорилъ съ Макаровымъ и бывшимъ въ засѣданіи за своего министра Бальцемъ. Бальцъ тогда же распорядился, чтобы Поповъ прекратилъ допросы и на дорогѣ Середы не становился, за что выдержалъ непріятное объясненіе съ своимъ министромъ, не первое и не послѣднее; у Протопопова къ Бальцу были странныя отношенія: ни въ чемъ они не сходились, а отпустить Бальца въ сенатъ, куда тотъ стремился, Протопоповъ долго не соглашался изъ какого-то непонятнаго упорства.

Вскрытіе тѣла могло быть произведено только въ ночь на среду: трупъ, пролежавши, послѣ извлеченія изъ воды, нѣсколько часовъ на морозномъ воздухѣ, такъ замерзъ, что не оттаялъ раньше, хотя подъ конецъ температура комнаты, гдѣ онъ находился, и была доведена до $+20^{0}$ R. Откладывать вскрытіе на утро мы не рѣшились: наканунѣ ночью въ пріемный покой богадѣльни пріѣхала какая то дама въ одеждѣ сестры милосердія и долго сидѣла, глядя молча на убитаго. Я и до сихъ поръ не знаю, была ли то императрица, но Середѣ, какъ и мнѣ, стало ясно, что во всякомъ случаѣ, кто бы это ни былъ, послѣдствія такого посѣщенія не могутъ не сказаться скоро. Такъ и вышло: утромъ, въ среду, едва успѣли трупъ зашить, явились посланные за нимъ изъ Царскаго, куда его и отвезли тогда же. Тамъ Распутинъ и былъ погребенъ; тамъ онъ и лежалъ, пока революція не потревожила его останковъ; у А. Ѳ. Керенскаго въ служебномъ кабинетѣ я видѣлъ своеобразный протоколъ, составленный добровольцами революціоннаго движенія, расходовавшими свою энергію на явные пустяки: протоколъ этотъ удостовѣрялъ, что Гришка Второй былъ вырытъ и сожженъ, какъ и Гришка Первый въ оны годы, также передъ началомъ длительной русской смуты.

Спустя около двухъ лѣтъ въ гетманскомъ Кіевѣ, уже ютясь на чужой квартирѣ, я какъ то ночью прочелъ книжку В. М. Пуришкевича объ убійствѣ Распутина. Отнюдь не думая утверждать, будто медицинская экспертиза не можетъ ошибаться, я только отмѣчу здѣсь, что разсказъ Пуришкевича не совпадаетъ съ выводами экспертовъ. Врачи, производившіе судебное вскрытіе, пришли къ заключенію, что Распутину были нанесены три смертельныя раны: въ почки, въ печень и въ мозгъ; по мнѣнію вскрывавшихъ, послѣ первой раны Распутинъ не могъ жить болѣе 20 минутъ, а всѣ три были прижизненныя, слѣдовательно третья должна была послѣдовать за первою въ промежутокъ времени самое большее около четверти часа, что находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ повѣствованіемъ Пуришкевича. Если эксперты правы, тогда приходится думать, что убійство произошло такъ: первый выстрѣлъ былъ произведенъ въ Распутина спереди, когда онъ стоялъ въ кабинетѣ кн. Юсупова; раненый Распутинъ повернулся и выбѣжалъ во дворъ черезъ боковую дверь, о которой я уже упомянулъ; вслѣдъ ему былъ данъ второй выстрѣлъ, ранившій его сзади; Распутинъ имѣлъ, однако, достаточно силы, чтобы добѣжать до рѣшетки, но тамъ, повидимому, упалъ, и тогда кто-то подошелъ къ нему и покончилъ съ нимъ выстрѣломъ въ затылокъ. Два вторыхъ выстрѣла, произведенныхъ на дворѣ, и слышалъ городовой Власюкъ. А кровь, взятая Середою, окрасила собою снѣгъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ Распутинъ.

Въ ближайшіе вслѣдъ за убійствомъ дни по Петрограду ходили толки, что Дмитрій Павловичъ не стрѣлялъ, а убитъ Распутинъ былъ княземъ Юсуповымъ и Пуришкевичемъ: второй выстрѣлъ произвелъ Юсуповъ, а первый и третій Пуришкевичъ.

Такъ ли все это было въ дѣйствительности или иначе, для меня темно: допущенное мною промедленіе сказалось на ходѣ и успѣшности слѣдствія и не могло не сказаться; что начало криво расти, то не выпрямится: quod ab initio vitiosum est tractu temporis convalescere non potest. И мѣстный осмотръ засталъ уже прибранный кабинетъ, и свидѣтели да и обвиняемые поразъѣхались: Пуришкевичъ отправился на фронтъ, Юсупову высочайше повелѣно было поселиться временно въ Курскомъ имѣніи, дочери Распутина поѣхали къ сэбѣ на родину, въ Тобольскую губернію.

Помню, что слѣдствіемъ все же скоро было установлено два факта: кн. Юсуповъ, прежде относившійся къ Распутину брезгливо-высокомѣрно и усиленно избѣгавшій встрѣчъ съ нимъ, въ послѣднее время измѣнилъ свое поведеніе, сблизился со старцемъ и сталъ довольно часто бывать у него, а также сопровождать его въ поѣздкахъ, ничего общаго не имѣвшихъ ни съ дѣловыми, ни съ религіозными. И второй фактъ: въ ночь убійства, не позже часа, за Распутинымъ, только что откуда то явившимся домой, заѣхалъ на автомобилѣ въ одеждѣ шоффера кн. Юсуповъ и увезъ его съ собою, но не прямо къ себѣ, потому что убитъ Распутинъ былъ часа два спустя, а убили его, повидимому, едва лишь онъ появился въ княжескомъ дворцѣ.

Я наблюдалъ за слѣдствіемъ по распутинскому дѣлу, короткое время: А. А. Макаровъ, какъ я уже сказалъ, былъ уволенъ отъ должности министра юстиціи именнымъ указомъ 20 декабря, а при новомъ министрѣ я и мѣсяца не остался прокуроромъ палаты. Хотя Н. А. Добровольскій внѣшне относился ко мнѣ вполнѣ хорошо, но для насъ обоихъ было ясно, что мы тяготимъ другъ друга. И когда онъ предложилъ мнѣ вопросъ, не чувствую ли я усталости и потребности болѣе въ кабинетной работѣ, я съ радостью отвѣтилъ утвердительно.

До этого, однако, произошли въ связи съ убійствомъ Распутина два событія, задѣвшія и меня.

На Распутинѣ, когда его извлекли изъ воды, была надѣта голубая шелковая рубашка съ вышитыми золотыми колосьями: на шеѣ у него висѣлъ натѣльный большого размѣра крестъ съ надписью сзади: «спаси и сохрани», а на рукѣ оказался браслетъ изъ золота и платины съ застежкою, на одной сторонѣ которой изображенъ былъ двуглавый орелъ, а на другой — буква Н съ римскою цифрою II. Значительная часть рубашки залита была кровью, которая скоро начала разлагаться и заражать воздухъ слѣдовательской камеры зловоніемъ. Вещи эти были пріобщены къ слѣдственному производству. И вотъ императрица пожелала ихъ получить. Желаніе императрицы передалъ мнѣ новый управляющій министерствомъ юстиціи (сенаторъ Н. А. Добровольскій не былъ облеченъ званіемъ министра). Такъ какъ значенія вещественныхъ доказательствъ эти предметы не имѣли, то я отвѣтилъ своему начальнику, что отъ него зависитъ выполнить волю государыни, но слѣдователь, насколько я могу говорить за него, согласится выдать ихъ не иначе, какъ подъ расписку самаго Н. А. Добровольскаго. Такъ и было сдѣлано. Вскорѣ до меня дошли слухи, будто императрица стала возлагать рубашку Распутина на больныхъ офицеровъ въ лазаретахъ; тогда же говорили, что одинъ офицеръ рѣшительно отказался облечься въ эту реликвію, но только одинъ.

Вторымъ событіемъ, которое своимъ краемъ коснулось и меня, было обращенное къ государю ходатайство одиннадцати великихъ князей о прекращеніи слѣдственнаго дѣла, начатаго по поводу смерти Распутина. Я уже говорилъ, что русскій императоръ, по мнѣнію моему, не могъ законно прекращать уголов-

ныя преслѣдованія, такъ какъ Александръ II изданіемъ судебныхъ уставовъ 1864 года ограничилъ себя и своихъ преемниковъ въ области суда, сохранивъ за верховною властью лишь право помилованія; тѣмъ болѣе звучала странно просьба объ свобожденіи отъ суда лицъ, ни въ чемъ не сознающихся и даже еще не привлеченныхъ къ слѣдствію. И тѣмъ не менѣе, я чувствовалъ, что сердцемъ я всецѣло на сторонѣ просившихъ: если государь прекратилъ только что дѣло Манасевича-Мануйлова (я тогда еще не зналъ объ отмѣнѣ этого прекращенія), если государь и не думалъ отказываться на будущее время отъ подобнаго рода нарушеній законнаго порядка (вскорѣ онъ прекратилъ еще одно дѣло, по настоянію уже потерпѣвшаго, смертельно боявшагося, что гласность суда станетъ невыгодною болѣе для него самаго, чѣмъ для подсудимой), — то всего справедливѣе, казалось бы, предать забвенію дѣло о такомъ преступленіи, которое вызывало къ себѣ, пусть неосновательное, но все же большое и живое сочувствіе далеко не во мнѣ одномъ. Царь разсудилъ иначе и на прошеніи великихъ князей положилъ извѣстную резолюцію объ отказѣ въ ходатайствѣ, резолюцію рѣшительную и, на мой взглядъ, рѣзкую. Помню, какъ меня взволновала эта резолюція; взволновала не за убійцъ Распутина, и не за великихъ князей, а за самаго государя или, вѣрнѣе, за сохраненіе въ странѣ, хоть и расхлябаннаго, но все же привычнаго державшагося порядка правленія, о крушеніи котораго въ условіяхъ военнаго времени, мнѣ и помыслить было жутко. Я не могъ подавить въ душѣ опасенія, что государь отталкиваетъ отъ себя даже великихъ князей. Рядиться въ одежды пророка заднимъ числомъ легко, но у меня есть свидѣтели: я думаю, что нѣсколько человѣкъ должны помнить, какъ я тогда же, въ профессорской лицея (я преподавалъ въ лицеѣ гражданское право), не справившись съ охватившимъ меня волненіемъ, сказалъ, что царствованіе государя близится къ концу, а цесаревичъ царствовать не будетъ. Не хочу преувеличивать моего предвидѣнія: и тогда мнѣ казалось, что отъ революціонной вспышки меня отдѣляютъ не недѣли, а мѣсяцы; послѣ же я еще менѣе готовъ былъ увидѣть революцію въ серединѣ великаго поста; но въ то время мнѣ чудилось, что невыносимо натянутое положеніе должно неминуемо разрѣшиться, и очень скоро, дворцовымъ переворотомъ; для меня и это представлялось страшнымъ; я боялся этого желать, но разсуждалъ такъ: въ убійствѣ Распутина участвовали круги, очень близкіе къ престолу; не можетъ быть, чтобы они не имѣли опредѣленной программы дѣйствія на случай, если государь не одобритъ ихъ поступка; а въ такомъ случаѣ у нихъ уже обдуманъ переворотъ и готовъ новый императоръ.

Поэтому понятно то напряженное любопытство, съ которымъ я въ декабрѣ посѣтилъ великихъ князей Николая и Александра Михайловичей. Великій князь Николай Михайловичъ пригласилъ меня къ себѣ черезъ посредство сенатора А. В. Степанова, а приглашеніе брата передалъ мнѣ уже лично самъ. Я понималъ, что великіе князья, не добившись прекращенія дѣла, хотятъ, такъ сказать, пощупать того, кто имъ кажется главнымъ распорядителемъ судьбы заподозрѣнныхъ, но ждалъ отъ разговора съ великими князьями большаго. Николай Михайловичъ принялъ меня проще (и потомъ говорилъ еще по телефону), Александръ Михайловичъ — натянутѣе. Первый болѣе интересовался отвѣтственностью Димитрія Павловича, второй — отвѣтственностью кн. Юсупова. Должно быть, они очень успокоились, узнавъ, что слѣдствіе движется черепашьимъ шагомъ; а я вынесъ впечатлѣніе, что едва ли есть дворцовый заговоръ: такими неувѣренными, я бы сказалъ, выжидательно-страдательными показались

мнѣ мысли и чаянія обоихъ великихъ князей. Я и самъ не былъ ни заговорщикомъ, ни революціонеромъ, а сидѣвшее уже тогда во мнѣ ощущеніе необходимости охранить шатавшійся режимъ не во имя его самого, но во имя несвоевременности его низложенія, еще не претворилось въ отчетливое убѣжденіе, не перешло изъ нервовъ въ мозгъ, и мнѣ оставалось только отдаваться теченію событій, становившихся все болѣе и болѣе безсмысленными.

Слѣдствіе о гибели Распутина пережило мое прокурорство не очень то долго: временное правительство издало амнистію для всѣхъ, кто совершилъ преступленіе по мотивамъ политическаго характера. Подъ эту амнистію подошли, конечно, и Пуришкевичъ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Павловичемъ и княземъ Юсуповымъ. Единоличное распутинство стало достояніемъ прошлаго, а многоликое распутинство въ то время еще таилось въ туманѣ грядущаго, хотя уже и не далекаго.

На этомъ я и долженъ закончить повѣствованіе, посвященное дѣлу объ убійствѣ Распутина. Но мнѣ хочется здѣсь же разсказать два распутинскихъ анекдота, чрезвычайно характерныхъ для вечерней зари стараго строя. Случаи эти я назвалъ анекдотами въ строгомъ смыслѣ греческаго слова: насколько мнѣ извѣстно, ни тотъ, ни другой еще не попали въ печать. Достовѣрность же обоихъ — внѣ сомнѣнія: первый я знаю со словъ В. А. Бальца, бывшаго тогда директоромъ второго департамента министерства юстиціи, а второй кончился при моемъ участіи.

Въ министерствѣ юстиціи появилась жена ялуторовскаго нотаріуса (фамилію его я забылъ), красивая женщина, съ просьбою перевести ея мужа нотаріусомъ же въ Москву. Назначеніе нотаріусовъ по закону принадлежало старшимъ предсѣдателямъ судебныхъ палатъ по представленіямъ предсѣдателей соотвѣтствующихъ окружныхъ судовъ и министра юстиціи вовсе не касалось. Посѣтительница это знала, но въ Москвѣ она потерпѣла неудачу: предсѣдатель московскаго окружного суда Д. Д. Ивановъ отказалъ представить ея мужа, а назначить его безъ такого представленія не захотѣлъ старшій предсѣдатель московской судебной палаты С. А. Линкъ. Ялуторовскіе жители — земляки Распутина, и просительница, къ тому же красивая, нашла къ старцу ходъ. Распутинъ писалъ министру юстиціи, которымъ тогда былъ А. А. Хвостовъ свои извѣстныя всѣмъ власть имущимъ въ Петроградѣ «цѣдулки»: наверху крестъ, а затѣмъ обращеніе «милой» «дорогой» и нѣсколько строкъ каракуль съ неизмѣнною подписью «Григорей». Въ этихъ письмахъ Распутинъ, прося за ялуторовскаго нотаріуса, съ наивнымъ цинизмомъ указывалъ, что «такой женщинѣ» надобно жить не въ Ялуторовскѣ, а въ столицѣ. Письма не подѣйствовали. И вотъ въ одинъ изъ пріемныхъ дней къ министру является самъ старецъ. Егермейстеръ Малама, завѣдывавшій пріемомъ въ министерствѣ, немедленно бросился въ кабинетъ министра и сообщилъ о пріѣздѣ временщика. Отвѣтъ былъ: приму въ порядкѣ очереди. Распутинъ заявилъ, что ждать ему некогда, и уѣхалъ. Пріемъ уже кончился, когда онъ счелъ за благо вновь прибыть. Министръ принялъ его стоя, не предложилъ сѣсть и не подалъ руки. На просьбу Распутина послѣдовало разъясненіе, что назначеніе нотаріусовъ не касается министра. Распутинъ прибѣгъ къ запугиванію почтительно-смиреннымъ тономъ: онъ сказалъ, что въ женѣ нотаріуса принимаетъ живое участіе императрица. Получивъ опять отказъ, онъ поклонился въ поясъ съ вопросомъ: такъ и передать государынѣ? Министръ возразилъ, что между нимъ и царицею посредники не нужны. Распутинъ ушелъ со словами: «Спаси васъ Господь». Было видно, что такого отпора онъ не ждалъ

и растерялся отъ своей неудачи. Я не сомнѣваюсь, что государыню онъ вмѣшалъ въ дѣло помимо ея вѣдома и ничего ей объ отказѣ А. А. Хвостова не передавалъ. Но развязная женщина все же устроилась: старшій предсѣдатель одесской судебной палаты (не знаю, при какихъ обстоятельствахъ) назначилъ ея мужа нотаріусомъ въ Одессѣ.

Второй анекдотъ таковъ: Какъ то разъ ко мнѣ въ служебный кабинетъ пришелъ товарищъ предсѣдателя петроградскаго окружного суда Н. Н. Шевцовъ. Съ собою онъ принесъ дѣло назначенное къ слушанію съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей на ближайшую сессію въ Петроградѣ. Я прочелъ тутъ же обвинительный актъ и только руками развелъ. Начальникъ одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій подъ Петроградомъ (кажется, Обухова), человѣкъ лѣтъ за сорокъ, преданъ былъ суду по обвиненію въ богохульствѣ. Торжественно звучалъ словами закона обвинительный пунктъ: . . . «возложилъ хулу на славимаго въ Пресвятой Троицѣ» . . . Но для меня онъ звучалъ кощунствомъ самого составителя акта: начальникъ станціи только тѣмъ и былъ виноватъ, что въ присутствіи станціоннаго жандарма выкрикнулъ: «До чего мы дожили. Вѣру въ Бога потеряли. Распутина богомъ сдѣлали». Меня не удивило, что жандармскій вахмистръ спуталъ Распутина съ Богомъ и увидѣлъ богохульство въ порицаніи Распутина. Еще во времена первой революціи мнѣ по должности прокурора суда приходилось разъяснять уѣздному исправнику, что нѣтъ признаковъ никакого политическаго преступленія въ распѣваніи частушки: «Мы урядника убили, станового мы убьемъ; никого мы не боимся, съ пѣснью въ каторгу пойдемъ». Но меня глубоко взволновало и огорчило, что такой обвинительный актъ, составленный товарищемъ прокурора столичнаго суда, прошелъ сквозь тѣснины камеры прокуроровъ суда и палаты (спѣшу оговорить тутъ же, что это было до меня) и удостоился утвержденія въ обвинительной камерѣ. Я вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Н. Н. Шевцова, что судоговореніе по такому дѣлу, являясь надругательствомъ надъ неповиннымъ ни въ чемъ подсудимымъ, будетъ крайнимъ скандаломъ для чести суда. Но что же дѣлать? Вѣдь актъ уже утвержденъ. И вотъ что мы надумали. Я пошелъ въ обвинительную камеру и убѣдилъ членовъ судебной палаты въ необходимости исправить ошибку во что бы то ни стало. Въ тотъ же день я предложилъ палатѣ отмѣнить состоявшееся по дѣлу опредѣленіе о преданіи суду въ виду вновь открывшихся обстоятельствъ: есть данныя, что подсудимый не въ своемъ умѣ. Подсудимый былъ вполнѣ здоровъ, никакихъ данныхъ о его сумасшествіи я не имѣлъ и свидѣтельствовать его въ состояніи умственныхъ способностей не собирался. Мнѣ нуженъ былъ только предлогъ для отмѣны. Несмотря на голословность моего заявленія, палата по обвинительной камерѣ, сознавая грубую провинность члена-докладчика, поспѣшила отмѣнить свое опредѣленіе. Дѣло, вытребованное въ палату, было прислано мнѣ. Тогда я вызвалъ прокурора суда и попросилъ его распорядиться написать заключеніе не объ освидѣтельствованіи въ состояніи умственныхъ способностей, а о прекращеніи уголовнаго по дѣлу преслѣдованія. Заключеніе было написано, а Н. Н. Шевцовъ посодѣйствовалъ прекращенію дѣла въ судѣ.

Немудрено, что Распутинъ могъ дойти до геркулесовыхъ столповъ наглости въ своихъ домогательствахъ передъ должностными лицами государства, если находились добровольцы, считавшіе естественнымъ, безъ его просьбы, защищать его даже отъ заочныхъ оскорбленій какъ царя, и притомъ по статьѣ, карающей хулу на Самаго Бога.

Послѣ переворота 25-го Октября 1917 г.

С. Ан—скаго

26-го утромъ мы узнали, что всѣ министры, за исключеніемъ Керенскаго, посажены въ Петропавловскую крѣпость. Ходили невѣроятные слухи объ избіеніи или даже разстрѣлѣ того или иного министра. Позже оказалось, что всѣ они въ живыхъ, но что они были на волосокъ отъ смерти: во дворцѣ въ моментъ ареста и позже на мосту, при переводѣ въ крѣпость.

Ходили различные слухи о защитникахъ Зимняго дворца: объ юнкерахъ и женскомъ батальонѣ. Говорили, что всѣ они перерѣзаны или утоплены, что нѣкоторыя женщины батальона изнасилованы.

Городская Дума засѣдала весь день. Не столько обсуждали создавшееся положеніе, сколько передавали и комментировали всяческіе слухи. Выработали пламенный протестъ противъ большевиковъ.

Около полудня въ Думу явились три-четыре большевистскихъ гласныхъ, между ними нынѣшній дипломатъ Іоффе и женщина гласная, кажется, Коллонтай. Они были встрѣчены вспышкой страшнаго гнѣва и криками:

— Убійцы!! Насильники! Изнасиловали женщинъ! Вонъ! Въ тюрьму! На висѣлицу!

Большевики спокойно сидѣли на своихъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ нихъ улыбались. Они скоро ушли съ тѣмъ, чтобы больше не возвращаться.

Несмотря на всѣ ужасные слухи, настроеніе Думы было оптимистично. Съ минуты на минуту ожидали извѣстія, что Керенскій съ арміей идетъ на Петроградъ.

Настроеніе поддерживалось цѣлой арміей разносчиковъ новостей, утверждавшихъ, что все идетъ прекрасно: рабочіе якобы сильно возбуждены противъ большевиковъ и рѣшили не поддерживать ихъ. Солдаты очень недовольны переворотомъ. Они утверждаютъ, что они обмануты большевиками, и готовятся выступить противъ нихъ. Среди самихъ большевиковъ произошли жестокія распри, большинство ихъ противъ переворота. Короче, говорили объ отчаянномъ положеніи большевиковъ, увѣряя, что они продержатся самое большее два дня.

Большая часть членовъ эс-эровской фракціи разошлась по фабрикамъ и казармамъ для веденія анти-большевистской пропаганды. Секретарь эс-эровской фракціи, разбитной юноша Флекель, еврей, котораго большевики впослѣдствіи разстрѣляли, горячо взывалъ, обходя залу:

— Къ рабочимъ! Къ солдатамъ! Необходимо раскрыть имъ глаза, разъяснить положеніе! Это теперь главное! Отъ этого зависитъ всё.

Положеніе оставалось неопредѣленнымъ вплоть до 29-го октября.

Фактически большевики оказались побѣдителями. Въ ихъ рукахъ находился весь Петроградъ со всѣми его учрежденіями. Правительство заключено было въ Петропавловскую крѣпость, вся военная сила была на сторонѣ большевиковъ. Тѣмъ не менѣе, никто не вѣрилъ въ окончательную побѣду тѣхъ, кто совершилъ переворотъ, и меньше всѣхъ въ побѣду вѣрили сами большевики. Всѣмъ было ясно, что одинъ Петроградъ еще ничего не значитъ. Знали, что подъ Петроградомъ готовятся, если уже не происходятъ бои между арміей Керенскаго и большевиками, знали, что тамъ рѣшится судьба возстанія. Кромѣ того, большія надежды возлагались на Москву, гдѣ происходили ожесточенныя уличныя сраженія между большевиками, съ одной, и юнкерами и частью арміи, съ другой стороны.

Извѣстія, получавшіяся въ городской думѣ изъ лагеря Керенскаго и изъ Москвы, были очень оптимистическаго характера. Передавали, что въ распоряженіи Керенскаго крупныя военныя силы, что онѣ разбили большевиковъ и уже подошли къ Петрограду.

Изъ Москвы также поступали сообщенія о пораженіяхъ большевиковъ. Кадеты настаивали на томъ, чтобы къ большевикамъ отнеслись безпощадно, чтобы ихъ вѣшали и разстрѣливали, эсъ-эры же требовали мягкаго обращенія съ побѣжденными революціонерами.

Въ переходные дни петроградская городская дума играла очень важную роль. Такъ какъ правительство было арестовано, всѣ антибольшевистскія силы, какъ гражданскія, такъ и военныя, стали группироваться вокругъ думы, которая въ качествѣ демократическаго представительнаго органа столицы, сыграла роль политическаго центра. Она находилась въ привилегированномъ положеніи. Большевики не осмѣливались тронуть ее, такъ какъ въ ея рукахъ былъ сосредоточенъ весь продовольственный аппаратъ столицы, и еще долгое время спустя дума вела открытую войну противъ большевиковъ, пока послѣдніе наконецъ не рѣшились распустить ее.

27 и 28 октября въ думѣ происходили безпрерывныя засѣданія, продолжавшіяся съ утра до 12 час. ночи. На засѣданіяхъ опубликованы были всѣ извѣстія, полученныя изъ Петрограда, Москвы и провинціи. (Въ первые дни переворота газеты не выходили.) Произнесены были пламенныя рѣчи и приняты резолюціи протеста противъ насильственныхъ дѣйствій большевиковъ. Были составлены и напечатаны воззванія къ арміи, рабочимъ и народу.

Дума немедленно избрала комиссію для разслѣдованія насилій и защиты арестованныхъ юнкеровъ. Была также избрана комиссія во главѣ съ графиней Паниной для разслѣдованія сообщенія объ изнасилованіи женщинъ изъ женскаго баталіона большевиками при взятіи ими Зимняго Дворца.

Я помню, какое волненіе поднялось въ Думѣ, какъ пришло извѣстіе, что большевики требуютъ ключей Государственнаго Банка отъ его директора. Кричали, что они разворуютъ и разграбятъ все достояніе государства, что имъ ключей ни подъ какимъ видомъ давать нельзя. Директоръ дѣйствительно ключей не выдавалъ, пока ему не пригрозили разстрѣломъ.

Насколько большевики однако не были увѣрены въ собственной силѣ и насколько они въ тотъ моментъ признавали права городской думы, видно изъ того, что, уже имѣя въ своихъ рукахъ ключи, они все таки не осмѣливались итти туда одни и требовали, чтобы Дума прислала своихъ представителей, которые

присутствовали бы при открытіи кассы. Изъ кассы они намѣрены были взять три милліона для покрытія государственныхъ расходовъ.

Послѣ бурныхъ дебатовъ Дума послала своихъ делегатовъ, полагая, что въ случаѣ, если делегаты думы не будутъ присутствовать, большевики возьмутъ еще больше.

Главный вопросъ былъ: что происходитъ на фронтѣ? Фронтъ тянулся между Царскимъ Селомъ и Пулковымъ. Оттуда получались противорѣчивыя извѣстія. Одновременно пришло извѣстіе, что Всероссійскій исполнительный комитетъ желѣзнодорожниковъ заявилъ о своемъ отказѣ перевозить войска обоихъ лагерей: какъ Керенскаго, такъ и большевиковъ. Викжель требуетъ, чтобы оба лагеря безусловно пришли къ соглашенію. Въ антибольшевистскомъ лагерѣ были увѣрены, что Викжель стоитъ на сторонѣ большевиковъ, что подъ маской нейтральности онъ собирается нанести ударъ лагерю Керенскаго, такъ какъ большевики вообще не нуждаются въ перевозкѣ своихъ войскъ: ихъ войска находятся въ Петроградѣ. Представитель Викжеля обратился ко всѣмъ соціалистическимъ партіямъ и къ Думѣ съ предложеніемъ устроить совѣщаніе между обоими лагерями съ цѣлью соглашенія и прекращенія гражданской войны.

Соціалистическія партіи, то-есть соціалисты-революціонеры, меньшевики и интернаціоналисты, согласились съ предложеніемъ Викжеля, умѣренныя партіи народныхъ соціалистовъ и плехановцевъ либо не были приглашены, либо отклонили предложеніе. По этому вопросу въ Думѣ произошли бурные дебаты. Кадеты, не получившіе приглашенія, не принимали участія въ дебатахъ, относясь къ предложенію съ презрительной ироніей. Умѣренные лѣвые кричали, что преступно ходить къ насильникамъ и убійцамъ на совѣщаніе, — къ элементамъ, которымъ мѣсто въ тюрьмѣ и на каторгѣ. Въ концѣ концовъ, Дума рѣшила послать на совѣщаніе двухъ делегатовъ. Въ качествѣ представителей были выбраны я и гласный Чихачевъ (с.-р.).

Дума дала намъ слѣдующія инструкціи: 1. Необходимо созвать новый Предпарламентъ изъ представителей всѣхъ соціалистическихъ направленій и органовъ городского самоуправленія. Представители послѣдняго должны составлять по крайней мѣрѣ одну треть всего Предпарламента. 2. Изъ состава Предпарламента слѣдуетъ избрать кабинетъ министровъ. Въ составъ кабинета не должны войти большевики, во всякомъ случаѣ ни Ленинъ и ни Троцкій. 3. Прежде нежели приступить къ какимъ бы то ни было переговорамъ, большевики обязаны освободить всѣхъ арестованныхъ, а главнымъ образомъ — министровъ.

Первое засѣданіе совѣщанія должно было состояться въ 8 час., вечеромъ 28 октября. Прежде, чѣмъ отправиться на собраніе, я запросилъ центральные комитеты эс-эровской и соціалдемократической партіи меньшевиковъ, избраны и посланы ли уже делегаты на совѣщаніе? Мнѣ отвѣтили, что въ обоихъ центральныхъ комитетахъ еще дебатируютъ по вопросу о программѣ совѣщанія. Меня съ товарищемъ просили обождать, чтобы пойти на совѣщаніе вмѣстѣ съ делегатами комитетовъ.

Ждать намъ пришлось довольно долго. Лишь около четырехъ часовъ утра, комитеты окончили дебаты и выбрали своихъ представителей.

Совѣщаніе происходило въ помѣщеніи Желѣзнодорожнаго Союза. Когда мы съ товарищемъ туда пришли, тамъ было уже около сорока человѣкъ. Я узналъ, что собраніе между тѣмъ предложило делегатамъ крупнѣйшихъ организацій предварительно сговориться для того, чтобы переговоры не отнимали слишкомъ много времени.

Въ составъ малой совѣщательной комиссіи вошли делегаты эс-эровъ, меньшевиковъ, желѣзнодорожнаго союза и думы.

Когда мы съ товарищемъ вошли въ комнату, гдѣ происходило предварительное совѣщаніе, мы встрѣтили тамъ слѣдующихъ делегатовъ: отъ большевиковъ — Каменева и Рязанова, отъ интернаціоналистовъ — Мартова, отъ меньшевиковъ — Либера, отъ эс-эровъ — Ракитникова, отъ Желѣзнодорожнаго Союза — его предсѣдателя (имя его я забылъ) и нѣкоего Крушинскаго.

Совѣщаніе было открыто предсѣдателемъ желѣзнодорожнаго союза, немолодымъ человѣкомъ съ подозрительными манерами. Было ясно, что онъ политиканствуетъ, преслѣдуя какія-то постороннія цѣли.

Позже я узналъ, что онъ былъ членомъ партіи народныхъ соціалистовъ, изъ которой его со скандаломъ исключили за подозрительное поведеніе.

Онъ открылъ собраніе рѣчью, въ которой старался подчерквуть свою объективность.

Онъ не хочетъ стать ни на ту, ни на эту сторову. Для него люди обоихъ лагерей — хорошіе революціонеры. Но отъ имени Союза онъ долженъ съ ужасомъ констатировать, что гражданская война началась. Необходимо принять всѣ мѣры для немедленнаго прекращенія преступной братоубійственной войны. Задача совѣщанія — прійти къ соглашенію. До тѣхъ поръ, пока соглашевіе не будетъ достигнуто, желѣзнодорожный союзъ не пропуститъ ни для какой изъ враждующихъ партій ни солдатъ, ни амуниціи. Далѣе онъ разсказалъ, что вчера съ согласія обѣихъ партій онъ былъ на фронтѣ, говорилъ со штабомъ большевиковъ и съ Керенскимъ, что на фронтѣ всѣ признаютъ необходимость соглашенія и прекращенія братоубійственной войны.

Разсказывая о своихъ поѣздкахъ по фронту, онъ какъ бы мимоходомъ, улыбаясь замѣтилъ:

— Натурально, я не имѣю права разсказывать о томъ, что я видѣлъ на фронтѣ. Но я долженъ замѣтить, что солдаты Керевскаго произвели на меня впечатлѣніе совершенво деморализованныхъ, готовыхъ разбѣжаться...

Я его рѣзко остановилъ:

— Зачѣмъ же вы разсказываете вещи, о которыхъ вы разсказывать не имѣете права?

— Да-да! — вы правы, — спохватился предсѣдатель Викжеля.

Послѣ него говорилъ Каменевъ.

Каменевъ — человѣкъ лѣтъ сорока, средняго роста, сухощавый, но крѣпко скроенный, съ медленвыми движеніями, холодвый, сдержанный, взвѣшивающій свои слова, съ рѣзкими чертами бритаго лица, съ холодными, умными сѣрыми глазами.

Онъ считался однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей с.-д. партіи, долгое время жилъ за границей, въ Швейцаріи, гдѣ выполнялъ строго конспиративную работу. На собраніяхъ онъ никогда не выступалъ, держался въ сторонѣ, и въ эмигрантской студенческой колоніи его мало знали.

Каменевъ говорилъ не долго. Онъ въ короткихъ и рѣзкихъ словахъ подчеркнулъ, что необходимо прежде всего считаться съ побѣдой большевиковъ, что власть находится въ ихъ рукахъ, что на ихъ сторонѣ находится войско и пролетаріатъ. Большевики при желаніи могли бы, вмѣсто разговоровъ, просто продиктовать противникамъ переворота свою волю, но такъ какъ они стремятся по возможности быстро покончить съ гражданской войной и перейти къ положительной работѣ, они готовы сдѣлать нѣкоторыя уступки, чтобы сговориться

съ остальными соціалистическими партіями. Большевики однако не намѣрены отказываться отъ своихъ принциповъ.

Далѣе выступилъ Мартовъ-Цедербаумъ. Смуглый, близорукій, говоритъ быстро, и нервно — онъ представляетъ собою типъ еврея-талмудиста. Онъ долго и горячо доказывалъ, что большевики ведутъ страну и революцію въ бездну, что они никогда не шли на уступки другимъ соціалистическимъ партіямъ. Нынѣ наступила послѣдняя минута, когда еще можно найти общую почву, чтобы вывести страну изъ страшнаго кризиса.

Затѣмъ говорили Данъ-Гурвичъ и, кажется, Либеръ. Делегатъ соціалистовъ-революціонеровъ Ракитниковъ, теоретикъ, человѣкъ замкнутый, строгій и надутый, молчалъ. Онъ лишь представилъ резолюцію центральнаго комитета эс-эровъ, требовавшую чтобы впредь до созыва Учредительнаго Собранія былъ учрежденъ совѣщательный органъ изъ представителей всѣхъ соціалистическихъ партій и чтобы въ составъ новаго правительства вошли не профессіональные политики, а люди дѣловые, спеціалисты.

Здѣсь выскочилъ съ горячей истерической рѣчью Рязановъ-Гольдендахъ. Подобно Мартову онъ также представляетъ собою типъ еврея-талмудиста. Небольшого роста, ширококостный, съ большимъ лбомъ, съ широкой, длинной сѣдѣющей бородой. Я зналъ его двадцать лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ. Онъ считался энциклопедически-образованнымъ человѣкомъ. Онъ былъ теоретикомъ и очень рѣдко выступалъ съ рефератами. Рязановъ всегда былъ вмѣстѣ со Стекловымъ-Нахамкесомъ. Будучи с.-д., они всегда стояли въ оппозиціи къ своей партіи, создавали новыя группы и вырабатывали новыя программы.

Въ послѣдніе годы къ нимъ присоединился Троцкій.

Въ моментъ, когда они прибыли въ Россію, всѣ трое — если я не ошибаюсь — еще не были большевиками. Гольдендахъ-Рязановъ во всякомъ случаѣ еще не былъ тогда большевикомъ. За мѣсяцъ до переворота онъ въ разговорѣ со мной сказалъ, что очень раскаивается въ томъ, что оторвался отъ своихъ научныхъ работъ и пріѣхалъ въ Россію. Въ томъ же разговорѣ онъ сказалъ мнѣ, что считаетъ фактъ принятія крещенія Стекловымъ безнравственностью и глупостью.

Раньше я зналъ Рязанова и человѣкомъ спокойнымъ, и сдержаннымъ. Здѣсь на совѣщаніи онъ оказался истерикомъ, человѣкомъ, совершенно не умѣющимъ владѣть собой. Онъ горячился, кричалъ, стучалъ кулакомъ по столу, обозвалъ насъ всѣхъ контръ-революціонерами, утверждалъ, что мы стараемся обмануть большевиковъ для того, чтобы позднѣе ихъ арестовать. Такъ истерически онъ держался все время засѣданія.

Я спросилъ Каменева:

— Что случилось съ Рязановымъ? Вѣдь съ нимъ разговаривать невозможно?

— Онъ очень изнервничался отъ пережитыхъ событій — отвѣтилъ мнѣ Каменевъ. Къ тому же его и мое положеніе на этомъ совѣщаніи очень трудное. Мы оба — самые умѣренные, наши товарищи гораздо лѣвѣе насъ. Они отвергаютъ всякіе компромиссы. Намъ приходится бороться на два фронта. — Если-бъ вы знали, какъ Рязановъ выступаетъ на нашихъ собраніяхъ! Тамъ онъ еще рѣзче.

Наконецъ, выступилъ я, изложивъ мнѣніе Петроградской Думы и выяснивъ, на какихъ основаніяхъ она могла бы войти въ соглашеніе съ большевиками.

На мою рѣчь опять отозвался Рязановъ, отвѣтивъ пламеннымъ возраженіемъ:

— Какъ? Исключить изъ состава правительства Ленина и Троцкаго? этихъ побѣдителей контръ-революціи! Какъ? допустить въ новый Предпарламентъ цѣлую треть городской думы, въ которой сидятъ кадеты и черносотенцы?

Засѣданіе затянулось до 8 часовъ утра. Второе засѣданіе было назначено на 5 часовъ вечера.

Въ городской думѣ результаты совѣщанія ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ. Мой докладъ о совѣщаніи, сообщенныя мною подробности перваго засѣданія, содержаніе переданныхъ мною рѣчей и предложеній вызвали въ думѣ сильнѣйшую бурю. Умѣренныя партіи, даже умѣренные соціалисты-революціонеры, были чрезвычайно возмущены наглостью большевиковъ. Они кричали, что было позорно и преступно ходить къ большевикамъ на совѣщаніе.

Больше всѣхъ волновался гласный Шингаревъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя столь свирѣпо убитый вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Кокошкинымъ въ тюремномъ лазаретѣ ворвавшимися туда большевистскими солдатами.

Шингаревъ поставилъ мнѣ цѣлый рядъ вопросовъ и требовалъ отвѣта, на какомъ основаніи я вообще остался на совѣщаніи послѣ того, какъ большевики отклонили первое требованіе думы объ освобожденіи арестованныхъ министровъ?

Я отвѣчалъ, что имѣлъ во всякомъ случаѣ право оставаться въ цѣляхъ информаціи.

Второе засѣданіе междупартійнаго совѣщанія началось съ большимъ опозданіемъ. Вмѣсто шести часовъ вечера оно открылось въ двѣнадцать часовъ ночи.

Послѣ долгихъ дебатовъ пришли, наконецъ, къ соглашенію о необходимости созданія новаго Предпарламента и новаго Совѣта министровъ. Пренія разгорѣлись вокругъ вопроса о составѣ предпарламента. Они приняли еще болѣе страстный характеръ, нежели на первомъ засѣданіи.

Въ этотъ день уже появились газеты, между ними — «Воля Народа» — органъ крайне правыхъ эсъ-эровъ. Эта газета выступила съ очень рѣзкими нападками противъ большевиковъ. Рязановъ во время засѣданія размахивалъ этой газетой и истерически кричалъ:

— Въ своихъ газетахъ они пишутъ про насъ величайшія гнусности! Призываютъ народъ къ выступленію противъ насъ! Кричатъ, что мы бандиты и предатели, а въ то же время приходятъ къ намъ на совѣщаніе, ища якобы возможности соглашенія!

Я указалъ Рязанову, что большевики въ такомъ же тонѣ разговариваютъ съ эс-эрами и меньшевиками.

Въ три часа ночи, когда мы уже собирались закрыть засѣданіе, разыгрался чрезвычайно характерный инцидентъ.

Къ намъ вошелъ швейцаръ и доложилъ, что явившаяся делегація рабочихъ Путиловскаго завода настойчиво требуетъ, чтобы ее впустили, такъ какъ ей безусловно необходимо говорить съ нами лично. Совѣщаніе было настроено противъ допущенія делегаціи. Оно попыталось отклонить визитъ, указавъ на чрезвычайную спѣшность своихъ занятій.

Но делегація обнаружила неимовѣрную настойчивость, требуя аудіенціи. Въ противномъ случаѣ она угрожала ворваться силой. Дѣлать было нечего: Делегація была принята.

Въ комнату вошло человѣкъ пятнадцать рабочихъ, стариковъ и молодыхъ. Лица ихъ были серьезныя, напряженныя. Одинъ изъ нихъ, молодой рабочій съ энергичнымъ лицомъ, умными, холодными глазами, выступилъ впередъ и заговорилъ возбужденнымъ голосомъ, въ которомъ звучала угроза:

— Вотъ уже недѣля, какъ продолжается кровопролитіе между обоими революціонными лагерями. Преступная гражданская война! Мы требуемъ, чтобы ей немедленно былъ положенъ конецъ! Довольно! Вы уже два дня засѣдаете, обсуждая вопросъ о соглашеніи, но похоже на то, что вы вовсе не торопитесь. Мы не можемъ допустить дальнѣйшаго продолженія гражданской войны. Къ черту Ленина и Чернова! Повѣсить ихъ обоихъ!.. Мы говоримъ вамъ: положите конецъ разрухѣ. Иначе мы съ вами разсчитаемся сами!

Рѣчь и угрожающій голосъ молодого рабочаго произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ членовъ совѣщанія, главнымъ образомъ на Рязанова.

Рязановъ вскочилъ возбужденный и закричалъ истерическимъ голосомъ:

— Вы совершенно правы!!! Мы, большевики, съ первой же минуты готовы къ соглашенію. Мы дѣлаемъ всевозможныя уступки, но эс-эры, меньшевики, а главнымъ образомъ — представители городской думы всячески тормозятъ работу, не давая прійти къ соглашенію. Вамъ слѣдовало явиться не къ намъ, а въ Центральные Комитеты эс-эровъ и меньшевиковъ и въ Думу. Идите туда! Требуйте отъ нихъ прекращенія гражданской войны!

— Прекрасно! Мы сейчасъ идемъ и притащимъ ихъ сюда! — закричали рабочіе.

Рѣчь Рязанова, которую иначе нельзя было назвать, какъ провокаціей, всѣхъ насъ сильно взволновала и озадачила.

Я разъяснилъ рабочимъ всю неосновательность заявленія Рязанова и разсказалъ о всѣхъ пунктахъ нашихъ разногласій. Рабочіе выслушали меня и одинъ изъ нихъ въ сердцахъ крикнулъ:

— Чортъ васъ разберетъ, кто изъ васъ правъ! Всѣ вы не стоите того, чтобы васъ земля носила! Повѣсить бы васъ всѣхъ на одномъ деревѣ — въ странѣ само наступило бы спокойствіе... Идемъ, ребята! Намъ тутъ дѣлать нечего.

И они ушли.

Появленіе делегаціи все таки повліяло на ходъ занятій совѣщанія. На засѣданіи слѣдующаго дня, 30 октября, обнаружилось стремленіе придти какъ нибудь къ соглашенію. Рѣчи произносились краткія. Меньшевики выдвинули вопросъ о перемиріи. Эс-эровскіе делегаты поддержали предложеніе меньшевиковъ, заявили, что центральный комитетъ эс-эровъ получилъ отъ Керенскаго телеграмму, уполномочивающую Ц. К. заключить съ большевиками миръ или перемиріе на условіяхъ, которыя Ц. К. найдетъ подходящими. Онъ, Керенскій, выполнитъ всѣ обязательства, которыя будутъ на него возложены центральнымъ комитетомъ. Въ качествѣ представителя городской думы я также поддержалъ предложеніе о перемиріи.

Но большевистскій делегатъ Каменевъ въ краткихъ словахъ заявилъ, что заключеніе перемирія почти немыслимо. Исполнительный Комитетъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ отклонитъ всякіе разговоры о перемиріи до тѣхъ поръ, пока антибольшевистская сторона не дастъ весьма опредѣленныхъ гарантій. «Заключить теперь перемиріе — сказалъ Каменевъ — значитъ дать Керенскому возможность сорганизовать новую армію». Кромѣ того — продолжалъ онъ — все дѣло зависитъ отъ штаба, находящагося на фронтѣ, и онъ, Каменевъ, вмѣстѣ съ Рязановымъ не имѣетъ полномочій заключать перемиріе здѣсь на совѣщаніи.

Изъ дальнѣйшихъ дебатовъ выяснилось, что оба большевистскихъ делегата вообще не уполномочены принимать какія либо рѣшенія. Обнаружилось, что они явились, какъ будто исключительно въ интересахъ информаціи, но не хотѣли въ

томъ сознаться. Нѣтъ! Они пришли съ опредѣленными, хотя и ограниченными полномочіями.

Словомъ, сколько мы съ ними не бились, мы не могли добиться яснаго отвѣта на вопросъ: въ чемъ собственно заключаются ихъ полномочія? Намъ, представителямъ антибольшевистскихъ партій, все яснѣе становилось, что большевики явились на совѣщаніе для того, чтобы пойти навстрѣчу требованію желѣзнодорожнаго союза, а главнымъ образомъ для того, чтобы выиграть время, выждавъ между тѣмъ результата сраженій подъ Петроградомъ и въ Москвѣ.

Итакъ вопросъ о перемиріи былъ снятъ съ очереди, и въ порядокъ дня былъ опять поставленъ пунктъ объ учрежденіи временнаго народнаго совѣта. Послѣ долгихъ, горячихъ дебатовъ, продолжавшихся втеченіе 30 и 31 октября, достигнуто было наконецъ соглашеніе, въ силу котораго временный народный совѣтъ долженъ состоятъ изъ 100 членовъ совѣта рабочихъ депутатовъ, 75 членовъ крестьянскаго совѣта, 100 делегатовъ Петроградской и Московской думы и 50 делегатовъ всероссійскихъ профессіональныхъ союзовъ.

Соглашеніе достигнуто было противъ воли большевиковъ. Рязановъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, что въ совѣтъ войдутъ почти въ половинномъ составѣ представители такихъ организацій, какъ городскія думы и профессіональные союзы, въ которыхъ сидятъ члены буржуазныхъ партій.

Что касается новаго правительства, то вопросъ о составѣ его былъ рѣшенъ быстро. Всѣ были того мнѣнія, что составъ его долженъ быть однородно-соціалистическій. Затрудненія встрѣтились лишь при изысканіи такихъ условій, которыя въ правительствѣ не дали бы перевѣса ни большевистской, ни антибольшевистской партіи, а также въ вопросѣ о личностяхъ будущихъ министровъ. Съ одной стороны, эс-эры, меньшевики и делегаты городского самоуправленія требовали недопущенія въ кабинетъ министровъ ни Троцкаго, ни Ленина. Съ другой стороны, большевики вычеркнули изъ списка Керенскаго и, кажется, Авксентьева. Соглашеніе было достигнуто путемъ принятія эластичной резолюціи о томъ, что въ составъ новаго правительства должны войти спеціалисты, независимо отъ ихъ партійной принадлежности. Имена Ленина, Троцкаго и Керенскаго въ резолюціи не были упомянуты. Тѣмъ самымъ обѣ договаривающіяся стороны выражали молчаливое согласіе съ кандидатскимъ спискомъ своего противника.

Мы, антибольшевики, хорошо понимали, что большевики никогда не согласятся исключить изъ состава правительства Ленина и Троцкаго. Такъ какъ намъ было ясно, что положеніе Керенскаго на фронтѣ не блестяще (объ этомъ свидѣтельствовала хотя бы его телеграмма къ эс-эрамъ), мы вынуждены были пойти на всѣ уступки, лишь бы достигнуть соглашенія и остановить гражданскую войну. Но большевики одержали окончательную побѣду.

Соглашеніе было достигнуто поздней ночью, 31 октября, послѣ долгаго мучительнаго пятичасового засѣданія. Сейчасъ же на очередь былъ опять поставленъ вопросъ о перемиріи. Большевистскіе делегаты возразили, что соглашеніе должно быть предварительно подтверждено центральнымъ исполнительнымъ комитетомъ совѣта рабочихъ депутатовъ. Мы, антибольшевики, энергично потребовали прекращенія кровопролитія, и Каменевъ согласился съ нашимъ требованіемъ. Онъ выразилъ увѣренность, что совѣты рабочихъ депутатовъ согласятся съ условіями, выработанными нашимъ совѣщаніемъ. Поэтому онъ считаетъ возможнымъ принять мѣры для пріостановки военныхъ дѣйствій на Петроградскомъ фронтѣ.

Составленъ былъ протоколъ соглашенія и рѣшено было въ ту же ночь доставить этотъ протоколъ вмѣстѣ съ препроводительнымъ письмомъ Совѣщанія на оба фронта въ главные штабы обѣихъ армій. Въ письмѣ указывалось на необходимость заключенія перемирія.

Для поѣздки на фронтъ необходимо было разрѣшеніе Петроградскаго военнаго штаба, сидѣвшаго въ «Смольномъ институтѣ».

Совѣщаніе делегировало на фронтъ меня и второго представителя «Викжеля». Большевистскіе делегаты Совѣщанія дали намъ письмо къ штабу въ Смольный, чтобы намъ тамъ дали разрѣшеніе на поѣздку на фронтъ.

Было уже послѣ двухъ часовъ ночи. Мы со вторымъ делегатомъ на автомобилѣ «Викжеля» отправились въ Смольный, надѣясь на томъ же автомобилѣ оттуда поѣхать дальше къ фронту, чтобы принести вѣсть о соглашеніи.

Въ Смольномъ было оживленно, несмотря на поздній часъ. Всѣ три этажа были освѣщены. Въ дверяхъ я встрѣтился съ моимъ старымъ знакомымъ Бончъ-Бруевичемъ, бывшимъ толстовцемъ, недавно перешедшимъ къ большевикамъ. Зная, что я противникъ большевиковъ, онъ послѣднее время избѣгалъ встрѣчъ со мною. Онъ очень удивился, увидя меня въ такой поздній часъ въ Смольномъ, но удивленіе его выразилось лишь во взглядѣ. Когда солдатъ, стоявшій на посту, остановилъ насъ, требуя «пропускъ», Бончъ-Бруевичъ быстро подошелъ къ нему и приказалъ строго:

— Пропусти ихъ! Пропусти ихъ!

И онъ повелъ насъ мимо всѣхъ разставленныхъ постовъ. Онъ спросилъ насъ, куда мы хотимъ? Мы сообщили ему цѣль нашего визита и, онъ повелъ насъ къ штабу, замѣтивъ:

— Мнѣ кажется, что тамъ теперь нѣтъ никого, кто могъ бы вамъ выдать разрѣшеніе.

Бончъ-Бруевичъ привелъ насъ въ третій этажъ, указавъ, куда войти.

Мы вошли въ огромную, ярко освѣщенную залу, гдѣ нѣсколько барышенъ работало на пишущихъ машинахъ. Кромѣ нихъ, никого не было. Полъ весь былъ покрытъ окурками, клочками бумаги и разорванными газетами. Очевидно было, что здѣсь недавно происходило многолюдное собраніе. Изъ этой комнаты дверь вела въ другую, куда мы и вошли. За длиннымъ столомъ здѣсь сидѣло трое молодыхъ людей въ военной формѣ. На столѣ стоялъ жестяной чайникъ, нѣсколько стакановъ, наполненныхъ окурками папиросъ, валялись ломти черпаго хлѣба. Къ стѣнѣ былъ придѣланъ полевой телефонъ.

— Намъ нужно видѣть начальника штаба сказалъ я. Одинъ изъ молодыхъ людей смѣрилъ меня самоувѣреннымъ взглядомъ съ головы до ногъ:

— Зачѣмъ онъ вамъ нуженъ?

Я разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Онъ слушалъ полуравнодушно, полуиронически.

— Главноначальствующій отсутствуетъ. Я замѣщаю его.

Послѣ паузы онъ прибавилъ:

— Я не могу разрѣшить вамъ ѣхать на фронтъ.

Я сталъ ему разъяснять всю важность немедленнаго прекращенія кровопролитія. Юноша развалился въ креслѣ, смотрѣлъ на меня съ глубокимъ презрѣніемъ и проговорилъ спокойно и самоувѣренно:

— Вамъ уже незачѣмъ ѣхать на фронтъ... И уже поздно входить въ какія-либо соглашенія съ контръ-революціонерами...

— Почему?

— Потому, что банда Керенскаго разбита на голову. Казаки сдались, а самъ Керенскій окруженъ. Въ настоящій моментъ онъ навѣрное взятъ въ плѣнъ и черезъ нѣсколько часовъ его привезутъ сюда. Вы, какъ видите, нѣсколько опоздали съ вашимъ соглашеніемъ.

Мы съ товарищемъ попытались убѣдить молодого человѣка въ томъ, что мы должны выполнить возложенную на насъ задачу, независимо отъ положенія дѣлъ на фронтѣ, что это положеніе не можетъ отмѣнять рѣшеній, офиціально принятыхъ на Совѣщаніи всѣхъ партій. Но онъ насъ даже и слушать не хотѣлъ, и мы вышли изъ Смольнаго института въ очень тяжеломъ настроеніи духа.

Утромъ подтвердилось извѣстіе о пораженіи арміи Керенскаго. Керенскій располагалъ всего на всего 600 казаками, дравшимися безъ особаго воодушевленія, въ концѣ концовъ не только капитулировавшими, но также и рѣшившими выдать Керенскаго. Въ послѣднюю минуту Керенскому, однако, удалось спастись изъ рукъ своихъ казаковъ.

Дума не вѣрила въ окончательное пораженіе Керенскаго. На бурномъ думскомъ засѣданіи городской голова Г. Шрейдеръ кричалъ объ измѣнѣ со стороны «Викжеля», военной хитрости большевиковъ, спрятавшихся за спиною междупартійнаго совѣщанія съ единственной цѣлью выиграть время.

Нѣсколько дней спустя стали извѣстны подробности поведенія казацкаго генерала Краснова.

Делегація матросовъ съ Дыбенко во главѣ вошли въ переговоры съ казаками, рѣшившими съ согласія своего начальника генерала Краснова предать Керенскаго большевикамъ. Это было 1 ноября.

«Въ часъ дня, разсказывалъ — по газетнымъ сообщеніямъ — генералъ Красновъ, — мы вызвали къ себѣ главнокомандующаго (Керенскаго). Онъ былъ очень возбужденъ и нервенъ.

— Генералъ, сказалъ Керенскій, вы предали меня! Ваши казаки открыто заявляютъ, что они арестуютъ и выдадутъ меня матросамъ!

— Да, отвѣчалъ я, объ этомъ говорятъ, и я знаю, что вы повсюду потеряли сочувствіе.

— А офицеры того же мнѣнія?

— Да, офицеры также недовольны вами.

— Что же мнѣ дѣлать? Мнѣ остается покончить самоубійствомъ!

— Если вы человѣкъ честный, то вы немедленно поѣдете въ Петроградъ съ бѣлымъ флагомъ. Вы явитесь передъ революціоннымъ комитетомъ и будете съ нимъ вести переговоры, какъ представитель правительства.

— Да, я это сдѣлаю, генералъ!

— Я дамъ вамъ конвой и попрошу матроса сопровождать васъ.

— Нѣтъ, только не матроса. Извѣстно ли вамъ, что здѣсь находится Дыбенко?

— О Дыбенко не имѣю понятія.

— Это — мой врагъ!

— Что-жъ дѣлать? Кто ведетъ крупную игру, долженъ умѣть рисковать!

— Хорошо. Но я поѣду ночью.

— Зачѣмъ? Еще скажутъ, что вы удираете. Поѣзжайте спокойно и открыто. Пусть всѣ видятъ, что вы не убѣгаете!

— Хорошо. Дайте мнѣ надежный конвой!

— Я вызвалъ казака десятаго Донского полка Русанова, приказавъ ему выбрать охрану для главнокомандующаго. Черезъ полчаса пришла ко мнѣ охрана и заявила, что Керенскаго нѣтъ. Онъ бѣжалъ. Я приказалъ искать его. Искали въ Гатчинѣ и окрестностяхъ, но нигдѣ не нашли».

Какъ и куда бѣжалъ Керенскій, я не знаю. Онъ немедленно возобновилъ сношенія съ эсеровскимъ Ц. К. и съ организаціей «Спасенія Родины и Революціи». Два мѣсяца спустя во время открытія Учредительнаго Собранія онъ находился въ Петроградѣ. Онъ страстно хотѣлъ присутствовать при открытіи, но товарищи не допустили его.

Когда я на слѣдующій день послѣ визита въ «Смольномъ» представлялъ думѣ отчетъ о результатѣ моихъ переговоровъ и объ отвѣтѣ большевистскаго главнаго штаба, никто уже болѣе не сомнѣвался въ томъ, что изъ междупартійнаго совѣщанія съ большевиками ничего не выйдетъ. Дума, однако, рѣшила переговоровъ не прерывать. Засѣданіе должно было произойти вечеромъ. Я лично не вѣрилъ въ успѣшный результатъ совѣщанія. Къ тому же я былъ чрезвычайно утомленъ отъ безсонныхъ ночей и сложилъ думскія полномочія. Дума послала вмѣсто меня гласнаго Ширскаго, эс-эра.

Въ тотъ же день въ «Смольномъ» состоялось засѣданіе исполнительнаго комитета совѣта раб. и солд. деп.

Делегатъ «Викжеля» Крушинскій выступилъ съ заявленіемъ о необходимости немедленнаго соглашенія всѣхъ соціалистическихъ партій съ цѣлью образованія однородно-соціалистическаго кабинета. Однако, главный интересъ засѣданія заключался не въ заявленіи «Викжеля», а въ преніяхъ по поводу учрежденія Временнаго Народнаго Совѣта.

Рязановъ далъ отчетъ о работахъ совѣщанія. Онъ сообщилъ, что согласно рѣшенію совѣщанія слѣдуетъ учредить временный народный совѣтъ въ составѣ 100 членовъ центральнаго исполнительнаго комитета, 75 делегатовъ совѣта крестьянъ, 100 представителей Петроградскаго и Московскаго городского самоуправленія и нѣсколькихъ делегатовъ всероссійскихъ профессіональныхъ союзовъ.

Не смотря на то, что Рязановъ самъ былъ делегатомъ совѣщанія и вмѣстѣ съ Каменевымъ принялъ резолюцію, содержаніе которой было передано выше, онъ здѣсь, въ Смольномъ, выступилъ съ рѣзкой критикой этой резолюціи. Онъ находилъ, что совѣтъ раб. и солд. деп. очень слабо представленъ во Временномъ Народномъ Совѣтѣ и выражалъ увѣренность, что центральный исполнительный комитетъ резолюцію не приметъ.

Камковъ, делегатъ лѣвыхъ эсеровъ, также утверждалъ, что совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ долженъ быть представленъ 150 делегатами, что крестьянскіе совѣты должны получить гораздо большее количество мандатовъ, а органамъ городского самоуправленія достаточно предоставить лишь 50 мѣстъ. Камковъ одновременно очень энергично защищалъ во имя спасенія революціи идею однородно-соціалистическаго кабинета министровъ, выразивъ увѣренность, что революція можетъ быть спасена только сотрудничествомъ всѣхъ соціалистическихъ партій.

Затѣмъ выступилъ Володарскій. Онъ заявилъ, что на этомъ засѣданіи нѣтъ противниковъ соглашенія. Онъ долженъ однако признаться, что большевики ни при какихъ условіяхъ не могутъ войти въ соглашеніе и что они не намѣрены безъ борьбы отказаться отъ своей побѣды.

Большевики выдвинули лозунгъ: «Вся власть совѣтамъ!», и не пойдутъ ни на какіе компромисы. Отъ имени большевиковъ Володарскій далѣе высказался категорически противъ признанія какого либо другого высшаго контрольнаго органа, кромѣ центральнаго исполнительнаго комитета.

Отъ имени своей партіи онъ выставилъ требованія:

Декретъ о землѣ не можетъ быть отмѣненъ. Новое правительство должно немедленно подтвердить декретъ о мирѣ и о контролѣ надъ производствомъ. Городскія самоуправленія устраняются изъ состава контрольнаго учрежденія.

Короче, Волдарскій открыто и недвусмыслено заявилъ, что его партія отказывается отъ уступокъ, отвергаетъ соглашеніе и принятыя резолюціи и согласна лишь на такое однородно-соціалистическое правительство, которое признаетъ авторитетъ совѣта рабочихъ депутатовъ, какъ единственную власть въ государствѣ.

Затѣмъ Володарскій поставилъ свои требованія въ видѣ резолюціи на голосованіе.

Центральный исполнительный комитетъ принялъ резолюцію Володарскаго большинствомъ голосовъ.

Послѣ этого, разумѣется, не могло быть и рѣчи о соглашеніи, достигнутомъ на совѣщаніи, на которое возлагалось столько надеждъ. Соглашеніе распалось.

Когда слухъ объ окончательномъ пораженіи и бѣгствѣ Керенскаго черезъ два дня точно подтвердился, настроеніе думы все-таки не очень измѣнилось. Почти всѣ остались при своемъ старомъ оптимизмѣ: большевистская власть, молъ, не сумѣетъ долго удержаться. Побѣдила она въ Петроградѣ, но еще остается Москва, ведущая героическую борьбу. Она вотъ-вотъ побѣдитъ. Кромѣ того, и вся Россія противъ большевиковъ.

Еще во время переговоровъ съ большевиками, городской голова Шрейдеръ телеграфно пригласилъ представителей демократическихъ городскихъ самоуправленій Петроградской и Московской губерніи на съѣздъ въ Петроградъ. На съѣздъ возлагались большія надежды. Однако, вслѣдствіе плохого дѣйствія телеграфа и еще худшаго состоянія желѣзныхъ дорогъ на съѣздъ явилось всего 10 человѣкъ изъ окружныхъ городковъ. Изъ Москвы пріѣхалъ одинъ делегатъ. Около двухъ дней просидѣли въ думѣ, держали рѣчи и разъѣхались, разумѣется, безъ всякаго результата.

Дума попрежнему осталась средоточіемъ антибольшевистскихъ элементовъ. Около двухъ недѣль большевики терпѣли ее, такъ какъ еще не могли обойтись безъ нея. Они пока что укрѣпляли свои позиціи, очень хорошо понимая, что думу легко будетъ разогнать въ любое время. Одновременно они начали понемногу притѣснять ее, отобрали у городского головы автомобиль, офиціально потребовали невмѣшательства думы въ государственныя дѣла и издали затѣмъ приказъ объ арестѣ Шрейдера. Но привести приказъ въ исполненіе большевикамъ не удалось. Шрейдеръ бѣжалъ.

Приблизительно черезъ три недѣли послѣ переворота появился офиціальный декретъ о роспускѣ думы. Зданіе думы занято было матросами и солдатами, никого туда не впускавшими.

Городской голова и гласные, однако, не сдавались. Въ различныхъ мѣстахъ устраивались тайныя засѣданія, происходившія въ обычномъ порядкѣ. Обсуждались всевозможныя городскія нужды, принимались резолюціи, которыя, конеч-

но, не приводились въ исполненіе. Вся надежда оставалась на обструкцію и саботажъ городскихъ служащихъ и интеллигенціи вообще. А настроеніе думы, даже при этихъ условіяхъ, оставалось все-таки оптимистическимъ настолько, что цѣлыя засѣданія посвящались обсужденію вопроса объ учрежденіи новаго правительства: всѣ были убѣждены, что черезъ нѣсколько дней большевики падутъ.

Наконецъ, когда нѣсколько разъ подрядъ гласные едва не были арестованы, засѣданія прекратились.

Единственной надеждой оставался созывъ Учредительнаго Собранія.

Служба въ комиссаріатѣ юстиціи и народномъ судѣ

Н. Майеръ.

I

Въ началѣ 1918 года происходили послѣднія открытыя засѣданія петроградской присяжной адвокатуры. Круглый залъ Тенишева былъ полонъ. Сообщались информаціи о послѣднихъ событіяхъ, докладывали о дисциплинарныхъ производствахъ, возбужденныхъ противъ членовъ сословія, такъ или иначе соприкоснувшихся съ большевиками, старались разглядѣть хоть что нибудь въ темныхъ зловѣщихъ перспективахъ, раскрывшихся передъ наиболѣе общественной русской корпораціей.

Этого нельзя было сдѣлать — такъ же, какъ нельзя угадать деталей картины, для которой приготовленъ лишь загрунтованный холстъ. Странно было только то, что и съ этимъ зловѣщимъ фономъ никто не хотѣлъ считаться.

Единственное столкновеніе реальныхъ силъ, произведенное въ Москвѣ, дало перевѣсъ большевикамъ. Озлобленіе низшихъ классовъ населенія противъ каждаго, носившаго внѣшніе признаки принадлежности къ классамъ привиллегированнымъ, выливалось до такой степени бурно, что стало невозможнымъ, напримѣръ, ѣздить въ трамваяхъ, не подвергаясь оскорбленіямъ, высказывать свое протестующее мнѣніе на митингахъ и т. д., и т. д.

Солдатское море бурно разливалось по всей Россіи, грабя и распродавая казенное имущество. Имѣнія и усадьбы пылали непрекращающимся заревомъ. Среди этихъ событій текли одинъ мѣсяцъ за другимъ, и, не смотря на это, двухнедѣльный срокъ царствованія большевиковъ продолжалъ оставаться сакраментальнымъ въ представленіи опозиціонеровъ совѣтской власти.

Молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго Энтинъ обмолвился фразой: «Нельзя же, въ концѣ концовъ, отрицать, что большевики на что то опираются!»

Буря негодованія разразилась въ залѣ. Никто не хотѣлъ этого признать. «Большевики сами не увѣрены въ себѣ. Считаютъ себя калифами на часъ. Опираются на банды дезертировъ и грабителей . . .»

Въ томъ же собраніи постановили послать привѣтственную телеграмму Керенскому . . .

Тяжелое чувство оставалось послѣ этихъ собраній.

Петроградской адвокатурѣ никогда не везло въ ея политическихъ выступленіяхъ. Активная адвокатская забастовка, поставившая въ смѣшное положеніе

пять-шесть адвокатовъ и въ томъ числѣ кристально-чистаго кн. Андроникова, фигурировавшаго въ качествѣ подсудимаго по обвиненію въ срывѣ работъ въ канцеляріяхъ суда. Вспоминались насмѣшливыя слова предостерегавшаго отъ забастовки З. Л. Рапопорта: «Воображаю, какимъ гомерическимъ смѣхомъ смѣялся бы Бебель, если бы узналъ, что въ Петербургѣ забастовали адвокаты!» Онъ оказался правъ, смѣялись многіе; одни исподтишка, другіе откровенно.

Вспоминалась резолюція по дѣлу Бейлиса, когда на торжество Крашенинникову *, многіе изъ подписавшихъ воззваніе адвокатовъ, оказались на предварительномъ слѣдствіи «случайно» зашедшими въ залъ, гдѣ происходило собраніе.

Наконецъ эта привѣтственная телеграмма Керенскому! Что это? Любовь до гроба къ коварному измѣнщику-обольстителю или патріотизмъ адвокатскихъ родныхъ осинъ?

Трагическія фразы увертюры русской революціи не хотѣли слышать. Считали, что это не увертюра, а что вся опера уже сыграна и продолжается лишь кувырканье какихъ то паяцовъ, на которыхъ при нежеланіи можно и не смотрѣть. Не вѣрили въ наличіе стихійнаго распада русской государственности, начавшагося издалека и съ наростающею быстротой продолжавшаго свой долгій неотвратимый, еще понынѣ незаконченный путь.

Въ періоды помраченія народнаго самосознанія, въ моменты, когда погасаютъ сторожевые огни человѣчества или превращаются въ обманчивые, болотные, блуждающіе огоньки — гласъ народа перестаетъ быть гласомъ Божіимъ, ошибочно руководствоваться коллективной интуиціей, каждый становится отвѣтственнымъ самъ за себя и нѣтъ ему судьи въ томъ или иномъ пути, на который онъ вступитъ для достиженія цѣлей, поставленныхъ лично передъ нимъ безобразной дѣйствительностью.

---

18 февраля я поступилъ на службу къ большевикамъ.

Изъ многочисленныхъ причинъ, побудившихъ меня къ этому, главенствующею было желаніе понять.

Нѣкоторое время я ничего не понималъ. Я не могъ отвѣтить самому себѣ, почему сошла на нѣтъ керенщина, почему кучка большевиковъ похитила государственную власть такъ легко, какъ Иванъ-царевичъ спящую красавицу. На какомъ сѣромъ волкѣ ѣдутъ они въ тридевятое царство? Позднѣе я сталъ думать, что все это произошло потому, что Керенскій во время не арестовалъ Ленина и Троцкаго, что не былъ своевременно ликвидированъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, что неудачный подборъ людей во временномъ правительствѣ лишилъ его внутренней крѣпости и авторитета.

Въ самое послѣднее время я началъ понимать, что причины, которыми я старался себѣ объяснить, вовсе не причины, а явленія производныя отъ какой то другой огромной причины, причины всѣхъ причинъ, вокругъ да около которой мы ходимъ всѣ и никакъ не можемъ увидѣть ее воочію и въ настоящую ея величину.

Чтобы достигнуть этого пониманія нужно было знать много того, чего я не зналъ.

Что изъ себя представляютъ большевики въ новомъ для нихъ нарядѣ государственныхъ дѣятелей, какія формы существованія сулитъ государственный

* Старшій предсѣдатель Палаты С.-Петербургскаго Судебнаго Округа.

коммунизмъ и какимъ образомъ можетъ быть примѣнена теорія Маркса къ странѣ съ многочисленнымъ, недоразвитымъ, неорганизованнымъ пролетаріатомъ.

Многіе изъ тѣхъ, что дѣлали умное лицо при упоминаніяхъ о Марксѣ, о большевикахъ и меньшевикахъ, интернаціоналѣ и проч. весьма неохотно и невнятно отвѣчали на эти вопросы. Пора было признаться въ своей неосвѣдомленности и узнать все дѣло изъ первыхъ рукъ, познакомиться съ большевиками потѣснѣе и разглядѣть ихъ не съ той стороны, съ какой они хотѣли себя показать, а по возможности насквозь, до самой ихъ подоплеки.

Я не раздѣлялъ того мнѣнія, что большевики никѣмъ не поддерживаются. Кромѣ очевиднаго обрастанія большевиковъ солдатскими массами, кромѣ такихъ фактовъ, какъ, напримѣръ, полученіе большевиками огромнаго количества голосовъ при выборахъ въ учредительное собраніе, сильны были впечатлѣнія отъ разговоровъ съ отдѣльными людьми, далекими отъ демагогіи и желанія агитировать. Не разъ приходилось слышать фразы, произнесенныя убѣдительнымъ спокойнымъ голосомъ, вродѣ того, что: «Эта самая правильная!» «Скоро всѣ нашими будутъ!»

Можно было съ несомнѣнною справедливостью доказывать, что часть крестьянства, поддерживающая большевиковъ на мѣстахъ и разсѣявшаяся по всей Россіи въ сѣрыхъ шинеляхъ, являла собой далеко не лучшую часть крестьянства, что привлеченіе къ себѣ активной силы совершается большевиками нечестнымъ образомъ, что искренне вѣрующіе въ большевизмъ элементы создаются демагогіей, обманомъ, потворствомъ ихъ разнузданности и собственной темнотой. Но того, что большевики на эти окружающія ихъ людскія массы, опираются — этого оспаривать было невозможно. Фактъ оставался фактомъ и хотя и съ сердечной болью, но съ нимъ приходилось считаться.

Въ особенности это становилось яснымъ при сравненіи воинствующаго большевизма, наступавшаго съ ружьемъ въ рукахъ, съ защищавшейся общественностью, не могшей выставить никакого иного орудія защиты, кромѣ пассивнаго сопротивленія — саботажа, не имѣвшаго возможности, какъ то и заранѣе можно было предсказать, именно въ силу своей пассивности привести къ какимъ либо реальнымъ результатамъ.

Комиссаріатъ юстиціи еще только формировался. Изъ прежняго состава служащихъ остались нѣсколько мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ. Во главѣ Комиссаріата стоялъ лѣвый эсеръ Штейнбергъ съ ближайшими помощниками однопартійными Шрейдеромъ и Алгасовымъ. Начиналъ играть нѣкоторую роль въ жизни комиссаріата профессоръ Рейснеръ. Комиссаріатъ былъ раздѣленъ на отдѣленія: гражданское, уголовное и административное. Гражданскимъ, куда я поступилъ въ качествѣ консультанта, завѣдывалъ исконный большевикъ Красиковъ, присяжный повѣренный, практиковавшій ранѣе по увѣчнымъ дѣламъ.

Отдѣленіе состояло изъ канцеляріи, двухъ помощниковъ секретарей, секретаря, консультантовъ и выборнаго изъ нихъ старшаго консультанта, являвшагося фактически завѣдующимъ отдѣленіемъ, такъ какъ отъ него исходили распоряженія по канцеляріи и направленіе текущей работы. Красиковъ присутствовалъ лишь на собраніяхъ коллегіи консультантовъ, къ нему же обращались за разъясненіями по поводу того или иного примѣненія декретовъ.

Работа отдѣленія складывалась изъ двухъ видовъ дѣятельности:

во-первыхъ, она заключалась въ разсмотрѣніи дѣлъ, поступившихъ до переворота въ бывшій 2-ой департаментъ Министерства Юстиціи, главнымъ образомъ,

по жалобамъ на рѣшенія губернскихъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, поступавшимъ въ министерство для заключенія о возможности переноса дѣла въ Сенатъ по кассаціоннымъ причинамъ. Въ виду упраздненія Сената, Комиссаріатъ оставилъ за собой это значеніе кассаціонной инстанціи и выносилъ рѣшенія коллегіально послѣ доклада и преній. Около половины такихъ дѣлъ являлись спорами о правѣ собственности на землю и потому прекращались производствомъ за силою декрета о признаніи земли собственностью государства,

во-вторыхъ, — въ пріемѣ просителей, совершенно ошеломленныхъ закрытіемъ судовъ безъ всякой замѣны ихъ другими судебными инстанціями, осаждавшихъ Комиссаріатъ всевозможными недоумѣнными вопросами. Для пріемовъ назначались поочередно дежурные консультанты, которые и давали соотвѣтствующія разъясненія, ссылаясь на тотъ или иной декретъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Остановка въ разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ, отсутствіе указаній на срокъ, когда суды будутъ созданы вновь, ставили страну въ чрезвычайно тягостное положеніе и привели къ тому, что превратили во многихъ пунктахъ Россіи мѣстные революціонные трибуналы въ универсальныя судебныя инстанціи, разрѣшавшія всѣ дѣла, вплоть до бракоразводныхъ. Легко вообразить себѣ, какія рѣшенія выносились въ этихъ, явочнымъ порядкомъ образовавшихся судахъ, если принять во вниманіе, что засѣдали тамъ часто совершенно неграмотные, въ полномъ значеніи этого слова, солдаты и рабочіе.

Безчисленные посѣтители съ запросами о судьбѣ того или иного дѣла, протекавшаго въ прежнихъ судахъ, могли быть удовлетворены разъясненіемъ декрета и, хотя бы, приблизительнымъ указаніемъ, въ какомъ учрежденіи они должны сторожить появленіе своего дѣла. Хуже обстояло съ лицами, жаловавшимися на неправильное разрѣшеніе ихъ дѣлъ трибуналами. Неизвѣстно было, куда можно обжаловать ихъ рѣшенія, нигдѣ не были обусловлены отношенія подчиненности ихъ комиссаріату юстиціи, совершенно непонятно было, на какихъ законахъ базируются ихъ опредѣленія и не исключительно ли изъ глубинъ «революціоннаго правосознанія» вытекло то или иное, со всѣхъ точекъ зрѣнія, неправосудное рѣшеніе.

Въ силу этихъ обстоятельствъ дежурному консультанту приходилось часто имѣть дѣло съ вопросами, совершенно неразрѣшимыми, отдѣленію же приходилось предписывать объ отмѣнѣ рѣшеній, о пересмотрѣ дѣлъ, опираясь, за отсутствіемъ законныхъ іерархическихъ основаній, на рѣшительность тона и категоричность выраженій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти требованія посылались даже телеграфно. Но рѣшительно никакихъ признаковъ того или другого результата этихъ бумажекъ въ комиссаріатѣ не имѣлось. Никакой санкціи за неисполненіе приказовъ комиссаріата не было обусловлено ни однимъ декретомъ и, потому, получавшіе ихъ были вольны исполнять или не исполнять по своему усмотрѣнію.

Если можно относиться болѣе или менѣе хладнокровно къ дѣламъ гражданскимъ, затрагивающимъ чисто имущественные интересы, то каково же было работать при вышеописанныхъ условіяхъ въ отдѣленіи уголовномъ, гдѣ приходилось имѣть дѣло съ вопросами о человѣческой жизни, свободѣ и чести. Я съ ужасомъ поглядывалъ на помѣщенія уголовнаго отдѣленія, ярко представляя себѣ, какія переживанія посѣщаютъ тамъ просителей, имѣвшихъ несчастіе стать въ ту или иную зависимость отъ революціоннаго правосудія. Какъ на грѣхъ всѣ консультанты группировались вокругъ гражданскаго отдѣленія, въ уголовныхъ же неограниченно царилъ нѣкій кандидатъ на судебную должность, не поки-

ивушій своей службы въ Министерствѣ Юстиціи послѣ переворота. По отзывамъ лицъ, знавшихъ его ранѣе, это былъ человѣкъ нервно-больной, по моимъ личнымъ наблюденіямъ, несомнѣнно человѣкъ нервно-неуравновѣшеный.

Переходя къ описанію личнаго персонала служащихъ Комиссаріата, и главнымъ образомъ гражданскаго его отдѣленія, являющагося центральнымъ объектомъ настоящихъ записокъ, должно сказать, что приливъ интеллигентныхъ силъ въ большевистскія учрежденія еще только начался и ко дню моего поступленія періодъ абсолютнаго, такъ сказать, первобытнаго хаоса еще не былъ изжитъ. Передавалась еще свѣжая исторія о томъ, какъ перваго завѣдующаго гражданскимъ отдѣленіемъ, какого то студента политехническаго института, привели подъ конвоемъ, въ качествѣ арестанта, въ то же гражданское отдѣленіе для полученія распоряженій о дальнѣйшемъ его направленіи. Разсказывали, что онъ слишкомъ усердно заботился о личныхъ своихъ интересахъ въ какомъ то опекунскомъ дѣлѣ.

Мнѣ показывали служащихъ хозяйственной части и казначея, которые незадолго передъ тѣмъ, въ день выдачи жалованья, были ограблены по пути изъ казначейства въ комиссаріатъ, причемъ, ѣхали они, будто бы, очень тихо по Екатерининской улицѣ и все оглядывались въ удивленіи, что ихъ никто не догоняетъ. Потомъ показался автомобиль, насилу-насилу догналъ ихъ у самаго подъѣзда и деньги, наконецъ то, были отняты.

Ко времени моего поступленія въ гражданскомъ отдѣленіи было уже шесть консультантовъ: присяжный повѣренный Муравьевъ (Петроградскаго Округа), помощникъ присяжнаго повѣреннаго Шульманъ, предсѣдатель одного изъ Уѣздныхъ Съѣздовъ Мировыхъ Судей Псковской Губерніи Бѣляевъ, еще одинъ присяжный повѣренный (фамилія забылась) изъ числа служащихъ не по своей спеціальности въ страховыхъ обществахъ, городскихъ управахъ и иныхъ учрежденіяхъ, и бывающихъ въ судахъ одинъ разъ въ годъ, священникъ, ходившій въ партикулярномъ костюмѣ съ университетскимъ значкомъ, но вмѣсто пальто надѣвавшій поповское длиннополое одѣяніе и нѣкій де-Бурдо, молодой человѣкъ неизвѣстной профессіи, но также съ университетскимъ значкомъ.

Отсутствіе консультантовъ въ уголовномъ отдѣленіи и обиліе ихъ въ гражданскомъ объяснялось, повидимому, тѣмъ, что, поступая на службу къ большевикамъ вовсе не для того, чтобы способствовать торжеству большевизма (среди служащихъ гражданскаго отдѣленія, въ томъ числѣ и канцеляріи, первоначально не было ни одного коммуниста), а для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, люди старались не марать рукъ личнымъ касательствомъ къ революціоннымъ расправамъ.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ шести консультантовъ цѣннымъ, въ смыслѣ знаній и работоспособности, являлся Муравьевъ и, отчасти, Бѣляевъ. Шульманъ недавно началъ практику и еще не твердо оріентировался въ дѣлахъ. Всѣ остальные были полнѣйшими невѣждами не только въ тонкой и юридически сложной работѣ, какой должна была бы быть дѣятельность высшаго административнаго учрежденія юстиціи, но и въ повседневномъ нормальномъ теченіи судебныхъ дѣлъ низшихъ инстанцій.

Священникъ какимъ то образомъ завоевалъ себѣ отдѣльный кабинетъ и постоянно удалялся въ него съ какими то просителями, своими, особенными, приходившими лично къ нему по дѣламъ, досье которыхъ, какъ это впослѣдствіи

обнаружилось, хранились у него въ письменномъ столѣ и на учетѣ текущихъ дѣлъ не состояли. Эти таинственные посѣтители, очевидно, являлись для него главнымъ дѣломъ, такъ какъ къ остальной работѣ на дежурствахъ и засѣданіяхъ консультантовъ онъ относился совершенно апатично и голоса своего не подавалъ.

Де-Бурдо, высокій молодой человѣкъ, безъ растительности на лицѣ, съ красноватымъ носомъ и сѣрыми оловянными глазами, неизмѣнно насвистывалъ или напѣвалъ веселенькіе мотивы, разсказывалъ о своихъ необычайныхъ успѣхахъ у женщинъ, но не прочь былъ высказать и дѣловое свое сужденіе по тому или иному вопросу. Эти сужденія вызывали, смотря по характеру, у однихъ уныніе, у другихъ — неудержимую улыбку. При докладѣ дѣлъ (для него и священника спеціально выбирались по возможности тонкія дѣла) его вниманіе обращалось главнымъ образомъ на протоколы допросовъ свидѣтелей, перечисленіе спорнаго имущества и т. п. Такіе скучные предметы, какъ договоры, которыми обосновывается искъ, или опредѣленія различныхъ инстанцій суда по дѣлу, его не интересовали совершенно. Иногда онъ приходилъ съ предложеніями заработать деньгу, устроивъ полученіе изъ сейфа какого то чудовищнаго золотого слитка или многомилліонныхъ брилліантовъ. Онъ имѣлъ какое то отношеніе къ военной службѣ, въ частности, къ броневикамъ, и общее мнѣніе было то, что онъ также мало походилъ на универсанта, или на лицо, причастное къ иному высшему учебному заведенію, какъ на китайскаго богдыхана.

Престарѣлый присяжный повѣренный, выбранный старшимъ исключительно лишь за его почтенный видъ, чрезвычайно ревниво охранялъ свое положеніе старшаго, смотрѣлъ строгими глазами, поверхъ очковъ и говорилъ важнымъ рѣшительнымъ басомъ. Онъ избѣгалъ дѣлать доклады и участвовать въ консультаціяхъ и билъ больше на то, что важнѣйшая обязанность старшаго консультанта — надзоръ за канцеляріей и общее руководство отдѣленіемъ.

Это былъ не серьезный, комическій элементъ гражданскаго отдѣленія, имѣвшій единственной и непосредственною цѣлью — питаніе, соединенное съ карьеризмомъ.

Въ канцелярію набралось множество тоненькихъ, незамѣтныхъ человѣчковъ, уже начавшихъ плести мелкія чиновничьи хитрости и подвохи, но были и яркія фигуры, загнанныя на службу къ большевикамъ революціоннымъ безвременьемъ. Была одна сбившаяся съ панталыку дама изъ хорошей семьи, вымѣщавшая циничеcкой откровенностью всю тоску ея теперешняго существованія. Была барышня, избранная за ея дѣйствительную дѣловитость и знанія секретаремъ канцеляріи. Были 2—3 молодыхъ человѣка, спокойно и твердо смотрѣвшихъ въ глаза при разговорѣ.

Въ наслѣдіе отъ демократическихъ варіацій керенщины комиссаріату остался комитетъ служащихъ, защищавшій интересы ихъ. При Штейнбергѣ онъ игралъ крупную роль и существованіе его чувствовалось на каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ курьеровъ, а попросту, сторожей, состоявшій въ комитетѣ въ качествѣ представителя низшихъ служащихъ, никакъ не хотѣлъ приступить къ работѣ. Словеснымъ убѣжденіямъ онъ не поддавался, а уволить его безъ согласія комитета нельзя было. Комитетъ же по каждому такому заявленію затѣвалъ долгія и обстоятельныя разбирательства. Въ силу такихъ обстоятельствъ въ канцеляріи гражданскаго отдѣленія долго болтался какой то студентъ, уволенный Красиковымъ, но не желавшій подчиниться, покуда это увольненіе не будетъ санкціонировано комитетомъ. Расширяя свои правомочія, Комитетъ до-

могался передать вопросы о принятіи новыхъ служащихъ на коллегіальное рѣшеніе собранія всѣхъ служащихъ даннаго отдѣленія. Вопросъ о томъ, насколько, напримѣръ, курьеры или канцелярскіе чиновники компетентны судить о пригодности даннаго лица на должность консультанта, вызывалъ серьезные споры.

На общихъ собраніяхъ служащихъ всего комиссаріата часто раздавались возгласы: «Позвать сюда Комиссара!» — а иногда даже и «истребовать».

Истребованные начальники отдѣленій или Комиссаръ являлись на собраніе и давали соотвѣтствующія разъясненія.

Несмотря, однако, на столь высокую авторитетность и общихъ собраній и комитета, затруднительно указать что либо конкретное, сдѣланное, законченное, что можно было бы поставить на счетъ этой организаціи служащихъ.

Къ концу февраля 1918 г. въ комиссаріатѣ начало назрѣвать безпокойство, очень быстро охватившее всѣхъ служащихъ комиссаріата и прогрессивно нароставшее. Послѣ окончательнаго развала фронта, нѣмцы продолжали продвигаться по русской территоріи и столь быстрымъ темпомъ, что предположенія о близкомъ занятіи ими Петрограда стали пріобрѣтать нѣкоторое вѣроятіе. Пошли разговоры объ эвакуаціи, которые, въ зависимости отъ новостей дня, то поднимались съ лихорадочной возбужденностью, то внезапно забывались. Приблизительно къ началу марта въ одной изъ комнатъ нижняго этажа стали составляться списки эвакуирующихся чиновниковъ. Очевидно, въ нѣдрахъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ вопросъ эвакуаціи былъ разрѣшенъ.

Это обстоятельство взбудоражило всѣхъ служащихъ, такъ какъ оффиціально о предстоящей эвакуаціи ничего не объявлялось, судьба остающихся въ Петроградѣ, равно, какъ и условія эвакуаціи для желающихъ ѣхать съ комиссаріатомъ были совершенно неизвѣстны, и даже самый способъ выразить желаніе быть эвакуированнымъ и добиться включенія въ списокъ, — оставался совершенно неяснымъ. Служащіе сами про себя, особнячкомъ отъ другихъ, принимали то или иное рѣшеніе и таинственно хлопотали, держа въ секретѣ предпринимаемые ими шаги.

Громадное большинство желало ѣхать. Къ тому было много причинъ — весь Петроградъ въ то время стремился уѣхать въ провинцію или деревню, ибо первыя судороги голода, цѣпко взявшаго Петроградъ въ свои холодныя, скользкія лапы, уже сжимали страшными кольцами городское населеніе. Бѣгство изъ Петрограда принимало паническій характеръ и не такъ то легко было уѣхать въ качествѣ отдѣльнаго частнаго пассажира. Возможность прихода нѣмцевъ различно оцѣнивалась населеніемъ и наперекоръ восторженнымъ поклонникамъ нѣмецкаго порядка, считавшимъ часы до предстоящаго вступленія ихъ въ Петроградъ, очень многіе предпочитали уже лучше быть подъ большевиками, чѣмъ подъ нѣмецкимъ шутцманомъ. Въ концѣ концовъ, оставленіе въ Петроградѣ было равносильно потерѣ службы, ибо о томъ, что впослѣдствіи въ Петроградѣ образуется комиссаріатъ юстиціи сѣверныхъ коммунъ, ничего еще не было извѣстно.

Между тѣмъ, дни протекали, настроеніе повышалось, но никакихъ офиціальныхъ заявленій никто изъ начальствующихъ лицъ не дѣлалъ. Даже о мѣстѣ эвакуаціи не было извѣстно ничего положительнаго. Называли Москву и Нижній Новгородъ, упоминали даже о Казани. Работа остановилась окончательно. Слу-

жащіе собирались аккуратно къ началу занятій, боясь пропустить неожиданныя свѣдѣнія, и цѣлый день толкались, занимаясь лишь передачей слуховъ объ эвакуаціи.

«Что дѣлать? — Ѣхать или оставаться?» — вопросъ этотъ былъ чрезвычайно тяжелъ для меня.

Ѣхать — значило разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ, съ Петроградомъ, гдѣ я провелъ 38 лѣтъ жизни, гдѣ сосредоточились мои лучшія сердечныя связи, разстаться съ квартирой, библіотекой, съ любимыми вещами, пріобрѣтенными годами тяжелаго адвокатскаго труда, давно уже переставшими быть неодушевленными предметами и превратившимися въ участниковъ моей жизни. Перемѣнить спокойствіе и комфортъ осѣдлой жизни на случайности кочевья, которыя никогда не бываютъ радостными. Ринуться на встрѣчу полной неизвѣстности и для борьбы съ ея невзгодами не имѣть въ распоряженіи ровно ничего, кромѣ самого себя. Подвергать всему предстоящему семилѣтняго сынишку и нести за судьбу его тяжкую отвѣтственность. Оставаться — значило продавать понемногу вещи для борьбы съ голодомъ, медленно угасать самому, видѣть постепенное умираніе сына, близкихъ, всего Петрограда, и не быть въ состояніи помочь кому бы то ни было. Нѣмцы? — но я стоялъ на сторонѣ тѣхъ, кто предпочиталъ быть съ побѣжденною Россіей, чѣмъ съ побѣдителями.

Нѣсколько дней были мучительны этимъ неразрѣшимымъ вопросомъ.

Звонокъ телефона.

«Кто говоритъ?»

«Это я!» — слышу знакомый голосъ не безызвѣстнаго литературнаго работника Н. Д. Н-ва, — «что новаго?»

Мелькаетъ мысль: пусть скажетъ все, что думаетъ противъ отъѣзда съ комиссаріатомъ.

«Ѣду въ Москву!»

«Съ комиссаріатомъ? Эвакуація? . . съ ума сошелъ!»

«Почему съ ума сошелъ?»

«Черезъ двѣ недѣли ихъ не будетъ!»

«А что же съ ними будетъ?»

«Уберутъ».

«Кто?»

«Найдутся люди!»

«Нѣтъ, Н. Д., не уберутъ и не найдутся».

«Увидимъ, прощайте!»

«Не увидимъ, до свиданья!»

Такъ вотъ въ чемъ коренной вопросъ! Будутъ или не будутъ? Опираются или не опираются? Поддержаны или нѣтъ? Все тотъ же вопросъ! Но онъ вѣдь рѣшенъ, а бо̀льшаго за двѣ недѣли моего пребыванія въ комиссаріатѣ я не узналъ. Изъ хаоса нельзя извлечь никакихъ выводовъ. Цѣль моя не была достигнута. Оставаясь въ Петроградѣ, я выхожу изъ круга центральнаго дѣйствія, переносящагося въ Москву и много теряю въ возможности осуществить свою задачу.

Эти соображенія дали перевѣсъ въ сторону рѣшенія объ эвакуаціи. На слѣдующій день гражданское отдѣленіе по моей иниціативѣ составило списокъ желающихъ ѣхать, заручилось согласіемъ Красикова, вычеркнувшаго нѣсколько фамилій, и за судьбою списка я прослѣдилъ до тѣхъ поръ, покуда проф. Рейснеръ не занесъ его въ общій списокъ ѣдущихъ. Это еще не дало увѣренности

въ томъ, что мы уѣдемъ, ибо кто-нибудь могъ вычеркнуть наши фамиліи, и каждый день приходилось въ началѣ и концѣ занятій справляться о состояніи общаго списка. Отъѣздъ былъ назначенъ на 8 марта, а 6-го состоялось общее собраніе служащихъ, на которомъ обнаружилось, что изъ громаднаго количества служащихъ эвакуируются всего 30—40 человѣкъ, что остающіеся получаютъ двухмѣсячный окладъ и считаются уволенными, а эвакуируемые ничего не получаютъ, кромѣ авансовой выдачи жалованья за мѣсяцъ впередъ.

Эвакуація начинала походить на бѣгство!

Съ того момента, какъ я принялъ рѣшеніе ѣхать, я чувствовалъ себя сдвинутымъ съ мѣста, уже захваченнымъ въ водоворотъ и положилъ на первое время отдаться теченію, участвуя въ собственной судьбѣ и во всемъ вокругъ меня происходящемъ лишь въ качествѣ зрителя.

А зрѣлище было любопытное!

Кончался петроградскій періодъ большевизма, періодъ слѣпоты, прорѣзыванія глазъ, первыхъ валкихъ шаговъ. Колебанія, неувѣренность въ себѣ, опасливость въ отношеніи къ другимъ исчезли въ Москвѣ, когда большевики попрали ногами исконную русскую землю Кремля. Изъ за этихъ вѣковыхъ каменныхъ стѣнъ судьба позволила имъ одержать двойную побѣду — и дипломатическую, и внутренно-политическую: позоромъ Брестскаго мира они обезпечили себѣ господство надъ русской землей и русскими людьми, купили возможность безпрепятственно взять въ руки жизнь и имущество ставосьмидесятимилліоннаго народа и необъятной страны.

Теперь, когда я пишу эти записки, мнѣ вспоминаются двѣ бесѣды, которыя я велъ передъ поступленіемъ на службу съ Красиковымъ и Шпицбергомъ *.

Перваго я просилъ разсказать мнѣ, какимъ образомъ могло произойти возмутительное убійство Шингарева и Кокошкина. Онъ объяснилъ это матросской разнузданностью и тѣмъ, что даже въ Петропавловкѣ убитые оставались на положеніи «personae gratae», къ которымъ стекались почитатели со всевозможными приношеніями. Это раздражало охранявшихъ ихъ матросовъ, сидѣвшихъ въ свое время въ тюрьмѣ при совсѣмъ иныхъ условіяхъ. Объ этомъ, будто бы, неоднократно предупреждались убитые. Онъ прибавилъ, что во всякомъ случаѣ убійцъ ожидаетъ суровое наказаніе.

Разсказъ объ общемъ положеніи дѣлъ онъ закончилъ фразою:

«Идемъ къ соціализму, Н. В.! становитесь на сторону народа!»

Шпицбергъ былъ того мнѣнія, что большевизмъ особыхъ перемѣнъ не внесетъ. Конфискуютъ часть имущества у крупныхъ капиталистовъ. «Мы съ вами не заинтересованы отстаивать ихъ выгоды», — говорилъ онъ, — «прижмутъ поповъ, и давно пора, довольно засорять мозги. Богъ, это — ..!»

«Личный врагъ Бога!» — припомнилось мнѣ, и это амплуа Шпицбергъ поддерживалъ насколько могъ. На одномъ изъ диспутовъ о религіи и Богѣ онъ даже изобрѣлъ новый терминъ «пузизмъ», который, очевидно, аналогично «папизму» долженъ былъ изображать идеологію русскаго священника, исчерпываемую, по его мнѣнію, интересами собственнаго пуза.

---

* Присяжный повѣренный И. А. Шпицбергъ занималъ въ 19 году и, по всей вѣроятности, и теперь занимаетъ видное мѣсто въ Отдѣлѣ «Отдѣленія Церкви отъ Государства».

II

Въ 12 часовъ дня 8 марта мы собрались гдѣ то на путяхъ Николаевской ж. д. въ верстѣ отъ вокзала. Около 9-ти часовъ вечера были указаны вагоны и мѣста въ нихъ. День былъ холодный, къ вечеру морозъ крѣпчалъ. Пріятно было войти въ теплый чистый вагонъ второго класса. Я ѣхалъ съ сыномъ и прислугой и получилъ въ купэ двѣ длинныя скамьи. Уложивъ сына, я пошелъ въ сосѣднiй вагонъ поболтать съ сослуживцами и засидѣлся. Возвратившись къ себѣ, я собирался уже раздѣваться, какъ вниманіе мое привлекъ громкій разговоръ въ коридорѣ. Голоса все повышались и наконецъ до слуха моего долетѣлъ крикъ:

«Если вы сейчасъ же не освободите вагона, то будемъ стрѣлять!»

Я вышелъ въ коридоръ.

Ѣхавшій въ сосѣднемъ купэ Шрейдеръ препирался съ какимъ то воинственнымъ человѣкомъ, доказывая, что этотъ вагонъ назначенъ для комиссаріата юстиціи, а тотъ утверждалъ, что для комиссаріата продовольствія. Призывъ къ революціонной дисциплинѣ оказалъ свое дѣйствіе, и спорившіе пошли выяснять недоразумѣніе къ начальнику станціи. Мы съ безпокойствомъ ожидали своей участи. Часа черезъ два дверь въ коридоръ съ шумомъ открылась и въ вагонъ ворвалась ватага людей:

«Урpра! Пррродовольствіе побѣдило!»

Съ трудомъ разбудилъ я разогрѣвшагося, заспавшагося сынишку и плачущаго вывелъ на морозъ.

«Хорошее начало! что же будетъ дальше? Долго ли мы будемъ стоять и мерзнуть? Чортъ бы побралъ такую эвакуацію!» — думалось мнѣ и мысль объ оставленной квартирѣ, о мягкихъ уютныхъ постеляхъ тоскливо заползала въ душу.

Черезъ полчаса мы начали мерзнуть, и я направился на огонекъ, виднѣвшійся изъ окна какой то сторожки. Она оказалась мало населенной, мы вошли, и по нашему примѣру всѣ высаженные изъ вагона собрались въ ней. Отъ раскаленной до красна печурки стояла тропическая жара, и не смотря на глубоко ночное время все прибывали и прибывали новые люди въ солдатскихъ шинеляхъ.

Я дрожалъ отъ злости и, разыскавъ глазами Шрейдера, подошелъ къ нему:

«Скажите, пожалуйста, кому я долженъ выразить свое возмущеніе по поводу безобразной эвакуаціи?»

«Во всякомъ случаѣ не тому, кто ею не распоряжался».

«Да? но тому, кто обязанъ былъ ею распоряжаться я выражаю свое глубочайшее негодованіе!»

Съ этого момента мои со Шрейдеромъ отношенія стали немного натянутыми.

Послѣ двухчасового ожиданія сообщили, что самъ Штейнбергъ на паровозѣ и ведетъ для насъ вагонъ. Штейнбергомъ я не интересовался, а вагонъ дѣйствительно вскорѣ подали. Но, Боже! что это былъ за вагонъ! — Двери въ уборныя не закрывались и изъ нихъ текла по коридору омерзительная вонючая жидкость. Ни одного цѣлаго окна во всемъ вагонѣ. Со всѣхъ сидѣній срѣзано сукно и между прыгающими пружинами торчитъ грязная набивка.

Въ 8 часовъ утра мы тронулись въ путь.

Въ этомъ вагонѣ мы провели двѣ ночи и полтора дня.

Въ Москвѣ для нуждъ комиссаріата была отведена часть гостиницы «Славянскій базаръ». Эта гостиница мнѣ казалась олицетвореніемъ Москвы. Я прожилъ въ ней два съ половиной мѣсяца и такъ и не усвоилъ себѣ схемы ея крутыхъ этажей и круговыхъ коридоровъ, также, какъ несмотря на давнее знакомство съ Москвой, до сихъ поръ не оріентируюсь въ ея кольцеобразныхъ улицахъ съ перерѣзывающими ихъ лучами. Какъ и во всей Москвѣ — въ ней сытно ѣли и грязно жили. Были номера со старыми, насиженными гнѣздами клоповъ.

Разгрузка протекла также неорганизовано, какъ и вся эвакуація. Съ вокзала устроили бѣга въ запуски съ призами въ видѣ лучшихъ номеровъ. Когда я пріѣхалъ, таковые были уже разобраны и нѣсколько старшихъ служащихъ получили самыя скверныя комнаты. Объ условіяхъ жизни и порядкахъ гостиницы никто ничего не зналъ. Всѣ ходили другъ къ другу спрашивать о разныхъ мелочахъ. Имущество комиссаріата свалили въ прихожей, загромоздивъ проходъ и никто о немъ не заботился. Меня раздражала эта безтолковщина и я указалъ Красикову на необходимость внести какой-нибудь порядокъ.

«Ну что же, объявитесь комендантомъ и распоряжайтесь!»

«Какъ же я могу объявиться? Вы уполномачиваете меня?»

«Да».

Порядокъ удалось водворить лишь при посредствѣ энергичныхъ и настоятельныхъ распоряженій.

На слѣдующій день нашего пріѣзда былъ праздникъ, и въ гостиницѣ ничего нельзя было получить. Я распорядился, чтобы къ 10 часамъ утра поваръ приготовилъ по два холодныхъ блюда на каждаго человѣка, раздавать которыя должны были наши дамы. Упоминаю это потому, что это распоряженіе обошлось мнѣ очень дорого. Несмотря на то, что я поступилъ такъ съ разрѣшенія комиссара, счетъ на забранные продукты не былъ оплаченъ. Я мучительно краснѣлъ каждый разъ, когда мнѣ его предъявляли, просилъ оплатить его хотя бы за мой счетъ, удержавъ стоимость частями изъ моего жалованья, писалъ оффиціальныя бумаги о необходимости оплаты и разстался съ комиссаріатомъ, не добившись его погашенія.

Видъ Москвы ободрилъ голодныхъ петербуржцевъ. Начиная отъ самого вокзала, видны были лари и магазины, заваленные хлѣбомъ, колбасою, сырами. Охотный рядъ ломился отъ всякой снѣди, давно уже не виданной въ Петроградѣ. Городъ кипѣлъ жизнью и не было на немъ печати Азраила, легшей на Петроградъ.

Первыя двѣ—три недѣли прошли главнымъ образомъ въ хозяйственныхъ хлопотахъ. Кучка лицъ, сгруппировавшихся въ гражданскомъ отдѣленіи, организовала столовую и кооперативъ комиссаріата, временно открывшаго присутствіе въ различныхъ номерахъ гостиницы.

Въ теченіе этого же времени возникла борьба за вліяніе между группою гражданскаго отдѣленія и группой проф. Рейснера. На собраніяхъ, засѣданіяхъ, неизмѣнно происходили стычки между приверженцами той или другой партіи. Въ концѣ концовъ послѣ двухмѣсячныхъ сраженій мы были побѣждены. Рейснеръ вмѣстѣ со всею своей группой окрестился въ коммунизмъ и этимъ козыремъ выигралъ игру, — среди насъ не было ни одного коммуниста и не предполагалось въ будущемъ.

За эти же двѣ недѣли произошелъ расколъ между большевиками и лѣвыми эсерами, и, ко времени переѣзда служебныхъ аппартаментовъ комиссаріата въ

новое помѣщеніе, комиссаромъ юстиціи былъ назначенъ присяжный повѣренный Стучка, до пріѣзда же его изъ Петрограда его обязанности исполнялъ Красиковъ.

Зайдя однажды по просьбѣ Красикова въ его номеръ, я засталъ такую сцену: въ первой маленькой комнатѣ номера, отведенной подъ пріемную, метался, пыхтя папиросой, изъ угла въ уголъ высокій Красиковъ, отрывисто бросавшій фразы и, очевидно, не знавшій какъ отдѣлаться отъ назойливой посѣтительницы. Это была холенная еврейка, поминутно вытиравшая носовымъ платкомъ глаза и хнычащимъ голосомъ тянувшая жалобы на то, что во время обыска у брата ея отняли лежавшіе въ комодѣ тридцать тысячъ рублей! Бѣдность ея костюма, несоотвѣтствующая ея бѣлымъ рукамъ и полному красивому лицу, — казалась нарочной.

«Они заявили, что онъ спекулянтъ. Какой же онъ спекулянтъ, когда эти тридцать тысячъ наши семейныя. Они всѣмъ принадлежатъ, а не ему одному. Прикажите, возвратить ихъ. Вонъ, посмотрите, въ какихъ уже я ботинкахъ хожу!»

Каблуки на ботинкахъ, дѣйствительно, были кривые.

«Ну, это еще не бѣда. Вонъ, посмотрите, я самъ въ такихъ же хожу!» и Красиковъ, повернувшись къ просительницѣ задомъ, загнулъ вверхъ ногу, на которой красовался сапогъ съ весьма стоптаннымъ каблукомъ.

«А другой мой братъ, какъ узналъ, что отобрали деньги, такъ онъ уже повѣсился! Что же ему было дѣлать?»

«Изъ за денегъ онъ повѣсился? — не стоило! Зря онъ повѣсился!»

«Такъ сдѣлайте распоряженіе!»

«Ничего не могу, идите въ чрезвычайную комиссію, она отбирала, пусть она и отдаетъ».

«Оригинальная аудіенція у министра юстиціи», — подумалось мнѣ.

Всхлипнувъ еще нѣсколько разъ, еврейка вышла, непривычно ковыляя на кривыхъ каблукахъ.

«Въ чемъ дѣло, П. А.?»

«Примите, пожалуйста, дѣла отъ Шрейдера, да смотрите, чтобы онъ чего нибудь не уперъ!»

«Да вѣдь онъ и принималъ ихъ, вѣроятно, не по описи, такъ какъ же провѣрить?»

«Ну такъ, какъ хотите. Смотрите только, чтобы все сдалъ».

Я не досчитался одной печати комиссаріата юстиціи, но не знаю, на чей счетъ поставить эту нехватку. Пропажа ея долго волновала Красикова.

Оставляя центральный комиссаріатъ юстиціи, Шрейдеръ надѣялся продолжать службу въ московскомъ комиссаріатѣ юстиціи и довольно невнятно говорилъ что-то о нарождающейся автономной Московіи. Я думаю, онъ просто хотѣлъ позлить большевиковъ въ послѣдній разъ.

Комиссаріатъ перебрался въ помѣщеніе, только что отдѣланное для какого то банка. Пріѣхалъ изъ Петрограда Стучка, и служебныя занятія потребовали уже серьезнаго къ себѣ отношенія. Вокругъ комиссара образовалось нѣчто вродѣ Совѣта изъ лицъ, которыя вскорѣ, при насажденіи коллегіальнаго принципа управленія, образовали коллегію комиссаріата юстиціи. Это были пріѣхавшіе изъ Петрограда присяжные повѣренные Красиковъ и Козловскій (защищавшій

большевиковъ по дѣлу о выселеніи ихъ изъ дома Кшесинской), московскій присяжный повѣренный Курскій, нѣкій Черлюнчукевичъ, появлявшійся въ комиссаріатѣ какъ то періодически, и впослѣдствіи Чегодаевъ, какъ говорили, также московскій присяжный повѣренный.

Стучку я зналъ и раньше по петроградскому суду. Это довольно высокій человѣкъ съ длинно-остриженными непокорными бѣлокурыми волосами, черты его продолговатаго неподвижнаго лица не тонки и не благородны. Небольшіе голубые глаза смотрятъ холодно и упрямо. Говоритъ съ сильнымъ акцентомъ. Будучи самъ изъ Прибалтики, онъ велъ, главнымъ образомъ, дѣла, переносимыя въ Петроградскую Палату изъ прибалтійскихъ судовъ и, по отзывамъ, не дурно разбирался въ тѣхъ изъятіяхъ изъ общаго права и судопроизводства, на которыхъ основана дѣятельность судовъ Прибалтики. Во всей его внѣшности проглядывало что то ограниченное, упорное и тяжелое.

Вступленіе свое въ отправленіе обязанностей комиссара онъ ознаменовалъ привѣтственной рѣчью совершенно безсодержательной. Слушая его кургузыя, акцентированныя фразы, смотря на однообразную жестикуляцію его правой руки, мнѣ думалось:

«Да! Этотъ пороха не выдумаетъ! Но зато и разубѣдить его въ чемъ нибудь невозможно. Съ трудомъ проникающіеся какой нибудь идеей, съ еще большимъ трудомъ разстаются съ нею. Хорошъ министръ юстиціи! Вѣдь это же эстонскій мужикъ, братъ, родной братъ по крови и уму, по духу, тѣмъ боннамъ — эстонкамъ, которыхъ мы приставляемъ къ дѣтямъ, главнымъ образомъ, за ихъ физическую чистоту и умственную непосредственность!»

Я неоднократно находилъ подтвержденія правильности этой оцѣнки при разсмотрѣніи трехъ декретовъ о судѣ, послѣдовавшихъ одинъ за другимъ на разстояніи одного года, изъ которыхъ каждый ломалъ существовавшее до него судоустройство. При выработкѣ ихъ его голосъ, какъ министра юстиціи, несомнѣнно, долженъ былъ главенствовать и, если они оказались глубоко бездарными со всѣхъ точекъ зрѣнія, даже съ революціонно-большевистской, то въ этомъ онъ, главнымъ образомъ, и виноватъ. Ихъ качественная оцѣнка лучше всего опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одинъ изъ нихъ не исполнялся до конца. Какъ ни нелѣпо шла судебная жизнь въ совѣтской Россіи, — даже и она не могла вмѣстить въ себя мертворожденныя формы революціоннаго правосудія, и выбрасывала ихъ изъ нѣдръ своихъ, какъ не имѣющій удѣльнаго вѣса элементъ.

Съ появленіемъ Стучки комиссаріатъ былъ реформированъ. Онъ состоялъ теперь изъ пяти отдѣловъ: регистратуры, секретаріата, вмѣстившаго въ себя отдѣленія гражданское и уголовное, административнаго, вѣдавшаго судоустройствомъ и личнымъ составомъ, хозяйственнаго и законодательнаго. Въ составѣ послѣдняго значилось громко-звучавшее кодификаціонное отдѣленіе, все состоявшее изъ одного плохонькаго молодого человѣка. Вскорѣ выросъ еще одинъ новый отдѣлъ «Отдѣленія церкви отъ государства».

Отдѣленіями секретаріата и регистратуры завѣдывалъ Красиковъ, хозяйственнымъ, помнится, — Черлюнчукевичъ, въ законодательномъ первую скрипку игралъ проф. Рейснеръ, административный только что еще начиналъ создаваться подъ руководствомъ Курскаго.

Изъ числа консультантовъ петроградскаго гражданскаго отдѣленія въ Москву эвакуировалось трое — Бѣляевъ, Шульманъ и я. Муравьевъ не пожелалъ ѣхать, остальныхъ не взяли. При новомъ распредѣленіи должностей я сталъ завѣдывать гражданскимъ отдѣленіемъ, Бѣляевъ — уголовнымъ, Шульманъ

остался консультантомъ. Упоминавшійся выше кандидатъ изъ уголовнаго отдѣленія немедленно по пріѣздѣ въ Москву запьянствовалъ и послѣ громкаго скандала въ гостиницѣ былъ уволенъ.

Работы сразу оказалось по горло. Изъ Петрограда нами было взято самое ограниченное количество текущихъ дѣлъ и въ силу такого раздвоенія канцеляріи масса просителей справлялась о томъ, гдѣ находятся ихъ дѣла и въ какомъ положеніи. Поступали самыя разнообразныя прошенія, нѣкоторыя изъ нихъ содержали въ себѣ вопросы чисто юридическаго характера.

Особенно частыми посѣтителями были одно время два лица, — управляющій чьимъ то громаднымъ лѣснымъ имѣньемъ и его повѣренный, солидный пожилой человѣкъ изъ крупныхъ дѣльцовъ. Дѣло было въ томъ, что они не успѣли закончить совершенія купчей на это имѣнье на имя какого то иностранца. Сдѣлка была явно фиктивной. Въ то время многіе прибѣгали къ этому способу, разсчитывая такимъ образомъ сохранить свои недвижимости отъ національизаціи. Декретъ о національизаціи вступилъ въ силу 14 декабря 1917 г. и съ этого момента всѣ, направляемые младшими нотаріусами, проекты купчихъ крѣпостей оставались безъ утвержденія. Положеніе осложнялось тѣмъ, что по землѣ имѣнья была проведена вѣтка желѣзной дороги, составлявшая личную собственность владѣльца имѣнія. Просители, защищая свои интересы, стояли на томъ, что имѣніе уже продано и принадлежитъ иностранцу, такъ какъ купчая у младшаго нотаріуса совершена. Это было совершенно невѣрно съ точки зрѣнія еще неотмѣненныхъ большевиками законовъ, и я посовѣтовалъ бросить этотъ пунктъ безъ дальнѣйшей борьбы и спасать то, что по содержанію опубликованныхъ декретовъ еще можно спасти, то-есть имущество подъѣздной вѣтки, представлявшее само по себѣ милліонную цѣнность. Я обѣщалъ дать заключеніе о правѣ владѣльца имѣнія или получить компенсацію отъ казны за подъѣздную вѣтку, или распорядиться по собственному усмотрѣнію желѣзнодорожнымъ имуществомъ. Это заключеніе я передалъ черезъ Красикова въ коллегію комиссаріата, гдѣ оно, кажется, и погибло совершенно безрезультатно. Удивило меня отношеніе Красикова къ этому случаю. — Когда я излагалъ ему сущность моего заключенія и ждалъ отъ него или подтвержденія, или возраженій по существу юридическаго вопроса, я услыхалъ такой совѣтъ:

«Взяли бы вы, Н. В., да и тиснули статью, на какія, молъ, штучки пускаются буржуи для сохраненія своего имущества!»

Появлялись дѣла, цѣнныя какъ матеріалъ для наблюденія и какъ основа для выводовъ. — Была подана кѣмъ то жалоба на неправильныя дѣйствія желѣзнодорожнаго начальства какой то станціи, и по разслѣдованію дѣла оказалось, что уѣздный исполкомъ, на томъ основаніи, что пути дороги пролегали по территоріи уѣзда, считалъ себя вправѣ устанавливать свои желѣзнодорожные порядки въ предѣлахъ уѣзднаго района и вообще чувствовалъ себя неограниченнымъ властителемъ надъ пассажирами, грузомъ и желѣзнодорожными служащими. Это было одно изъ многочисленныхъ сумбурныхъ истолкованій популярнаго большевистскаго лозунга «власть на мѣстахъ», глубоко въѣвшагося въ сознаніе мѣстныхъ большевистскихъ властей, внесшаго необычайный, изумительный по своей разнообразной нелѣпости разбродъ въ управленіе Россіей, упорно неподдававшагося впослѣдствіи самымъ энергичнымъ мѣрамъ по проведенію принципа централизаціи власти.

Мало по малу картина происходящаго разъяснялась. Во-первыхъ, въ самомъ комиссаріатѣ никакого порядка не существовало. Порой невозможно было до-

биться, куда поступила та или другая бумага. По содержанію она должна была бы находиться въ гражданскомъ отдѣленіи, а оказывалась нъ уголонномъ или административномъ. Весь комиссаріатъ плылъ по теченію, занимаясь тѣми дѣлами, которыя попадали въ него волею случая, и не обращая никакого вниманія на то, что творилось нокругъ него, если оно не задѣнало его какимъ нибудь прошеніемъ, жалобой и т. п. Ни одно изъ большевистскихъ учрежденій не понимало въ точности существа своихъ функцій и не желало знать предѣловъ своей власти, считая себя наиболѣе нажнымъ и самодовлѣющимъ.

Государственная власть не слѣпляла жизненныя формы въ одно компактное цѣлое. Процессъ гніенія русской государственности продолжался и при большевикахъ съ прежней силой, подчиняя себѣ учрежденія и людей. Многіе изъ нихъ производили нпечатлѣніе совершенно ошалѣлыхъ, свалившихся съ луны. Въ такомъ состояніи, напримѣръ, былъ Красиковъ съ момента пріѣзда въ Москву. То онъ нрывался въ канцелярію и пугалъ служащихъ крикомъ, очевидно, желая поднять этимъ свой престижъ, то добродушно разспрашивалъ:

«Ну-ка, разскажите, какъ это васъ въ Петроградѣ ограбили. Говорятъ, автомобиля то долго ждать пришлось?»

Я нысказалъ ему свои соображенія о необходимости выработать инструкцію каждому отдѣлу комиссаріата, конституцію комиссаріата нъ его цѣломъ, равно, какъ и конституцію для сосѣднихъ учрежденій, дабы внести элементарный порядокъ въ ихъ дѣятельность.

Красиковъ ухватился за эту мысль, горячо одобрилъ этотъ проектъ и просилъ набросать инструкцію гражданскому отдѣленію. Когда же я послѣ большого труда ее изготовилъ, то Красиковъ положилъ ее къ себѣ въ карманъ и проносилъ такъ мѣсяца полтора, нпослѣдствіи перешелъ завѣдывать отдѣломъ «Отдѣленіе церкви отъ государства» и на этомъ дѣло и окончилось.

Потерявъ надежду получить какіе нибудь результаты отъ моихъ обращеній къ нему по волновавшимъ меня вопросамъ, я сталъ иногда бесѣдовать съ Козловскимъ. Однимъ изъ такихъ вопросовъ было возникновеніе въ Москвѣ цѣлаго ряда самыхъ неожиданныхъ судебныхъ инстанцій, не только выносившихъ рѣшенія и приговоры, но и немедленно приводившихъ ихъ въ исполненіе «своими средствіями». Комиссаріатъ Труда безапеляціонно разрѣшалъ столкновенія между рабочими и работодателями, присуждая послѣднихъ къ уплатѣ невѣроятныхъ суммъ, разоряя ихъ въ конецъ и этимъ убивая самое дѣло. Какіе то продовольственные суды, возникшіе безъ малѣйшей о томъ освѣдомленности комиссаріата юстиціи, закатывали виновныхъ въ злоупотребленіяхъ продовольственными карточками въ тюрьму на сроки въ 5 и выше лѣтъ. Чрезвычайная слѣдственная комиссія не только производила слѣдствіе, но и постановляла приговоры и приводила ихъ въ исполненіе, неизвѣстно по какому праву.

Я убѣждалъ Козловскаго, что комиссаріатъ юстиціи обязанъ принять мѣры противъ творящихся безобразій, при этомъ я выразилъ недоумѣніе, какъ можно давать такую власть политически неграмотнымъ людямъ.

Маленькій, толстенькій, чистенькій, съ взъерошенными, какъ у ежа, волосами, Козловскій, по-польски вѣжливый и воспитанный, съ убѣжденіями моими согласился, а на недоумѣніе возразилъ:

«Что-жъ тутъ не понимать? — вѣдь вы же знаете, кто служитъ въ чрезвычайной комиссіи? Вы пойдете туда служить?»

«Я? — Нѣтъ, не пойду».

«Ну и я не пойду. — Этимъ все и объясняется» *.

Читая нынѣ разсказы Дзержинскаго о кристально чистыхъ душахъ сотрудниковъ Чека, я думаю, что онъ, бѣдняга, одинокъ въ этомъ своемъ мнѣніи даже больше, чѣмъ предполагаетъ.

Безъ преемственности, безъ опытныхъ служащихъ, заваленные по горло работой, удесятерявшейся отъ неумѣнія взяться за нее, приступить къ ней, безрезультатно копошились совѣтскія учрежденія. Для честолюбцевъ открывалось широкое поле дѣятельности — они могли съ утра до вечера фигурировать во всевозможныхъ засѣданіяхъ разнообразныхъ комиссій въ качествѣ представителей того или другого комиссаріата. Никакой сверхурочной платы за это не полагалось, никакихъ иныхъ доходовъ это не давало, но, тѣмъ не менѣе, находилось не мало наивныхъ людей, которые изъ за одного только лишь удовольствія заявить во всеуслышаніе: «Представитель такого то комиссаріата», или «отъ имени комиссаріата такого то довожу до свѣдѣнія», — согласны были проводить безконечное количество часовъ въ безсистемныхъ и безтолковыхъ словопреніяхъ. Очень часто уже второй или третій ораторъ заводилъ простой и ясный вопросъ въ такіе кусты, изъ которыхъ выбратся было немыслимо, ибо чѣмъ дальше шли въ лѣсъ, тѣмъ все болѣе и болѣе неразрѣшимые вопросы громоздились въ безобразную кучу.

Нѣкоторые изъ людей, выдвинутыхъ переворотомъ изъ совершеннаго ничтожества на степень государственныхъ работниковъ, чрезвычайно ревниво относились къ этому новому своему положенію и изо всѣхъ силъ старались исполнять возложенныя на нихъ обязанности, стремились обдумать и обсосать каждое дѣло такъ, чтобы, какъ говорится, комаръ носа не подточилъ, но въ силу полнаго отсутствія навыка къ работѣ, безнадежно погрязали въ мелочахъ и теряли возможность добратся до правильнаго разрѣшенія коренного вопроса.

Это — одна изъ причинъ того, поистинѣ, фантастическаго бюрократизма, который столь характеренъ для большевиковъ.

Въ комиссаріатъ юстиціи приходило ежедневно нѣсколько повѣстокъ съ просьбой прислать представителей комиссаріата въ ту или другую комиссію на то или другое засѣданіе. Противъ моего желанія я былъ назначенъ въ двѣ комиссіи. Одна — по проведенію въ жизнь брестскаго договора. Въ этой комиссіи я присутствовалъ на одномъ засѣданіи, происходившемъ у Карахана.

Предстояло соприкоснуться съ позорнымъ договоромъ, увѣнчавшимъ «пахабный миръ».

Я долго берегъ этотъ историческій документъ, который въ то время внимательно читалъ, стараясь уловить, если не въ мысли, то, хотя бы, въ редакціи статей, всякую возможность урѣзать предусмотрѣнныя договоромъ права нѣмцевъ. Побѣдители широко воспользовались правомъ кулака и не только выгово-

* Нужно принять во вниманіе, что этотъ разговоръ происходилъ въ то время, когда большевизмъ еще не вступилъ въ кровавый періодъ своего существованія. Въ то время не существовало еще новой мѣры государственнаго управленія — краснаго террора, проведеніе коего въ жизнь было возложено на чрезвычайныя комиссіи. Если бы затронутый мною вопросъ былъ въ то время надлежащимъ образомъ поддержанъ, возможно, что чрезвычайныя комиссіи еще можно было бы ввести въ оглобли. Аналогичныя попытки Крыленки, впослѣдствіи ставившаго этотъ вопросъ на обсужденіе В. Ц. И. К., потерпѣли фіаско, по моему мнѣнію, именно въ силу своей запоздалости.

рили у большевиковъ матеріальныя выгоды, но обусловили себѣ также привилегированное, сравнительно со всѣмъ русскимъ народомъ, положеніе передъ совѣтскою властью.

Я готовился къ серьезнымъ занятіямъ въ комиссіи и не безъ волненія входилъ въ прекрасныя помѣщенія комиссаріата иностранныхъ дѣлъ. Собраніе должно было происходить въ кабинетѣ Карахана. Принявъ во вниманіе всероссійскую важность того или иного разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ проведеніемъ въ жизнь Брестскаго договора, я разсчитывалъ встрѣтить на собраніи комиссіи лучшіе умы и лучшихъ людей большевистскихъ учрежденій. Съ удивленіемъ увидѣлъ я пять-шесть человѣкъ обычной сѣрой внѣшности, которая, какъ я въ этомъ успѣлъ убѣдиться, не таитъ подъ собою никакихъ сюрпризовъ. Эти представители вѣдомствъ не были высшаго достоинства, чѣмъ обычно присутствующіе на собраніяхъ, засѣданіяхъ и пр. рядовые большевистскіе служащіе, часто не обладавшіе даже способностью отчетливо выражать свои мысли. На этомъ сѣромъ фонѣ выдѣляется картиннымъ и интеллигентнымъ лицомъ и барскими повадками красавецъ Караханъ. Его внѣшность, манеры и приличное убранство затянутаго ковромъ кабинета видимо смущали нѣкоторыхъ присутствующихъ. Представленія о томъ, въ какой собственно плоскости должна протекать работа и въ чемъ собственно она должна выражаться, — не было ни у кого. Зная, что у комиссаріата иностранныхъ дѣлъ имѣется свое юрисконсультское отдѣленіе, имѣющее разъяснять вопросы международно-договорные, я считалъ, что наша комиссія должна была бы представлять собою собраніе спеціалистовъ: по финансовымъ вопросамъ, желѣзнодорожнымъ и т. д., существовать на все время дѣйствія договора и работать въ томъ или иномъ контактѣ съ юрисконсультскимъ отдѣленіемъ. Готовясь къ засѣданію я хотѣлъ предложить мой планъ, но думалъ, что у Карахана готовъ свой проектъ объ организаціи комиссіи. Не знаю, правильно ли было мое предположеніе, но ни Караханъ, ни я, ничего не предлагали. Я не предлагалъ своего проекта потому, что вообще не могъ серьезно отнестись къ комиссіи такого состава, собиравшейся рѣшать вопросы русско-германскихъ взаимоотношеній, и рѣшилъ лучше потомъ переговорить съ Карахановъ. Мы говорили о пустякахъ, не разрѣшили ни одного, даже организаціоннаго, вопроса и на томъ разошлись. Я больше ничего не слыхалъ объ этой комиссіи. Можетъ быть, она умерла сама собою вслѣдствіе вскорѣ послѣдовавшей германской революціи, унесшей въ прошлое и самый договоръ и нѣмцевъ, его подписавшихъ.

Второй разъ я былъ на засѣданіи комиссіи, рѣшавшей судьбы какого то колоссальнаго капитала желѣзнодорожныхъ служащихъ, кажется эмеритальнаго; первыми же вопросами, обращенными къ предсѣдателю собранія, мнѣ удалось выяснить, что капиталомъ уже распорядились, а засѣданія нужны были лишь для соблюденія конвенансовъ и обречены были провозгласить резолюцію, опредѣляющую то назначеніе капитала, на которое онъ уже былъ употребленъ. Я заявилъ протестъ противъ такого образа дѣйствій, а въ комиссаріатѣ отказался отъ дальнѣйшихъ «представительствъ», придравшись къ тому, что мнѣ отказали выдать сто рублей, заплаченныхъ мною извозчику, въ виду поздняго возвращенія изъ засѣданія.

Мнѣ становилось очень не по себѣ. Я уже начиналъ понимать не только большевиковъ, но кое что другое, обусловившее ихъ появленіе. Ясно было, что съ ними мнѣ не по дорогѣ, и я ждалъ лишь наступленія благопріятнаго момента въ теченіи своихъ личныхъ дѣлъ для того, чтобы покинуть комиссаріатъ. До

нѣкоторой степени меня примиряла съ нимъ фигура теперешняго наркомюста Димитрія Ивановича Курскаго. Мнѣ нравилась его увѣренность въ томъ, что большевики дѣлаютъ большое и хорошее дѣло. Онъ хотѣлъ ввести собесѣдованія между старшими служащими комиссаріата для ознакомленія ихъ съ общимъ теченіемъ дѣла, и, очевидно, для приданія имъ служебной и идейной спайки. Одно такое собраніе состоялось, и на немъ Курскій говорилъ о принятіи большевизма Сибирью (до-Колчаковскій періодъ), о томъ, что большевизмъ собираетъ Россію, готовую развалиться по кускамъ, о преимуществахъ народовластія и т. п., но важнымъ было не что онъ говорилъ, а какъ онъ говорилъ. Его некрасивое, но пріятное, «купецкой» складки лицо воодушевлялось неподдѣльно, отъ всей его невысокой крѣпкой фигуры, мягкаго голоса, отъ просвѣчивавшаго нежеланія увлечься больше, чѣмъ слѣдуетъ, — создавалось впечатлѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ искренне вѣрующемъ, увлеченномъ желаніемъ общаго блага, далекомъ отъ своекорыстныхъ партійныхъ или личныхъ разсчетовъ. Въ немъ отсутствовало стремленіе агитировать, сыграть на дурной струнѣ карьеризма, вовлечь въ соучастіе, вообще, какимъ нибудь способомъ заставить человѣка сдѣлать то, чего ему не хочется дѣлать, — черта, отъ которой пахло подпольемъ, бѣсами, общая многимъ большевистскимъ дѣятелямъ и, въ особенности, сильная у Красикова. Курскій могъ увлечь и убѣдить. Тѣ же, кто оставался при своемъ мнѣніи, не могли его обвинить во лжи и демагогіи, но только сожалѣть объ искреннихъ заблужденіяхъ прямого, хорошаго человѣка. Таковъ былъ Курскій въ началѣ его работы въ комиссаріатѣ. Черезъ два мѣсяца его трудно было узнать. Похудѣвшій, изнервничавшійся, онъ превратился изъ общительнаго, отзывчиваго человѣка въ раздражительнаго, замкнутаго и, пожалуй, даже высокомѣрнаго. Работа высшихъ, отвѣтственныхъ дѣятелей большевизма размалываетъ, уничтожаетъ людей. Они будто линяютъ и утрачиваютъ индивидуальныя выпуклости своего внутренняго человѣка. Принятіе большевизма мѣняетъ людей совершенно, какъ въ этомъ я неоднократно съ горечью убѣждался, и я не знаю, что изъ себя представляетъ Курскій въ данный моментъ, но это тотъ большевикъ изъ числа сослуживцевъ по комиссаріату, о первыхъ выступленіяхъ котораго мнѣ и теперь тепло вспоминается.

Переходъ Красикова въ отдѣлъ «Отдѣленія церкви отъ государства»* и пополненіе коллегіи комиссаріата новымъ членомъ Чегодаевымъ произошло приблизительно въ одно время съ принятіемъ мною рѣшенія оставить комиссаріатъ. Тѣмъ не менѣе, я радовался уходу Красикова, такъ какъ чувствовалъ невозможность продолжать съ нимъ работу. Къ Чегодаеву я относился безразлично, такъ какъ приближался часъ моего ухода изъ комиссаріата.

За время моего въ немъ пребыванія я понялъ, что никакой серьезной силы большевики собою не представляютъ, что никакими организаторскими талантами въ массѣ своей не обладаютъ (объ отдѣльныхъ лицахъ, какъ объ исключеніяхъ, не говорится), что завоеваніе ими государственной власти объясняется общимъ параличемъ, что они не могли не взять верха, ибо въ то время, когда они вѣрили въ свой коммунизмъ и добивались власти — никто, кромѣ нихъ, ни во что не вѣрилъ и ничего не добивался. Что этотъ параличъ есть ничто иное, какъ

* Въ 1919 году Красиковъ совмѣщалъ это завѣдываніе съ предсѣдательствованіемъ въ Московскомъ революціонномъ трибуналѣ.

распаденіе русской государственности — процессъ, зародившійся издалека, вступившій въ интенсивный періодъ свой съ 1905-го года, вылившійся въ февралѣ 1917-го года вовсе не въ революцію, а въ другое явленіе государственной жизни народовъ, которому еще не подобрано названіе.

По внѣшности оно сходно съ революціей. Весь революціонный шаблонъ соблюденъ. Также умираетъ старое, но безъ внѣшняго потрясенія, просто не находя въ себѣ силъ для дальнѣйшаго существованія. Никто не строитъ баррикадъ, не умираетъ, жертвуя собою за лучшее будущее другихъ, и нельзя сказать, почему это происходитъ, просто ли потому, что, какъ это выяснилось впослѣдствіи, этого не нужно было, или потому, что не нашлось бы на это охотниковъ, если бы оказалось необходимымъ. Также мелькаютъ слова и жесты, красота которыхъ построена на отрицаніи дурного прошлаго. Также выдвигаются на общественную арену новыя лица и группы лицъ, но не становятся героями. Имена ихъ не связываются въ народномъ представленіи съ красотой совершеннаго подвига. Безславно они сходятъ со сцены и лучшее, что ожидаетъ ихъ — это забвеніе.

Здѣсь нѣтъ столкновенія двухъ силъ, какъ въ революціи, здѣсь сходятся другъ противъ друга два безсилія, блѣдными лицами смотрятъ одно на другое и погибаетъ то, которое раньше и больше испугается.

Это безсиліе государственнаго существованія открываетъ перспективы безотрадныя, или заволакиваетъ будущее пеленою ужасныхъ предчувствій.

Это явленіе случилось въ Россіи 27-го февраля 1917-го года.

Первый крикъ новорожденной революціи: «Долой!»

И отсутствіе схемъ и ясныхъ представленій будущаго не страшно, когда слышится біеніе народнаго пульса, когда ощущается творчество народныхъ массъ, руководящее толпами, подчиняющее себѣ отдѣльныхъ людей, съ лихвою восполняющее разрушенія революціонной борьбы.

Безъ порыва, безъ риска и безумія храбрыхъ совершалась революція 27-го февраля и, соотвѣтственно этому безмолвію души — безмолвствовали уста. Не раздалось пѣсни освобожденія 180-ти милліоннаго народа. Французская марсельеза стала русскимъ проклятіемъ, ибо, съ точки зрѣнія національнаго чувства, отъ нея одинъ шагъ до «Интернаціонала».

Пусть умерло самодержавіе — на мѣсто его ничего не родилось, ибо страна ничѣмъ не беременѣла. Въ ней было разложеніе и пустота.

И какъ всякое разложеніе родитъ собственныхъ могильщиковъ, такъ и это родило большевиковъ-червей, поѣдающихъ трупъ русской государственности.

Кончая свои воспоминанія о комиссаріатѣ юстиціи, я не могу не упомянуть о судьбѣ комитета служащихъ. Въ ближайшій послѣ эвакуаціи періодъ онъ фактически не существовалъ, такъ какъ изъ числа членовъ комитета мало кто былъ эвакуированъ. Мало по малу необходимость имѣть какую либо организацію, на которую можно было бы опереться въ противовѣсъ полному самовластію коллегіи комиссаріата, становилась все болѣе очевидной.

Пріемъ на службу, увольненіе производились коллегіей совершенно самостоятельно, и, часто, несогласно съ мнѣніемъ большинства служащихъ (какимъ то образомъ оказались прибывшими въ Москву многіе изъ неподлежавшихъ эвакуаціи и старые сослуживцы считали ихъ первыми кандидатами на вакантныя

должности). Безапелляціонно диктовались правила внутренняго служебнаго распорядка. Каждый служащій становился, при такомъ ходѣ дѣлъ, въ полную зависимость отъ усмотрѣнія коллегіи, а, такъ какъ коллегія разсматривала вопросы, касающіеся того или другого служащаго на основаніи доклада члена коллегіи, завѣдующаго отдѣломъ, то получалась уже личная зависимость служащихъ отъ завѣдующаго отдѣломъ. Такое положеніе дѣйствовало деморализующе. Уже появились доморощенные Розенкранцы, уже кое кто съ успѣхомъ для личнаго устройства дѣлъ пускалъ въ ходъ подхалимство.

По инициативѣ отдѣла секретаріата было созвано собраніе всѣхъ служащихъ для рѣшенія вопроса о возобновленіи дѣятельности союза служащихъ и для выборовъ комитета. Вопросъ былъ разрѣшенъ положительно, комитетъ избранъ, но съ первой же минуты въ дѣятельность союза былъ внесенъ расколъ. На это собраніе явился лишь одинъ представитель законодательнаго отдѣла, помнится, даже заявившій, что онъ присутствуетъ на собраніи не какъ участникъ его, а лишь для информированія законодательнаго отдѣла о происходящемъ. Впослѣдствіи этотъ отдѣлъ увѣдомилъ, что онъ избралъ свой комитетъ отдѣленскій. Однимъ словомъ вокругъ вопроса о союзѣ продолжалась борьба, затѣянная Рейснеровской группой противъ группы гражданскаго отдѣленія. Коллегія комиссаріата сперва приглядывалась къ возродившемуся союзу, а затѣмъ, очевидно, учтя происшедшій расколъ, декларировала свое отношеніе къ нему, точно опредѣливъ тѣ рамки дѣйствія его, въ предѣлахъ которыхъ она согласна была съ нимъ считаться.

Этой деклараціей союзу отводилось узкое поле дѣятельности и самъ союзъ ставился въ подчиненное, чуть ли не служебное, отношеніе къ коллегіи. Какъ было бороться? — Ни одинъ изъ способовъ внутренней, такъ сказать, борьбы не могъ пригодиться для учрежденій, однажды уже переживших саботажъ, въ результатѣ котораго они совершенно были лишены рабочей силы. Борьба внѣшняя могла протекать только въ плоскости созданія внѣвѣдомственнаго универсальнаго союза служащихъ. Попытка къ этому была сдѣлана помимо насъ, но на засѣданіяхъ этого нарождающагося союза шла борьба коммунистовъ со всѣми остальными партійными и безпартійными и происходило нѣчто до такой степени несуразное, что нашъ делегатъ не могъ даже представить намъ толковаго отчета о происходившемъ. По этимъ ли соображеніямъ, или по какимъ другимъ — я подозрѣваю, что большую роль сыграло то обстоятельство, что съ проведеніемъ декрета о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, торговля, не совсѣмъ еще въ то время убитая въ Москвѣ, прекращалась черезъ часъ, или полтора, по окончаніи занятій въ комиссаріатѣ, въ силу чего служащіе спѣшили скорѣе разойтись и не оставались на происходившія послѣ занятій собранія, — но фактъ тотъ, что эти собранія пустовали и союзъ служащихъ, при Штейнбергѣ въ серьезъ обсуждавшій необходимость распространить свои полномочія до наблюденія за общимъ функціонированіемъ комиссаріата, то-есть, до контроля надъ дѣятельностью комиссаровъ, — теперь влачилъ незамѣтное, жалкое существованіе.

На фонѣ этого разложенія общественнаго начала среди служащихъ комиссаріата только и могла появиться такая фигура, какъ Чегодаевъ.

Послѣ ухода Красикова, завѣдывать отдѣломъ секретаріата сталъ Чегодаевъ. Онъ вообще готовъ былъ завѣдывать всѣмъ, чѣмъ только позволяли ему завѣдывать. Съ первыхъ же дней своего поступленія въ комиссаріатъ онъ сталъ подтягивать служащихъ, сторожей; завелъ кондуитные журналы, гдѣ каждый

во время явившійся на службу и во время ушедшій съ нея обязанъ былъ расписываться; опоздавшимъ дѣлались нагоняи въ грубой формѣ. Старшимъ служащимъ для проникновенія къ нему въ кабинетъ были розданы «желтые билеты», на одномъ изъ которыхъ значилось: «прошу принять», на другомъ: «прошу принять экстренно». На стѣнѣ у него висѣло графическое изображеніе часовъ его работы въ различныхъ учрежденіяхъ, причемъ, выходило такъ, что онъ работаетъ 18 часовъ въ сутки. Каждое утро ему дѣлались доклады, а онъ давалъ распоряженія, которыя докладчикъ отмѣчалъ въ особой записной книжкѣ. На слѣдующій день онъ собственноручно вычеркивалъ исполненныя распоряженія. Часто бывало, что эти распоряженія не исполнялись по недѣлямъ потому, что оставленныя имъ на просмотръ дѣла спокойно пролеживали у него на конторкѣ.

Общимъ отношеніемъ къ нему всѣхъ служащихъ, безъ различія ранга, была острая ненависть, между тѣмъ, какъ по внѣшнему виду онъ долженъ былъ бы производить даже располагающее къ себѣ впечатлѣніе — высокаго роста, молодой, съ правильными чертами лица, темно-бронзовыми волосами и карими глазами, онъ былъ даже красивъ. Онъ принадлежалъ къ сорту людей типа Вѣры Ростовой (Война и Миръ), которая всегда говорила то, съ чѣмъ нельзя было не согласиться, но отъ словъ которой всѣмъ дѣлалось неловко и не по себѣ. Таковъ былъ и Чегодаевъ — нѣкоторыя распоряженія его были разумны и резонны, но проводились они въ такой формѣ, что неизмѣнно вызывали общее озлобленіе и желаніе протестовать. Его называли «октябрьскимъ коммунистомъ» (то-есть новѣйшимъ, перекрещеннымъ), говорили, что онъ уже однажды сидѣлъ въ больницѣ для душевно-больныхъ. Члены коллегіи, по моимъ наблюденіямъ, относились къ нему съ осторожностью. Вѣрнѣе всего, что это былъ человѣкъ, рѣшившій сдѣлать карьеру на коммунизмѣ.

Мало по малу онъ добирался до старшихъ служащихъ и начиналъ подтягивать ихъ. Я ждалъ своей очереди и рѣшилъ использовать нашу неизбѣжную стычку для того, чтобы не безполезно уйти изъ комиссаріата, и началъ съ того, что отказался получить «желтый билетъ», заявивъ, что постараюсь вовсе не безпокоить его въ неурочное время.

Обстоятельства, побуждавшія меня скорѣе разстаться съ комиссаріатомъ, наростали. Однимъ изъ такихъ явилось опубликованіе декрета о наслѣдованіи. Въ декретѣ указывалось, что ближайшіе родственники могутъ получить нѣкоторую часть имущества умершихъ путемъ обращенія къ комиссаріату соціальнаго обезпеченія. Какъ и всѣ декреты вообще, такъ и этотъ не былъ детализированъ. На основаніи знакомства моего съ общимъ веденіемъ дѣлъ большевиками, я теперь убѣжденъ, что въ моментъ опубликованія декрета комиссаріату соціальнаго обезпеченія и во снѣ не снилось, что на него налагается новая и чрезвычайно щепетильная обязанность — возиться съ разочарованными наслѣдниками. Что же говорить о такихъ мелочахъ, какъ объ отсутствіи въ декретѣ указаній порядка, въ которомъ должно протекать принятіе прошеній, разсмотрѣніе ихъ и постановленіе по нимъ опредѣленій, а также отсутствіе точнаго наименованія тѣхъ учрежденій соціальнаго обезпеченія, которыя обязаны заниматься этой работой.

Вся Москва была раздѣлена на районы, соотвѣтственно прежнимъ «частямъ», и каждый районъ возглавлялся исполкомомъ, долженствовавшимъ въ миніатюрѣ воспроизводить всероссійскій центральный исполкомъ. Поэтому, при каждомъ районномъ исполкомѣ долженъ былъ существовать отдѣлъ соціальнаго обезпеченія.

Такъ какъ въ декретѣ было сказано, что имущество умершихъ охраняется судебнымъ приставомъ, но поступаетъ въ распоряженіе и на отвѣтственность исполкома, то естественно было думать, что прошеніе о выдачѣ наслѣдственной доли имущества должно адресоваться въ районные отдѣлы соціальнаго обезпеченія. Такого рода указанія я давалъ просителямъ по наслѣдственнымъ вопросамъ.

Въ одинъ прекрасный день ко мнѣ явилась дама, которой наканунѣ я далъ вышеприведенный совѣтъ и разсказала, что не только никакого отдѣла соціальнаго обезпеченія въ районѣ не имѣется, но что съ нею и говорить то даже не хотѣли на томъ основаніи, что теперь всѣ наслѣдственныя права уничтожены.

Я посовѣтовалъ просительницѣ довести этотъ случай до свѣдѣнія комиссаріата соціальнаго обезпеченія, но въ душѣ былъ увѣренъ, что въ лучшемъ случаѣ она получитъ предложеніе обождать, покуда при районномъ исполкомѣ образуется соотвѣтственный отдѣлъ.

Этотъ эпизодъ былъ послѣдней каплей, переполнившей мое терпѣніе. Я рѣшительно не хотѣлъ валять дурака, разъясняя неразъяснимые декреты.

На тѣхъ же дняхъ произошла ожидавшаяся мною стычка съ Чегодаевымъ. Было приказано перевести часы на 1 часъ назадъ. Въ «Славянскомъ базарѣ» этого не сдѣлали и меня не разбудили своевременно, въ силу чего я опоздалъ на службу. Черезъ пять минутъ ко мнѣ вошелъ Чегодаевъ и повышеннымъ голосомъ сталъ мнѣ дѣлать внушеніе. Я тоже повысилъ голосъ, онъ тоже, въ концѣ концовъ мы оба кричали. Послѣднимъ кричалъ все-таки я, требуя, чтобы на будущее время онъ бесѣдовалъ со мною черезъ коллегію, а покуда, чтобы сію же минуту удалился изъ моего кабинета. Блѣдный, какъ полотно, Чегодаевъ заметался между тремя дверями моего кабинета, а затѣмъ выскочилъ въ общій залъ. Около дверей собрались служащіе, высовывались испуганныя лица. Отъ двери въ общую залу отдѣлился сторожъ, дежурившій у кабинета Стучки, расположеннаго противъ моей комнаты, отвѣсилъ поясной поклонъ и промолвилъ:

«Это, Н. В., отъ всѣхъ сторожей!»

Такимъ финаломъ моей службы въ комиссаріатѣ я былъ удовлетворенъ.

Оставаться въ отдѣлахъ, которыми завѣдывалъ Чегодаевъ, было невозможно. Курскій предложилъ служить у него въ административномъ отдѣлѣ, и этимъ я воспользовался, чтобы дослужить 3—4 дня до полученія полумѣсячнаго жалованья.

Задача моего пребыванія въ комиссаріатѣ была выполнена. Внутри наростало омерзѣніе ко всему окружающему, даже къ самой Москвѣ, загрязненной, уплотненной, начавшей уже голодать, еще болѣе покорно, чѣмъ Петроградъ, позволявшей попрать свои вѣковыя твердыни, впустивши въ святое святыхъ свое и всей Россіи людей, съ презрительной усмѣшкой вычеркивающихъ изъ жизни народа патріотизмъ, религію, мистику, всѣ невещественныя цѣнности, которыя есть и будутъ во вѣки вѣковъ лучшими достиженіями человѣчества.

Одинъ важный вопросъ еще не былъ разрѣшенъ мною. — Большевики дѣйствовали по рабоче-крестьянской довѣренности, — мнѣ хотѣлось и я долженъ былъ по возможности детально провѣрить полномочія этой довѣренности.

Я рѣшилъ соприкоснуться съ народомъ.

III

Никогда Москва не была такъ грязна, неустроена и внѣшне-груба, какъ весной 1918 года. Такъ человѣкъ во время тяжелыхъ душевныхъ переживанiй не обращаетъ вниманiя на внѣшность. Въ задумчивости идетъ онъ изъ прихожей, забывъ оставить тамъ шляпу и кладетъ ее на обѣденный столъ, садится въ первое попавшееся кресло, стоящее на самомъ неуютномъ мѣстѣ, на которомъ онъ никогда не сидѣлъ, и валится дымящаяся папироса изъ безсильныхъ пальцевъ на дорогой коверъ. Блуждающимъ взоромъ глядитъ онъ кругомъ, — все не такъ, какъ было раньше. «А, все равно, — потомъ приберется», думаетъ онъ, и даже легче ему, что необходимость поддерживать прежнiй порядокъ уничтожилась и не отвлекаетъ больше его вниманiя отъ созерцанiя происходящей внутренней катастрофы.

Шумъ и гвалтъ, которые подняли незванные гости, мельканiе автомобилей, получившихъ специальную кличку «хамовозы», выхватыванiе другъ у друга особняковъ покрасивѣе для того или иного учрежденiя, перевозка казеннаго имущества изъ одного помѣщенiя въ другое, — наполнили Москву суетливой безтолковщиной, не задѣвавшей глубинъ московской жизни.

Это дѣйствовало на нервы, какъ шумъ холостого маховика, вертящагося особенно сильно и громко потому, что онъ выключенъ изъ сопряженiя съ приводами и вертится зря, не исполняя никакой полезной работы.

Улицы, магазины, кинематографы и театры были полны какой то сѣрой, невзрачной публикой, неистово толкавшейся, старавшейся держать себя независимо и свободно, усвоившей себѣ лубочную манерность «свободныхъ гражданъ». Это была первая накипь бурлящей жидкости, вызвавшая брезгливость и боязнь запачкаться.

Радостно было сѣсть въ вагонъ и отсчитывать минуты, когда эти шумъ, грязь и суета останутся позади и смѣнятся спокойствiемъ лѣсовъ, пустынностью полей, грустнымъ шопотомъ природы.

Я ѣхалъ въ глухую маленькую деревушку, гдѣ предложилъ мнѣ поселиться въ построенномъ имъ домѣ мой сослуживецъ по комиссарiату юстицiи, вышедшiй изъ крестьянъ, уроженецъ этой деревушки. Остановка была въ уѣздномъ городкѣ Торжкѣ, откуда около тридцати верстъ нужно было сдѣлать на лошадяхъ.

Съ нетерпѣнiемъ ожидалъ я первыхъ встрѣчъ и перваго обмѣна мыслей съ крестьянами. Хорошо знакомый раньше, въ студенческiй перiодъ моей жизни, съ крестьянской средой, я былъ оторванъ отъ нея болѣе, чѣмъ пятнадцатью годами городской напряженной работы. За этотъ долгiй перiодъ меня взволновалъ отзвукъ крестьянской жизни, долетѣвшiй до меня въ книгѣ «Наше преступленiе», рисовавшей бытъ и нравы крестьянства. Въ печати былъ поднятъ шумъ вокругъ нея, ибо картина моральнаго развала деревни была нарисована рѣзкими, безпощадными красками. Писали, что авторъ тенденцiозно подобралъ факты, что онъ сгустилъ краски, что иначе смотрѣть на русскiй народъ и не можетъ бывшiй земскiй начальникъ Родiоновъ. Между тѣмъ, всѣмъ нутромъ я чувствовалъ, что авторъ пишетъ одну только правду и не выдумалъ свою книгу, а сфотографировалъ въ ней тѣ дѣйствительные факты, которыми изобиловала жизнь русской деревни. Предвѣстники этого ея состоянiя появлялись уже во время моего тѣснаго знакомства съ нею.

Со времени появленія на свѣтъ Божій этой книги прошло лѣтъ восемь или десять. Куда свернула деревенская жизнь? — Вверхъ или внизъ? — У меня были тяжелыя предчувствія, такъ какъ я не зналъ фактовъ, которые могли бы способствовать возрожденію деревни.

Торжокъ утопалъ въ бѣломъ яблоновомъ цвѣту. Его тридцать восемь церквей (необычайное количество для мизернаго населенія мирнаго времени) блистали разноцвѣтными куполами въ зарѣчной части города. Мечтательной архитектурной сказкой рисовалась на голубомъ небѣ бѣлая ажурная колонада, поддерживавшая куполъ одной изъ колоколенъ, построенной, какъ говорятъ, самимъ Растрелли. Между крутыхъ береговъ сердито лопотало теченіе рѣки, не успѣвшей избыть половодья послѣдняго ливня. Здѣсь еще шла феерія весны, незамѣченная пыльной хлопотливой, раздражительной Москвой.

Онъ былъ хорошъ, этотъ маленькій уѣздный городокъ, почти деревня, и я рѣшилъ остановиться въ немъ на нѣсколько дней. Эти дни перевернули мою судьбу и, вмѣсто дальнѣйшаго пути въ деревню, я остался въ немъ почти на цѣлый годъ. Меня убѣдилъ сдѣлать это бывшій судебный слѣдователь Н. Н. Воскресенскій, приведшій много доводовъ въ пользу того, что я долженъ остаться въ Торжкѣ и служить въ уголовной слѣдственной комиссіи, которой онъ состоялъ предсѣдателемъ.

Два изъ этихъ доводовъ имѣли для меня существенное значеніе, — во-первыхъ, что эта служба во многомъ поможетъ мнѣ соприкоснуться съ крестьянствомъ, во-вторыхъ же, что дѣятельность комиссіи посвящена разслѣдованію исключительно уголовныхъ дѣлъ и не носитъ политическаго характера.

Я выставилъ своимъ условіемъ право работать на дому, являясь въ комиссію лишь для сдачи и пріемки дѣлъ, и послѣ переговоровъ съ мѣстнымъ комиссаромъ юстиціи сталъ исполнять обязанности товарища прокурора, направляя дѣла къ дослѣдованію или для разбирательства въ судебную инстанцію, составляя въ этомъ случаѣ обвинительный актъ.

Работы было много. Приходилось ликвидировать дѣла первыхъ революціонныхъ мѣсяцевъ. Обвиняемые, большею частью, были солдаты, возвращавшіеся домой, грабившіе прохожихъ и нападавшіе на дома. Большинство обвиняемыхъ невозможно было разыскать и только относительно мѣстныхъ уроженцевъ удавалось доводить дѣло до конца. Текущія дѣла обильно прибывали, на каждой недѣлѣ поступали заявленія о найденныхъ трупахъ, о совершенныхъ наглыхъ ограбленіяхъ. Увеличеніе преступности наблюдалось повсемѣстно. Въ разговорѣ, происходившемъ нѣсколько позднѣе, комиссаръ юстиціи Старицкаго уѣзда жаловался на невѣроятный ростъ дѣтской преступности, охватывавшей собою самые тяжкіе виды преступленій, вплоть до преднамѣреннаго убійства.

Кромѣ указанной работы, приходилось еще ликвидировать производство административнаго отдѣла, который, являясь отдѣломъ исполкома, до возникновенія народныхъ судовъ, вершилъ, почему то, всѣ судебныя дѣла. Эти производства были со «всячинкой», такъ, по одному дѣлу никакъ нельзя было доискаться — у кого хранится довольно крупная денежная сумма взысканнаго штрафа. Путь ея можно было прослѣдить до комиссара юстиціи, который не отрицалъ, что получилъ ее, но утверждалъ, что передалъ ее безъ расписки другому лицу, тотъ, въ свою очередь, тоже не отрицалъ, но тоже имѣлъ какой то уважительный от-

водъ. Добиться чего либо было невозможно. Послѣ ознакомленія съ этимъ производствомъ къ дѣламъ административнаго отдѣла стали относиться съ осторожностью, попросту говоря, оставили ихъ въ покоѣ. Насколько помню, черезъ уголовную комиссію лишь одно дѣло изъ числа «административныхъ» доведено было до суда. Нѣкій крестьянинъ обвинялся въ убійствѣ жены и былъ заключенъ въ тюрьму. Комиссаръ юстиціи единолично распорядился дѣло производствомъ прекратить и обвиняемаго освободить изъ подъ стражи. По разсмотрѣніи этого дѣла судомъ, обвиняемому было дано 15 лѣтъ тюремнаго заключенія.

Описывая провинціальную жизнь, приходится, конечно, имѣть дѣло съ «dii minores» большевизма, говорить не о большевикахъ, а о большевичкахъ, не о комиссарахъ, а о комиссарчикахъ. На поверхности ея за все время моего пребыванія въ Торжкѣ мелькнули двѣ-три самобытныя фигуры, заслуживающія упоминанія, въ общей же своей массѣ мѣстный исполкомъ и его отвѣтвленія были наводнены, по выраженію одного контръ-революціонера, «брандахлыстомъ» — людьми мелкой душонки, узкой мысли, микроскопическаго масштаба.

Надъ ними головой возвышался нѣкій Панфиловъ, недавно избранный въ предсѣдатели исполкома. Это былъ высокій, стройный, не старый еще, гладко выбритый человѣкъ. Отъ всей фигуры его, большихъ рукъ, крѣпко, по военному, обутыхъ ногъ, оставалось впечатлѣніе физической силы, продолговатое лицо съ ясными сѣрыми глазами создавало представленіе о недюжинномъ умѣ и большой крѣпкой волѣ. Говорили, что онъ бывшій офицеръ и помѣщикъ, но въ точности это не было извѣстно. Внутренній міръ его не обнаруживался совершенно — это былъ не изъ тѣхъ людей, которые легко раскрываются. Помнится до сихъ поръ одна его фраза, произнесенная при обстоятельствахъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что его нельзя упрекнуть въ недостаткѣ мужества, оказавшаяся пророческой.

Къ осени 18 года Торжокъ началъ страдать отъ голода, и бунтовали въ немъ больше всего бабы. Онѣ собирались толпами, ходили по городу, выкрикивая проклятія совѣтской власти, и, почему то, имъ это сходило безнаказанно. Въ концѣ концовъ, онѣ скоплялись у продовольственнаго отдѣла и грозно требовали для объясненій комиссара. Одинъ изъ нихъ откупился неурочной выдачей муки и широкими обѣщаніями; другой, его замѣнившій, попросту спрятался, и бабы, въ волю подебоширивъ, разошлись. Когда же подобная оказія случилась при Панфиловѣ, то онъ спокойно вышелъ къ шумливой толпѣ и заявилъ:

«Вы жалуетесь на голодъ. Говорите, что долго стоите въ очередяхъ и получаете мало муки. Такъ я вамъ скажу, что это еще не голодъ. Вотъ, когда вы будете стоять въ очередяхъ за гробами, — тогда вы узнаете, что такое голодъ».

Бабы тихо разошлись.

Зайдя однажды въ помѣщеніе исполкома (тамъ же помѣщалась и комиссія), я засталъ и Воскресенскаго, и комиссара юстиціи въ тревогѣ. Оказалось, что у исполкома произошли тренія съ мѣстной чека, и на угрозу исполкома принять репрессивныя мѣры, чекисты отвѣтили, что они и сами не прочь провѣрить составъ исполкома, а въ случаѣ надобности, и арестовать кого окажется нужнымъ. Происходили эти столкновенія потому, что никакія обязательныя взаимоотношенія между чека и исполкомомъ нигдѣ предусмотрѣны не были. Только въ самомъ концѣ 18-го года В. Ц. И. К. разрѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что

высшими представителями мѣстной власти были признаны исполкомы, а чека — учрежденіями, входящими въ ихъ составъ. Разъясненіе это не имѣло никакой реальной цѣнности, такъ какъ въ немъ же было указано на обязанность чрезвычайныхъ комиссій лишь доводить до свѣдѣнія исполкома о состоявшихся постановленіяхъ. Это давало возможность чека вынести какое угодно постановленіе, привести его въ исполненіе, а затѣмъ увѣдомить исполкомъ о совершившемся фактѣ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней положеніе было угрожающимъ. Въ городѣ не знали кто кого, въ концѣ концовъ, арестуетъ, исполкомъ — чека, или чека — исполкомъ. И тотъ, и другая имѣли въ своемъ распоряженіи военную силу. Конфликтъ, все-таки, былъ улаженъ. Мнѣ думается, произошло это потому, что чекисты чувствовали твердую руку Панфилова, и понимали, что шутить съ нимъ опасно. Въ сосѣднемъ, Старицкомъ уѣздѣ, подобное же столкновеніе зашло такъ далеко, что исполкомъ и чека поочередно арестовывали одинъ другого и потребовали созданія особаго «революціоннаго комитета», составленнаго большею частью изъ пріѣхавшихъ губернскихъ чиновъ для того, чтобы разобрать ихъ взаимныя недоразумѣнія.

Уѣзднымъ комиссаромъ юстиціи былъ лѣвый эсеръ Головановъ. Познакомившись съ его единоличными распоряженіями по административному отдѣлу, я сталъ называть его Головотяповымъ, но это названіе не соотвѣтствовало его внутреннему облику. Головановъ былъ хитрый и умный мужикъ. Больше хитрый, чѣмъ умный. Онъ умѣлъ съ каждымъ соотвѣтственно обходиться, былъ постоянно на чеку и хорошо понималъ людей. Говорили, что онъ не забывалъ себя. О юстиціи онъ, конечно, не имѣлъ ни малѣйшаго представленія и, несмотря на это, при обращеніи съ профессіональными юристами — Воскресенскимъ и мною, онъ умѣлъ не терять своего достоинства, избравъ для этого правильный путь предоставленія намъ полной свободы дѣйствій и полнаго внѣшняго довѣрія.

Когда организовались первоначально народные суды и нужно было распредѣлить ихъ по волостямъ, Голованъ рѣшилъ, что на отпущенныя для этой цѣли деньги можно создать гораздо большее число камеръ и насадилъ ихъ въ полтора раза больше, чѣмъ полагалось. Такое судоустройство Новоторжскаго уѣзда онъ упорно отстаивалъ и поручалъ мнѣ защищать его передъ губернскимъ комиссаромъ юстиціи. Онъ вообще высоко цѣнилъ мои связи, зная, что, до пріѣзда въ Торжокъ, я служилъ въ комиссаріатѣ юстиціи и что лично знакомъ съ Тверскимъ комиссаромъ юстиціи Козыревымъ.

Я не разубѣждалъ никого въ важности собственной персоны, разсчитывая, что это можетъ оказаться полезнымъ не для одного меня.

Въ августѣ Головановъ совѣтывался съ нами объ устройствѣ двухнедѣльныхъ курсовъ для народныхъ судей и просилъ меня прочесть имъ краткій курсъ какихъ либо необходимыхъ для судей свѣдѣній. Я согласился дать имъ элементарныя указанія по вопросамъ гражданскаго права и судопроизводства.

Занятія съ судьями послужили мнѣ къ установленію связей съ Тверью. Осенью я получилъ приглашеніе повторить свой курсъ уже для губернскаго съѣзда судей, устроеннаго по иниціативѣ губернскаго комиссара юстиціи Козырева.

Я зналъ Козырева по комиссаріату юстиціи. Онъ часто пріѣзжалъ въ Москву по дѣламъ комиссаріата и потому, что самъ былъ москвичъ. Онъ заходилъ въ

комиссаріатъ и подолгу бесѣдовалъ со мной о положеніи юстиціи въ Тверской губ., спрашивалъ совѣтовъ и изливалъ огорченія. Онъ былъ ранѣе слушателемъ университета Шанявскаго. Революція застала его въ Твери на военной службѣ, такъ онъ въ Твери и остался. Мнѣ кажется, что онъ плылъ по теченію, дѣлая, однако, для поддержанія своей репутаціи серьезные выпады въ сторону контръ-революціи. Такъ имъ, напримѣръ, былъ инсценированъ и доведенъ до желательнаго ему конца многолюдный процессъ тверскихъ адвокатовъ и членовъ судебной магистратуры по обвиненію въ саботажѣ. Саботажъ Козыревъ усмотрѣлъ въ томъ, что, отказываясь служить и выступать въ большевистскомъ окружномъ судѣ, высшіе служащіе суда совмѣстно съ адвокатурой образовали бюро юридическихъ консультацій. Обвиненіе было явно притянуто за волосы, тѣмъ не менѣе онъ энергично велъ это дѣло, выступилъ на немъ въ качествѣ обвинителя и добился обвинительнаго приговора. Сдѣлать это было нетрудно. Мнѣ кажется, что эти выпады были съ его стороны данью общему направленію окружавшей его среды. Въ общемъ, это былъ человѣкъ здраваго смысла, не лишенный, кромѣ того, организаторскихъ способностей. Онъ упорно и систематически проводилъ однообразіе судоустройства, имѣлъ точное представленіе обо всемъ, что дѣлается въ предѣлахъ его вѣдомства въ губерніи, и искренно возмущался революціонными благоглупостями своихъ сотоварищей по исполкому. Такъ, напримѣръ, онъ даже съ какимъ то изумленіемъ передавалъ мнѣ такой случай. Недалеко отъ Твери находилась исправительная колонія для малолѣтнихъ преступниковъ, отошедшая въ вѣдомство соціальнаго обезпеченія. Комиссаръ его, студентъ какого то техническаго института, направляясь въ колонію, встрѣтилъ двухъ мальчугановъ, убѣжавшихъ оттуда. Онъ посадилъ ихъ къ себѣ въ экипажъ, узналъ, что они убѣжали потому, что въ колоніи скучно и наказываютъ, привезъ ихъ обратно, собралъ всѣхъ мальчиковъ и разъяснилъ имъ, что начальство колоніи обязано исполнять исключительно хозяйственныя функціи, что никакой власти надъ ними, содержащимися, у начальства нѣтъ и что они должны сами собираться и вырабатывать внутреннія распорядки колоніи.

Такихъ сверхъ-революціонныхъ достиженій мозгъ Козырева не воспринималъ. Любопытно, что онъ сумѣлъ комиссарствовать, не входя въ партію коммунистовъ до самаго конца 18 или даже до начала 19 года.

Въ виду невозможности, несмотря ни на какіе ордера, получить номеръ въ переполненныхъ гостиницахъ Твери, Козыревъ предложилъ мнѣ диванъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ только что женился и жилъ въ коммунѣ, занимавшей большую часть особняка на набережной Волги. Онъ занималъ кабинетъ и спальню, въ громадномъ залѣ и еще одной полутемной комнатѣ постоянно проживало 6—7 человѣкъ смѣнявшейся публики. Я съ состраданіемъ смотрѣлъ на его молоденькую миловидную жену, избранную уже, однако, въ народные судьи, принужденную первые дни семейной жизни проводить среди чужихъ людей, относившихся къ ней со скрытымъ недоброжелательствомъ, въ атмосферѣ вѣчной толкучки, гдѣ даже я, одинокій временный гость, чувствовалъ себя, какъ на базарѣ.

По иниціативѣ Козырева въ Твери издавался журналъ «Народное Право», которое онъ хотѣлъ поставить на высоту умершаго при большевикахъ петербургскаго «Права». Онъ просилъ меня давать конспектъ моихъ лекцій для напечатанія и я согласился на это. Въ слѣдующемъ же номерѣ получился откликъ изъ Москвы. Нѣкій Audax совѣтовалъ мнѣ озаглавить мои лекціи эпитафіей къ X-му тому: «Милому другу и товарищу юныхъ лѣтъ», и интересовался при этомъ, что бы я сказалъ, если бы узналъ, напримѣръ, что заготовляется декретъ объ отмѣнѣ

рѣшительно всѣхъ законовъ буржуазно-капиталистическаго періода. Въ вѣжливыхъ словахъ я отвѣтилъ «Храброму товарищу», что счелъ бы это величайшей глупостью. Впослѣдствіи оказалось, что Audax былъ освѣдомленнѣе меня.

Журналъ этотъ вскорѣ сталъ мнѣ непріятенъ, ибо въ немъ появились такія, напримѣръ, статьи со слезами: «Рѣдкое счастье, великая радость выпали мнѣ на долю — открыть первое засѣданіе Народнаго Суда» и т. д. Статья эта принадлежала перу одного изъ старыхъ членовъ Тверского Окружного Суда, оставшагося служить у большевиковъ, явственно пересолившаго въ своемъ революціонномъ усердіи и потому вызывавшаго пренебрежительное къ себѣ отношеніе. Я пересталъ давать какой либо матеріалъ. Вскорѣ прекратились и лекціи по неизвѣстной мнѣ причинѣ.

Въ срединѣ лѣта состоялось какое то соглашеніе между большевиками, меньшевиками и, кажется, также и эсерами. Въ результатѣ чего появились партійныя газеты, раскупавшіяся нарасхватъ. Очевидно, предчувствуя краткость своего существованія, они наполнялись безпощадной критикой большевизма и, конечно, были закрыты на первомъ же десяткѣ номеровъ. Это было послѣднее и окончательное удушеніе печати. Со смертью этихъ газетъ къ услугамъ читателей остались «Извѣстія», «Правды» и «Бѣдноты» различныхъ территоріальностей. Осталась еще малюсенькая щелочка для хрипа свободнаго мнѣнія — отдѣлъ «Извѣстій» подъ названіемъ «Маленькіе недостатки механизма», но и изъ этой незамѣтной отдушины почти каждый день доносились такіе вопли, что скоро захлопнулась и она.

Не могу не упомянуть о двухъ статьяхъ «Извѣстій», произведшихъ на меня впечатлѣніе. — Первая поразила меня не только содержаніемъ, но и подписью. Она принадлежала какому то чекисту — не то Петерсу, не то Лацису — и предлагала въ дискуссіонномъ порядкѣ обсудить вопросъ о томъ, допустимо ли печатаніе чего либо иного, кромѣ листовокъ, брошюръ и произведеній агитаціоннаго характера, которыхъ, будто бы, жаждетъ начинающій разбираться народъ. Я не вытерпѣлъ и написалъ отвѣтъ, указывая, что такимъ образомъ берется на учетъ самое творчество писателя и производится давленіе на ту таинственную лабораторію, гдѣ зарождается творческая мысль и творческое чувство, первымъ условіемъ существованія которыхъ является ничѣмъ не ограниченная свобода. Статья эта, конечно, не была напечатана и я жалѣлъ о томъ, что послалъ ее — мнѣ думалось, что я просто поддался на провокацію.

Вторая статья была вызвана, повидимому, тѣмъ, что назрѣлъ моментъ разставить точки надъ всѣми і, покончить со всѣми недоумѣнными вопросами и отвязаться разъ навсегда отъ приставаній со всякими свободами, неприкосновенностями и прочими демократическими побрякушками. Большевизмъ прочно становился на ноги, уничтожалъ «власть на мѣстахъ», начиналъ проводить сугубый централизмъ и круто сворачивалъ къ партійному абсолютизму, который изъ приличія называется «диктатурой пролетаріата».

Апологетомъ этого новаго курса явился Бухаринъ, въ пространномъ фельетонѣ талантливо и вразумительно объяснившій, что большевизмъ ведетъ за собою реальную борьбу классовъ, до полнаго уничтоженія рабочимъ — всѣхъ остальныхъ, что, до достиженія этого, страна находится въ состояніи перманентной революціи, и что во время революціи, какъ это весьма понятно, было бы безуміемъ отдавать въ руки враговъ такія орудія борьбы, какъ печать, право собраній и т. д.

Противъ такой ясности мысли ничего нельзя было возразить и пришлось утѣшаться лишь твердою увѣренностью Бухарина въ томъ, что достаточно дать

народу малѣйшую свободу слова и собраній, какъ польются обильные потоки проклятій на большевиковъ.

Насколько я знаю, тезисы этой статьи и до настоящаго времени являются краеугольнымъ камнемъ внутренней политики большевиковъ.

Въ августѣ 18-го года произошло покушеніе на Ленина. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ упоръ и, тѣмъ не менѣе, Ленинъ остался живъ. Есть люди, жизнь которыхъ имѣетъ роковое значеніе. Они не могутъ сойти со сцены прежде, чѣмъ не выполнятъ до конца предназначенной имъ миссіи. Таковъ, напримѣръ, былъ Распутинъ, пережившій нанесенное ему какой то бабой въ Сибири страшное пораненіе, которое стоило бы жизни 99 людямъ изъ 100.

И есть явленія, не менѣе роковыя, будто охраняемыя какой то странной судьбой отъ всѣхъ случайностей, могущихъ остановить ихъ торжественное шествіе. Если можно объяснить психологически, экономически и т. д., вообще путемъ, доступнымъ разуму, широкую побѣду большевизма, то ничѣмъ инымъ, кромѣ, какъ случайностью, нельзя объяснить того общаго сцѣпленія обстоятельствъ, независящихъ отъ людской воли, которыя потворствовали большевизму и разрушали начинанія, явившія серьезную опасность для него. — Ленина бьютъ въ упоръ, съ прицѣла — и онъ остается живъ. Корниловъ убитъ артиллерійскимъ снарядомъ, Маркова уноситъ послѣдній орудійный выстрѣлъ, выпущенный красными на удалую, въ неподходящій моментъ умираетъ Алексѣевъ, Дроздовскій умираетъ отъ пустяшной раны въ ногу — цѣлая серія смертей, которыхъ могло бы и не быть и т. д. и т. д. — цѣпь событій и обстоятельствъ самаго разнообразнаго свойства, по которой можно дойти вплоть до политики англійскаго премьера.

Пусть это будетъ сцѣпленіе случайностей, но рядъ однородныхъ фактовъ всегда имѣетъ и единую производящую ихъ причину, и если поиски этой причины, въ силу ограниченности человѣческихъ способовъ воспріятія, приходится направлять въ неопредѣленную и туманную область мистицизма, то, казалось бы, по справедливости ее слѣдуетъ признать генеративнымъ пунктомъ многаго, хотя и непонятно, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно существующаго.

Къ моменту покушенія вся Россія была покрыта частой сѣтью чрезвычаекъ *. Не было не только городовъ, но вообще сколько-нибудь значительнаго пункта людской концентраціи, гдѣ не существовало бы мѣстной чека. Въ отвѣтъ на покушенія, совѣтская власть объявила красный терроръ, учредила «институтъ заложниковъ», ввела въ систему государственнаго управленія кровавую расправу со всѣми инакомыслящими. Проводить въ жизнь эти мѣропріятія принялись чека съ увлеченіемъ и съ истинной любовью къ дѣлу. Въ эти дни Россія впервые повсемѣстно залилась русскою кровью. Аресты и обыски происходили днемъ и ночью. Ужасъ нависъ надъ всей Россіей, погрузилъ ее въ безмолвіе, трепетное ожиданіе, наполнилъ дни и недѣли шопотомъ фантастическихъ вѣстей, превышавшихъ вѣроятности реальной жизни.

Свою страшную работу чека производили подъ покровомъ ночи и въ большихъ городахъ, изобильныхъ людьми, чуждыми другъ другу, не такъ явственно ощущались результаты этой безпримѣрной дѣятельности. Въ маленькихъ горо-

* Уѣздныя чрезвычайныя комиссіи были упразднены весной 1919 г.

дишкахъ, гдѣ всѣ извѣстны всѣмъ, на утро распространялись точныя свѣдѣнія о событіяхъ ночи. Въ тюрьму тянулись жены и дѣти, относившія бѣлье и пищу арестованнымъ. Опасливо ходили любопытные на мѣста разстрѣловъ и находили брызги мозга и крови. Одной женѣ принесли пенснэ убитаго мужа. Первыя казни произошли въ Торжкѣ у внѣшней стороны тюрьмы и въ одномъ изъ глухихъ мѣстъ города. Впослѣдствіи мѣсто дѣйствія было перенесено въ стѣны чрезвычайки.

Съ наступленіемъ темноты городъ вымиралъ, и, въ то время, какъ по улицамъ раздавался стукъ копытъ отъ разъѣзжавшаго отряда чрезвычайки, пугливые обыватели дрожали по своимъ угламъ при свѣтѣ ночника. Всякія личныя гарантіи перестали существовать. Каждый русскій гражданинъ, свободный утромъ, могъ оказаться арестованнымъ и разстрѣляннымъ до новаго восхода солнца, безъ предъявленія какихъ-либо конкретныхъ обвиненій, подъ флагомъ контръ-революціи или же «въ порядкѣ краснаго террора», какъ стали выражаться газеты. Въ Петроградѣ, куда я ѣздилъ по личнымъ дѣламъ на нѣсколько дней, нельзя было выйти на улицу, чтобы не встрѣтить разношерстной толпы, окруженной вооруженными «товарищами», куда то покорно и уныло бредущей. Часто мелькали знакомыя лица, такъ, напримѣръ, мнѣ врѣзалась въ память фигура идущаго въ первомъ ряду арестованныхъ предсѣдателя столичнаго мирового съѣзда Меньшуткина (я слыхалъ потомъ, что онъ вскорѣ былъ выпущенъ на свободу). Это шествовали заложники.

Въ это страшное время, по возвращеніи въ Торжокъ, отъ делегаціи пріѣхавшей изъ Твери для ревизіи исполкома, я получилъ предложеніе занять должность предсѣдателя совѣта народныхъ судей.

Имѣя въ виду коснуться большевистскаго судебнаго законодательства, я не собираюсь давать полную картину его. Для общей картины моихъ впечатлѣній достаточно показать отраженіе этого законодательства на текущей жизни. Сдѣлать большаго я даже и не могу, потому что самого текста декретовъ у меня въ рукахъ не имѣется и содержаніе ихъ мнѣ приходится возстанавливать по памяти. Долженъ оговориться заранѣе, что въ силу того же обстоятельства я лишь приблизительно указываю время обнародованія декретовъ и не всегда могу съ полной точностью установить составляли ли приводимыя положенія содержаніе декретовъ или были изложены въ соотвѣтствующихъ инструкціяхъ.

До 1-го января 19-го года всего появилось три совѣтскихъ декрета о судѣ. Декретъ № 1 былъ однимъ изъ первыхъ актовъ большевистскаго законодательства. Въ немъ ярко отразились основные пріемы большевистскаго государственнаго управленія, сводившіеся къ тому, чтобы прежде всего уничтожить, а затѣмъ на свободѣ подумать, чѣмъ замѣнить уничтоженное. Этотъ методъ примѣнялся ко всѣмъ областямъ и во всѣхъ направленіяхъ, какъ впослѣдствіи была уничтожена свободная торговля безъ замѣны ея организованнымъ добывающимъ и распредѣляющимъ аппаратомъ, какъ зачеркнуты право наслѣдованія и рабочее законодательство безъ немедленной замѣны ихъ дѣятельностью комиссаріатовъ соціальнаго обезпеченія и труда и т. д. и т. д., также были закрыты суды и уничтожена адвокатура силою декрета № 1 безъ созданія новыхъ судебныхъ инстанцій и безъ указанія способовъ защиты для обвиняемыхъ и тяжущихся.

Развалъ, внесенный декретомъ о судѣ № 1 былъ колоссальный. Для суда этотъ декретъ сыгралъ ту же роль, что для арміи знаменитый приказъ № 1.

Нормальная судебная жизнь застопорилась, превратилась въ хаосъ. Нѣкоторыя учрежденія сразу послѣ декрета прекратили существованіе въ силу принятыхъ большевиками мѣръ, какъ, напримѣръ, Петроградскій Окружный Судъ, куда былъ присланъ караулъ, не впускавшій никого въ зданіе суда; нѣкоторыя же продолжали существовать и дѣйствовать. Департаментъ Герольдіи Правительствующаго Сената еще въ февралѣ 18 года прислалъ въ комиссаріатъ юстиціи бумагу, соотвѣтствовавшую всѣмъ правиламъ прежняго времени. Судебная магистратура и адвокатура оказались выброшенными за бортъ и послѣ того, какъ храмъ Ѳемиды былъ наглухо заколоченъ этимъ декретомъ, остались на положеніи «нищихъ на паперти храма Ѳемиды». Въ 19 году я встрѣтилъ популярнаго тов. предсѣдателя одного изъ гражданскихъ отдѣленій петроградскаго окружного суда Кагіони, который сообщилъ мнѣ длинный мартирологъ членовъ суда, погибшихъ отъ голода и нужды. Самъ онъ служилъ въ гидрографическомъ отдѣлѣ морского комиссаріата и радовался тому, что пристроился на это скромное мѣсто. Адвокатура, болѣе подвижная и приспособляющаяся, бросилась во всѣ стороны на борьбу съ жизнью, но изъ ея рядовъ выпало много неудачниковъ. Трудно узнаваемыя, печальныя фигуры попадались мнѣ въ Петроградѣ.

Декретъ № 2 явился первымъ творческимъ актомъ большевиковъ по отдѣлу юстиціи и обнаружилъ полную убогость ихъ творческой фантазіи. Судебныя учрежденія онъ скопировалъ со старыхъ образцовъ, сохранивъ раздѣленіе судовъ на двѣ категоріи, соотвѣтствующія прежнимъ мировымъ и общимъ судебнымъ мѣстамъ. Также была апелляціонная инстанція, былъ и Верховный Судъ, единственный на всю Россію, явившійся чѣмъ то вродѣ упраздненнаго Сената. Качественный составъ судей былъ пониженъ. Отношеніе къ законодательству прежняго времени выразилось совершенно расплывчато, такъ какъ было указано руководствоваться старыми законами, поскольку они не противорѣчатъ декретамъ совѣтской власти и революціонному правосознанію. Судебное возмездіе было предоставлено волѣ случая съ отмѣною скалы наказанія и съ оставленіемъ выбора его на усмотрѣніе судейской революціонной совѣсти. Тверской комиссаріатъ юстиціи, основываясь на указаніяхъ декрета № 2, предписалъ судьямъ въ каждомъ случаѣ непримѣненія старыхъ законовъ давать мотивированное объясненіе, почему таковой законъ не примѣненъ. Газеты запестрѣли примѣрами фантастическихъ приговоровъ, съ восторгомъ указывая, какъ удачно избираются наказанія при содѣйствіи «революціонной совѣсти». Запомнился случай, когда красноармеецъ, судившійся за взятку въ 40 руб., полученную за неправильную посадку въ вагонъ на Николаевскомъ вокзалѣ, былъ приговоренъ къ разстрѣлу и разстрѣлянъ. Объ этомъ сообщалось въ тонѣ истинно революціоннаго паѳоса.

Приблизительно до лѣта 18 года большевики чувствовали себя неувѣренно и сомнѣвались въ крѣпости своей власти даже въ то время, когда многимъ, глядѣвшимъ со стороны, ясно было, что въ Россіи нѣтъ силъ, способныхъ защитить ея честь и достоинство. Соотвѣтственно этому настроенію дѣятельность совнаркома была устремлена, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы оставить какъ можно больше памятниковъ своего пребыванія у государственнаго кормила и носила характеръ чисто бумажный. Нужно было показать грядущимъ поколѣніямъ, какъ разрѣшали большевики тотъ или другой вопросъ государственнаго управленія для того, чтобы благодарное потомство знало, чего имъ слѣдуетъ добиваться въ случаѣ возвращенія тирановъ или воцаренія соціалъ-предателей-соглашателей. По этой же причинѣ совѣтская власть мало заботилась о томъ, чтобы декреты проводились въ жизнь. Можно предположить, что если бы судьба прервала

дѣятельность большевиковъ въ періодѣ этого писанія, воспрепятствовала бы примѣнять его на дѣлѣ и обнаружить чудовищныя послѣдствія отъ этого столкновенія теоріи съ практикой — извѣстный ореолъ окружилъ бы большевиковъ, во время ушедшихъ со сцены.

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда учрежденія или мѣстности были представлены людьми съ организаторскими способностями, декреты кое какъ проводились въ жизнь. Въ остальныхъ случаяхъ они лежали въ разрозненныхъ экземплярахъ безпомощною кучей, а жизнь текла своимъ чередомъ по волѣ и желанію «власти на мѣстахъ». Аккуратно получать въ провинціи издаваемые декреты было невозможно, а понять содержащіяся въ нихъ требованія для многихъ большевистскихъ дѣятелей было еще невозможнѣе. Люди, интересовавшіеся декретами и проводившіе параллель между ними и дѣйствительностью, ничего не понимали, да ничего и нельзя было понять, такъ какъ вся Россія напоминала собой опрокинутое рѣшето раковъ, куда то лѣзущихъ и ущемляющихъ другъ друга.

Въ Петербургѣ оформировались и дѣйствовали окружные суды, въ Москвѣ они такъ и не народились до обнародованія декрета № 3. Къ созданію Верховнаго Суда не было сдѣлано даже и попытокъ.

Декретъ № 3 появился въ концѣ 18-го года. Имъ вводились однообразные суды для всей Россіи, именно народный судъ, съ разнымъ составомъ судей для дѣлъ различной важности.

Въ этомъ декретѣ отразились два существенныя достиженія революціонной юстиціи: во-первыхъ, — увѣренность въ томъ, что дѣятельность суда по гражданскимъ дѣламъ должна вскорѣ прекратиться и потому не заслуживаетъ никакого вниманія. Имущественные вопросы, создаваемые существованіемъ частной собственности, должны были изсякнуть въ той постепенности, въ какой подъ давленіемъ національзаціи суживался кругъ предметовъ, еще находившихся въ собственности гражданъ; во-вторыхъ же — полное убѣжденіе въ томъ, что вся громадная работа, продѣланная юристами всего міра со временъ Римской Имперіи, отражающаяся въ текстѣ законовъ, въ сенатскихъ рѣшеніяхъ и во всей юридической литературѣ — ничто иное, какъ «юридическая галиматья», только препятствующая торжественному шествію революціи.

Соотвѣтственно этому, вниманіе декрета было направлено, главнымъ образомъ, на судьбы уголовныхъ дѣлъ. Изъ указаній въ области гражданскихъ правоотношеній припоминаю одно — на судей были возложены обязанности и нотаріуса. Второе же положеніе выразилось, какъ правильно предсказалъ товарищъ Audax, въ отмѣнѣ всѣхъ законовъ буржуазно-капиталистическихъ правительствъ. Предписывалось руководствоваться декретами совѣтской власти и опять-таки революціоннымъ правосознаніемъ.

Постановленія совѣтской власти по отдѣльнымъ вопросамъ права были безнадежно разбросаны по декретамъ. Указанія на интересы, могущіе быть урегулированными судомъ, содержались и въ декретѣ о земельныхъ отдѣлахъ, и въ декретѣ объ увольненіи служащихъ, и въ декретѣ о бракѣ и разводѣ, и въ желѣзнодорожныхъ декретахъ, и въ безчисленномъ множествѣ остальныхъ. Всѣ эти декреты безостановочно то замѣнялись, то дополнялись новыми, и держать въ памяти весь этотъ колоссальный матеріалъ, даже профессіональному юристу, не представлялось возможнымъ, — о судьяхъ, взятыхъ отъ сохи, не могло быть и рѣчи. Руководствоваться декретами совѣтской власти по этой причинѣ представлялось невозможнымъ и получилось то, что совѣтская юстиція, не стѣснен-

ная фактически никакими декретами и принципіально свободная отъ какихъ бы то ни было законовъ стараго времени, отправилась путешествовать въ необъятность.

Вторая инстанція была кассаціонная — губернскій совѣтъ народныхъ судей. Созданіе ея было очередною нелѣпостью.

Совѣтская юстиція, разрывавшая всѣ формы, презиравшая ихъ, какъ юридическую галиматью, устраивала судебное учрежденіе, дѣятельность котораго основана на соблюденіи формальнаго принципа. Нуждавшаяся, благодаря полной безграмотности и неопытности судей, въ основательной провѣркѣ судейскихъ мнѣній по существу дѣлъ — она отбрасывала контролирующую вторую инстанцію.

Любопытны были мотивы, побудившіе къ созданію этихъ губернскихъ совѣтовъ. Образованіе ихъ объяснялось стремленіемъ къ экономіи и желаніемъ создать единообразную кассаціонную практику.

Во время послѣдняго моего пребыванія въ Москвѣ я видѣлся съ Красиковымъ и съ карандашемъ въ рукахъ доказывалъ, что губернскіе совѣты дадутъ перерасходъ, сравнительно съ прежнимъ положеніемъ, а не экономію. Надъ однообразіемъ практики, насаждаемой при посредствѣ губернскихъ совѣтовъ, я, конечно, могъ только посмѣяться. На замѣчаніе же мое, что отправляясь отъ персональнаго состава судей, гораздо цѣлесообразнѣе было бы создать именно апелляціонную инстанцію, Красиковъ спокойно отвѣтилъ:

«Ну, да если хотите, это и есть апелляціонно-кассаціонная инстанція».

И какъ это ни нелѣпо, но по существу онъ былъ правъ, ибо въ однихъ случаяхъ Тверской губернскій совѣтъ, какъ я въ этомъ убѣдился по дѣламъ, переданнымъ мною туда послѣ закрытія совѣта, оставлялъ жалобы не только безъ послѣдствій, но, по изобрѣтенію Правительствующаго Сената послѣднихъ лѣтъ, даже «безъ разсмотрѣнія за отсутствіемъ кассаціонныхъ поводовъ», въ другихъ же случаяхъ, валялъ, не стѣсняясь, по самому, что ни на есть, существу дѣла.

Въ теченіе лѣта 18-го года въ Новоторжскомъ уѣздѣ совѣтъ народныхъ судей еще не былъ сорганизованъ. Количество судей превышало полагающееся. Первый участокъ, которымъ завѣдывалъ судья Лебедевъ, былъ головнымъ и осуществлялъ службу связей между комиссаромъ юстиціи и остальными судьями. Для того, чтобы привести судоустройство Новоторжскаго уѣзда въ соотвѣтствіе съ декретомъ нужно было устранить прежде всего лишнихъ судей, допущенныхъ Головановымъ. Его упорство въ этомъ отношеніи затянуло дѣло съ созданіемъ совѣта народныхъ судей и лишь по настоятельному требованію Твери были назначены перевыборы судей въ ближайшее время. Для того, чтобы принять должность предсѣдателя совѣта я долженъ былъ прежде всего быть избраннымъ въ число судей, затѣмъ быть избраннымъ самими судьями въ предсѣдатели и, наконецъ, быть утвержденнымъ въ этой должности мѣстнымъ исполкомомъ.

Выборы въ судьи должны были быть произведены самими же наличными судьями и сводились къ избранію большого числа старыхъ судей плюсъ новые кандидаты — меньшаго количества новыхъ судей. Я былъ увѣренъ, что пройду и въ судьи, и въ предсѣдатели, такъ какъ всѣ старые судьи были въ нѣкоторой степени моими учениками и авторитетъ мой среди нихъ былъ достаточно крѣпокъ. Со стороны исполкома препятствій не предвидѣлось, въ виду освѣдомленности его о желаніи Твери. Эти вопросы совершенно стушевались передъ главнымъ вопросомъ — принимать или не принимать предложеніе. Тутъ было надъ

чѣмъ призадуматься. Для меня была ясна диллема предстоящаго мнѣ поведенія: быть послушнымъ исполнителемъ воли исполкома и чека, или создать рядъ конфликтовъ съ чека, во всякомъ случаѣ, и съ исполкомомъ, по всей вѣроятности. Мнѣ извѣстенъ былъ случай, когда чека затребовала объясненій отъ судьи 1-го участка, почему онъ еще не разрѣшилъ одного изъ бывшихъ у него въ производствѣ дѣлъ, и на отвѣтъ, что дѣло было отложено по формальнымъ обстоятельствамъ (неизвѣщенія повѣсткой кого то изъ участниковъ дѣла), объявила, что объясненіе судьи признано неудовлетворительнымъ и предписала въ ближайшій срокъ дѣло разрѣшить. О возможности конфликта еще съ однимъ немаловажнымъ представителемъ совѣтской власти, я въ то время еще не подозрѣвалъ.

Первая линія поведенія мнѣ не улыбалась, вторая — была явно небезопасной, и болѣе, чѣмъ вѣроятно, грозила печальнымъ концомъ моему земному существованію. Кромѣ субъективной оцѣнки этого шага была и общественная. Тутъ я сталкивался съ двумя соснами, между которыхъ въ описанное время блуждала русская интеллигенція. Преслѣдовать принципъ «чѣмъ хуже — тѣмъ лучше», безмолвно смотрѣть на это худое, помогать ему, хотя бы только временно, или стремиться къ лучшему при всѣхъ условіяхъ и во всякихъ обстоятельствахъ. Мнѣ всегда казалось, что идти по первому пути значитъ унижать добро, убивать вѣру въ него, способствовать общей деморализаціи. Пораженческая психологія всегда представлялась мнѣ общественнымъ изувѣрствомъ, чѣмъ то вродѣ религіознаго самосожженства, и куда болѣе благородной казалась мнѣ фигура «одного въ полѣ воина», сохранявшаго за собою хоть надежду въ нужный моментъ быть окруженнымъ новыми, уже многочисленными воинами.

Я рѣшилъ посовѣтоваться кое съ кѣмъ изъ лицъ, которыхъ я уважалъ, и услышалъ настоятельную просьбу занять мѣсто предсѣдателя, которое, въ случаѣ моего отказа, могло быть замѣщено совершенно нежелательнымъ кандидатомъ. Въ корыстныхъ стремленіяхъ я не могъ быть заподозрѣнъ, такъ какъ жалованье предсѣдателю шло такое же, какое я получалъ въ качествѣ члена уголовной комиссіи. Я побывалъ въ Твери и при бесѣдѣ съ Козыревымъ выяснилъ, что съ открытіемъ совѣта упраздняется при исполкомѣ отдѣлъ юстиціи и мнѣ придется фактически исполнять обязанности уѣзднаго комиссара юстиціи подъ другимъ только названіемъ, что онъ лично ожидаетъ отъ меня организаціонной работы, инструктированія судей и поднятія дѣятельности судовъ на должную высоту. Эти разъясненія не могли отразиться на принятомъ мною рѣшеніи и важны были лишь для опредѣленія широты моихъ полномочій.

Несмотря на то, что всѣ судьи были изъ крестьянъ, составъ ихъ былъ довольно разнообразенъ по степени умственнаго и интеллектуальнаго развитія. Былъ одинъ рабочій, незлобивый и нерѣшительный человѣкъ, разрѣшавшій дѣла самымъ фантастическимъ образомъ и писавшій въ мотивированномъ рѣшеніи о чемъ угодно, но только не о существѣ дѣла. Приходилось иногда въ порядкѣ надзора возвращать ему дѣла съ указаніемъ на несвязность рѣшенія. Онъ запомнился мнѣ еще потому, что у него оказался служащимъ бывшій жандармъ, котораго онъ желалъ уволить, но не хотѣлъ уплатить двухъ-недѣльнаго вознагражденія. Безъ такой выплаты служащіе увольнялись только за провинность, — за жандармомъ ихъ не имѣлось. Случаи же увольненія безъ провинности смѣтою совѣта народныхъ судей не предусматривались. Ко мнѣ ходили и судья, и жандармъ. Выяснилось, что увольненія его требуетъ вовсе не судья,

а мѣстный комитетъ бѣдноты*. Я предложилъ судьѣ разъяснить комитету, что разъ онъ требуетъ увольненія, то онъ обязанъ и платить за это, а жандарму рекомендовалъ, въ случаѣ безплатнаго его увольненія, предъявить искъ въ сосѣднемъ участкѣ.

Былъ старичекъ, маленькій, сѣдой, съ почти интеллигентнымъ лицомъ. Онъ недурно рѣшалъ дѣла, но былъ чрезвычайно жестокъ въ приговорахъ. Его приходилось обуздывать. Былъ бывшій солдатъ съ военной выправкой, прилежный и старательный, внутренне тосковавшій о своей необразованности. Былъ умный, спокойный, дѣловитый крестьянинъ, чрезвычайно быстро и безошибочно схватывавшій судейскіе навыки. Фамиліи ихъ позабылись. Былъ, наконецъ, судья Лебедевъ, глубоко обиженный моимъ появленіемъ, ибо онъ мѣтилъ самъ въ предсѣдатели совѣта. Раньше онъ былъ слесаремъ и, по разсказамъ, изъ запойныхъ. Теперь онъ сталъ коммунистомъ, прилично, по интеллигентски, одѣвался, имѣлъ велосипедъ, держалъ себя съ достоинствомъ и съ большимъ тактомъ. Онъ тщательно скрывалъ свое недоброжелательное ко мнѣ отношеніе и въ частныхъ разговорахъ со мною неизмѣнно огорчался тѣмъ, что все идетъ изъ рукъ вонъ плохо и неизвѣстно, чѣмъ все это кончится. Онъ положительно хорошо разбирался въ существѣ дѣлъ и срывался только на судопроизводствѣ, такъ, напримѣръ, въ дѣлахъ бракоразводныхъ онъ считалъ несущественнымъ, дошла ли повѣстка до отвѣтчика или нѣтъ. Я долго не могъ убѣдить его въ неправильности его дѣйствій. Послѣ упраздненія уѣздныхъ совѣтовъ онъ сталъ таки играть первую роль въ уѣздѣ, но ничего дурного про него я сказать не могу, развѣ только то, что это былъ хитрый человѣкъ, ставшій коммунистомъ изъ за реальныхъ личныхъ выгодъ, но охотно «на всякій случай» признававшій всѣ недостатки коммунизма. Непріятно было его сѣрое маслянистое лицо, съ широкимъ распластаннымъ носомъ и крупными угрями.

Ничего интереснаго остальные судьи не представляли. Общее свойство ихъ — полная юридическая безграмотность, а часто и грамматическая. Когда я сдавалъ первый участокъ, моимъ замѣстителемъ оказался сѣрый и темный полуграмотный крестьянинъ. Онъ, видимо, бодрился при пріемѣ участка, но не могъ скрыть ужаса при видѣ нѣсколькихъ толстыхъ производствъ. Онъ ходилъ за мною хвостомъ, стараясь какъ можно болѣе запомнить изъ моихъ пространныхъ объясненій. Прощаясь съ нимъ, я засталъ его мрачно сидящимъ за однимъ изъ фоліантовъ дѣлъ, незаконченныхъ еще съ царскаго времени, гдѣ однихъ опредѣленій о подсудности было не меньше трехъ штукъ. Мнѣ стало жалко бѣдныхъ тяжущихся.

Вообще мало-мальскій навыкъ не разбирать дѣла, а хотя бы понимать значеніе производственныхъ бумагъ, — пріобрѣтался крестьянами-судьями только силою давности ихъ судейскихъ упражненій. Не понявъ этого, рекордъ безсмысленности установилъ Старицкій уѣздъ. Намотавъ на усъ крылатое словечко Ленина, что у большевиковъ каждый гражданинъ долженъ научиться управлять государствомъ, мѣстный исполкомъ рѣшилъ, что лучше всего начать съ обученія судейскихъ функцій и издалъ постановленіе о перевыборахъ новыхъ судей черезъ каждые три мѣсяца. Можно себѣ представить, какіе цвѣты расцвѣтали на почвѣ столь высокаго революціоннаго самосознанія.

* Комитетами бѣдноты стали именоваться прежніе волостные исполкомы съ того момента, какъ большевики, «углубляя революцію», стали разслаивать деревню на кулаковъ, средняковъ и бѣдняковъ.

Во все время моего предсѣдательствованія мнѣ пришлось замѣщать судью I-го участка, вовсе не явившагося для занятія должности. Это обстоятельство позволило мнѣ наблюдать судебную жизнь уѣзда въ полномъ ея объемѣ, такъ сказать, на корню, а не только по дѣламъ съѣзда, гдѣ подборъ дѣлъ могъ оказаться случайнымъ. Первый участокъ обслуживалъ половину городской территоріи и двѣ волости: Марьинскую и Мѣдновскую. Въ центральные пункты волостей — села Марьино и Мѣдное — приходилось дѣлать выѣзды. Оба села лежали на большой дорогѣ въ Тверь, соединяющей конечными пунктами Петроградъ съ Москвою, и, несмотря на то, что волости были смежныя, что жители Мѣднаго и Марьина хорошо другъ друга знали и находились зачастую въ родственныхъ связяхъ, трудно себѣ представить большихъ антиподовъ, чѣмъ эти два села.

Мѣдновская волость, мизерная по территоріи, граничитъ съ Тверью и на ней сказалось въ полной мѣрѣ тлетворное вліяніе города. Само построеніе волости было на городской ладъ: на первомъ мѣстѣ центръ и гдѣ-то позади периферія. Большое красивое село Мѣдное, раскинувшееся по обѣ стороны Тверцы, съ боковыми улицами и переулками, — и незначительныя деревушки въ окружности. Большинство его уроженцевъ работало въ Твери на мануфактурѣ Морозова. Землей тамъ мало интересовались: въ дореволюціонное время потому, что рабочія руки выгоднѣе примѣнялись на фабрикѣ, во время большевизма потому, что не было орудій производства и съ одной только голой землей ничего нельзя было сдѣлать.

Въ эпоху Керенщины, по многимъ причинамъ, города были переполнены до отказа. Послѣ большевистскаго переворота городское населеніе стихійно хлынуло въ деревню по тремъ причинамъ, — изъ за голода, изъ за сокращенія фабрично-заводской дѣятельности и въ результатѣ самодемобилизаціи, возвратившей въ деревню не только взятыхъ у нея войною исконныхъ крестьянъ, но и всѣхъ снятыхъ мобилизаціями съ насиженныхъ городскихъ мѣстъ выходцевъ изъ крестьянъ, зачастую давнымъ давно уже утратившихъ органическую связь съ крестьянствомъ. Все это ринулось въ деревню съ цѣлью жить и кормиться, и въ слабыхъ крестьянскими устоями мѣстностяхъ, подавило и поглотило основной крестьянскій элементъ, исказило существовавшій бытъ. Такъ произошло и въ Мѣдномъ. Вмѣстѣ съ волною фабричныхъ (кромѣ упоминанія о Морозовской мануфактурѣ нужно отмѣтить также вліяніе Петроградскихъ фабрикъ, такъ какъ Тверская губернія, несмотря на свою близость къ Москвѣ и отдаленность отъ Петрограда, должна быть причислена къ губерніямъ опредѣленно Петроградской оріентаціи) городъ принесъ въ Мѣдное всѣ достиженія революціи — большевистское засилье, голодъ, полный сумбуръ и безтолковщину въ средѣ мѣстныхъ властей.

Первый разъ я выѣхалъ въ Мѣдное, не захвативъ провизіи — казалось смѣшнымъ ѣхать въ деревню и брать изъ города съѣстные припасы. Я ничего не смогъ купить тамъ и настоятельное заявленіе, что послѣ восьми часовъ ѣзды письмоводитель, ямщикъ, да и я голодны, привело къ тому, что намъ выдали изъ продовольственнаго магазина по одному фунту муки. Расторопный ямщикъ обмѣнялъ ее на хлѣбъ, а ржавую селедку купили мы на собственныя средства. Ночевать пришлось не то на столѣ, не то на скамейкѣ.

Большевизмъ вообще насквозь пропитанъ чѣмъ то походнымъ, случайнымъ, лагернымъ или арестантскимъ. «Солдаты дымомъ грѣются, солдаты шиломъ брѣются», — этимъ неуютомъ и запахомъ казармы несло отовсюду: отъ при-

сутственныхъ мѣстъ, загрязненныхъ свыше всякаго вѣроятія, отъ дефектныхъ уплотненныхъ частныхъ жилищъ, отъ внѣшняго вида большевистскихъ дѣятелей, отъ городовъ, столицъ, отъ всей Россіи. Этой ущербной обстановкѣ сталъ соотвѣтствовать внутренній міръ россійскихъ гражданъ — психологія пріобрѣла какой то спекулятивный характеръ, чувства мѣрились на недѣльный масштабъ.

Марьинская волость — крѣпкая крестьянская волость. Село Марьино разрослось «порядками» въ длину по большой дорогѣ, окружено полями, въ которыя тотчасъ же упираются короткія боковыя улицы. Мы останавливались у мѣстнаго бывшаго богатѣя, имѣвшаго кожевенный заводъ, лавку, особо выстроенную изъ кирпича, съ желѣзной крышей, и большой двухъ-этажный домъ. Въ гостиной, гдѣ мы спали, была полная чистота, половики, много цвѣтовъ въ горшкахъ, большая образница и трюмо. Въ эту гостиную, въ то время, когда заводъ и лавка еще не были реквизированы, по всей вѣроятности, не такъ то легко было войти кому либо изъ обитателей села. Хозяинъ — невысокій сухой черноволосый человѣкъ, лѣтъ 40, въ пиджакѣ, одѣтомъ поверхъ косоворотки, отводилъ душу за апокалипсисомъ и толковалъ откровеніе Іоанна. Насъ поили молокомъ и чаемъ, а по утрамъ неизмѣнно подавали горячіе овсяные блины, чего вовсе не обязаны были дѣлать. Каждый разъ членъ исполкома приходилъ справляться, желаемъ ли мы обѣдать безплатно или за плату, и объявлялъ, что нарядъ на нашу кормежку данъ крестьянину такому то.

Въ то время, какъ дѣла Мѣднаго носили характеръ чего то выдуманнаго, изобиловали подвохами, а въ остальномъ сводились главнымъ образомъ къ жалобамъ на неправильныя дѣйствія власти, къ отыскиванію неправильно отобранныхъ лошадей, вещей и т. д. — дѣла Марьинской волости были самыми крестьянскими дѣлами. Земля и все, что связано съ обработкой ея, имѣли для Марьинцевъ наивысшую цѣнность, и вокругъ этихъ предметовъ вертѣлись интересы Марьинцевъ, а стало быть и судейская жизнь.

Въ Мѣдномъ мало интересовались судомъ, въ камерѣ присутствовали почти исключительно вызванныя лица да служащіе исполкома. Костюмы были городскіе, говоръ былъ подъ интеллигенцію съ революціонными словечками, совершенно явственно просвѣчивало недовѣріе къ суду вообще. Это же недовѣріе. впрочемъ, сквозило и въ отношеніяхъ другъ къ другу. — Въ Марьинѣ камера съ утра набивалась густою толпою въ валенкахъ и полушубкахъ, гудѣвшей, какъ улей, раздѣлявшей всѣ перипетіи судебнаго процесса и самымъ непосредственнымъ образомъ реагировавшей на показанія свидѣтелей, замѣчанія судей и т. п., такъ что приходилось нерѣдко среди засѣданія обращаться къ присутствующимъ съ увѣщаніемъ. Крестьяне были коренастые, бородатые, давали показанія степенно и обстоятельно, прямо смотря въ глаза судьѣ. На многихъ полушубкахъ былъ вышитъ черною дратвой годъ. И насколько въ Мѣдномъ я неизмѣнно становился на дыбы противъ мнѣній двухъ сотоварищей судей, стремившихся въ рѣшеніяхъ охранять чистоту большевистской догматики, настолько легко мнѣ было отказаться отъ своего мнѣнія въ Марьинѣ, когда все дѣло освѣщалось разъясненіемъ непонятаго мною хитроумнаго чисто крестьянскаго разсчета, совершенно очевиднаго моему сосѣду крестьянину-судьѣ.

Эти два села мнѣ представлялись двумя организмами, разно сопротивляющимися одинаковой болѣзни. Одинъ — слабый, совершенно не можетъ противостоять злокачественной опухоли, заглушенъ и подавленъ ею, — другой —

борется неустанно. Здоровыя ткани локализирують болѣзнь, не даютъ ей углубиться и вотъ вотъ поглотятъ до конца враждебное себѣ начало.

Мѣдновская волость имѣла такое пораженное проказою лицо. Необходимость каждаго выѣзда туда порождала во мнѣ то брезгливое и опасливое ощущеніе, которое испытываемъ мы при близости захваченнаго этой болѣзнью человѣка.

Это разнообразіе состояній и настроеній со всей полнотою отражалось на теченіи повседневной жизни и на судебныхъ дѣлахъ.

Запомнился мнѣ такой случай. Въ Марьинѣ числилось 17 коммунистовъ, но, когда объявлена была обязанность каждой коммунистической организаціи выставить противъ Колчака 10% своихъ членовъ, количество коммунистовъ немедленно сократилось до 6-ти, такъ что въ походъ должно было пойти три пятыхъ человѣка.

А вотъ и судебные примѣры: однажды пришлось разбирать цѣлую серію аналогичныхъ дѣлъ по обвиненію крестьянъ въ неисполненіи распоряженій комиссіи по отобранію хлѣбныхъ излишковъ. Суть дѣла заключалась въ томъ, что къ сбору урожая 18-го года совѣтская власть не успѣла еще выяснить линію своего поведенія относительно крестьянъ и, опоздавъ принять мѣры къ учету и снятію урожая на корню, въ теченіе всей зимы донимала крестьянъ реквизиціями то хлѣба, то картофеля, то льняныхъ сѣмянъ, создавая для этой цѣли комиссіи сперва на мѣстахъ, а затѣмъ, убѣдившись въ ихъ непригодности, — въ уѣздныхъ центрахъ.

Марьинская комиссія опредѣлила сколько хлѣба мукой или зерномъ долженъ былъ сдать каждый хозяинъ, но крестьяне не исполнили этого, за что и обвинялись мѣстнымъ исполкомомъ. Къ удивленію моему всѣ обвиняемые ссылались на свидѣтеля-члена той самой комиссіи, которая производила разверстку. Съ перваго же дѣла выяснилось, что обвиняемые старались опорочить правильность самой разверстки, используя для этого члена бывшей комиссіи. Отклонить его допросъ не было никакихъ основаній и я внимательно слушалъ его разсказъ о томъ, какъ комиссія обходила дворы и опредѣляла количество излишковъ. Свидѣтель закончилъ, но я все таки ничего не понималъ:

«Ну такъ въ чемъ же дѣло».

«А вотъ у (имярекъ нашего богатѣя) перевѣшали и оказалось не девяносто пудовъ, а шестьдесятъ», — говоритъ обвиняемый.

«Какъ перевѣшали?»

«Да такъ, усумнился онъ и потребовалъ, чтобы свѣшали».

«Такъ какъ же, свидѣтель, вы у остальныхъ то опредѣляли, безъ вѣса?»

«Извѣстно, безъ вѣса. Смотримъ въ сусѣкъ и опредѣляемъ — столько тамъ четвертей, аль пудовъ».

«Вотъ такъ комиссія!»

Здоровенный хохотъ оглашаетъ камеру.

«Да ужъ комиссія, чтобъ ей провалиться. Ровно камень на шеѣ виситъ. Срамота одна».

Всѣ обвиняемые утверждали, что количество ихъ хлѣба вычислено неправильно и что у нихъ никакихъ излишковъ не оказывается.

Судъ оправдалъ всѣхъ обвиняемыхъ.

Я въ тотъ же день провѣрилъ у хозяина бывшій съ нимъ случай и онъ его подтвердилъ, удостовѣривъ, что разсчетъ хлѣба, дѣйствительно, производился на глазъ и совершенно неправильно.

Привлекался крестьянинъ по обвиненію въ порубкѣ лѣса. Жалоба была подана его односельчаниномъ. Выяснилось, что онъ нанятъ былъ деревенскимъ старостой огородить участокъ лѣса, принадлежавшій деревнѣ, и заготовлялъ для этого жерди, и, что ко времени разбирательства дѣла, лѣсъ дѣйствительно былъ огороженъ.

Такое отношеніе Марьинцевъ къ лѣсу оказалось совершенно исключительнымъ. Проѣзжая по селамъ и деревнямъ Старицкаго уѣзда, у каждой безъ исключенія крестьянской избы я видѣлъ груды наваленныхъ, свѣже-очищенныхъ бревенъ. На въѣздахъ и выѣздахъ изъ деревень такъ и мелькали въ глазахъ новые срубы, не успѣвшіе потускнѣть. Мой возница ткнулъ по направленію ихъ кнутомъ и подъ носъ себѣ пробормоталъ:

«Дорого за это заплатить придется».

Я счелъ за лучшее не сообщать ему, что я думаю. Это могло стоить жизни сотнямъ лишнихъ деревьевъ.

Одно дѣло не дошло до суда. Надъ помѣщичьими усадьбами уѣзднымъ земельнымъ отдѣломъ былъ назначенъ изъ Торжка комиссаръ. Его хозяйствованіе свелось къ тому, что весь помѣщичій урожай 17-го года въ Марьинской волости онъ сгноилъ въ амбарахъ. Погибли тысячи пудовъ ржи, овса, проса и т. д. Съ моей точки зрѣнія это было величайшее преступленіе, ибо Петроградъ уже голодалъ въ то время, а между тѣмъ Новоторжскій исполкомъ ограничился тѣмъ, что смѣстилъ комиссара, не наложивъ на него никакого наказанія. Эту исторію разсказалъ мнѣ одинъ изъ бывшихъ членовъ Марьинскаго исполкома первоначальнаго состава. Дѣло было серьезное. Разъ начавъ, его нужно было во что бы то ни стало довести до конца, и я рѣшилъ взяться за него только въ томъ случаѣ, если у меня будутъ гарантіи такого успѣшнаго окончанія. Я заявилъ моему собесѣднику, что я возбужу дѣло только въ томъ случаѣ, если группа крестьянъ въ письменной формѣ сообщитъ мнѣ все, что онъ разсказывалъ. Это дало бы мнѣ тотъ обвинительный матеріалъ, который оказался бы необходимымъ, если бы всѣ остальныя улики, какъ этого можно было ожидать, исчезли бы. На такой поступокъ гражданскаго мужества у Марьинцевъ не хватило.

Изъ дѣлъ Мѣднаго мнѣ запомнились два слѣдующихъ: пожилой крестьянинъ требовалъ отъ продовольственнаго отдѣла возврата отобранныхъ продуктовъ, — нѣсколько фунтовъ изюма, сахара и т. п. Во избѣжаніе подозрѣнія, что эти предметы у него хранились для спекуляціи, истецъ представилъ разсчетную книжку, выданную заводскимъ управленіемъ Тверской Морозовской мануфактуры, въ которой, дѣйствительно, были отмѣчены выдачи отобранныхъ продуктовъ. Завѣдующій продовольственнымъ отдѣломъ объяснилъ, что никто не можетъ хранить у себя столь большого количества продуктовъ и, послѣ большихъ принужденій съ моей стороны, показалъ, что отобранные продукты переданы мѣстному клубу коммунистовъ. Мнѣ удалось убѣдить одного судью, что отобранные запасы представляютъ собою трудовой паекъ истца и что задачи продовольственной организаціи состоятъ въ регулированіи распредѣленія, а никакъ не потребленія уже распредѣленныхъ продуктовъ, въ силу чего никакая власть не можетъ заставить кого либо съѣсть выданный ему паекъ и воспрепятствовать сбереженію его на будущее время. Судъ постановилъ удовлетворить требованія истца, несмотря на то, что второй судья-коммунистъ остался при особомъ мнѣніи.

Второе дѣло шло о возвратѣ неправильно отобранной лошади. Уѣздный военный отдѣлъ предписалъ волостямъ составить комиссію для реквизиціи лошадей, точно обозначивъ ея составъ. Вмѣсто комиссіи дѣйствующимъ лицомъ оказался одинъ лишь волостной военный комиссаръ. Не тронувъ нѣкоторыхъ трехлошадниковъ онъ отобралъ у истца лошадь, оставивъ ему на все хозяйство жеребенка. Каждый мой вопросъ, — да и все это дѣло, — онъ считалъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, отвѣчалъ съ большой неохотой, не могъ понять, какимъ образомъ могутъ оказаться незаконными его дѣйствія, разъ онъ военный комиссаръ, и не могъ усвоить разницы между единоличными распоряженіями и дѣйствіями комиссіи. Въ видахъ цѣлесообразности, истца пришлось направить съ жалобой непосредственно въ уѣздный военный отдѣлъ.

Жалованье совѣтъ выдавалъ 1-го и 15-го числа, и къ этимъ днямъ охотно съѣзжались судьи также для того, чтобы подѣлиться впечатлѣніями и посовѣтоваться о неудававшихся имъ дѣлахъ. Ихъ разсказы дополняли пробѣлы моихъ личныхъ впечатлѣній, и на основаніи всего этого прошедшаго предо мною матеріала я могу съ увѣренностью сказать, что во всѣхъ камерахъ уѣзда, равно какъ и въ самомъ совѣтѣ, внѣ конкуррентными по количеству стояли дѣла о раздѣлахъ. Въ деревню понаѣхали братья, сыновья, всевозможные родственники, использовавшіе всякую возможность пристегнуться къ крестьянскому хозяйству. Это было неудивительно, ибо война и революція своротили безконечное количество людей съ протоптанныхъ жизненныхъ тропъ и заставили ихъ искать новаго приложенія своихъ силъ. Но удивительно было то, что и чисто крестьянскія семьи поддались этой волнѣ сепаратизма и заваливали суды прошеніями о раздѣлахъ. Для меня эти дѣла являлись лучшимъ доказательствомъ эфемерности большевистскихъ коммунистическихъ затѣй и симптомами все усиливающагося гніенія государственнаго организма, проникавшаго въ глубь, разрушавшаго основные элементы его существованія. Съ одной стороны насаждались искусственныя коммунистическія хозяйства, въ конецъ раззорявшія тѣ имѣнія, къ которымъ онѣ прикасались, съ другой стороны стихійно разрушалась единственная существующая въ мірѣ естественная коммуна — семья. Свѣча горѣла съ двухъ концовъ.

Новоторжскія помѣстья славятся громкими именами, тамъ сгруппировались имѣнія Петрункевичей, Бакуниныхъ, въ Марьинской волости я лично осматривалъ имѣнія Тыртова и Дубасова. Дворянство помѣстное и дворянство служилое были одинаково представлены въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Я не могу найти болѣе печальнаго зрѣлища, чѣмъ эти бывшіе островки сельско-хозяйственной культуры послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ коммунальнаго хозяйничанья. Все разрушалось, все сводилось на нѣтъ. Въ сосѣднемъ Старицкомъ уѣздѣ коммуны блестяще проводили декретъ о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ во время сѣнокоса и жатвы.

Крестьянскія хозяйства обезсиливались раздѣлами, ибо, за исчерпаніемъ вопроса о землѣ, на первый планъ выплылъ вопросъ объ орудіяхъ производства, а на нихъ то, главнымъ образомъ, и направлялись вожделѣнія всѣхъ требовавшихъ раздѣла.

Изъ съѣздовыхъ дѣлъ я долженъ упомянуть объ одномъ, сыгравшемъ извѣстную роль въ моей судьбѣ. Это было дѣло Семеновой, начавшееся въ

1917 году и поступившее въ съѣздъ чрезъ какую то передаточную инстанцію. Мѣстомъ дѣйствія была, конечно, Мѣдновская волость.

Одинъ крестьянинъ, нажившій въ Петербургѣ нѣкоторыя деньги, подъ старость возвратился въ деревню и завелъ довольно широкое хозяйство. Все имущество онъ завѣщалъ своей сожительницѣ, крестьянкѣ села Марьина, тоже уже не молодой женщинѣ. Онъ умеръ. Завѣщаніе было утверждено, и Семенова вступила во владѣніе на правахъ хозяйки. Послѣ переворота явился братъ умершаго съ семьей, никогда раньше не бывавшій въ деревнѣ, и заявилъ свои права на имущество покойнаго на томъ основаніи, что оно унаслѣдовано ими отъ отца и недѣленое. Кончилось дѣло тѣмъ, что при содѣйствіи деревенскихъ властей Семеновой выдали на прожитье нѣкоторое количество продуктовъ и выбросили изъ дома, отобравъ отъ нея даже такую вещь, какъ векселя одного мѣстнаго торговца на имя умершаго.

«Власть была на мѣстахъ» — сообщило мнѣ въ свое оправданіе одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой исторіи. Понималась эта формула въ томъ смыслѣ, что мѣстныя власти могутъ безнаказанно творить рѣшительно все, что только не придетъ имъ въ голову.

Векселя находились въ дѣлѣ мирового судьи керенскаго періода и были получены оттуда однимъ изъ представителей деревенской власти по запискѣ Семеновой, гдѣ значилось: «довѣряю получить», то-есть просто по довѣренности. Семенова была безграмотна, записка была писана кѣмъ то другимъ, и для меня было совершенно ясно, что она была вынуждена.

Ко дню засѣданія въ совѣтѣ, кромѣ Семеновой, явился какой то неизвѣстный кудластый молодой человѣкъ съ довѣренностью отъ общества крестьянъ деревни такой то, какъ оказалось впослѣдствіи, одинъ изъ сподвижниковъ брата умершаго. Онъ былъ устраненъ, такъ какъ ни о какихъ интересахъ общества крестьянъ дѣло не шло, самое же дѣло было пріостановлено производствомъ до выясненія уголовной отвѣтственности виновниковъ самосуда, причемъ двое судей и я нашли необходимымъ арестовать всѣхъ принимавшихъ участіе въ отобраніи имущества Семеновой во избѣжаніе возможнаго сговора. Таковыхъ оказалось семеро и, къ несчастью моему, трое или четверо изъ нихъ были коммунистами. По какимъ то обстоятельствамъ мой приказъ объ арестѣ не былъ исполненъ своевременно и только лишь послѣ грозной бумаги ихъ привели пѣшкомъ по крѣпчайшему морозу изъ за сорокъ съ лишнимъ верстъ. Я допрашивалъ ихъ по одиночкѣ и послѣ допроса отпускалъ на свободу,

Однажды въ мою комнату вошелъ молодой человѣкъ въ хорошой поддевкѣ и мѣховой шапкѣ и чрезвычайно развязно потребовалъ отчета, почему не всѣ арестованные по этому дѣлу выпущены изъ подъ ареста.

«А вы кто же будете?» — спросилъ я.

«Я коммунистъ».

«Это мнѣ безразлично, коммунистъ вы или кадетъ. Я спрашиваю, состоите ли вы въ какихъ либо родственныхъ или иныхъ отношеніяхъ съ арестованными?»

«Я присланъ мѣстными коммунистами узнать о положеніи дѣла. Вотъ мой мандатъ».

«Позвольте его сюда, я приложу его къ дѣлу, но никакихъ свѣдѣній вамъ дать я не имѣю права, такъ какъ вы и ваши товарищи коммунисты являетесь посторонними дѣлу лицами».

Вслѣдствіе обилія матеріала, многочисленности дѣйствующихъ лицъ и моей крайней занятости, я не успѣлъ закончить составленіе обвинительнаго акта.

Дѣло перешло въ новый губернскій совѣтъ народныхъ судей и тамъ, я не сомнѣваюсь, было затушено.

Теперь я иногда думаю, что они сдѣлали съ бѣдной Семеновой, послѣ того, какъ, въ силу моей предусмотрительности, ничего не успѣли сдѣлать со мною.

Въ качествѣ представителя совѣта мнѣ пришлось завѣдывать тюрьмой и конвойной командой. Всѣ отправки въ суды, свиданія съ заключенными, кромѣ числившихся за чрезвычайкой, производились по моему приказу. Новоторжская тюрьма содержалась въ образцовомъ порядкѣ. Не только камеры, но и кухня, баня, прачешная поразили меня своей чистотой въ особенности потому, что я разсчитывалъ встрѣтить здѣсь нѣчто иное. Смотритель, служившій съ дореволюціонныхъ временъ, былъ большимъ формалистомъ и именно это формальное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, думается мнѣ, и спасало его на этомъ щекотливомъ посту. Въ дѣлопроизводствѣ его былъ полный порядокъ, а этого было трудно достигнуть при томъ условіи, что въ тюрьму не препровождали, а просто сваливали всѣхъ арестованныхъ всѣ суды — безъ препроводительныхъ бумагъ, часто безъ указанія даже установленнаго прозванія арестанта. Урегулировать это пришлось при помощи стараго циркуляра.

Принимая тюрьму, я обошелъ всѣхъ заключенныхъ и спрашивалъ о причинахъ содержанія, а также о желаніяхъ. Никто изъ нихъ не жаловался на администрацію, а между тѣмъ тюремная дисциплина была налицо.

Въ одной изъ камеръ я былъ удивленъ, увидѣвъ священника, сидящаго за Евангеліемъ. Мелькнула мысль, что это плѣнникъ чрезвычайки, и захотѣлось его подробно разспросить, но пришлось тотчасъ же осѣчься, когда на мой вопросъ: «за что содержитесь, отецъ?» я услышалъ: «за самогонку».

Главное тюремное управленіе мѣсяца черезъ два послѣ эвакуаціи комиссаріата юстиціи въ Москву прибыло туда же и вошло въ составъ комиссаріата въ качествѣ отдѣла. Тамъ изобиловали люди съ сѣрыми лицами и торчащими волосами. Они рѣзко отличались отъ болѣе или менѣе подтянутой публики комиссаріата и казалось, что на наши собранія (они помѣщались гдѣ то отдѣльно отъ комиссаріата) они появлялись прямо изъ тюрьмы. Ихъ такъ и называли «тюремщиками».

Этотъ тюремный отдѣлъ слалъ предсѣдателямъ совѣтовъ бумагу за бумагой, вызывавшія и смѣхъ, и возмущеніе. Церковь въ тюрьмѣ предписывалось уничтожить, предлагалось усилить медицинскій надзоръ, ввести обученія всевозможнымъ ремесламъ, рекомендовалось улучшить пищу, устраивать лекціи и собесѣдованія — за отсутствіемъ кредитовъ все это оказывалось пустымъ бумагомараніемъ. Въ виду усиленія сыпно-тифозной эпидеміи предлагалось не увеличивать количества заключенныхъ и, по возможности, освобождать изъ подъ стражи. Такимъ образомъ сыпно-тифозная эпидемія становилась смягчающимъ вину обстоятельствомъ. На бумагѣ дѣятельность тюремнаго отдѣла была направлена къ тому, чтобы поставить арестантовъ въ привиллегированное положеніе сравнительно съ остальными гражданами, голодными, брошенными въ водоворотъ революціонныхъ случайностей. На дѣлѣ же получались ужасы Бутырской тюрьмы, вмѣсто обученій и лекцій, не переводился сыпной тифъ, и я могу себѣ представить состояніе одного изъ свидѣтелей, фигурировавшихъ въ

дѣлѣ, пересланномъ мнѣ изъ Твери по подсудности, который былъ «арестованъ въ качествѣ свидѣтеля», какъ это было изображено въ протоколѣ, и просидѣлъ въ Тверской тюрьмѣ около двухъ недѣль.

IV

Въ Торжкѣ издавалась коммунистическая газетка, одна изъ «Правдъ» или «Извѣстій». Ея безграмотныя строки дышали ненавистью къ зажиточнымъ крестьянамъ, къ интеллигенціи, къ буржуазіи, къ капиталистамъ, къ имперіалистамъ, къ кадетамъ, къ эсдекамъ, эсерамъ, словомъ, ко всему міру. Спустя годъ послѣ того, какъ помѣщики были изгнаны, привиллегированные классы упразднены, люди умственнаго труда и спеціальныхъ знаній подавлены, все еще продолжала хлестать черезъ край вѣковая злоба униженныхъ и оскорбленныхъ. Она питалась сознаніемъ собственнаго безсилія и конца ей не предвидѣлось. Въ этой газетѣ, между прочимъ, я встрѣтилъ подпись Ѳомы Райляна, художника, извѣстнаго издавна не собственными талантами, а циническими выпадами противъ Куинджи. Лучшаго мѣста, чѣмъ эта газетка, не могъ найти Райлянъ для примѣненія своихъ клеветническихъ способностей. Изъ этой то газеты я узналъ, что Панфиловъ отказался отъ предсѣдательствованія въ исполкомѣ и уѣхалъ изъ Торжка.

На меня это подѣйствовало непріятно, такъ какъ я вступалъ уже въ полосу конфликтовъ, а въ Панфиловѣ, безъ всякихъ внѣшнихъ данныхъ, какимъ то внутреннимъ чутьемъ, я угадывалъ симпатизирующаго мнѣ человѣка.

Эта существенная перемѣна въ составѣ исполкома была особенно значительна для меня потому, что, опасаясь стать объектомъ наблюденій, я совершенно не посѣщалъ исполкома, не зналъ господствующихъ тамъ настроеній и потому не могъ учитывать этого важнаго фактора при расчетѣ послѣдствій того или иного своего дѣйствія.

Съ уходомъ Панфилова сталъ предсѣдательствовать какой то совершенно сѣрый, длинноволосый деревенскій парнишка. Я видѣлъ его только мелькомъ. Головановъ, превратившійся изъ комиссара юстиціи въ завѣдующаго отдѣломъ соціальнаго обезпеченія, не игралъ уже существенной роли и изъ всего исполкома я познакомился только съ завѣдующимъ финансовымъ отдѣломъ Тумановымъ. Онъ произвелъ на меня отрицательное впечатлѣніе. Знакомство наше состоялось во время раскладки «революціоннаго налога», распредѣленнаго центральной властью въ общихъ суммахъ между столицами, губернскими городами и губерніями. Разверстывать по уѣздамъ волостямъ и отдѣльнымъ лицамъ должны были мѣстныя власти, руководствуясь указаніемъ, что главнымъ образомъ въ деревняхъ облагаются кулаки, въ незначительной степени средняки, а бѣдняки освобождаются отъ налога. Результатомъ дѣйствій мѣстныхъ властей была масса жалобъ на неправильное выполненіе разверстки. Зайдя въ финансовый отдѣлъ справиться, скоро ли будутъ получены для совѣта задержавшіяся деньги, я засталъ Туманова разсуждающимъ на ту тему, что онъ не можетъ не считать «кулакомъ» крестьянина, у котораго имѣется собственный домъ, лошадь и корова.

«Интересно, кого онъ считаетъ истиннымъ сыномъ россійской республики? — подумалъ я — того, кто имѣетъ одни лишь рваные штаны».

Жалобы, повидимому, имѣли много шансовъ оказаться справедливыми.

При такомъ положеніи вещей я былъ совершенно одинокъ въ Торжкѣ и единственно, на что я могъ опереться, была моя репутація человѣка со связями. Я намѣревался пользоваться ею, какъ орудіемъ самозащиты.

Начало моихъ взаимоотношеній съ чрезвычайкой было вызвано ею. По упоминавшемуся уже дѣлу перваго участка, почему то особенно интересовавшему чека, я получилъ новый запросъ о положеніи дѣла. Я отвѣтилъ, что ни судьи, ни совѣтъ не состоятъ въ подчиненіи у чрезвычайной комиссіи и что никакого вмѣшательства ея въ теченіе судебныхъ дѣлъ я не допущу. Внизу отвѣтной бумаги я помѣтилъ: «копіи препровождаются въ Новоторжскій Исполкомъ и Тверской Комиссаріатъ Юстиціи». Таковыя я дѣйствительно препроводилъ по назначенію. Москву я рѣшилъ беречь для экстреннаго случая. Этотъ эпизодъ никакого дальнѣйшаго развитія не получилъ.

Послѣ образованія совѣта, уголовная комиссія поторопилась спихнуть мнѣ для храненія дѣла административнаго отдѣла. Они долго лежали въ моей служебной комнатѣ, ожидая составленія точнаго реестра и сдачи въ архивъ. Занявшись какъ то ихъ просмотромъ, я наткнулся на досье по дѣлу Егорова. Я зналъ, что Егоровъ былъ однимъ изъ первыхъ, разстрѣлянныхъ чека, и заинтересовался дѣломъ. Оказалось, что Егоровъ, крестьянинъ, помнится, Марьинской волости, состоя комиссаромъ одного изъ имѣній, присвоилъ себѣ два мѣшка муки, былъ арестованъ чека, приговоренъ къ разстрѣлу и разстрѣлянъ. Обстоятельства дѣла были такія: приговоръ былъ вынесенъ чрезвычайкой 31-го Мая и въ тотъ же день сообщенъ исполнительному комитету. Исполнительный комитетъ въ экстренномъ вечернемъ засѣданіи постановилъ предоставить чека избрать для наказанія Егорова любое суровое наказаніе, но разстрѣла не производить. По разносной книгѣ исполкома я установилъ, что это опредѣленіе исполкома было доставлено чека 1-го Іюня и, очевидно, въ часы служебныхъ занятій или во всякомъ случаѣ до вечера, потому что исполкомъ, несомнѣнно, торопился, если созвалъ по этому дѣлу экстренное засѣданіе и потому еще, что трудно предположить, чтобы курьеръ занимался разноской бумагъ въ позднее вечернее время. Между тѣмъ, это постановленіе исполкома было возвращено чрезвычайной комиссіей черезъ нѣсколько дней съ надписью на обратной сторонѣ о томъ, что въ ночь съ 1-го на 2-ое Іюня приговоръ приведенъ въ исполненіе. Такимъ образомъ, оказывалось установленнымъ, что бумага исполкома была получена въ чека въ то время, когда Егоровъ еще былъ живъ. Интереснѣе всего, что дата полученія бумаги была дважды исправлена и такъ неумѣло, что совершенно явственно выступала первоначальная цифра 1, исправленная затѣмъ на 2 и, наконецъ, — на 4. Егоровъ былъ разстрѣлянъ вопреки постановленія исполкома.

Несмотря на столь очевидную суть этого дѣла, нельзя было обвинять чека по существу ея дѣйствій, ибо къ 1-му Іюня 1918 года не было никакихъ постановленій совѣтской власти, которыя обязывали бы чека подчиняться постановленіямъ исполкома. Съ другой стороны, я не считалъ себя въ правѣ оставить это дѣло, не давъ ему никакого движенія. Наиболѣе обоснованнымъ

обвиненіемъ могло быть обвиненіе въ служебномъ подлогѣ, выразившемся въ исправленіи датъ. Его я и поддерживалъ, перенося центръ тяжести своей докладной записки на мотивировку, въ которой постарался по возможности убѣдительно разъяснить, что подлогъ этотъ сдѣланъ изъ боязни отвѣтственности за противозаконное лишеніе жизни. Если бы была отвергнута эта мотивировка по формальнымъ соображеніямъ, то подлогъ все таки оставался во всей его силѣ. По этому дѣлу изъ Твери пріѣзжалъ слѣдователь, опрашивалъ меня, знакомился съ дѣломъ, согласился съ моими доводами и уѣхалъ, забравъ съ собою дѣло.

Предсѣдателемъ чека въ Торжкѣ былъ нѣкій Клюевъ. О его прошломъ я ничего не знаю. Онъ выдавалъ себя за анархиста, можетъ быть для того, чтобы не быть связаннымъ партійной дисциплиной и быть совершенно самостоятельнымъ въ своей дѣятельности. О подвигахъ его было много разсказовъ, но придерживаясь только точно установленныхъ фактовъ, воздерживаюсь отъ сообщенія ихъ. Несомнѣнно же было то, что крови и вина въ чека пролилось не мало.

Приблизительно въ серединѣ Ноября былъ полученъ секретный циркуляръ Курскаго, которымъ предписывалось предсѣдателямъ совѣтовъ наблюдать за общимъ положеніемъ юстиціи въ уѣздѣ и въ томъ числѣ за дѣятельностью чрезвычайныхъ комиссій. Какъ разъ въ это время, назначая къ слушанію дѣла 1-го участка, я наткнулся на дѣло, долго лежавшее безъ движенія. Обвинялся нѣкій Гаркуша въ сбытѣ фальшиваго рубля. Дѣло началось задолго до принятія мною участка и неподвижность его объяснялась тѣмъ, что, по имѣвшемуся въ дѣлѣ сообщенію начальника тюрьмы, Гаркуша былъ разстрѣлянъ какъ контръ-революціонеръ. Въ дѣлѣ же имѣлось и полное разъясненіе этого страннаго происшествія. Гаркуша подалъ бумагу въ судъ, въ которой объяснилъ, что однажды онъ ѣхалъ по Николаевской жел. дор., и не задолго до станціи Бологое въ вагонѣ появилось нѣсколько человѣкъ, которые стали осматривать и отбирать у пассажировъ багажъ. Въ Бологое для этой же цѣли появился желѣзнодорожный отрядъ, который, узнавъ, что его предупредили, потребовалъ у обыскивавшихъ удостовѣреніе на право производить обыски. Главарь шайки предъявилъ мандатъ, который, однако, показался желѣзнодорожникамъ подозрительнымъ. Тогда онъ указалъ на нѣсколько пассажировъ, въ томъ числѣ и на Гаркушу, которые, будто бы, могли подтвердить правильность этого мандата. Желѣзнодорожники арестовали и обыскивавшихъ, и пассажировъ, на которыхъ было указано, и отвели ихъ сперва въ мѣстную тюрьму, а затѣмъ отправили въ Москву въ Бутырскую для установленія личности. Главаремъ шайки оказался Клюевъ Въ Бутыркахъ онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Гаркушей и съ какимъ то фокусникомъ, который для препровожденія времени показывалъ фокусы съ серебрянымъ рублемъ. Этотъ рубль въ концѣ концовъ остался у Гаркуши, вовсе и не подозрѣвавшаго, что рубль фальшивый. Для подтвержденія всего изложеннаго Гаркуша просилъ допросить предсѣдателя чрезвычайной комиссіи Клюева.

По наведеннымъ мною справкамъ, Гаркуша былъ ночью взятъ изъ тюрьмы чекистами, послѣ чего тутъ же у тюремной стѣнки его собственноручно убилъ изъ револьвера Клюевъ.

Многое въ объясненіи Гаркуши мнѣ казалось несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, но фактъ оставался фактомъ. — Человѣкъ обвинялся въ сбытѣ фальшиваго рубля (мировая подсудность прежняго времени), а разстрѣлянъ

за контръ-революціонность, которую онъ неизвѣстно какимъ образомъ могъ проявить, сидя въ тюрьмѣ.

Мимо этого дѣла я также не могъ пройти молча, хотя бы на основаніи упомянутаго циркуляра Курскаго. Я написалъ докладную записку тверскому комиссару Юстиціи, въ которой указывалъ, что въ рукахъ Клюева не можетъ дальше оставаться жизнь и судьба гражданъ. Вскорѣ изъ Твери было затребовано досье по дѣлу Гаркуши.

Одною изъ дѣйствующихъ силъ въ Торжкѣ была мѣстная фракція коммунистовъ или иначе — «коммунистическая ячейка». Словцо, получившее послѣ революціи особыя права гражданства. Не было, кажется, ни одного собранія, гдѣ бы оно не употреблялось во всѣхъ падежахъ. Моему воображенію «ячейка» представлялась скопищемъ копошащихся насѣкомыхъ, и я искренне ненавидѣлъ ораторовъ, употреблявшихъ это выраженіе.

По мѣрѣ того, какъ коммунизмъ въѣдался въ государственное управленіе, партійная организація пріобрѣтала все большее значеніе и въ концѣ концовъ превратилась въ тотъ центральный пунктъ, гдѣ нужно было искать объясненія всего происходящаго. Всѣ пути сходились па ней. Въ управляющихъ органахъ всѣхъ учрежденій большевики имѣли большинство и въ служебной дѣятельности совершенно свободно проводили ту программу, которая заблаговременно вырабатывалась въ партійныхъ департаментахъ. Это была, да и есть по настоящее время, своеобразная звѣздная палата, гдѣ конспиративно, въ маломъ кругу лицъ, рѣшаются судьбы Россіи и чрезъ ея провинціальные филіалы проводятся въ жизнь по всѣмъ ея уголкамъ.

Если раньше, принимая во вниманіе, что программная сторона большевизма рѣзко расходится съ тактикой, можно было, не особенно грѣша совѣстью, утвердительно отвѣчать на обязательный пунктъ анкетъ: «сочувствуете ли вы совѣтской платформѣ?» (безъ каковаго отвѣта нигдѣ нельзя было оставаться на службѣ), то теперь была придумана новая западня для уловленія душъ. Устроена была организація «сочувствующихъ», гдѣ проводилась партійная дисциплина, устраивались доклады, обязательно посѣщаемые и т. д. Отвертѣться отъ этого нажима было чрезвычайно трудно, ибо въ новѣйшихъ анкетахъ вопросы были поставлены въ такой хитроумной комбинаціи:

«Сочувствуете ли вы совѣтской платформѣ?» — обязательнымъ отвѣтомъ для каждаго желавшаго получить или продолжить службу было: «сочувствую».

Слѣдующій вопросъ:

«Если сочувствуете, то состоите ли въ организаціи «сочувствующихъ», и если не состоите, то почему?»

Второй вопросъ, какъ будто, совершенно логически вытекалъ изъ перваго. Разъ сочувствуешь, то и иди въ спеціально для сочувствующихъ устроенную организацію. На этомъ вопросѣ попадались многіе. Большинство выставляло отговорки, могущія принести только лишь болѣе или менѣе продолжительную отсрочку. Объясняли свою безпартійность или незнаніемъ, что существуетъ такая организація, или занятостью и т. п., кончилось это тѣмъ, что незнавшихъ ознакомили, занятыхъ приглашали пожаловать вечеромъ и въ концѣ концовъ всѣ, назвавшіеся груздемъ, должны были залѣзть въ кузовъ.

Въ Торжкѣ происходило все по указанной программѣ. Дошла очередь и до меня. На второй вопросъ я отвѣтилъ, что въ организаціи «сочувствующихъ»

не состою потому, что, по моему мнѣнію, Россія еще слишкомъ некультурна для какой либо планомѣрной партійной жизни. Для иллюстраціи такого взгляда у меня была заготовлена ссылка на убійство Мирбаха въ Москвѣ, за которое были арестованы и вообще поплатились рядовые эсеры, между тѣмъ какъ убійство было предпринято и организовано центральнымъ комитетомъ партіи за собственный рискъ и страхъ. Пустить ее въ ходъ не пришлось, потому что меня оставили въ покоѣ.

Въ конечномъ результатѣ эти мѣры привлеченія въ партію дали значительный приростъ новыхъ членовъ.

Зимою 18/19-го года Россія наполнилась воплемъ:

«Всѣ на сибирскій фронтъ! Всѣ противъ Колчака!»

Митинги слѣдовали одинъ за другимъ. Резолюціи съ отборной руганью сыпались, какъ горохъ. Редиски*, захлебываясь отъ восторга, повторяли расклеенное по Москвѣ четверостишие.

«Собиралась В. Ч. К-а
«Уничтожить Колчака,
«Но придется Колчаку
«Уничтожить В. Ч. К-у».

Въ Торжкѣ опять зажужжали набившія оскомину словечки: имперіалисты, капиталисты и прочіе жупелы революціоннаго арсенала. Въ періодъ осенней слякоти объявленъ былъ сборъ всѣхъ коммунистовъ уѣзда, причемъ въ расклеенныхъ по городу объявленіяхъ значилось, что каждый, явившійся на сборъ, долженъ запастись провіантомъ на три дня и явиться готовымъ къ тому, чтобы немедленно быть погруженнымъ въ вагоны. Всего собралось человѣкъ двѣсти — триста самой разношерстной компаніи. Тутъ были и мальчики, и бородачи въ крестьянскихъ полушубкахъ и городскихъ одѣяніяхъ того покроя, по которому въ былое время деревня опознавала «стрекулистовъ». Этимъ сборомъ совѣтская власть достигала двухъ цѣлей — производила подсчетъ силъ и провѣряла составъ партіи для того, чтобы выбросить изъ ея рядовъ колеблющіеся и неискренніе элементы, дрогнувшіе передъ перспективой отправки на фронтъ и не явившіеся на сборъ.

Глядя на это послушное стадо, я старался и не могъ понять психологіи этихъ несчастныхъ людей. Со стороны односельчанъ ихъ преслѣдовала ненависть, скрываемая, да и то не всегда, изъ боязни ихъ мести. Со стороны партійнаго начальства ихъ подвергали дисциплинарнымъ взысканіямъ, возлагали въ первую голову на нихъ тяготы по проведенію въ жизнь коммунистическихъ затѣй, мобилизовывали и отправляли на опостылѣвшіе фронты, исключали изъ партіи, ставя этимъ въ положеніе, аналогичное тому, въ которомъ въ прежнее время оказывался сыщикъ, прогнанный со службы. Что они выгадывали отъ этого? — При такихъ условіяхъ партійнаго существованія только безысходность деревенской страшной нужды могла загнать ихъ въ руки коммунистовъ. Мысль объ идейныхъ побужденіяхъ съ трудомъ приходила въ голову и казалась нелѣпой при видѣ этихъ понурыхъ фигуръ, унылыхъ лицъ, соединенныхъ въ одну скучную мелькающую цѣпь однообразнымъ выраженіемъ написаннаго на нихъ безразличія. Я смотрѣлъ на нихъ, и откуда то изъ даль-

* Редисками назывались люди сверху красные, а въ серединѣ бѣлые.

няго уголка памяти выростала забытая фраза: «Ничѣмъ же мучимы бываютъ, сами себѣ мученія творятъ». Откуда это? — Не то Григорій Котошихинъ, не то какой то греческій монахъ, путешествовавшій по Россіи и передававшій свои впечатлѣнія отъ русской бани, гдѣ обнаженные славяне, по доброй своей волѣ, захлестывали себя до одурѣнія распаренными вѣниками.

Предсѣдателемъ Новоторжской фракціи коммунистовъ былъ глупый, откормленный Ананьинъ. Недавній ученикъ Новоторжскаго реальнаго училища, онъ не сносилъ еще форменнаго пальто и только переставилъ пуговицы на штатскія. Онъ былъ сыномъ мѣстнаго зажиточнаго купца и домовладѣльца. Разсказывали, что вскорѣ послѣ переворота онъ способствовалъ отцу и дядѣ скрыться куда то «за предѣлы досягаемости». Можетъ быть, и весь его коммунизмъ былъ только способомъ охраны родового имущества.

Онъ неизмѣнно выступалъ на всѣхъ митингахъ, собраніяхъ и т. п. и надоѣлъ всѣмъ до тошноты. Когда онъ появлялся на эстрадѣ, его толстое, глупое, мальчишески лишенное растительности, лицо мгновенно багровѣло не то отъ волненія, не то отъ конфуза, глаза превращались въ щелки, уста съ шумомъ выбрасывали отрывистыя фразы, а правая рука безостановочно сгибалась въ локтѣ, короткимъ движеніемъ вздымая и опуская сжатый кулакъ. Новоторжскіе ораторы вообще не выдерживали критики. Однажды случился такой курьезъ: на собраніи въ память погибшей Розы Люксембургъ, происходившемъ въ переполненномъ залѣ народнаго театра говорилъ рѣчь военный комиссаръ, описывая событія, происходившія въ Германіи. На серединѣ его рѣчи я увидѣлъ, что онъ теряетъ мысль и безнадежно запутывается. Онъ, несомнѣнно, чувствовалъ это и самъ и рѣшилъ отыграться на революціонномъ пафосѣ. Ступивъ шагъ впередъ и театрально приподнявъ руки, дрожащимъ голосомъ онъ провозгласилъ:

«И вотъ! Возмущенная толпа растерзала Розу Люксембургъ!».

Въ залѣ царствовало благоговѣйное молчаніе и только нѣсколько головъ изъ перваго ряда низко склонились для того, чтобы внимательно изслѣдовать собственныя манжеты.

Однажды я собирался уже уходить со службы, какъ мнѣ подали пакетъ. Я вскрылъ, и, обозрѣвъ штампъ, изображавшій: «Новоторжская фракція коммунистовъ», прочелъ приблизительно слѣдующее:

«Фракція увѣдомляетъ Васъ, что на предстоящемъ Уѣздномъ Съѣздѣ Вамъ предлагается прочесть докладъ о дѣятельности совѣта народныхъ судей по слѣдующей программѣ».

Дальше слѣдовали пункты программы, а затѣмъ значилось: «въ силу чего Вамъ надлежитъ явиться 17-го декабря* въ 8 часовъ вечера въ помѣщеніе фракціи для представленія выработанныхъ Вами тезисовъ доклада».

Такая наглость взволновала меня до крайности. Я задержалъ канцелярію, велѣлъ снять двѣ копіи съ увѣдомленія и тутъ же отправилъ въ исполкомъ съ просьбой увѣдомить меня, во первыхъ, дѣйствительно ли я долженъ сдѣлать докладъ, такъ какъ предписаніе фракціи коммунистовъ по этому поводу не считаю для себя обязательнымъ, а, во вторыхъ, имѣетъ ли право фракція коммунистовъ обязывать личной явкой Предсѣдателя Совѣта Народныхъ Судей,

* Смутно припоминаю эту дату.

и, если имѣетъ, то какимъ еще политическимъ организаціямъ предоставлено это право и какимъ именно декретомъ совѣтской власти. По заведенному мною обычаю внизу значилась приписка: «копіи отправлены Тверскому Губернскому Комиссару юстиціи». Таковыя въ дѣйствительности были препровождены ему.

До самаго закрытія совѣта на рождественскіе праздники я никакого отвѣта не получилъ. Свою неявку на Съѣздъ я могъ объяснить неполученіемъ этого отвѣта, но это было бы политикой страуса, кромѣ того, послѣ моей бумаги это могло быть объяснено боязнью скандала. Этого я не могъ допустить. А скандалъ былъ болѣе, чѣмъ вѣроятенъ, ибо очевидно было, что фракція коммунистовъ предполагаетъ играть не послѣднюю роль на этомъ съѣздѣ. Я рѣшилъ идти на скандалъ.

Передавая теперь эти обстоятельства, повидимому незначительныя, описывая поступки такіе простые и естественные, припоминаю, какъ много гражданскаго мужества нужно было имѣть, чтобы рѣшиться на нихъ въ атмосферѣ безконтрольнаго произвола и безнаказанныхъ насилій.

Темой своего доклада я избралъ: преимущества постановки права помилованія въ народныхъ судахъ сравнительно съ порядкомъ прежняго времени. Этотъ пунктъ былъ единственнымъ, за который я, не грѣша противъ совѣсти, могъ похвалить совѣтское законодательство.

Въ ноябрѣ былъ опубликованъ декретъ о судѣ № 3. Силою его уѣздные совѣты упразднялись и создавались губернскіе совѣты народныхъ судей, причемъ, въ одномъ изъ пунктовъ декрета было написано чернымъ по бѣлому, что выборы въ Совѣтъ производятся на общемъ собраніи всѣхъ судей губерніи.

Ко времени его обнародованія я считалъ законченной свою миссію не только въ Новоторжскомъ уѣздѣ, но и во всей совѣтской Россіи. Меня тянуло туда, гдѣ шла борьба противъ коммунизма, гдѣ нарождалась или Вандея, или новая Россія. Узнать это и, въ послѣднемъ случаѣ, отыскать тамъ свое мѣсто — становилось моей очередной задачей.

Вся моя дѣятельность конца 18-го и начала 19-го года сознательно была направлена къ тому, чтобы напослѣдокъ не сбиться съ принятаго мною курса, а безсознательно къ впитыванію въ себя всего того, что происходило за совѣтскими рубежами и къ инстинктивному нащупыванію путей, ведущихъ въ станъ борцовъ за новую свѣтлую Россію, какъ это мнѣ тогда представлялось.

Созданіе губернскаго совѣта предполагалось къ 1-му января 1919 года, зная же волокиту и нераспорядительность совѣтскихъ учрежденій, я не разсчитывалъ такъ скоро освободиться отъ своихъ обязанностей и считалъ, что еще добрую половину февраля мнѣ придется возиться съ дѣлами совѣта. На самомъ дѣлѣ мнѣ удалось сдать дѣла и отчеты только лишь въ концѣ марта или началѣ апрѣля.

Уѣздный Съѣздъ состоялся на рождественскихъ праздникахъ.

Большой залъ исполкома былъ полонъ народомъ. На эстрадѣ сидѣлъ президіумъ, у входовъ толпились не нашедшіе себѣ мѣстъ. Собравъ все свое хладнокровіе и приготовившись къ неожиданностямъ и огорченіямъ всякаго рода, я протискался черезъ заднюю дверь и сталъ у эстрады. Въ президіумѣ мелькнуло знакомое лицо. Кто такой? — Панфиловъ сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ. У меня сразу полегчало на душѣ и почему то совсѣмъ уже спокойно я сталъ

знакомиться съ обстановкой и со всѣмъ происходящимъ. Сбоку на эстрадѣ, за отдѣльнымъ столикомъ сидѣлъ Ананьинъ. Лицо его было красно, столикъ заваленъ бумагами. Онъ сильно напоминалъ судебнаго пристава прежняго времени на уголовныхъ сессіяхъ суда. Когда начинались пренія послѣ каждаго доклада и рѣчь оратора клонилась къ нежелательнымъ для исполкома выводамъ, Ананьинъ, хлопнувъ рукой по бумагамъ и немного приподнявшись, подавалъ реплики, неизмѣнно начинавшіяся со словъ: «По постановленію Новоторжской фракціи коммунистовъ» . . . и оповѣщавшія, что вопросъ этотъ во фракціи уже разрѣшенъ вотъ такъ то. Когда одинъ изъ ораторовъ, не внявъ этому предостереженію, заявилъ, что они въ крайнемъ случаѣ могутъ и въ набатъ ударить, Ананьинъ, хлопнувъ рукой нѣсколько громче обыкновеннаго, заявилъ, что «по постановленію Новоторжской фракціи коммунистовъ вопросъ этотъ снимается съ обсужденія». Меня дергало за языкъ спросить, когда состоялось это постановленіе, — въ тотъ моментъ, когда онъ его произносилъ, или раньше? Подумавъ, я рѣшилъ не дразнить гусей.

Доклады были безцвѣтные. Съ фактами обращались безцеремонно, дѣлая изъ нихъ выводы или несоотвѣтственные, или прямо противоположные ихъ истинному значенію. Изъ докладчиковъ меня заинтересовалъ только представитель чека. Это былъ совсѣмъ молодой мальчикъ, лѣтъ 18—19. Черные глянцевитые густые волосы, тонкое красивое лицо, едва пробивающіеся чернымъ пушкомъ усы, большіе, выпуклые, черные глаза, со спокойнымъ вызовомъ озирающіе залъ. Онъ былъ очень красивъ, этотъ рожденный и вспоенный революціей гражданинъ. Мнѣ казалось, что стоитъ его нарядить въ картинный архалукъ старо-русскаго покроя, надѣть бархатныя красные штаны, да желтые высокіе сапоги съ мягкой подошвой, заломить надъ собольими бровями бобровую шапку, посадить на удалого коня съ собачьей головой на груди и метлой у сѣдла — и встанетъ передъ вами живой, безъ отмѣтины, Аѳонька Вяземскій или Ѳедька Басмановъ.

«Да» — думалось мнѣ, — какъ въ былое время, такъ и теперь, въ Россіи, сколько хочешь людей, достаточно глупыхъ и достаточно подлыхъ для того, чтобы поддерживать какое угодно правительство».

«Докладъ предсѣдателя Совѣта народныхъ судей» — возглашаетъ Панфиловъ. Я направляюсь къ кафедрѣ и мнѣ становится яснымъ, что въ атмосферѣ этой жары, безконечныхъ долгихъ докладовъ, затягивающихся преній и общаго утомленія, нападенія на меня не будетъ, если я самъ не вызову его какой нибудь рѣзкостью.

Въ теченіе десяти минутъ я разсказывалъ объ упраздненной комиссіи по принятію прошеній, объ обязательномъ пути подававшихся туда бумагъ, о постановкѣ этого вопроса въ народныхъ судахъ. Приводилъ примѣры старые — изъ исторіи суда съ присяжными засѣдателями, который съ трудомъ отвоевалъ себѣ право выносить оправдательный приговоръ въ случаяхъ сознанія подсудимаго въ совершеніи инкриминируемаго ему дѣянія, новые — изъ практики народныхъ судовъ. Подчеркнулъ необходимость поднять суды на чрезвычайную высоту, въ виду наблюдающагося наростанія преступности.

На эстрадѣ раздаются хлопки, я оборачиваюсь будто для поклона. — Апплодируютъ Панфиловъ и Головановъ. Изъ остальныхъ членовъ президіума каждый занятъ своимъ дѣломъ. Въ залѣ нѣсколько простаковъ поддерживаютъ апплодисменты. Я выпихиваюсь изъ залы и устремляюсь домой. По дорогѣ успѣваю узнать, что Панфиловъ пріѣхалъ въ Торжокъ на нѣсколько дней.

Вскорѣ послѣ Рождества я получилъ изъ Тверского комиссаріата юстиціи предложеніе, подписанное не Козыревымъ, увѣдомить судей о предстоящемъ губернскомъ съѣздѣ судей, на который должны явиться всѣ судьи-коммунисты. Я не сомнѣвался, что дѣло идетъ о томъ губернскомъ съѣздѣ, на которомъ долженъ быть избранъ судейскій персоналъ совѣта, и, что собраніе это хотятъ провести въ нарушеніе прямого смысла декрета, созвавъ не всѣхъ судей губерніи, а только лишь судей-коммунистовъ. Я научился уже читать мысли, хоронящіяся между строками коммунистическихъ бумагъ, и понималъ спрятанную тамъ оговорку: «предписывать мы можемъ только партійнымъ судьямъ-коммунистамъ, остальныхъ мы можемъ только оповѣстить. Считаемъ, что это было сдѣлано, разъ о съѣздѣ былъ освѣдомленъ предсѣдатель совѣта».

Я не хотѣлъ оставить имъ въ распоряженіе эту отговорку и послалъ телеграмму съ просьбой ихъ увѣдомить, всѣ ли судьи должны явиться на съѣздъ согласно декрета или только судьи-коммунисты. Наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда судей-коммунистовъ въ Тверь, я созвалъ собраніе всѣхъ уѣздныхъ судей.

Въ полученномъ отвѣтѣ значилось: «Въ отношеніи № такой то отъ указаннаго числа ясно указано, что прибыть должны судьи-коммунисты». Подпись опять не Козырева.

На собраніи своихъ судей я разсказалъ объ этихъ обстоятельствахъ, высказалъ свой взглядъ, что совершается нарушеніе прямого смысла декрета и что выборы совѣта, если таковые произойдутъ, не могутъ считаться законными, и предложилъ послать протестующую телеграмму въ Тверь, а копію въ Москву въ комиссаріатъ юстиціи. Къ этому присоединились всѣ судьи. Новоторжскій уѣздъ оказался не единственнымъ протестантомъ, аналогичныя телеграммы были получены Тверью еще изъ двухъ уѣздовъ. Ихъ постановили «принять къ свѣдѣнію», а совѣтъ все таки выбрали.

Вскорѣ исполкомъ постановилъ произвести перевыборы судей и я услышалъ юмористическій разсказъ о томъ, какъ меня выбирали. Выборы производились исполкомомъ изъ числа представленныхъ ему кандидатовъ. Оказывается, двѣ наиболѣе серьезныя профессіональныя организаціи выставили меня своимъ первымъ кандидатомъ, не только не спросивъ моего согласія, но даже не увѣдомивъ меня объ этомъ. Съ меня и началась баллотировка. Какъ только была названа моя фамилія, тотчасъ же раздались протесты. Одинъ изъ членовъ исполкома въ горячей рѣчи утверждалъ, что я бывшій прокуроръ, что на засѣданіяхъ совѣта пахнетъ старымъ режимомъ (одно гражданское дѣло въ первомъ участкѣ было разрѣшено противъ него, причемъ, во время преній я дважды просилъ его держаться ближе къ существу дѣла, а когда онъ вступилъ въ споръ со мною, — пригрозилъ, что лишу его слова) и что такихъ судей имъ не нужно. Его поддержали нѣсколько членовъ исполкома. Только одинъ военный комиссаръ заявилъ, что онъ считалъ бы меня подходящимъ судьею, несмотря даже на то, что я какъ то странно объясняю принципы народовластія. Моя кандидатура съ трескомъ провалилась. Когда затѣмъ проходили по списку кандидатовъ, фамилія каждаго нежелательнаго кандидата вызывала возгласы: «Опять Майеръ!» «Еще одинъ Майеръ!» и т. д.

Я много смѣялся этому разсказу, но вывелъ изъ него два серьезныхъ заключенія: во первыхъ, что работа моя не пропала даромъ, если нѣкоторые изъ

судей были оскорбляемы установленіемъ между ними и мною на выборахъ полной идентичности, во вторыхъ же, что мнѣ слѣдуетъ уѣзжать изъ Торжка и какъ можно скорѣе.

Я угадывалъ источникъ версіи о моемъ бывшемъ прокурорствѣ. — Готовилось всплыть дѣло Семеновой изъ Мѣдновской волости. Мнѣ нѣсколько разъ мелькнули въ глаза на улицахъ Торжка физіономіи арестованныхъ коммунистовъ, на которыхъ было написано, что они не забыли прогулки по морозу и тюремное сидѣніе. Я живо представлялъ себѣ, въ какой мѣрѣ имъ пріятно было бы отплатить мнѣ тѣмъ же. Если раньше меня не такъ то легко было проглотить въ качествѣ предсѣдателя совѣта, то теперь, послѣ упраздненія этой должности, забаллотированія въ судьи и возвращенія моего въ первобытное состояніе — ничего не могло быть легче. Я рѣшилъ не только уѣзжать, но и заметать слѣды.

Форсировавъ сдачу дѣлъ и отчетности по совѣту и участку, я рѣшилъ сперва побыть въ деревнѣ, а затѣмъ ѣхать въ Петербургъ.

Въ день отъѣзда, когда я уже таскалъ вещи на тарантасъ, ко мнѣ явился милиціонеръ съ повѣсткой, приглашавшей меня явиться на слѣдующій день въ управленіе милиціи. Причина вызова не была указана, и милиціонеръ отговаривался незнаніемъ. Я отказался принять повѣстку, угостилъ милиціонера папироской, далъ карандашъ и попросилъ его написать на повѣсткѣ, что таковая не вручена за временнымъ выбытіемъ моимъ изъ Торжка, обѣщавъ, что, вернувшись черезъ недѣлю, я самъ зайду въ милицію. Когда черезъ двѣ недѣли я остановился на нѣсколько часовъ въ Торжкѣ, чтобы пересѣсть на желѣзную дорогу, мнѣ немедленно была вручена повѣстка съ приглашеніемъ на 12 ч. слѣдующаго дня. За моимъ прибытіемъ въ Торжокъ, очевидно, слѣдили. Никакого обоснованнаго обвиненія ко мнѣ предъявить было невозможно. Но исторія Гаркуши, арестованнаго за фальшивый рубль и разстрѣляннаго за контръреволюцію, могла повториться съ большой легкостью.

Для пріисканія повода къ аресту нужно было только припомнить, что на мои боевыя бумаги въ чека и исполкомъ отвѣтъ мною еще не былъ полученъ. Къ тому же мѣсяца два тому назадъ у меня таинственно исчезъ браунингъ, спрятанный моими домашними во время моего отсутствія, изъ боязни обыска, въ банку съ солью. Право храненія оружія предоставлялось только коммунистамъ.

Въ 12 часовъ слѣдующаго дня я сидѣлъ въ вагонѣ и съ тревогою ждалъ третьяго звонка.

То, что переживаетъ деревня въ такой степени глубоко, что кратковременность моего наблюденія, можетъ быть, недостаточна для того, чтобы дать и прогнозъ соотвѣтствующей глубины. Говоря о русской деревнѣ, нельзя проводить аналогіи съ прошлымъ, нельзя оцѣнивать ея настоящее, — можно только угадывать ея будущее. Это будущее стоитъ въ неразрывной связи съ положительной стороной всего пережитого и переживаемаго Россіей съ 27 февраля 1917 года. Пусть намъ, — современникамъ, — событія послѣдняго пятилѣтія покажутся покрытыми одной только черной краской — на самомъ дѣлѣ, это не вѣрно. Какъ на палитрѣ художника, такъ и въ жизни абсолютно чернаго цвѣта не существуетъ. И, несмотря на мрачные кошмары коммунизма, несмотря на всѣ ужасы переживаемаго лихолѣтья, безсмысленно было бы утвер-

ждать, что плюсовой стороны во всѣхъ испытаніяхъ Россіи нѣтъ. Только одно колесо не знаетъ обратнаго движенія — это колесо жизни. Самое худшее, что можетъ сдѣлать оно — это остановиться, и тогда наступитъ смерть. До той же поры, покуда движется оно, какими бы запутанными зигзагами не обозначался его путь, движеніе его все таки поступательное.

За послѣдніе годы русская деревня пережила два потрясающихъ момента, каждый изъ которыхъ имѣетъ неисчерпаемое историческое значеніе предопредѣляя въ долготу вѣковъ судьбы русскаго крестьянства. Первымъ моментомъ явилось полученіе, сверхъ той земли, которая была у крестьянина, и всей остальной; вторымъ — отнятіе изъ его обладанія не только вновь пріобрѣтенной, но и вообще всей земли, въ томъ числѣ и той, которая у него была раньше, произведенное коммунизмомъ. Крестьянинъ любитъ и тѣло, и душу земли. Во всемъ ея комплексѣ земля — стародавняя крестьянская мечта. И въ тотъ моментъ, когда онъ, распаленный близостью супружества съ этой невѣстой, добытой имъ вѣками терпѣнія, необъятнымъ страданіемъ, цѣною преступленій, садится за свадебный пиръ, — злодѣй Черноморъ похитилъ у невѣсты ея душу. Крестьянину досталось одно лишь національзированное тѣло, неспособное на взаимность, на одну четверть его, на три четверти чужое.

Можно сказать съ увѣренностью, что медовый мѣсяцъ еще предстоитъ крестьянству, и что онъ не уступитъ его ни коммунизму, ни кому нибудь другому.

Эти два момента разбудили русское крестьянство для долгаго дѣятельнаго дня. Сфинксъ собирается заговорить, и слово его будетъ слышно всему міру.

Все, что сказано о Россіи, или будетъ сказано, все, что сдѣлано, или будетъ сдѣлано, что не опирается на эти взаимоотношенія крестьянства съ землею, будетъ носить характеръ придуманнаго, головного, не затронетъ глубинъ крестьянской жизни и скользнетъ по Россіи, какъ ножъ по стеклу.

Пройдетъ десятокъ лѣтъ. Голодъ, антропофагія и всѣ ужасы русской деревни, которые теперь бьютъ намъ въ глаза и заставляютъ трепетать наши нервы, затушуются, получатъ значеніе эпизодическое. Все, что относится къ области взаимоотношеній крестьянства съ землей, имѣетъ уже и теперь значеніе историческое.

12-го августа я сѣлъ въ вагонъ на московскомъ вокзалѣ и съ того момента катился все южнѣе и южнѣе.

Послѣ Деникинской эпопеи, послѣ зрѣлища грузинскаго національнаго имитаторства, я превратился въ эмигранта.

Хорошо ли я сдѣлалъ? Говорятъ, что эмиграція, будто бы, разлагается, что иначе, будто бы, и быть не можетъ, ибо явленіе это основано на неправильно понятомъ долгѣ передъ родиной, что каждый русскій долженъ раздѣлить участь Россіи, оставаясь въ Россіи. Эта мысль, къ сожалѣнію, не нова. Руководствуясь ею остался и погибъ въ Россіи Овсянико-Куликовскій. Мнѣ чувствуется, что, кромѣ того профессіональнаго авантюризма духа, который не можетъ не быть свойственъ въ большей или меньшей степени каждому художнику, именно эта мысль удерживала въ Россіи погибшаго Александра Блока. Она не могла быть чужда умершему Короленко. Далѣе, я не могу себѣ представить, чтобы, напримѣръ, Брусиловъ искренне стремился къ насажденію міроваго коммунизма, и думаю, что именно я понимаю правильно двусмысленныя слова Сла-

щева-Крымскаго, сказанныя имъ въ Константинополѣ передъ отъѣздомъ въ Россію:

«Я ѣду защищать честь Россіи».

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что много людей честной мысли и честныхъ дѣйствій и по сейчасъ переносятъ въ Россіи голодъ, холодъ, эпидеміи и нестерпимый нравственный гнетъ изъ желанія не отдѣляться отъ Россіи и переносить все, выпавшее ей на долю, вѣруя, что «претерпѣвшій до конца, той спасенъ будетъ».

Нельзя не воздать должнаго твердости ихъ духа, нельзя не преклониться передъ тяжестью взятаго ими на себя подвига, нельзя не почтить свѣтлую память погибшихъ за свою идею.

И даже споръ о томъ, кто больше правъ, — они или мы. — не слѣдуетъ начинать, потому что всякій правъ по своему.

. . . . и кажется мнѣ, что правы также и тѣ, кто вмѣсто того, чтобы скорбною мыслью, болящей душой охранять оставшіяся въ Россіи, попираемыя крупицы человѣческой культуры, которая въ концѣ концовъ побѣдитъ кровавый бредъ коммунизма, вмѣсто того, чтобы цѣною собственной крови пассивно сопротивляться развитію бациллъ страшной эпидеміи, предпочитаютъ бѣжать на незараженную еще территорію искать прививку противъ бѣдствія, готовящагося посѣтить весь міръ.

Изъ воспоминаній о 1917—1920 г. г.

В. Краснова

Вмѣсто предисловія

Въ 1916 году въ селѣ Благодарномъ, большомъ уѣздномъ селѣ Ставропольской губерніи началось слушаніемъ дѣло объ антиземскихъ безпорядкахъ.

Дѣло это слушалось въ выѣздной сессіи военно-окружнаго суда; обвинялось 67 крестьянъ, въ томъ числѣ двое раненыхъ, только что прибывшихъ съ фронта солдатъ, съ примѣненіемъ ко всѣмъ 279 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, угрожающей обвиняемому смертной казнью.

На судѣ, длившемся около мѣсяца, мало по малу развернулась картина этого необычнаго дѣла, изобилующаго такими эпизодами, какъ разгромъ магазина и квартиры члена управы, поджогъ земской школы, истязаніе толпой старшины, дѣла, поразившаго въ свое время и мѣстную общественность и власть.

Земство только-только что передъ войной было введено въ губерніи, только что приступило къ попыткамъ улучшить жизнь на началахъ самоуправленія, и черезъ 2 года разгорающіеся въ эпидемію безпорядки съ разгромомъ школъ и т. д.

Судебное слѣдствіе военнаго суда приподняло лишь краюшекъ завѣсы надъ этой деревенской драмой, но и того, что было пріоткрыто, было достаточно, чтобы надъ этимъ призадуматься.

Призванное къ бытію послѣ долгихъ хлопотъ мѣстныхъ людей въ 1913 году, земство было введено въ губерніи съ высокимъ земельнымъ цензомъ, отдававшимъ судьбы хозяйственнаго управленія въ руки такъ называемыхъ «тавричанъ», мѣстныхъ земельныхъ бароновъ изъ крестьянскихъ кулаковъ, прибравшихъ къ рукамъ заброшенныя земли высоконоставленныхъ владѣльцевъ, въ свое время пожалованныя имъ.

Обладая незначительнымъ образовательнымъ цензомъ, новорожденные земцы стали искать себѣ въ помощь письменныхъ людей и находили не всегда удачно. Въ одной управѣ отдѣломъ народнаго образованія вѣдалъ бывшій пономарь, въ другой недавній смотритель тюрьмы. Большинство членовъ управъ завело себѣ фуражки съ кокардами и требовало титуловать ихъ высокимъ благородіемъ. Въ смѣтѣ одной управы значилась расходная статья на пріобрѣтеніе кареты для «высоконоставленныхъ особъ», при чемъ подъ этими особами подразумѣвался составъ управы

Предсѣдатель Благодарненской управы, недавно еще мелкій чиновникъ контрольной палаты, парадно обставилъ пріемы и сталъ издавать словесные и письменные приказы о поведеніи крестьянъ и служащихъ при встрѣчѣ съ нимъ, а также о культурномъ пользованіи заведенными имъ . . . удобствами.

Первая же смѣта, составленная по образцу другихъ земствъ, но безъ учета того, что въ другихъ земскихъ губерніяхъ ставки обложенія повышались постепенно, превысила существующее обложеніе чуть не въ 10 разъ; когда начались раскладки, крестьяне забезпокоились.

— И откуда оно взялось это земство? — приставали они къ старшинѣ. Но тотъ только рукой отмахивался.

Случилось въ селѣ Александріи, гдѣ разыгрались главные безпорядки, выбирать мѣсто подъ постройку школы. Міръ намѣтилъ участокъ противъ церкви, но управа начала постройку на отлетѣ села противъ «универсальной» торговли и усадьбы члена управы Лелекова, для дѣтей котораго, кстати, были проложены каменные мостки черезъ дорогу, чтобы «способнѣе было» ходить въ школу.

Тѣмъ временемъ разгоралась война. Много работниковъ изъ крестьянскихъ семей ушло на фронтъ. Сборы стали поступать туже. Началось выколачиваніе недоимокъ, не миновавшее и солдатскихъ семей. Солдатскія бабы бросались на стражниковъ, отбивая описанный скотъ, угрожая жаловаться хозяину на фронтъ. За это ихъ стражники стегали нагайками и сажали въ кутузку. Но, странное дѣло, — за 7 рублей недоимки описывали пару лошадей, да еще жатку и корову. Это «ваше высокое благородіе» — членъ управы присоединялъ къ недоимкамъ исполнительные листы своей «универсальной торговли».

Крестьяне забезпокоились еще пуще. Попробовали спросить о земствѣ у земскаго начальника Хитрова, но тотъ замахалъ руками:

— Я въ земствѣ столько же понимаю, сколько архіерей въ овцахъ, — буквально отвѣтилъ онъ.

Исправникомъ въ уѣздѣ въ это время былъ Масловичъ, пріобрѣтшій нѣкоторую извѣстность послѣ слѣдующаго случая. Къ нему, какъ къ и. о. полицеймейстера губернскаго города, обратился членъ Государственной Думы Н. Я. Ляхницкій съ заявленіемъ, что онъ предполагаетъ устроить публичный докладъ въ помѣщеніи городской управы. Г. Масловичъ положилъ на этомъ заявленіи резолюцію объ отказѣ въ разрѣшеніи собранія со ссылкой на законъ. При повѣркѣ текста закона оказалось, что въ пунктѣ, на который ссылался помощникъ полицеймейстера, говорится о воспрещеніи устраивать публичныя собранія въ помѣщеніи учебныхъ заведеній. На появившуюся въ мѣстной газетѣ недоумѣнную замѣтку, «какимъ образомъ городская управа попала въ разрядъ учебныхъ заведеній», г. Масловичъ прислалъ офиціальное опроверженіе, въ которомъ указывалъ, что «подходящаго закона у него въ полицейскомъ управленіи не было, и онъ справлялся по календарю». Вскорѣ послѣ этого случая г. Масловича перевели въ уѣздъ исправникомъ.

Когда къ нему пришли ходоки отъ крестьянъ съ просьбою объяснить, «отъ царя ли земство» и есть ли на него какая управа, исправникъ ихъ выгналъ, пригрозивъ, что развѣшаетъ за селомъ по телеграфнымъ столбамъ десятокъ смутьяновъ, тогда мужики узнаютъ, «что такое земство».

Въ это время въ село Александрію прибыли долечиваться отъ полученныхъ на фронтѣ ранъ двое солдатъ. Солдатскія жены кинулись къ нимъ.

— Служивые, есть такой законъ, чтобы земство отбирало у солдатъ скотину? — спрашивали онѣ.

— Нѣтъ, такого закона нѣтъ. Самъ великій князь — главнокомандующій приказалъ, чтобъ у солдатъ не трогали.

— А есть законъ людей на телеграфѣ вѣшать?

— Такой законъ есть, сами видѣли.

— Ну, а какіе слухи насчетъ земства: отъ царя оно или отъ тавричанъ?

— Извѣстно, отъ тавричанъ. Вонъ донцы сказывали: не приняли они земства, царь его и уничтожилъ.

— А есть такой законъ, — не унимались бабы, чтобы въ школахъ красной печаткой печатать?

На ближайшемъ сходѣ, когда старшиной былъ поставленъ какой-то вопросъ, касающійся земства, голоса подхватили:

— Не принимаемъ земства. Такъ и пиши, молъ, не принимаемъ.

Старшина замахалъ руками, но убѣдившись, что кричатъ почти всѣ, закрылъ сходъ. Черезъ нѣсколько дней, подъ вечеръ, въ село прибылъ со стражниками приставъ Прошкинъ. Таинственно, не отвѣчая ни на какіе вопросы, расположился въ волости и, когда наступила ночь, разослалъ стражниковъ производить аресты.

Село Александрія, гдѣ разыгрывались эти событія, вытянулось по ложбинѣ на добрый десятокъ верстъ. Аресты производились всю ночь и всполошили все село. Когда родственники арестованныхъ бросились къ приставу въ волость, тотъ на разспросы ихъ, что будетъ арестованнымъ, многозначительно отвѣтилъ:

— Время теперь военное, исправникъ вѣдь вамъ сказывалъ.

На самомъ дѣлѣ арестованные 7 крестьянъ должны были быть препровождены въ губернскій городъ для содержанія подъ мѣсячнымъ арестомъ въ административномъ порядкѣ.

Арестованныхъ подъ конвоемъ повезли изъ села. Родственники съ плачемъ разсыпались по селу. Скоро раздался набатный звонъ. Изъ дворовъ выскакивали наспѣхъ запряженныя телѣги, кое-кто бѣжалъ пѣшимъ, просто съ дрекольемъ. У выѣзда изъ села, — исправникъ вѣдь сказывалъ, что «будетъ вѣшать за селомъ» — арестантовъ у стражи отбили и, повернувъ телѣгу съ ними назадъ, толпа двинулась къ волости.

По дорогѣ, у избы старшины, толпа остановилась.

— Выходи, Ларіонъ, учить тебя будемъ.

Блѣдный старшина вышелъ на крыльцо съ должностнымъ знакомъ.

— Знакъ-то сними, Ларіонъ, видишь, мы бунтуемъ.

— Да вы, братцы, до смерти убьете?

— Сними, не бойсь, поучимъ малепько...

— Ой ли?

— Не бойсь, мы вѣдь съ понятіемъ.

Старшина снялъ знакъ и шагнулъ съ крыльца.

— Только помните уговоръ, братцы, — крикнулъ онъ. Толпа навалилась, подмяла его подъ себя. Долго терпѣлъ Ларіонъ, наконецъ крикнулъ:

— Будя, черти, знакъ надѣваю!

Его высвободили, посадили на телѣгу вмѣстѣ съ арестованными. Весь въ кровоподтекахъ, съ вырванными клочьями бороды, онъ надѣлъ знакъ и, мирно бесѣдуя съ нимъ, точно ничего не произошло, толпа двинулась къ волости.

Но здѣсь возникло еще одно непредвидѣнное обстоятельство. Когда предложили арестованнымъ разойтись по домамъ, тѣ, не слѣзая съ телѣги отвѣтили:

— Начальство насъ забирало, пускай начальство и освобождаетъ!

Не слѣзалъ съ телѣги и старшина, крѣпко держась за свой знакъ.

— Ларіонъ! — раздались голоса.

— Не я ихъ бралъ, — отвѣтилъ старшина.

— Смотри опять учить будемъ. Снимай знакъ!

— Нѣтъ, будя, бейте въ знакѣ!

Наступила пауза. Лазарь Кучменко, — на судѣ его за это приговорили къ повѣшенію, — догадался. Здоровеннѣйшій мужикъ, онъ забрался подъ телѣгу, понатужился и, опрокидывая телѣгу, крикнулъ:

— Знакъ-то, гляди, на немъ ли? Но крѣпко державшійся за знакъ старшина, а за нимъ гурьбой и арестанты, воспользовавшись суматохой, успѣли добѣжать до волости и запереться тамъ.

— Ларіонъ, Ларіонъ! — гудѣли около волости голоса, — дай же намъ порядку!

Но старшина изъ волости не отзывался.

— Значитъ, остается бунтовать!

И толпа двинулась громить члена управы Лелекова и выстроенную имъ напротивъ земскую школу.

Нѣскольку часовъ спустя въ село влетѣлъ вооруженный отрядъ подъ предводительствомъ того же Прошкина, далъ для чего-то залпъ по волостному правленію и, разсыпавшись по селу, началъ обстрѣлъ дворовъ. Самъ Прошкинъ заперся въ волости. Какая-то древняя старушка подкралась къ крыльцу волости и, вынувъ натѣльный крестъ, бормотала что-то, крестя пространство. Выскочившій приставъ далъ по ней нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, но старушка уцѣлѣла, чтобы предстать на судѣ въ качествѣ подстрекательницы къ возстанію. Въ результатѣ обстрѣла оказалось 7 крестьянъ убитыми и около 20 ранеными.

Когда слушаніе этой драмы подходило къ концу и военный обвинитель требовалъ по прежнему смертнаго приговора въ отношеніи всѣхъ 67 подсудимыхъ, въ судебномъ залѣ поднялась такая волна рыданій, что судебное засѣданіе было прервано. Проходя въ этотъ моментъ мимо скамей подсудимыхъ, одинъ изъ военныхъ судей задержался около плачущаго солдата подсудимаго и почти крикнулъ: «не смѣй, слышишь, не смѣй. Я отрублю себѣ руку скорѣе, чѣмъ она подпишетъ смертный приговоръ». Приговоромъ суда, смягченнымъ впослѣдствіи главнокомандующимъ, трое были присуждены къ повѣшенію и около 40 крестьянъ къ каторгѣ и исправительной тюрьмѣ на различные сроки.

Я позволилъ себѣ подробно разсказать объ этомъ своеобразномъ дѣлѣ, убѣжденный послѣдующими годами, какъ много въ этомъ «маломъ бунтѣ», ограниченномъ пространствомъ и лицами, намѣчалось элементовъ для надвигающейся великой россійской бѣды. Здѣсь въ расширенномъ масштабѣ и власть, снимающая свой знакъ, когда народъ бунтуетъ, и солдаты, разъясняющіе законы, и народъ бунтующій, когда власть не даетъ имъ порядку, и голоса, просящіе и въ самомъ бунтѣ о порядкѣ для своей взбаламученной души.

Насколько тамъ, гдѣ это мнѣ пришлось наблюдать, дало порядокъ взбаламученной душѣ правительство мартовскаго переворота, пришедшіе затѣмъ ему на смѣну большевики и, наконецъ, боровшіеся съ ними генералы, попытаюсь разсказать по мѣрѣ силъ и памяти.

I

Первыя вѣсти о переворотѣ. Комитетъ Общественной безопасности. «Не лѣвѣе здраваго смысла». Присяга войсковыхъ частей. Пріемъ отъ губернатора секретнаго архива. Эпизодъ съ устраненіемъ городского головы Н. Г. Дидрихсона отъ должности.

Вѣсть о мартовскомъ переворотѣ застала меня въ Ставропольской губерніи, пережившей въ 1915 году антиземскіе безпорядки, а во второй половинѣ 1916 г. продовольственныя волненія. Губернаторъ князь С. Д. Оболенскій, не проявившій особыхъ административныхъ талантовъ во время этихъ безпорядковъ, направилъ всѣ усилія къ тому, чтобы полученныя изъ Петербурга вѣсти не вышли за предѣлы интимнаго круга его ближайшихъ сотрудниковъ и, лишь послѣ полученія акта отреченія государя, созвалъ совѣщаніе въ составѣ начальниковъ офиціальныхъ учрежденій, городского головы и предсѣдателя земской управы. На совѣщаніи этомъ, затѣмъ періодически собиравшемся въ губернаторскомъ домѣ, предсѣдателемъ суда П. А. Бурменскимъ, нынѣ покойнымъ, былъ поставленъ вопросъ о юридическомъ значеніи акта отреченія монарха не только отъ своего имени, но и отъ имени наслѣдника.

Но пока это происходило въ губернаторскомъ домѣ, вѣсти о происшедшемъ просочились наружу и стали достояніемъ широкихъ круговъ населенія и вывели жизнь города изъ обычной колеи. Зданіе городской думы превратилось въ своеобразный клубъ, клокочущій самыми противорѣчивыми слухами о происходящихъ вокругъ Москвы и Петербурга кровопролитныхъ бояхъ, о прорывѣ фронта, о начавшейся всеобщей забастовкѣ и т. д.

Наиболѣе экспансивная часть партійной молодежи использовала этотъ моментъ для устройства летучихъ митинговъ, на которыхъ еще туже наматывался клубокъ безотвѣтственныхъ слуховъ. Стали доходить свѣдѣнія о намѣчающемся броженіи въ мѣстномъ гарнизонѣ, изобилующемъ молодыми мобилизованными, объ имѣвшихъ уже мѣсто случаяхъ неповиновенія командному составу, о растущемъ недовольствѣ офицерскаго состава противъ начальника гарнизона, не проявляющаго пониманія создавшейся обстановки.

Губернаторъ кн. Оболенскій не выходилъ изъ своей квартиры. Вице-губернаторъ г. Мишинъ, при полученіи первыхъ же вѣстей, спѣшно выѣхалъ изъ предѣловъ губерніи. Жизнь въ офиціальныхъ учрежденіяхъ замерла. На улицахъ стали учащаться попытки своевольнаго ареста должностныхъ лицъ.

Образовавшійся при такихъ условіяхъ изъ расширеннаго состава городскихъ гласныхъ Комитетъ Общественной безопасности взялъ на себя иниціативу обращенія къ военному округу съ просьбой о срочной замѣнѣ начальника гарнизона энергичнымъ боевымъ полковникомъ Горшковымъ и одновременно просилъ губернатора сообщать комитету въ копіяхъ получаемыя имъ депеши для опубликованія. Тѣмъ временемъ пришло офиціальное сообщеніе объ условномъ отказѣ Михаила Александровича отъ престола, организаціи Временнаго Правительства и вслѣдъ за этимъ посыпался дождь распоряженій изъ Петербурга, Москвы и... Тифлиса. Послѣднія съ загадочною подписью «дирканзакомъ» были ужъ совсѣмъ недоразумѣніемъ, ибо Ставропольская губернія еще въ 90-хъ годахъ была выдѣлена изъ состава Кавказскаго Края и только въ военномъ отношеніи подчинялась Тифлису.

Циркулярнымъ распоряженіемъ Временнаго Правительства въ управленіе губерніей вступилъ предсѣдатель губернской земской Управы А. М. Кухнинъ, помочь которому въ его трудномъ положеніи молодого администратора Комитетъ считалъ одною изъ своихъ первыхъ обязанностей. Обильныя количественно распоряженія изъ центра, въ дѣйствительности, почти не давали никакихъ руководящихъ указаній. Чувствовалось, что въ центрѣ преобладаетъ надежда, что авось все какъ-нибудь до поры до времени образуется.

Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидался пріѣздъ изъ Петербурга члена Гос. Думы отъ Ставропольской губерніи Д. Д. Старлочанова, который долженъ былъ прибыть къ открытію губернскаго земскаго собранія. Но выступившій на собраніи, Д. Д. Старлочановъ закончилъ свою обширную рѣчь, освѣдомительнаго характера, указаніемъ, что «старые законы потеряли силу, новые еще не созданы и вся надежда правительства на разумную самодѣятельность на мѣстахъ. Старайтесь только не быть лѣвѣе здраваго смысла».

Этимъ стараніемъ «не быть лѣвѣе здраваго смысла» и можно охарактеризовать первый періодъ работы на мѣстахъ, не дѣлая исключенія и для работы создавшихся совѣтовъ, пока не заполнили губернію сорвавшіяся съ фронта части 39 дивизіи.

Преобразованный послѣ земскаго собранія въ губернскую организацію Комитетъ общественной безопасности въ выработанномъ имъ самимъ наказѣ опредѣлялъ свою дѣятельность ролью вспомогательнаго совѣщательнаго органа, дѣйствующаго лишь до завершенія выборовъ въ Учредительное Собраніе и преобразованія по новому закону городского и земскаго самоуправленія. Возникшіе въ губерніи и городѣ совѣты разныхъ наименованій признали de facto комитетъ руководящимъ органомъ и за небольшими исключеніями оказывали разумную поддержку начинаніямъ комитета, направленнымъ къ сохраненію порядка, вплоть до того времени, пока составъ совѣтовъ не заполнился сорвавшимися съ фронта солдатами.

Послѣ короткаго періода тревоги о настроеніяхъ въ мѣстномъ гарнизонѣ, въ первые дни существованія комитета, назначенный изъ округа начальникомъ гарнизона полк. Горшковъ, явившись въ одно изъ засѣданій комитета, заявилъ, что гарнизонъ въ полномъ порядкѣ и просилъ назначить день приведенія къ присягѣ войскъ. Присяга состоялась въ ближайшее воскресенье на площади соборной горы, куда собраны были всѣ части, не занятыя гарнизонной службой. Послѣ богослуженія и слова епископа Михаила, обращеннаго къ войскамъ съ паперти собора, начальникъ гарнизона полк. Горшковъ, кавалеръ орденовъ св. Георгія и Почетнаго легіона, обратился къ войскамъ съ небольшой, произнесенной отрывисто, точно команда, съ большимъ подъемомъ, рѣчью, закончивъ ее словами: государь и его правопреемники указали правительство, которому мы всѣ должны повиноваться. Политика — не дѣло арміи, высшее благо для насъ счастье Родины, высшій законъ исполненіе своего долга предъ Родиной и властью. Да сокрушитъ Господь Богъ всякую руку, поднявшуюся противъ Россіи и да поможетъ новой власти сохранить ее великой. Клянусь служить Родинѣ и власти всѣмъ сердцемъ своимъ и разумомъ.

Послѣ присяги состоялся парадъ гарнизону. Войска проходили передъ зданіемъ городской думы, салютуя управляющему губерніей и комитету общественной безопасности, вечеромъ же у думскаго балкона открылся многолюдный митингъ съ рѣчами, начинающимися большею частью словами: «пали цѣпи» и т. д.

На комитетѣ лежала обязанность безболѣзненно ввести взбаламученную жизнь въ ея русло, уберечь отъ легкомысленной ломки, до перестройки законодательнымъ путемъ, дѣйствующій служебный механизмъ и бороться со всякаго рода своевольствомъ и эксцессами, откуда бы они ни исходили. Этой основной линіи поведенія, «не лѣвѣе здраваго смысла», какъ опредѣлилъ Д. Д. Старлочановъ, и старался держаться комитетъ. Но дѣятельность его протекала не безъ курьезовъ. Особенно изобиловала ими работа комитета на первыхъ порахъ, когда на комитетъ былъ проявленъ усиленный напоръ извнѣ. Первыя засѣданія комитета почти цѣликомъ уходили на разсмотрѣніе заявленій многочисленныхъ организацій, до «кружка эсперантистовъ» включительно, требовавшихъ себѣ представительства въ комитетѣ. Засѣданія президіума комитета продолжались чуть не круглыя сутки, причемъ такая длительность присутственныхъ часовъ вызывалась не столько необходимостью, сколько непривычкой беречь время.

Сгоряча комитетъ смѣнилъ весь высшій составъ полиціи, назначивъ въ порядкѣ общественной повинности лицъ съ юридическимъ образованіемъ для завѣдыванія полицейскими участками. Обязанности начальника милиціи несли одновременно нотаріусъ В. И. Манжосъ-Бѣлый и присяжный повѣренный Н. Я. Павловскій, — послѣдній, впрочемъ, недолго. В. И. Манжосъ-Бѣлый развивалъ кипучую энергію, проводя большую часть служебнаго времени въ полицеймейстерской пролеткѣ, переносясь на парѣ буланыхъ лошадокъ съ одной базарной площади на другую, оттуда на бойни, скотопригонный дворъ и т. д. Но обыватель, крѣпко помнящій правило, что землякъ не можетъ быть пророкомъ въ своемъ отечествѣ, продолжалъ видѣть въ немъ больше милаго собесѣдника, чѣмъ главу милиціи.

Въ полицейскихъ участкахъ дѣло на первыхъ порахъ настолько плохо спорилось, что пришлось просить уволенныхъ приставовъ взять на себя инструкторскую работу, и они весьма скоро вернулись въ участки уже въ качествѣ инструкторовъ. И начальникъ милиціи и участковые комиссары подъ конецъ съ нетерпѣніемъ ждали момента, когда новый законъ объ организаціи милиціи дастъ имъ преемниковъ въ лицѣ постоянныхъ служащихъ, и, кажется, безъ сожалѣнія вернулись къ привычнымъ для нихъ занятіямъ.

Въ одинъ изъ первыхъ же дней по организаціи комитета мнѣ было поручено переговорить съ губернаторомъ кн. С. Д. Оболенскимъ о передачѣ имъ комитету для разборки секретныхъ архивовъ и переписокъ. Мою просьбу наблюсти, чтобы служащими не дѣлалось попытокъ къ уничтоженію дѣлъ, губернаторъ выполнилъ съ такою щепетильностью, что среди другихъ дѣлъ вручилъ мнѣ лично неожиданную для меня переписку по вопросу о высылкѣ меня изъ предѣловъ Кавказскаго Края. Возникла эта переписка по слѣдующему поводу.

Послѣднимъ передъ 1917 г. городскимъ головой въ Ставрополѣ былъ избранъ д. с. с. Н. Г. Дидрихсонъ, извѣстный своей ревизіей Кавказскихъ Минеральныхъ водъ, пользовавшійся большимъ престижемъ на Сѣверномъ Кавказѣ въ качествѣ главы мѣстнаго контроля. Человѣкъ необычайно прямолинейный, не допускающій какихъ бы то ни было дипломатическихъ обходовъ закона и интересовъ городской казны, Н. Г. Дидрихсонъ весьма скоро не поладилъ съ губернаторомъ кн. Оболенскимъ. Первое столкновеніе у нихъ произошло по вопросу о выдачѣ квартирныхъ денегъ жандармскому подполковнику Бруну, имѣвшему въ городѣ собственный домъ. Ссылаясь на законъ, городская управа отказала въ выдачѣ этихъ денегъ подпол. Бруну. Въ отвѣтъ на предложеніе губернатора все же эти деньги выдать Н. Г. Дидрихсонъ внесъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе городской думы, и та раздѣлила точку зрѣнія г. Дидрихсона и

управы. Губернаторъ обжаловалъ это постановленіе думы и одновременно возбудилъ вопросъ о привлеченіи Н. Г. Дидрихсона къ отвѣтственности съ устраненіемъ его отъ должности.

Тѣмъ временемъ, — это было въ 1916 г., — въ гор. Ставрополѣ разразился погромъ жилыхъ квартиръ и магазиновъ. Докладывая въ экстренномъ думскомъ засѣданіи о мѣрахъ къ предотвращенію дальнѣйшихъ безпорядковъ, Н. Г. Дидрихсонъ указалъ, что, въ сущности, по его наблюденіямъ, никакого погрома и не было бы, если бы администрація и военные караулы, призванные къ охранѣ магазиновъ, не вселили своимъ бездѣйствіемъ въ погромщикахъ увѣренности, что дѣйствія ихъ не встрѣтятъ отпора. Дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ погромщицы качали на рукахъ губернатора, солдаты же, поставленные для охраны магазиновъ, помогали погромщикамъ вытаскивать товары.

Черезъ короткій промежутокъ времени было получено телеграфное распоряженіе Главнокомандующаго Кавказской Арміей вел. кн. Николая Николаевича объ устраненіи Н. Г. Дидрихсона отъ должности городского головы. Дума была ошеломлена. Устраняли отъ должности въ такой отвѣтственный моментъ человѣка, такъ много сдѣлавшаго для городского самоуправленія, человѣка, пользующагося высокимъ престижемъ далеко за предѣлами губерніи, прошедшаго, наконецъ, такой служебный стажъ, который, казалось бы, гарантировалъ его отъ такихъ скородѣйствующихъ средствъ.

Узнавъ о настроеніяхъ думы, и губернаторъ, и подп. Брунъ подъ сурдинку предостерегали членовъ управы и гласныхъ отъ какихъ-либо шаговъ, направленныхъ въ защиту Н. Г. Дидрихсона. При характерѣ великаго князя, — указывали они, — возможно и раскассированіе думы и отправка наиболѣе строптивыхъ гласныхъ въ Нарымскій Край. Въ закрытомъ совѣщаніи гласныхъ мнѣ было поручено съѣздить въ Петербургъ и Тифлисъ, позондировать почву о возможности возстановленія г. Дидрихсона.

По указанію тогдашняго московскаго городского головы М. В. Челнокова я обратился въ Петербургъ къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ князю В. М. Волконскому, который въ свою очередь далъ мнѣ письмо на имя помощника Кавказскаго Намѣстника кн. В. Н. Орлова и посовѣтовалъ дѣйствовать только тамъ, ибо вмѣшательство изъ Петербурга въ компетенцію вел. кн. Николая Николаевича онъ считалъ совершенно невозможнымъ.

По возвращеніи изъ Петербурга я сообщилъ тѣсному кругу гласныхъ о предполагаемыхъ мною въ дальнѣйшемъ шагахъ, разсказавъ о бесѣдѣ съ кн. Волконскимъ и о письмѣ его. Въ ту же ночь ко мнѣ явился съ обыскомъ подп. Брунъ, но письма кн. Волконскаго не обнаружилъ. Я поторопился выѣхать въ Тифлисъ. Тамъ при содѣйствіи городского головы А. И. Хатисова я подробно ознакомилъ кн. В. Н. Орлова съ дѣломъ г. Дидрихсона, и получилъ онъ него обѣщаніе, что съ своей стороны онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы возстановить Н. Г. Дидрихсона въ должности, напомнивъ объ этомъ великому князю при первомъ представившемся случаѣ. Въ концѣ нашей бесѣды я разсказалъ о покушеніи подп. Бруна на письмо. Улыбнувшись, кн. Орловъ сказалъ, что приметъ мѣры, чтобы это не повторилось. Спустя нѣкоторое время г. Дидрихсонъ былъ возстановленъ въ должности и затѣмъ почти единогласно переизбранъ въ городскіе головы новой думой, созванной уже по новому закону Временнаго Правительства.

Всего этого, конечно, не было въ перепискѣ по вопросу о высылкѣ меня, но былъ приведенъ другой, не менѣе неожиданный для меня мотивъ.

На ставропольскихъ дворянскихъ выборахъ, происходившихъ въ 1916 г., графомъ М. П. было предложено послать привѣтственную телеграмму на имя вдовствующей императрицы. Въ перерывѣ собранія я спросилъ графа М. П., почему онъ взялъ на себя инициативу этого предложенія въ то время, какъ собраніе не предполагаетъ посылать другихъ привѣтствій.

— А этимъ мы подчеркнемъ наше отношеніе къ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, — отвѣтилъ онъ.

— Но стоитъ ли прибѣгать къ такому способу, вѣдь Марія Ѳедоровна столько же является оплотомъ реакціи, какъ и Александра Ѳедоровна, — замѣтилъ я.

Объ этомъ разговорѣ графъ М. П. передалъ губернскому предводителю С. П. Бурсаку, а тотъ разсказалъ кн. С. Д. Оболенскому и подп. Бруну. И губернаторъ, и подп. Брунъ не замедлили использовать этотъ эпизодъ, значительно видоизмѣнивъ его, какъ мотивъ къ удаленію меня изъ предѣловъ края. Переписка заканчивалась резолюціей помощника намѣстника кн. Орлова, что онъ для этого не находитъ достаточно основаній. Впослѣдствіи комитетъ опубликовалъ выдержки изъ этой переписки.

Среди другихъ дѣлъ, переданныхъ губернаторомъ комитету, имѣлись секретныя характеристики мѣстныхъ дѣятелей до б. уѣзднаго предводителя дворянства К. А. Рослянова включительно, періодическія донесенія о положеніи въ губерніи и, между прочимъ, дѣло о разгонѣ приставомъ Просняковымъ гостей изъ квартиры губернскаго предводителя дворянства въ 1913 году, или, какъ оно называлось, «о предвыборномъ собраніи въ квартирѣ д. с. с. Краснова». Дѣло это кончилось большимъ репримандомъ для тогдашняго губернатора Б. М. Янушевича и переусердствовавшаго полицеймейстера М. М. Старосельскаго. Для разборки этихъ дѣлъ комитетомъ была образована коммиссія, а затѣмъ, по обозрѣніи, дѣла были переданы на храненіе въ одно изъ городскихъ книгохранилищъ.

II

Разслѣдованіе о дѣятельности жандармскаго подполк. Бруна. Сотрудники и сотрудницы г. Бруна.

Въ первые же дни по возникновеніи комитета въ городѣ были арестованы б. приставъ Залѣвскій, начальникъ сыскного отдѣленія Сычевъ и жандармскій подп. Брунъ. Залѣвскій и Сычевъ вскорѣ были освобождены по распоряженію комитета; что же касается подп. Бруна, то, въ виду повышенно остраго раздраженія противъ него, комитетъ постановилъ произвести подробное разслѣдованіе о его дѣятельности и, до окончанія разслѣдованія, содержать его при военной гауптвахтѣ. Когда въ засѣданіи комитета производство этого разслѣдованія было предложено мнѣ, я заявилъ о своемъ отказѣ, сославшись на то, что подп. Брунъ причинилъ мнѣ своими дѣйствіями не мало огорченій и поэтому порученіе разслѣдованія мнѣ можетъ быть понято, какъ выдача мнѣ подп. Бруна для сведенія съ нимъ моихъ старыхъ счетовъ. Но, когда послѣ моего отказа стали выдвигаться кандидатуры наиболѣе экспансивныхъ сторонниковъ примѣрной расправы съ г. Бруномъ, я взялъ свой отказъ обратно, полагая, что, будучи заброшированъ, въ силу прежней дѣятельности Бруна въ отношеніи меня, отъ запо-

дозриванія въ излишнемъ пристрастіи въ пользу подполковника, я болѣе другихъ смогу оградить г. Бруна отъ простой расправы съ нимъ. И, дѣйствительно, послѣ моего доклада комитету о результатахъ разслѣдованія, г. Бруну было предложено, во исполненіе общаго распоряженія Временнаго Правительства, отбыть въ распоряженіе воинскаго начальства, что тотъ поспѣшилъ сдѣлать.

Возвращаюсь къ разслѣдованію. Когда я прибылъ въ помѣщеніе, гдѣ содержался подп. Брунъ и сказалъ ему, что на меня возложено разслѣдованіе о его дѣятельности, Брунъ такъ разнервничался, что мнѣ пришлось объяснить ему мотивы, почему я принялъ это порученіе, и дать ему время успокоиться. Я просилъ Бруна указать мѣсто и лицъ, гдѣ находится его переписка и отчетность и сообщить списокъ его секретныхъ сотрудниковъ. При этомъ я предупредилъ г. Бруна, что я персонально, если приду къ выводу, что онъ вводитъ меня въ заблужденіе или что-либо скрываетъ, откажусь отъ участія въ разслѣдованіи. Угодно вамъ принять это условіе, — спросилъ я? Послѣ нѣкотораго раздумія г. Брунъ просилъ приступить къ разслѣдованію. Перечисляя своихъ негласныхъ сотрудниковъ, г. Брунъ расшифровывалъ ихъ фамиліи, скрытыя подъ различными кличками: красивая, расторопный, усердный и т. д. Оказалось, что имъ были привлечены къ сотрудничеству: подъ кличкой «красивая» жена популярнаго перводумца-эмигранта, подъ кличкой, кажется, «усердный» молоденькая курсистка, только-что вышедшая замужъ за студента, затѣмъ миловидная сельская учительница, почтальонъ, низшій служащій мужской гимназіи и заводской рабочій. Перечисливъ этихъ лицъ, г. Брунъ остановился.

— Всѣ, спросилъ я.

— Такъ точно, всѣ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ приходится напомнить вамъ о нашемъ условіи и проститься съ вами подполковникъ, ибо въ вашемъ послѣднемъ донесеніи пересланномъ мнѣ изъ Владикавказа, вы сообщаете о привлеченіи вами къ сотрудничеству подъ кличкой «рѣзвый» жены мѣстнаго общественнаго дѣятеля, указывая, что этотъ сотрудникъ уже оказалъ вамъ весьма цѣнныя услуги.

— Ну что-жъ дѣлать! Если вамъ это извѣстно. Вы поймете побужденія скрыть этого сотрудника, отвѣтилъ Брунъ.

И онъ, дѣйствительно заставилъ меня поблѣднѣть, когда назвалъ фамилію жены моего товарища по гимназіи и университету, бывавшей у меня въ семьѣ...

— А чѣмъ вы докажете, что не обманываете меня на этотъ разъ?

— Чѣмъ угодно. Взгляните на почеркъ на роспискахъ.

На этомъ наша первая встрѣча съ подп. Бруномъ закончилась. Вторая происходила при болѣе тяжелой обстановкѣ. Вернувшись домой, я попросилъ по телефону жену моего товарища зайти ко мнѣ. Вскорѣ она пришла. Съ подчеркнутою развязностью, протягивая мнѣ руку, она спросила меня:

— Что это за таинственный вызовъ?

Я, молча, указалъ ей на лежащія за подписью «рѣзвый» росписки о полученіи отъ подп. Бруна по 25 рублей въ мѣсяцъ за доставленіе ему негласныхъ свѣдѣній. Моя гостья вспыхнула и, хлопнувъ дверью, вышла, бросивъ на ходу:

— Вы будете разговаривать съ моимъ мужемъ.

Черезъ нѣкоторое время раздался нервный звонокъ по телефону, и ея мужъ спросилъ меня:

— Что это значитъ? Моя жена, вернувшись, бьется въ истерикѣ, говоритъ, что ты тяжко оскорбилъ ее.

— Приходи сейчасъ же ко мнѣ.

Когда онъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ, я указалъ ему на росписки.

— Брунъ утверждаетъ, что это почеркъ твоей жены.

— Что? Да, да, очень похоже. Въ такомъ случаѣ я требую очной ставки.

Я, молча, посмотрѣлъ на него.

— Да, да, я требую очной ставки.

— Послушай, перебилъ я, поговори съ женой, можетъ быть есть какой-нибудь другой выходъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу убѣдиться самъ. Я требую очной ставки, я . . . Онъ не докончилъ и выбѣжалъ изъ комнаты. — Когда мы втроемъ вошли къ подп. Бруну, мужъ, послѣ продолжительной нервной паузы, обратился къ Бруну съ вопросомъ:

— Я не знаю, въ силу какихъ побужденій вамъ угодно было оклеветать мою жену.

— Нѣтъ, я сказалъ правду.

— Въ такомъ случаѣ я требую доказательствъ.

— Хорошо, я ихъ представлю. Помните, — обернулся Брунъ къ дамѣ, — какъ это произошло? Осенью, въ сентябрѣ, — Брунъ назвалъ число, — я встрѣтилъ васъ въ каштановой аллеѣ городского сада. Вы были чѣмъ-то взволнованы, нервно теребили зонтъ, шли какъ-то зигзагами, переходя аллею вкось. Я подошелъ къ вамъ. На мой вопросъ, что съ вами, вы разсказали мнѣ, что вашъ мужъ устроилъ вамъ только-что сцену изъ-за пустяковъ, что мужчины не могутъ понять психологіи молодой женщины, которой хочется нравиться, хочется быть хорошо одѣтой. И вся исторія, — сказали вы, — изъ-за десятирублевой склянки заграничныхъ духовъ. Я посовѣтовалъ вамъ имѣть самостоятельный заработокъ. — Что же, цѣлый день стучать на пишущей машинкѣ? — Нѣтъ, я могъ бы вамъ предложить за работу у меня, самую пустяшную, какъ вы увидите, рублей сто съ тѣмъ, чтобы вы выдали не за вашей подписью четыре росписки о полученіи отъ меня содержанія по 25 рублей въ мѣсяцъ. Подумайте, и черезъ 2 дня приходите сказать вашъ отвѣтъ. Я далъ вамъ адресъ конспиративной квартиры.

— Послушай, но вѣдь исторія съ духами, дѣйствительно была, — прервалъ мужъ.

— Да, я имѣла неосторожность первому встрѣчному разсказать это, не предполагая, что онъ такъ ловко использует это для какихъ-то, только ему извѣстныхъ цѣлей.

Брунъ продолжалъ: вы пришли ко мнѣ въ условленный часъ нѣсколько необычно одѣтой, сильно завуалированы . . . росписки вы подписали.

— Послушай, но вѣдь и это было. Я, помню, еще спросилъ тебя, почему ты такъ странно одѣлась.

— Ахъ, да не мучайте меня! Все это ложь — онъ просто встрѣтилъ меня на улицѣ.

— Я приведу еще одинъ эпизодъ. Подъ наступающій новый годъ у вашего общаго знакомаго собралось нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и вы. Передъ двѣнадцатью часами раздался звонокъ по телефону. Къ аппарату подошелъ вашъ мужъ. — Кто говоритъ? — Полковникъ Брунъ. — Что вамъ угодно? — На какомъ основаніи у васъ незаконное сборище? — Я сейчасъ позову хозяина. Подошелъ хозяинъ квартиры. — Что угодно? — У васъ незаконное сборище! — Но, позвольте, полковникъ, это не сборище, а просто гости, встрѣчающіе новый

годъ. Вонъ уже бьютъ часы. — Бьютъ часы? Ну въ такомъ случаѣ съ новымъ годомъ, дорогой мой!

Оказывается, кто-то пошутилъ. На другой день вы все это мнѣ доложили. Кто другой изъ присутствовавшихъ, — Брунъ назвалъ фамиліи остальныхъ гостей, — могъ мнѣ это разсказать?

— Да, помогите же... Онъ пытается меня самую убѣдить въ томъ, чего не было. Вы опытнѣе меня и знаете, какъ эти господа умѣютъ плести интригу, умѣютъ запутать любого. Можетъ быть, онъ хочетъ кого-нибудь скрыть за моей спиной? Скажите, полковникъ, кого вы хотите спасти, убивая меня? Вѣдь вы понимаете, что убиваете меня и физически, и морально. Вѣдь у меня малютка дочь...

Наступила пауза. Жена моего товарища нервно постукивала концомъ зонта по своему ботинку. Потомъ подняла глаза, посмотрѣла на насъ вкось и усмѣхнулась.

— А впрочемъ, будетъ. Все это мнѣ надоѣло. Онъ говоритъ правду, — росписки эти мои. Пусть это будетъ тебѣ наукой, — обратилась она къ мужу.

Этотъ неожиданный переходъ ошеломилъ насъ. Все же до послѣдней минуты была надежда, что это только искусная интрига подп. Бруна, сумѣвшаго подтасовать обстоятельства противъ молодой женщины. Оказалось все такъ легко и просто. Разслѣдованіе о дѣятельности другихъ негласныхъ сотрудниковъ дало почти такой же «шаблонный» матеріалъ. Состояли у Бруна сотрудниками еще двѣ молодыхъ миловидныхъ женщины, обязанности которыхъ носили скорѣе «не служебный» характеръ, одна полупроститутка, полуразбитый параличемъ почтальонъ, воровавшій на почтѣ письма для г. Бруна, старый гимназическій дядька и жалкій заводской рабочій. Послѣ моего доклада о характерѣ дѣятельности этихъ сотрудниковъ, комитетъ постановилъ не опубликовывать ихъ именъ и лишь въ отношеніи жены члена Гос. Думы О. пришлось прибѣгнуть къ оглашенію ея сотрудничества, такъ какъ она и послѣ изобличенія ея въ этомъ продолжала шантажировать именемъ своего мужа. Отчетность г. Бруна, за исключеніемъ небольшихъ шероховатостей, была въ порядкѣ.

Работа полк. Бруна по освѣщенію положенія въ губерніи носила такой элементарно наивный характеръ, даваемыя имъ характеристики «опасныхъ» людей были такъ нелѣпы, что приходилось только удивляться начальству г. Бруна, не только терпѣвшему его на службѣ, но даже приносившему ему въ жертву такихъ лицъ, какъ, напримѣръ, почтенный Н. Г. Дидрихсонъ. Комитетъ брезгливо отмахнулся отъ г. Бруна и предложилъ ему поторопиться покинуть предѣлы губерніи для явки въ воинскую часть.

Впослѣдствіи полк. Брунъ, во времена ген. Деникина, получилъ отвѣтственное назначеніе на постъ начальника сочинскаго округа, пограничной съ Грузіей территоріи, исключительно отвѣтственной по тому времени. Объ этомъ приходится только пожалѣть.

III

Положеніе въ губерніи. Власть на мѣстахъ. Больные вопросы. Отношеніе къ новой власти.

Вступившій въ управленіе губерніей предсѣдатель губернской земской управы А. М. Кухтинъ, пробывши на этомъ посту недолгое время, просилъ цен-

тральное правительство освободить его отъ этихъ обязанностей. Изъ Петербурга постъ губернскаго комиссара былъ предложенъ Д. Д. Старлочанову, но онъ, прежде чѣмъ отвѣтить на это предложеніе, просилъ губернскій комитетъ обсудить вопросъ о кандидатурахъ на эту должность. Комитетъ къ кандидатурѣ Д. Д. Старлочанова отнесся сочувственно, и вскорѣ онъ получилъ назначеніе. Помощникомъ комиссара былъ назначенъ адвокатъ-цивилистъ Р. Р. Глиндзичъ, кандидатура котораго предварительно была одобрена президіумомъ комитета.

При вступленіи въ управленіе губерніей, новому комиссару, человѣку, по званію члена Гос. Думы освѣдомленному въ положеніи губерніи и ея больныхъ вопросахъ, нельзя было закрывать глазъ на трудность его положенія, усугубляемаго царившимъ въ губерніи многоначаліемъ и безначаліемъ въ то же время. Особенно это чувствовалось въ уѣздахъ. Распоряженіемъ Временнаго Правительства институтъ земскихъ начальниковъ былъ упраздненъ, но продолжали функціонировать предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ, о которыхъ законодатель забылъ, такъ какъ въ центральныхъ губерніяхъ предсѣдательствовали въ съѣздахъ ex officio уѣздные предводители и лишь въ нѣсколькихъ губерніяхъ имѣлись особые предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ. Функціи этихъ забытыхъ до поры до времени администраторовъ естественно должны были свестись къ простой охранѣ старыхъ дѣлъ, но нѣкоторые изъ нихъ склонны были проявлять свою былую административную власть. Почти повсюду въ уѣздахъ происходила смѣна чиновъ старой полиціи при отсутствіи контингента лицъ, подготовленныхъ къ несенію этой службы. Возникшіе по примѣру губернскаго, уѣздные комитеты общественной безопасности, въ достаточной мѣрѣ лойяльные по отношенію къ власти, проходили робкій курсъ обученія общественности. Уѣздныя земскія управы, въ значительной степени претендовавшія на роль не только хозяйственнаго, но и административнаго органа, были въ уѣздахъ попрежнему не популярны. Лишь впослѣдствіи была создана должность уѣзднаго комиссара, являвшагося маленькимъ губернаторомъ у себя въ уѣздѣ и объединявшаго вокругъ себя уѣздныя учрежденія.

Въ волостяхъ дѣло обстояло нѣсколько лучше, ибо организовавшіеся большею частью съ волостнымъ старшиною во главѣ, волостные комитеты играли при старшинѣ роль волостныхъ управъ и постепенно втягивались въ кругъ административно-хозяйственныхъ дѣлъ, опредѣляя въ своемъ составѣ работниковъ для будущаго волостного земства. Ничего худого не было отъ такой замѣны прежняго разрѣшенія вопросовъ на митингующихъ сходахъ всесословнымъ коллегіальнымъ органомъ мѣстныхъ людей. Здѣсь жизнь пробила первую брешь въ той изоляціи крестьянъ отъ другихъ сословій, которая послѣдовательно проводилась раньше, и пуще всего боялась созданія всесословной волости. Долговременный культъ этой своего рода китайской стѣны вокругъ мужика и предоставленіе крестьянамъ вариться въ собственномъ соку на митингахъ, называвшихся сходами, должно, мнѣ кажется, снять хоть часть вины съ русской интеллигенціи, когда обвиняютъ послѣднюю въ оторванности отъ крестьянскаго населенія, и хоть до нѣкоторой степени объяснить немощь вліянія честной интеллигенціи на массы, поднятыя гонодами Смердяковыми, на разнузданный, сокрушающій бунтъ.

Вскорѣ послѣ вступленія въ должность губернскаго комиссара, Д. Д. Старлочановъ условился со мною, какъ предсѣдателемъ губернскаго комитета, объ объѣздѣ губерніи въ ближайшее время. Посѣщеніе мною нѣкоторыхъ уѣздныхъ и крупныхъ селъ губерніи только усугубило въ моемъ представленіи картину административной неразберихи, съ которой намъ приходилось считаться и до непо-

средственнаго ознакомленія съ положеніемъ на мѣстахъ. Кромѣ того посѣщеніе уѣздовъ обнаружило и старыя, наболѣвшія раны, внушавшія тревогу. Кое-гдѣ сильно обострились тренія между отрубщиками и общинниками, ровъ между которыми былъ въ свое время вырытъ не въ мѣру усердными проводниками на мѣстахъ Столыпинскаго закона о выходѣ изъ общины. Значительная часть отрубщиковъ, получивъ возможность продать укрѣпленную за ними землю и усадьбы, поторопилась это сдѣлать и, издержавъ денежные знаки на простой разгулъ или на неудачныя попытки устроиться на Тургаѣ, пополняла собой въ родныхъ сёлахъ кадры деревенской бѣдноты, превратившейся затѣмъ въ «деревенскую бедноту» большевиковъ. Разнузданное поведеніе и тяготы призрѣнія этого сельскаго люмпена отражались на обостренномъ и безъ того отношеніи общинниковъ къ отщепенцамъ сельскаго міра, тѣмъ болѣе, что заведенное крѣпкими отрубщиками хозяйство было куда лучше хозяйства общиннаго.

Въ дальнѣйшемъ это сулило много хлопотъ, что и оправдалось при возникновеніи земельныхъ комитетовъ по закону Временнаго Правительства отъ 21 апрѣля 1917 г. Существовалъ въ губерніи и инородческій вопросъ. На территоріи Ставропольской губерніи въ 4 968 745 десятинъ насчитывалось около 1 500 000 десятинъ земли, принадлежащей калмыкамъ, трухменамъ и ногайцамъ. На инородческой территоріи проживало по офиціальнымъ свѣдѣніямъ около 74 000 душъ населенія, причемъ въ это число входили не только инородцы, но и пришлое русское населеніе, обитавшее на этой территоріи. Населеніе же губерніи къ 1917 г. составляло около 1 500 000 душъ. Такимъ образомъ, если даже взять преувеличенную цифру, на 74 000 душъ инородческаго населенія приходилось около 1 500 000 десятинъ земли, а на свыше, чѣмъ милліонное крестьянское населеніе губерніи — около 3 500 000 десятинъ, включая сюда и частновладѣльческія земли. Такое неравномѣрное распредѣленіе земельнаго фонда между инородческимъ и русскимъ населеніемъ не могло не питать возрастающихъ вожделѣній русскаго населенія на инородческую землю, причемъ, естественно, наиболѣе зарились на этотъ земельный каравай крестьяне ближайшихъ къ инородческой территоріи уѣздовъ и особенно селъ, вкрапленныхъ въ эту территорію, какъ напримѣръ, громадное село-оазисъ среди Туркменской территоріи Арзгирь съ населеніемъ свыше 30 000 жителей *. Впослѣдствіи большевики, учтя эти вожделѣнія, взяли опредѣленную линію на уничтоженіе «вольныхъ степныхъ народовъ» и въ значительной степени въ этомъ находитъ себѣ объясненіе то жестокое изувѣрство, которое было учинено въ 1918—19 г. г. большевиками надъ калмыками большедербетовскаго улуса.

Помимо натянутыхъ внѣшнихъ отношеній съ окружающимъ территорію русскимъ населеніемъ, наиболѣе количественно сильная туркменская народность поѣдалась внутренней распрей двухъ партій, создавшихъ два параллельные комитета и двухъ комиссаровъ, не признававшихъ другъ друга и готовыхъ от-

* Впрочемъ, кто только не зарился на эти земли? Покойный исторіографъ Ставропольской губерніи І. В. Бентковскій приводитъ въ своихъ трудахъ траги-комическій эпизодъ, какъ въ срединѣ прошлаго столѣтія, инородцы, распропагандированные краевыми агентами, вздумали было выселиться изъ Россіи и всей своей массой двинулись къ берегу моря. Краевое начальство поторопилось намѣтить къ раздачѣ сановникамъ латифундіи изъ земельнаго фонда ушедшихъ, но инородцы раздумали и вернулись обратно. Проектъ распредѣленія ихъ земель пришлось аннулировать и частично выполнить за счетъ земли русскаго крестьянскаго населенія. Въ библіотекѣ І. В. Бентковскаго имѣлся и списокъ владѣльцевъ-сановниковъ этой пожалованной земли.

крыть другъ противъ друга враждебныя дѣйствія совмѣстно со своими сторонниками. Къ губернскому комиссару Д. Д. Старлочанову то и дѣло являлись депутаціи то одной, то другой туркменской группы съ самыми тяжкими обвиненіями своихъ противниковъ. Для примиренія ихъ былъ командированъ въ Лѣтнюю ставку — туркменскій центръ — помощникъ губернскаго комиссара Р. Р. Глиндзичъ. Въ его присутствіи происходилъ общетерриторіальный туркменскій сходъ, на которомъ голоса подсчитывались чуть-ли не по способу, описанному въ «Анабазисѣ» Ксенофонта. Впослѣдствіи территорія степныхъ народовъ была объединена по закону Временнаго Правительства единымъ хозяйственнымъ органомъ, по типу губернской земской управы, а на мѣстахъ были организованы, по типу уѣзднаго земства, улусныя или уѣздныя хозяйственныя управленія для каждой народности. Но при введеніи органовъ административной юстиціи законодатель забылъ о существованіи этихъ инородческихъ управъ и не удѣлилъ имъ административныхъ судей. Лишь въ августѣ 1917 г., послѣ указанія мною въ министерствѣ юстиціи И. Д. Мордухай-Болтовскому на этотъ дефектъ закона, было издано особое постановленіе, коимъ инородческія территоріи были отнесены къ сферѣ компетенціи административныхъ судей ближайшихъ уѣздовъ.

Пополненное представителями служащихъ и демократическихъ организацій, уѣздное земство все же попрежнему оставалось непопулярнымъ въ губерніи. Объяснялось это, помимо грѣховъ молодости первоизбранныхъ земцевъ, дефектомъ самаго закона, установившаго для активнаго и пассивнаго права высокій земельный цензъ, побоявшагося создать всесословную волость и ввести волостное земство. Между тѣмъ, Ставропольская губернія съ сельскими населенными пунктами въ 20 и 30 тысячъ жителей, съ волостями, большею частью состоящими изъ одного населеннаго пункта, болѣе, чѣмъ другія губерніи, нуждалась въ созданіи всесословной волости и введеніи мелкой земской единицы. И первый же опытъ, пренебрегшаго этой назрѣвшей потребностью, закона 1913 года, далъ самые неожиданные результаты вплоть до антиземскаго бунта и разгрома земскихъ школъ включительно. На мѣстахъ представители демократизованнаго уѣзднаго земства сплошь и рядомъ обращались съ просьбой о замѣнѣ, гдѣ только можно, названія «земскій» словомъ «народный» и, такимъ образомъ, вмѣсто земскихъ получились: «уѣздныя народныя управы», «народныя больницы» и т. д. Введшій, наконецъ, волостное земство законъ Временнаго Правительства отъ 21 мая 1917 г. не успѣлъ завершить всей системы выборовъ ко времени захвата власти большевиками, а послѣдніе, считаясь съ непопулярностью земства въ губерніи, первымъ актомъ своего творчества провозгласили полное упраздненіе земства.

Въ силу общихъ условій, стоялъ довольно остро въ губерніи и продовольственный вопросъ, породившій во второй половинѣ 1916 г. волну погромовъ въ г. Ставрополѣ и нѣкоторыхъ селахъ губерніи. Остроты этого положенія, въ силу исключительныхъ общихъ условій, конечно, не могли смягчить продовольственные комитеты, введенные постановленіемъ Временнаго Правительства отъ 25 марта 1917 г.

На фонѣ всего этого путаннаго положенія еще болѣе подчеркивалось выжидательно-лойяльное отношеніе къ новой власти и проявляемая населеніемъ готовность прійти ей на помощь всемѣрнымъ содѣйствіемъ съ мѣстъ, но въ то же время не скрывалась тревога, сумѣетъ ли при такомъ положеніи новая власть удержать бразды правленія въ своихъ рукахъ, стѣсняющихся властвовать и предписывающихъ самодѣятельность на мѣстахъ во что бы то ни стало.

IV

Выступленіе мѣщанъ. «Трава Божья!». Ликвидація этихъ безпорядковъ.

Первое серьезное испытаніе для губернской власти возникло въ апрѣлѣ 1917 г. Въ этомъ мѣсяцѣ ставропольской городской управой были объявлены торги на сѣнокосы съ земель городского самоуправленія. Мѣщане, составляющіе около двухъ третей населенія гор. Ставрополя, по преимуществу огородники и мелкіе сельскіе хозяева, давно уже имѣли зубъ на городское самоуправленіе и особенно на городскую агрономію, развивавшую солидное собственное хозяйство съ показательными полями, опытными станціями и т. д. Въ послѣдніе годы передъ 1917 г. управа, въ поискахъ средствъ для покрытія все возраставшаго, въ связи съ войной и дороговизной, расходнаго бюджета, безъ отягченія населенія новыми сборами и налогами, послѣдовательно расширяла площадь непосредственно ею эксплоатируемыхъ городскихъ угодій, сокращая тѣмъ самымъ количество угодій, сдаваемыхъ въ эксплоатацію частнымъ лицамъ. Управа завела собственный обозъ, лѣсосѣки, улучшила и увеличила травосѣяніе на лугахъ. Покосы съ этихъ луговъ, при существующихъ высокихъ цѣнахъ на сѣно, являлись особой приманкой для городскихъ мѣщанъ, но, когда они ознакомились съ количествомъ земли, сдаваемой подъ покосъ частнымъ лицамъ въ этомъ году, надежды ихъ на хорошій заработокъ были разрушены. Своеобразно «соціалисты» поспѣшили использовать это недовольство, разъясняя мѣщанамъ, что земля Божья, а, стало быть, и трава тоже Божья, и торговъ на нее допускать нельзя.

Въ день торговъ къ зданію городской управы явилась тысячная толпа мѣщанъ, опрокинула столъ, за которымъ членъ управы производилъ торги и, ворвавшись въ помѣщеніе управы, угрожала разгромить его, а составъ управы выбросить со второго этажа внизъ, если торги не будутъ отмѣнены и сѣнокосы не будутъ мѣщанамъ отданы безвозмездно. Тщетно городской голова заявлялъ, что безъ разрѣшенія этого вопроса городской думой, въ которой мѣщане имѣютъ своихъ представителей, управа, какъ подчиненный думѣ органъ, поступить такъ не властна и что вопросъ этотъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе экстреннаго засѣданія думы. Мало слушали разбушевавшіеся мѣщане и прибывшаго въ управу губернскаго комиссара, указывавшаго мѣщанамъ на всю безтолковость и безразсудность ихъ дѣйствій и предлагавшаго взамѣнъ дѣйствія скопомъ изложить черезъ своихъ представителей въ гор. думѣ свои требованія. Въ отвѣтъ на это мѣщане заявили, что они пришлютъ своихъ представителей въ совѣтъ солдатскихъ депутатовъ и тамъ «объявятъ свою волю».

Въ тотъ же вечеръ состоялось соединенное засѣданіе исполнительныхъ комитетовъ, городской управы и многочисленныхъ представителей отъ мѣщанъ. Послѣдніе, большинство изъ которыхъ явилось въ нетрезвомъ видѣ, держали себя вызывающе, заявляя, что «теперь ихъ сила», что торговъ они все равно не допустятъ, что всѣ затѣи управы только барская блажь и что «по народному праву» теперь надлежитъ подѣлить между мѣщанами и городскія земли, и обозъ, и все остальное, что принадлежитъ городу. Въ концѣ концовъ, все же они согласились представить всѣ эти соображенія экстренному засѣданію городской думы, которое должно быть созвано въ ближайшіе же дни.

— Только все равно будетъ по нашему. Никакихъ торговъ мы не допустимъ, — заявили, расходясь, мѣщане.

По настоянію президіума комитета общественной безопасности, поддержанному представителями и другихъ организацій до совдеповъ включительно, рѣшено было использовать этотъ эпизодъ для примѣненія самаго рѣшительнаго отпора до примѣненія вооруженной силы включительно, если это понадобится. Въ вечеръ думскаго засѣданія къ помѣщенію городской думы была вытребована воинская часть и къ концу засѣданія части ея были введены въ коридоры и помѣщенія, сосѣднія съ думской залой.

Выслушавъ требованія мѣщанъ, дума подтвердила свое прежнее постановленіе о сдачѣ сѣнокосовъ съ торговъ, а затѣмъ предсѣдатель губернскаго комитета обратился къ мѣщанамъ съ указаніемъ, что никакія насильственныя дѣйствія власти допущены не будутъ, и власть не остановится передъ примѣненіемъ силы оружія противъ попытки произвести это насиліе. Если мѣщане хотятъ убѣдиться, что такая сила имѣется въ распоряженіи власти, то благоволятъ взглянуть на думскую площадь и сосѣдніе залѣ коридоры. Затѣмъ были оглашены правила дѣйствій воинской силы при вызовѣ ея гражданской властью. Мѣщане послѣ этого перемѣнили тонъ и новыхъ попытокъ къ насильственному воздѣйствію на городскую управу уже не дѣлали.

Слѣдуетъ добавить, что большевики, захвативъ власть въ январѣ 1918 г., и первымъ своимъ актомъ упразднивъ земство, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ своего властвованія не рѣшались наложить руку на городское самоуправленіе, отказавшееся признать ихъ власть, и только въ концѣ марта 1918 г. постановили низложить городскую думу. Но объ этомъ будетъ подробно сказано ниже.

V

Первое выступленіе большевиковъ. Отзвуки іюльской попытки захватить власть въ Петербургѣ. Провалъ большевиковъ.

Впервые мѣстные большевики обнаружили свое существованіе въ дни реализаціи «займа свободы», выступая въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ съ призывомъ «не давать ни копейки министрамъ-прислужникамъ буржуазіи и имперіалистовъ». Но выступленія эти имѣли результатъ, повидимому, противоположный желаніямъ большевиковъ, ибо пожертвованія золота и серебра протекало успѣшно, продажа билетовъ займа шла такъ же успѣшно, молодымъ же адептамъ большевизма пришлось выслушать столько непріятныхъ заявленій по своему адресу со стороны пропагандируемыхъ ими слушателей, что временами выбраться изъ труднаго положенія имъ помогала милиція.

Не имѣли никакого успѣха и ихъ выступленія въ губернскомъ комитетѣ и въ совѣтахъ, которые къ этому времени слились въ одинъ «всесословный» совѣтъ рабочихъ, солдатскихъ, крестьянскихъ и мѣщанскихъ депутатовъ.

Во главѣ организаціи мѣстныхъ большевиковъ стоялъ завѣдующій отдѣломъ статистики губернской земской управы, человѣкъ съ недюжинными способностями, юристъ по образованію, А. А. Пономаревъ, надѣленный исключительно желчнымъ и неуживчивымъ характеромъ. Самъ онъ до поры до времени не выступалъ публично съ проповѣдью большевизма и ограничивался тѣмъ, что руководилъ небольшой группой молодежи, самоотверженно принимавшей на себя удары неудачъ отъ этихъ выступленій.

Чаще всего выступала только что окончившая мѣстную гимназію Марія Вальяно, дочь прогорѣвшаго милліонера, миловидная дѣвушка съ тяжелой, чуть не до земли, косой, съ груднымъ, подкупающаго тембра, голосомъ. Рѣчи свои она обычно заканчивала словами: «выливая воду изъ ванны, бойтесь вмѣстѣ съ водою выплеснуть и ребенка» и, надо признаться, слушатели всегда съ нетерпѣніемъ ожидали этихъ словъ, встрѣчая ихъ аплодисментами, или иногда перебивая затянувшуюся рѣчь Вальяно вопросомъ: «а скоро ли будетъ насчетъ ребенка?» Впослѣдствіи въ первомъ совнаркомѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ А. А. Пономаревъ, Вальяно заняла постъ комиссара народнаго образованія.

Болѣе организованно мѣстные большевики выступили послѣ іюльской попытки петербургскихъ большевиковъ захватить власть, когда объ этомъ дошли вѣсти до Ставрополя. Выступали они въ мѣстномъ совѣтѣ, при чемъ очереднымъ ораторомъ отъ большевиковъ былъ на этотъ разъ молодой инженеръ-путеецъ Толстовъ, впослѣдствіи, послѣ отсрочки большевиками созыва учредительнаго собранія, отрекшійся отъ партіи. Свою рѣчь Толстовъ построилъ на положеніи, что Христосъ былъ первымъ коммунистомъ, и, аргументируя многочисленными ссылками на текстъ евангелія, доказывалъ, что, ужъ если говорить о власти, «нѣсть-бо, аще не отъ Бога», то это именно и есть власть совѣтовъ, къ которой стремятся большевики.

Въ отвѣтъ на это одинъ изъ послѣдующихъ ораторовъ доставилъ большевикамъ нѣсколько огорчительныхъ минутъ. — «Аргументируйте, товарищъ, не отъ Бога, а отъ сатаны, — началъ онъ при общемъ смѣхѣ аудиторіи. — Помните ли вы, какъ передъ истомленнымъ голодомъ Христомъ предсталъ въ пустынѣ отецъ современной провокаціи — дьяволъ? Зачѣмъ Ты голодаешь, — сказалъ Христу искуситель, — стоитъ Тебѣ претворить только эти камни въ хлѣбъ и Ты будешь сытъ. Затѣмъ искуситель повелъ Христа на высоту храма и предложилъ оттуда броситься внизъ и, возведя, наконецъ, на высокую скалу показалъ Христу всѣ царства міра и славу ихъ и сказалъ: «все это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ!» Къ истомленному войной и лишеніями народу съ такими же словами искушенія приходите и вы, большевики: «ты голоденъ — это пустяки, мы вмѣстѣ претворимъ камни въ хлѣбъ и ты будешь сытъ! Затѣмъ вы ведете народъ къ пропасти, предлагая броситься внизъ и, показывая на царства и славу ихъ, обѣщаете всю власть народу, лишь бы онъ, падши, поклонился большевикамъ. Но еще живъ Христосъ въ душѣ народа, и народъ отвѣтитъ вамъ, искушающимъ его слабость, словами Христа: отойди отъ меня, сатана!»

Затянувшееся далеко за полночь засѣданіе совѣта было очень бурнымъ, но при голосованіи большевики, мобилизовавшіе всѣ свои наличныя силы до мертвыхъ душъ включительно, собрали едва-едва десятую часть голосовъ у присутствовавшихъ на засѣданіи. Черезъ нѣсколько дней, когда, въ связи съ петербургской попыткой захвата власти, въ мѣстныхъ «извѣстіяхъ» комитета былъ опубликованъ текстъ постановленія Временнаго Правительства о карахъ за такія попытки и газета выступила съ рѣзкой статьей противъ большевиковъ, представители ихъ съ А. А. Пономаревымъ во главѣ явились въ губернскій комитетъ съ просьбой оградить ихъ отъ возможныхъ насилій на улицѣ, причемъ А. А. Пономаревъ, ссылаясь на нападки газеты, угрожалъ жаловаться въ Петербургъ «самому товарищу Керенскому».

Въ губерніи, насчитывающей лишь около 1500 зарегистрированныхъ фабричной инспекціей заводскихъ рабочихъ на почти $1^1/_2$ милліона крестьянскаго населенія, изъ коего лишь около 10% составляли иногородніе, конечно, трудно было

большевикамъ говорить о диктатурѣ пролетаріата и нащупать своею проповѣдью базу, на которую они могли бы опереться. Еще болѣе они это поняли послѣ жестокаго провала на выборахъ въ Учредительное Собраніе, но тѣмъ не менѣе своей проповѣди, при всей ея безуспѣшности, не оставили и дождались наконецъ момента, когда имъ пришли на помощь покинувшіе фронтъ штыки 39-й дивизіи.

VI

Петербургскій съѣздъ комиссаровъ Врем. Правительства. Обмѣнъ впечатлѣніями въ пути. Предварительное совѣщаніе. На съѣздѣ. Перемѣны въ министерствѣ. Отповѣдь А. С. Заруднаго.

Въ первыхъ числахъ августа 1917 г. комитетомъ было получено телеграфное приглашеніе министра внутреннихъ дѣлъ прислать своего представителя на созываемый въ Петербургѣ съѣздъ общественныхъ организацій и комиссаровъ Временнаго Правительства. Губернскій комитетъ уполномочилъ участвовать въ съѣздѣ меня, какъ предсѣдателя комитета, въ качествѣ же представителя губернскаго комиссара выѣхалъ его помощникъ Р. Р. Глиндзичъ.

На станціи Кавказской, стоящей на магистрали Владикавказской желѣзной дороги, мы попали въ вагонъ, гдѣ уже находились представители, если память не измѣняетъ, — отъ Асхабада графъ Дорреръ, отъ Терека и Дагестана докторъ Далгатъ и инженеръ Темирхановъ. По мѣрѣ продвиженія на сѣверъ къ намъ присоединялись представители отъ Кубани, Черноморья, Дона и т. д.

Естественно, всѣ разговоры вращались вокругъ предстоящаго съѣзда, недавняго возстанія большевиковъ, взятаго правительствомъ курса и положенія на мѣстахъ. Въ этихъ бесѣдахъ, пересыпанныхъ ссылками на административные курьезы, проскальзывала общая неудовлетворенность создавшимся положеніемъ и тревога за завтрашній день.

Въ вѣдомствѣ внутреннихъ дѣлъ послѣ ухода кн. Г. Е. Львова въ этотъ моментъ было междуцарствіе и обязанности министра внутреннихъ дѣлъ временно несъ И. Г. Церетели, сверхъ прямыхъ его обязанностей по вѣдомству почтъ и телеграфовъ. Пребываніе его во главѣ вѣдомства вн. дѣлъ было обильно весьма строгими циркулярами и распоряженіями на имя губернскихъ комиссаровъ, средактированными иной разъ въ выраженіяхъ, далеко оставлявшихъ за собой суровый стиль дореволюціонныхъ министровъ. Но циркуляры и распоряженія эти такъ мало были согласованы одно съ другимъ и нерѣдко полемизировали между собой, что комиссарамъ отъ этого было не легче. Рядомъ съ этимъ все больше силы забирало министерство земледѣлія, издававшее, случалось, въ инструкціонномъ порядкѣ весьма чреватые послѣдствіями законы, не проводившіеся даже черезъ коллегію министровъ. Въ такомъ порядкѣ, напримѣръ, была издана инструкція дѣятельности земельныхъ комитетовъ, и власть на мѣстахъ была поставлена въ затруднительное положеніе, считать ли опирающуюся на инструкцію дѣятельность земельныхъ комитетовъ подзаконный или попросту явочнымъ актомъ «революціоннаго правосознанія», по позднѣйшей терминологіи большевиковъ. Слѣдуетъ добавить, что уполномоченные главнаго земельнаго комитета на мѣстахъ назначались иногда единственно по признаку принадлежности къ партіи с.-р., безъ предварительной справки, насколько они подготовлены для руководства на мѣстахъ мѣро-

пріятіями правительства по земельному дѣлу и насколько, хотя бы, авторитетны въ глазахъ населенія въ такомъ, чреватомъ послѣдствіями и запутанномъ, вопросѣ. Въ Ставропольской губерніи, напримѣръ, уполномоченнымъ главнаго земельнаго комитета былъ назначенъ зубной врачъ, обремененный профессіональной практикой въ городѣ и, въ силу уже хотя бы этого, едва ли имѣвшій возможность выѣзжать за черту города до назначенія уполномоченнымъ. Положеніе такого уполномоченнаго, при всей остротѣ земельныхъ дѣлъ, было не мало затруднительнымъ, но не менѣе, если не болѣе, было затруднительно положеніе власти при существованіи такого уполномоченнаго.

На предварительномъ совѣщаніи съѣхавшихся представителей, неудовлетворенность существующимъ положеніемъ выявилась еще рѣзче, но, въ виду сравнительной малочисленности присутствовавшихъ на немъ, никакихъ точекъ надъ «і» для совмѣстнаго поведенія на съѣздѣ поставлено не было и было принято только къ свѣдѣнію заявленіе кадетской группы, что отъ имени ея съ программной рѣчью на съѣздѣ поручено выступить Н. М. Кишкину, занимавшему тогда генералъ-губернаторскій постъ Московскаго комиссара. На этомъ же совѣщаніи мы узнали, что министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Н. Д. Авксентьевъ и что главнымъ предметомъ занятій съѣзда будетъ обсужденіе проекта губернскихъ учрежденій и организаціи милиціи.

Съѣздъ былъ открытъ въ помѣщеніи министерства внутреннихъ дѣлъ новымъ министромъ Н. Д. Авксентьевымъ, произнесшимъ подкупающую своею искренностью и порывомъ программную рѣчь о необходимости яснаго государственнаго пути въ это колеблющееся время и о неизбѣжномъ поворотѣ власти въ сторону отъ разлагающаго вліянія демагоговъ. Во время рѣчи Н. Д. Авксентьева въ залу вошелъ быстрой походкой А. Ф. Керенскій, занялъ мѣсто рядомъ съ г. Авксентьевымъ. Видъ у него былъ совершенно больного человѣка съ землистаго цвѣта лицомъ, тяжелыми, точно набухшими отъ безсонныхъ ночей, вѣками. Сидѣлъ онъ въ неподвижной позѣ уставшаго человѣка съ опущенными внизъ вѣками, точно дремалъ. Выждавъ конца рѣчи Н. Д. Авксентьева, онъ отрывистыми рѣзкими бросками фразъ привѣтствовалъ съѣздъ и затѣмъ въ пространной рѣчи повторилъ мысли Н. Д. Авксентьева о необходимости твердаго курса власти, добавивъ, что власть не остановится, передъ неизбѣжностью перейти къ «крови и желѣзу», если революція превратится въ «бунтъ рабовъ». Повидимому, обѣ рѣчи и Н. Д. Авксентьева, и А. Ф. Керенскаго произвели свое впечатлѣніе и выступившій съ отвѣтомъ Н. М. Кишкинъ кратко указалъ, что группа представителей уполномочила его привѣтствовать правительство и заявить о всемѣрномъ содѣйствіи власти, берущей правильный государственный курсъ. Только выступленіе, если не измѣняетъ память, псковскаго комиссара г. Булатова пробило брешь въ этомъ парадномъ обмѣнѣ любезностями и черезъ эту брешь и въ этомъ засѣданіи, и въ послѣдующихъ, вылилась вся, привезенная съ мѣстъ, неудовлетворенность прежнимъ курсомъ правительства. Смыслъ большинства рѣчей сводился къ тому, что нельзя сидѣть между двухъ стульевъ и власть должна властвовать, а не быть маріонеткой въ рукахъ параллельно дѣйствующихъ съ властью организацій, заставляющихъ власть идти зигзагами.

Слѣдующія засѣданія съѣзда уже происходили въ помѣщеніи Петербургской думы и главнымъ предметомъ ихъ занятій были выработанные министерствомъ проекты учрежденія должности губернскаго и уѣздныхъ комиссаровъ и организаціи милиціи. Слѣдуетъ отмѣтить, что правильности теченія этихъ занятій въ значительной степени мѣшало то обстоятельство, что происшедшія отчасти на-

канунѣ, отчасти уже во время занятій съѣзда перемѣны въ составѣ высшихъ членовъ министерства внутреннихъ дѣлъ создавали затруднительное положеніе для новыхъ лицъ, а старые докладчики по проекту либо ушли, либо не вполнѣ еще были освѣдомлены, въ какой мѣрѣ высшіе чины министерства раздѣляютъ положеніе проекта, а по нѣкоторымъ проектамъ долго не могло выясниться, кто же будетъ защищать эти проекты передъ съѣздомъ.

Выработанный министерствомъ проектъ надѣлялъ губернскаго комиссара почти всѣми прерогативами прежней губернаторской власти, но съ изъятіемъ изъ подчиненія ему милиціи, которая въ городахъ подчинялась городской управѣ, въ уѣздахъ — уѣздной земской управѣ и объединяла это подчиненіе милиціи губернская земская управа. Этому проекту противопоставлялся проектъ, выработанный Петербургскимъ совѣтомъ депутатовъ, отличіе котораго отъ министерскаго проекта заключалось въ томъ, что административное управленіе ввѣрялось коллегіальнымъ земскимъ и городскимъ органамъ, подзаконность дѣятельности которыхъ ввѣрялась контролю особаго административнаго прокурора, являющагося окомъ закона и правительства на мѣстахъ. Этотъ послѣдній проектъ защищался на съѣздѣ, если не ошибаюсь, членомъ совѣта г. Шапиро.

Уѣздные комиссары, по мысли министерскаго проекта являлись маленькими губернаторами на своей территоріи, объединяющими вокругъ себя дѣятельность административныхъ уѣздныхъ учрежденій, за исключеніемъ уѣздной милиціи.

Съ небольшими поправками былъ принятъ министерскій проектъ, при чемъ, какъ при обсужденіи этого проекта, такъ и проекта организаціи милиціи больше всего возраженій высказывалось противъ изъятія изъ вѣдѣнія администраціи милиціи и передачи ея въ вѣдѣніе самоуправленій. Какъ предсказывалось на съѣздѣ, это обезсиленіе администраціи на мѣстахъ, обезсилитъ и разложитъ составъ милиціи. Дѣйствительность въ значительной степени эти опасенія оправдала и едва ли теперь можно сомнѣваться, насколько грубой ошибкой явилось тогда принятіе этого подчиненія милиціи. Въ качествѣ прокурора мнѣ пришлось наблюдать необычайную распущенность милиціи, особенно проявившуюся въ эпизодѣ съ самосудомъ въ гор. Ставрополѣ толпы надъ арестованными, тутъ же, у помѣщенія милиціи, и при этомъ не только при попустительствѣ, но и прямомъ содѣйствіи чиновъ милиціи. Надо замѣтить, что во главѣ городской милиціи стояло лицо съ юридическимъ образованіемъ, исполнявшее не разъ обязанности товарища прокурора, но порядки при этомъ начальникѣ въ милиціи заставляли вспоминать, какъ нѣчто лучшее, худшія времена дореформенной полиціи.

Какъ я указывалъ, работамъ съѣзда предшествовали перемѣны въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Новые товарищи министра, къ которымъ приходилось обращаться по цѣлому ряду вопросовъ привезенныхъ съ мѣстъ, большею частью откровенно заявляли, что они еще недостаточно оріентировались въ обстановкѣ и совѣтовали разрѣшать эти вопросы на мѣстахъ по своему крайнему разумѣнію. И здѣсь повторился тотъ же прежній призывъ къ самодѣятельности на мѣстахъ и намѣчалось неизбѣжно идущее банкротство власти, о чемъ такъ много говорилось на съѣздѣ и противъ чего обѣщана была борьба въ рѣчахъ Н. Д. Авксентьева и А. Ф. Керенскаго. Это отсутствіе вѣры въ будущее, а также объявленный на 12 августа 1917 г. созывъ государственнаго совѣщанія въ Москвѣ охладили и скомкали послѣднія засѣданія съѣзда и создали впечатлѣніе неоправдавшихся надеждъ у большинства участниковъ съѣзда.

Кромѣ министра внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателя совѣта министровъ на съѣздѣ выступали министръ продовольствія А. М. Пѣшехоновъ и только что

назначенный министромъ юстиціи А. С. Зарудный. Ожидалось выступленіе министра земледѣлія В. М. Чернова, но оно почему то не состоялось. А. С. Зарудный выступалъ, давая отвѣтъ на рядъ упрековъ, брошенныхъ министерству, въ сохраненіи на мѣстахъ прежнихъ чиновъ магистратуры и прокуратуры. Если не ошибаюсь наиболѣе рѣзкія заявленія были сдѣланы представителями Астрахани и Витебска. Отвѣчая на эти упреки и на заданный вопросъ, какъ обстоитъ дѣло съ временной пріостановкой несмѣняемости, А. С. Зарудный заявилъ, что отъ своего отца, одного изъ дѣятелей по составленію судебныхъ уставовъ 1864 г., онъ унаслѣдовалъ уваженіе къ этому памятнику судебной реформы и до конца дней своихъ будетъ свято чтить основы, вложенныя въ этотъ кодексъ. Онъ всегда былъ и будетъ сторонникомъ принципа несмѣняемости судей, къ счастью восторжествовавшаго и на недавнемъ совѣщаніи представителей судебнаго вѣдомства и адвокатуры, и считаетъ недопустимымъ разрушать основу зданія уставовъ изъ-за нѣсколькихъ грѣшниковъ. Грѣшники вездѣ могутъ быть, но не надо увлекаться обобщеніемъ обвиненій. Какъ никакъ, — говорилъ А. С. Зарудный, судебное вѣдомство сохранило въ своихъ рядахъ, благодаря тому же принципу несмѣняемости, подавляющій процентъ безупречныхъ работниковъ, репутацію которыхъ не могутъ подорвать нѣсколько исключеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, А. С. Зарудный обѣщалъ приложить всѣ мѣры къ очищенію вѣдомства, но въ формѣ, предписываемой закономъ.

Выступленіе А. С. Заруднаго происходило въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій и вскорѣ послѣ этого участники съѣзда начали разъѣзжаться.

VII

Государственное совѣщаніе въ Москвѣ. Въ купэ съ В. М. Пуришкевичемъ. Забастовка передъ совѣщаніемъ. Общая ситуація. Въ кругу казаковъ. Кулисы совѣщанія. Впечатлѣнія.

Для отъѣзжающихъ изъ Петербурга участниковъ Московскаго совѣщанія было назначено нѣсколько особыхъ поѣздовъ, отходящихъ одинъ за другимъ. Войдя въ назначенное мнѣ купэ, я засталъ уже тамъ незнакомаго мнѣ господина, раскладывающаго у окна квадратные тючки. На одномъ изъ нихъ лежала стопка брошюръ съ крупно отпечатаннымъ заглавіемъ: «отъ трехцвѣтнаго къ двухцвѣтному знамени». Когда я утромъ проснулся, мой спутникъ стоялъ у раскрытаго окна и время отъ времени разбрасывалъ, доставая изъ вскрытаго тючка эту брошюру, когда поѣздъ пробѣгалъ мимо движущихся вдоль полотна дороги крестьянъ. Я попросилъ у незнакомца одинъ экземпляръ брошюры и, когда онъ съ улыбкой передалъ ее мнѣ, я прочелъ на послѣдней страницѣ подпись «В. М. Пуришкевичъ». Вглядѣвшись въ незнакомца, я не могъ не признать въ немъ подлиннаго автора брошюры съ его характерными чертами нервно подвижнаго лица. Въ брошюрѣ этой, написанной въ неожиданно сдержанныхъ тонахъ, обратили вниманіе мое, между прочимъ, слѣдующія строки. Характеризуя движущія силы, изъ которыхъ слагается революція, г. Пуришкевичъ подраздѣляетъ ихъ на группы, куда входятъ фанатики и начетчики программы, готовые пріобрѣсти торжество программнаго пункта цѣной гибели цѣлаго міра, затѣмъ идетъ послушная масса, лица, которымъ совершенно безразлично, въ какой

защитный цвѣтъ ни перекраситься, готовыя служить любому режиму, лишь бы отъ нихъ не ушли привычныя блага и т. д. Но есть люди, говоритъ авторъ, кристально честные и чистые, проникнутые порывомъ самоотверженности, отдающіе всего себя служенію народу и родинѣ. Къ послѣднимъ авторъ относилъ А. Ф. Керенскаго и И. Г. Церетели. Я долго хранилъ эту брошюру, какъ своего рода «уникумъ», пока она не погибла вмѣстѣ съ моей библіотекой при разгромѣ моей квартиры большевиками, и очень сожалѣлъ, что у меня не было ея подъ руками, когда выступавшій въ 1919 г. съ публичнымъ докладомъ въ Ставрополѣ В. М. Пуришкевичъ уже не иначе называлъ А. Ф. Керенскаго, какъ Аарономъ Кирбасомъ и призывалъ на его голову всѣ проклятія міра.

По пріѣздѣ въ Москву, участниковъ совѣщанія встрѣтила прежде всего забастовка, охватившая городскія предпріятія, трамваи и крупные заводы, вопреки рѣшенія Московскаго совѣта. Носились слухи о возможности насильственнаго срыва совѣщанія, о возможности вооруженной демонстраціи рабочихъ массъ, подобной тому, которая подготовлялась большевиками противъ перваго съѣзда совѣтовъ 10 іюня и была тогда предотвращена, но вылилась затѣмъ въ большевистскомъ возстаніи 3—5 іюля въ Петербургѣ. Эта забастовка, вопреки рѣшенія московскаго совѣта, въ моментъ совѣщанія, созваннаго «правительствомъ спасенія революціи», получившимъ 10 іюля 1917 г. полномочія диктаторской власти отъ Ц. И. К., только лишній разъ напоминала о тѣхъ двухъ трещинахъ, которыя разростались въ пропасти слѣва и справа передъ коалиціоннымъ, по своему составу, правительствомъ и дѣлали вождей демократическихъ организацій оторванными отъ массы, а правительство оторваннымъ и отъ будирующей демократіи, и отъ будирующей буржуазіи.

Лѣвая демократія не признавала замѣны обѣщаннаго послѣ іюльскаго возстанія совѣщанія совѣтовъ всероссійскимъ совѣщаніемъ, на которомъ, по выраженію А. Ф. Керенскаго, — «должны быть представлены всѣ живыя силы страны». Не признавала эта лѣвая часть, выступавшая по зову большевиковъ во время возстанія 3—5 іюля въ Петербургѣ со знаменами «вся власть совѣтамъ», формальнаго отказа центральнаго органа совѣтовъ отъ вліянія на власть правительства и игнорировала полученныя послѣднимъ диктаторскія полномочія.

Съ другой стороны развалъ, происходившій на фронтѣ, кіевская капитуляція Временнаго Правительства передъ Украинской радой, земельныя мѣропріятія «селянскаго министра» Чернова, промышленная политика углубляли трещину, идущую отъ Временнаго Правительства справа.

Созывая государственное совѣщаніе, правительство разсчитывало перебросить мостки черезъ эти трещины и уже, быть можетъ, не столько ради «спасенія революціи», сколько ради спасенія Россіи, ибо со дня на день ожидалось паденіе Риги и прорывъ фронта; правительство надѣялось получить поддержку отъ всѣхъ «живыхъ силъ страны», оторвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ массы отъ крѣпнущаго вліянія большевизма. Но и въ самомъ составѣ правительства и даже въ соціалистическомъ крылѣ его не только не было единенія, но шла внутренняя распря, принимавшая иногда острыя формы. Выше я указывалъ, насколько автономна отъ Вр. Правительства была земельная политика В. М. Чернова и дѣйствующихъ по его вѣдомству земельныхъ комитетовъ. Съ одной стороны министерствомъ внутреннихъ дѣлъ признаются недопустимыми попытки самочиннаго осуществленія до Учредительнаго Собранія земельной реформы на мѣстахъ рѣшеніями мѣстныхъ комитетовъ и крестьянскихъ съѣздовъ, предписывается комиссарамъ на мѣстахъ всѣми мѣрами бороться противъ самочиннаго распредѣленія чужихъ угодій, захвата, запашекъ

и засѣва чужихъ полей*, не останавливаясь, какъ это было впослѣдствіи въ министерство Н. Д. Авксентьева, предъ арестомъ членовъ земельныхъ комитетовъ, а рядомъ съ этимъ главный земельный комитетъ автономно устанавливаетъ переходъ въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ всѣхъ земель сельско-хозяйственнаго пользованія, водъ и лѣсныхъ угодій, возлагая на комитеты упорядоченіе земельныхъ отношеній.

Послѣ декларативнаго выступленія правительства по открытіи совѣщанія и привѣтственной рѣчи Московскаго гор. головы В. В. Руднева, былъ объявленъ перерывъ, въ теченіи котораго должно было произойти распредѣленіе времени и очереди для рѣчей участниковъ совѣщанія, и группировки членовъ совѣщанія для выступленій съ соотвѣтствующими декларацiями. Въ часы этихъ предварительныхъ групповыхъ совѣщаній, аудиторіи университета, помѣщенія общежитій для участниковъ совѣщанія и просторныя залы иныхъ помѣщеній были лабораторіей предварительныхъ длинныхъ разговоровъ и сговора между отдѣльными группами и объединеніями ихъ. Здѣсь шла борьба между лѣвымъ и правымъ теченіями демократіи, то-есть большевиками, меньшевиками-интернаціоналистами и лѣвыми с.-р., съ одной стороны, и приверженными правительству меньшевиками и умѣренными с.-р., съ другой. Въ одной изъ аудиторій выступилъ Ю. Мартовъ съ длинною сухой, какъ надтреснутое дерево, рѣчью, предлагающей демократіи изолироваться и отъ умѣреннаго крыла ея, и отъ буржуазіи, отчего она, по мнѣнію говорившаго, выиграетъ только въ сплоченности и силѣ. Истощенный, худой аскетъ, съ болѣзненно опущенными вѣками глазъ, съ покосившейся на сторону фигурой, говорившій слабымъ глухимъ голосомъ, г. Мартовъ и своимъ внѣшнимъ видомъ, и выходившими изъ него словами производилъ впечатлѣніе типичнаго доктринера-фанатика, только-только вышедшаго изъ эмигрантскаго подполья, еще щурящагося отъ свѣта и не испытывающаго потребности пріоткрыть свои полупотушенные глаза. Въ противовѣсъ предлагавшимся имъ тезисамъ были приняты примиренческіе тезисы, средактировать которые для общей деклараціи демократическихъ организацій поручено было, если память не измѣняетъ, г. Дану. Тезисы деклараціи этой, оглашенной на государственномъ совѣщаніи, пылко и не безуспѣшно защищались И. Г. Церетели**.

Получивъ по пріѣздѣ въ Москву койку въ помѣщеніи клуба на Б. Дмитровкѣ, отведеннаго подъ общежитіе казаковъ, обѣдая вмѣстѣ съ ними за общимъ столомъ, какъ ближайшій сосѣдъ по представляемой мною территоріи, я былъ участникомъ ихъ общихъ разговоровъ, вращавшихся главнымъ образомъ вокругъ вырабатываемаго всѣмъ казачествомъ соглашенія, получившимъ затѣмъ выраженіе въ деклараціи, оглашенной на государственномъ совѣщаніи ген. А. М. Калединымъ. Выработка этого соглашенія протекала вначалѣ, судя по этимъ разговорамъ, не безъ треній и не безъ потери времени на длительные дебаты, но въ концѣ концовъ привела представителей отдѣльныхъ казачествъ къ единому выступленію на совѣщаніи съ ихъ общей деклараціей. Донской атаманъ А. М. Калединъ помѣщался тутъ же въ полукругломъ залѣ. Казаки оказывали ему исключительные знаки вниманія, вставая при появленіи его величавой фигуры, внимательно выслушивая его мнѣнія. Было совершенно ясно, что ген. Калединъ, а не кто иной, выступитъ отъ имени объединеннаго казачества на совѣ-

* Изъ циркуляровъ И. Г. Церетели по м. в. д.

** Къ деклараціи этой присоединились представители совѣтовъ и армейскихъ организацій, городскихъ думъ, кооперативовъ и т. д.

щаніи и станетъ во главѣ казачества и внѣ стѣнъ Большого Московскаго Театра. Кто могъ думать, что тотъ же А. М. Калединъ падетъ одной изъ первыхъ жертвъ нестроенія казачества и хоть въ малой мѣрѣ, но будетъ правъ есаулъ Ногаевъ, рискнувшій возражать и опровергать ген. Каледина послѣ его импозантнаго выступленія на государственномъ совѣщаніи, доказывая, что лѣвое казачество не пойдетъ ни за ген. Калединымъ, ни за тѣми, кого онъ объединяетъ?

Послѣ перерыва, совѣщаніе открылось красивой, отчеканенной рѣчью В. Д. Набокова, говорившаго въ качествѣ представителя Государственной Думы перваго созыва. Въ противоположность ему, вызвалъ недоумѣніе присутствующихъ предсѣдатель второй Гос. Думы Ф. А. Головинъ, напомнившій въ началѣ своей рѣчи обращеніе П. А. Столыпина къ Гос. Думѣ со словами «не запугаете» и повторившій эти слова передъ аудиторіей Большого Театра. Кого собственно имѣлъ Ф. А. Головинъ въ виду, такъ и осталось неяснымъ изъ всего послѣдующаго смысла его рѣчи. Выступленіе предсѣдателя третьей Гос. Думы А. И. Гучкова было проникнуто желчной раздражительностью противъ лицъ, стоящихъ у власти, точно китайскія тѣни, движущихся и жестикулирующихъ, но являющихся миражемъ власти. И. Г. Церетели, полемизируя въ своей рѣчи съ А. И. Гучковымъ, задалъ послѣднему вопросъ: чѣмъ онъ могъ бы объяснить, что, состоя военнымъ министромъ, А. И. не добился наступленія войскъ, между тѣмъ войска это сдѣлали, когда у власти были «китайскія тѣни?» Предсѣдатель четвертой Гос. Думы М. В. Родзянко, начавшій свою рѣчь съ сѣтованія, что ему предоставленъ недостаточный срокъ, такъ долго сѣтовалъ, что, когда хотѣлъ приступить къ оглашенію деклараціи Гос. Думы, предсѣдательствующій въ совѣщаніи напомнилъ ему, что предоставленный для его рѣчи срокъ уже истекъ. Въ отвѣтъ на раздавшіеся голоса о предоставленіи новаго срока А. Ф. Керенскій заявилъ, что своею властью онъ предоставляетъ «гражданину Родзянко» новый срокъ, но М. В. Родзянко использовать это предложеніе отказался и декларація 4-й Гос. Думы была оглашена кѣмъ-то другимъ. Такъ же непроизводительно было потрачено время П. П. Рябушинскимъ, занявшимся предварительно рѣчи отвинчиваніемъ абажура на трибунѣ.

Внимательно совѣщаніемъ была выслушана рѣчь В. В. Шульгина, говорившаго тономъ ѣдкаго сарказма о человѣческихъ ошибкахъ. Бываютъ ошибки, — говорилъ онъ, — которыя только дѣлаютъ честь ошибающемуся: такова ошибка Временнаго Правительства, декларировавшаго отмѣну смертной казни; бываютъ ошибки, которыя простятся, но есть ошибки, которымъ нѣтъ прощенія. Такова ошибка правительства, — говорилъ В. В. Шульгинъ, имѣя въ виду условія соглашенія съ украинской радой отъ 30 іюня, — когда, уподобляясь равноапостольному князю Владиміру, Временное Правительство рѣшило окрестить Малороссію въ украинскую вѣру. Не менѣе внимательно были выслушаны рѣчи П. Н. Милюкова и В. А. Маклакова, не законченныя за истеченіемъ срока, и И. Г. Церетели, явившагося главнымъ ораторомъ объединенной умѣренной демократіи. Казалось, своимъ двукратнымъ выступленіемъ, призывавшимъ буржуазію къ «честной коалиціи», онъ пробилъ ледъ на правыхъ скамьяхъ и его протянутая рука встрѣтила отвѣтное рукопожатіе представителя промышленной Москвы г. Бубликова.

Тѣмъ временемъ Москва съ небывалыми почестями встрѣчала и чествовала только что прибывшаго съ фронта Верховнаго Главнокомандующаго Л. Г. Корнилова. Появленіе ген. Корнилова въ залѣ совѣщанія вызвало движеніе во всѣхъ ярусахъ и перешло въ бурную овацію, когда онъ, вернувшись отъ А. Ф. Керен-

скаго, показался въ боковой ложѣ у сцены. Въ отвѣтъ на эту овацію лѣвый секторъ зала такъ же шумно привѣтствовалъ Предсѣдателя Совѣта министровъ А. Ф. Керенскаго, когда онъ вышелъ послѣ перерыва въ залу совѣщанія. Зала была освѣдомлена о тѣхъ треніяхъ, которыя происходили между главой правительства и верховнымъ главнокомандующимъ на почвѣ императивныхъ требованій ген. Корнилова принять срочныя мѣры къ оздоровленію фронта и опасенія грядущей военной диктатуры.

Въ послѣдующемъ наиболѣе интереса представляло выступленіе военной группы съ генераломъ Л. Г. Корниловымъ, М. В. Алексѣевымъ и А. М. Калединымъ во главѣ. Появленіе верховнаго главнокомандующаго на трибунѣ вновь вызвало бурную овацію по его адресу и контръ-овацію по адресу А. Ф. Керенскаго слѣва. Въ краткихъ, простыхъ словахъ, далеко не претендующихъ на ораторскіе пріемы, генералъ Л. Г. Корниловъ очертилъ тяжелое положеніе на фронтѣ, указалъ на приближающуюся катастрофу на Рижскомъ секторѣ. Чувствовалось волненіе выступавшаго главнокомандующаго и что онъ не все сказалъ, что могъ сказать, подчиненный честной солдатской дисциплинѣ правительству. Слѣдующимъ изъ этой группы выступалъ ген. М. В. Алексѣевъ, исключительно подробно и авторитетно освѣтившій воинское и военное дѣло Россіи. Заключило кругъ этой группы оглашеніе ген. А. М. Калединымъ общеказачьей деклараціи. Насколько рѣчь ген. Корнилова носила освѣдомительный, а рѣчь ген. Алексѣева экспертный характеръ, настолько обще-казачья декларація ставила точки надъ «і», требуя вывести армію изъ огненнаго, пожирающаго ее, кольца политики, возвращенія вождямъ ея былой полной мощи и упраздненія комитетовъ, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу. Какъ я указывалъ выше есаулъ Ногаевъ сдѣлалъ попытку оспорить право ген. Каледина говорить отъ имени всего казачества, заявивъ, что казачья демократія не пойдетъ за своими генералами и раздѣлитъ позиціи, занятыя общероссійской демократіей. Во время рѣчи есаула Ногаева изъ боковой ложи, гдѣ размѣщался штабъ главнокомандующаго, раздался «Zwischenruf», смыслъ котораго сводился къ тому, что «такъ говорятъ люди германской марки». А. Ф. Керенскій предложилъ сказавшему это показаться совѣщанію. Послѣ нѣкоторой паузы, въ теченіе которой никто «не показался» совѣщанію, предсѣдатель объявилъ перерывъ. По возобновленіи засѣданія слово было предоставлено полковнику ген.-штаба Сахарову, заявившему, что слова эти произнесъ онъ и что онъ готовъ дать любое удовлетвореніе офицеру Ногаеву. Въ залѣ послышались возмущенные голоса столько же по адресу полк. Сахарова, сколько и по адресу предсѣдательствовавшаго А. Ф. Керенскаго, что не мѣсто на государственномъ совѣщаніи бреттерскимъ діалогамъ, и инцидентъ на этомъ былъ законченъ.

Въ одной изъ боковыхъ ложъ, устроенныхъ на сценѣ, находились князь П. А. Крапоткинъ, Г. В. Плехановъ и Е. К. Брешко-Брешковская, выступившіе затѣмъ въ послѣднемъ засѣданіи. П. А. Крапоткинъ взволнованно предостерегалъ отъ легкомысленныхъ увлеченій, въ результатѣ которыхъ страна неминуемо будетъ ввергнута въ тяжкія переживанія побѣжденной націи. Съ жестами, не привычными для русскаго глаза, Г. В. Плехановъ не менѣе взволнованно призывалъ къ единенію демократію и цензовые элементы, приведя разсказъ о двухъ кошкахъ, которыя дрались до тѣхъ поръ, пока отъ нихъ остались одни хвосты и предостерегалъ россійскій пролетаріатъ отъ легкомысленнаго захвата власти, напоминая слова Энгельса, что нѣтъ бóльшаго несчастья для страны, дѣла соціализма и пролетаріата, какъ если власть перейдетъ въ руки послѣдняго,

когда онъ не созрѣлъ и не подготовленъ для этого. Тономъ, напоминающимъ тонъ няни, говорящей съ малыми дѣтьми, призывала къ единенію и терпѣнію и Е. К. Брешко-Брешковская.

Временное Правительство размѣщалось на возвышеніи сцены и ораторская трибуна находилась возлѣ стола правительства. Сзади, вглубь сцены, шли мѣста для комиссаровъ Временнаго Правительства. Министры почти всѣ, — насколько припоминаю, отсутствовалъ, только А. С. Зарудный, — присутствовали на совѣщаніи. Наиболѣе интереса, различнаго по качеству, возбуждалъ «селянскій министръ» В. М. Черновъ. Когда онъ проходилъ, въ перерывахъ между скамьями лѣваго сектора, его оживленно привѣтствовали представители крестьянъ и совѣтовъ, въ выпущенныхъ иллюстраціяхъ фигурировали его снимки съ сѣдобородыми крестьянами. Наоборотъ, стрѣлы праваго сектора направлялись преимущественно по его адресу и, говоря о томъ, что «Циммервальдъ не спасъ и надо воевать до конца, до почетнаго мира», В. А. Маклаковъ повернулся въ упоръ къ сидящему у края правительственнаго стола В. М. Чернову.

Наступилъ моментъ заключительной рѣчи главы правительства А. Ф. Керенскаго. Было уже ясно, что московское совѣщаніе никакихъ положительныхъ результатовъ не дало. Оно не только не сгладило, но еще больше расширило трещины расхожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ влило въ сознаніе собравшихся ощущеніе testimonium'a pauperitatis передъ происходящей въ Россіи грозой. Напрасно А. Ф. Керенскій въ своей болѣе нервной рѣчи, чѣмъ первая при открытіи совѣщанія, еще разъ упомянулъ «о желѣзѣ и крови», передъ которыми не остановится правительство, это прозвучало такъ же, какъ прозвучали послѣднія слова его рѣчи, когда онъ, теряя пониманіе окружающаго, заговорилъ о томъ, что онъ «вырветъ цвѣты изъ своего сердца, запретъ его на ключъ и ключъ броситъ далеко въ пропасть», зашатался, а кто то изъ партера, крикнувъ «не надо, не надо», бросился къ нему цѣловать руки . . .

Съ невыразимо гнетущей тяжестью и пустотой въ сердцѣ покинули мы помѣщеніе Большого Московскаго Театра.

VIII

Новая городская дума. Выборы въ Учредительное Собраніе. Пріѣздъ Ѳ. М. Онипко. Провалъ большевиковъ.

Въ августѣ же 1917 г. происходили выборы въ Ставропольскую городскую думу по новому закону Временнаго Правительства; списки кандидатовъ заявлены были демократическимъ блокомъ, к.-д., мѣщанами и торгово-промышленной группой. Списокъ большевиковъ отсутствовалъ, и они отдѣльной группой участія въ выборыхъ не принимали. Побѣдилъ на выборахъ демократическій блокъ, на спискѣ котораго объединились с.-д.-меньшевики, с.-р., н.-с., совѣты и профессіональные союзы и нѣкоторыя безпартійныя группы, представители которыхъ, пользующіеся персонально популярностью, вошли въ списокъ. По списку блока прошло подавляющее большинство гласныхъ, въ числѣ ихъ прежній городской голова Н. Г. Дидрихсонъ, по спискамъ к.-д. и мѣщанъ пропорціонально меньшее число и единственный представитель отъ торгово-промышленной группы. Городскимъ головой былъ избранъ почти единогласно Н. Г. Дидрихсонъ, но первыя же пробы намѣтить остальной составъ управы показали, какъ трудно будетъ новому городскому самоуправленію создать отвѣтственный дѣловой органъ при

наличіи узко-партійныхъ и групповыхъ вожделѣній вошедшихъ въ думу фракцій, расцѣнивавшихъ отдѣльныя кандидатуры не по признакамъ персональныхъ дѣловыхъ качествъ, а по принадлежности къ той или другой группѣ. Исключеніе было сдѣлано единственно для безпартійнаго Н. Г. Дидрихсона, подавлявшаго своею дѣловой импозантностью всѣ группы. Въ управу вошли членами по одному представителю отъ с.-д., с.-р., н.-с. и мѣщанъ, к.-д. получили въ лицѣ своего представителя мѣсто товарища предсѣдателя думы. Въ дальнѣйшемъ этотъ составъ управы видоизмѣнялся. Н. Г. Дидрихсонъ просилъ его хоть временно освободить отъ несенія обязанностей городского головы и въ отправленіе этихъ обязанностей вступилъ замѣститель гор. головы молодой кооператоръ Н. П. Слѣпушкинъ. Было ли трудоспособно молодое городское самоуправленіе въ теченіе тѣхъ 7 мѣсяцевъ, которые протекли съ момента выборовъ по день упраздненія его органовъ большевиками? Отвѣтить на этотъ вопросъ было бы легче, если бы работа его органовъ протекала въ болѣе нормальной обстановкѣ, тѣмъ болѣе, что постановленіями Временнаго Правительства отъ 9 іюля, 7 и 29 сентября 1917 г. сфера дѣятельности общественнаго управленія городовъ значительно была расширена съ подчиненіемъ ему такихъ отвѣтственныхъ органовъ, какъ, напримѣръ, городская милиція. Можно сказать только одно, что, конечно, какъ и любой общественной органъ того времени, городская дума претендовала на роль маленькаго парламента на своей территоріи и приносила почти всѣ свои дары краснорѣчія въ жертву политикѣ. Это не помѣшало, а, можетъ быть, наоборотъ, побудило молодое городское самоуправленіе мужественно и стойко въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ его существованія выдерживать напоръ совѣтской власти, демонстрируя всѣмъ своимъ поведеніемъ непризнаніе совершенной большевиками узурпаціи.

Но вслѣдъ за выборами городского самоуправленія приближались выборы въ Учредительное Собраніе, которые поглощали въ то время вниманіе и надежды населенія. Нельзя не припомнить, какъ протекала предварительная подготовка по созыву Учредительнаго Собранія: 2 марта были утверждены принципы выборовъ, 25 марта подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Авинова было созвано особое совѣщаніе для выработки закона объ учредительномъ собраніи, — первое засѣданіе его открылось 25 мая. Работа совѣщанія длилась два мѣсяца и, не ожидая завершенія «положенія о выборахъ», опубликованнаго 26 іюля, правительство, подъ давленіемъ событій, сначала 14 іюня назначило созывъ Учр. Собр. на 17 сентября, но потомъ отложило созывъ его на 12 ноября.

При встрѣчѣ въ Петербургѣ на августовскомъ съѣздѣ комиссаровъ и на Московскомъ Совѣщаніи я имѣлъ случай бесѣдовать о предстоящихъ выборахъ съ Ѳ. М. Онипко, вліятельнымъ перводумцемъ отъ Ставропольской губерніи, и приглашалъ его пріѣхать въ Ставрополь, чтобы сообща съ мѣстными дѣятелями обсудить вопросъ о коалиціонномъ спискѣ кандидатовъ въ Учредительное Собраніе. Ѳ. М. Онипко передъ выборами пріѣхалъ въ Ставрополь, но при встрѣчѣ со мной указалъ, что составленіе коалиціоннаго списка встрѣчаетъ возраженіе со стороны партіи с.-р., рѣшившей выступить исключительно со своимъ партійнымъ спискомъ кандидатовъ съ Ѳ. М. Онипко во главѣ, разсчитывая въ крестьянской Ставропольской губерніи собрать значительное число голосовъ. Дѣйствительно имя Ѳ. М. Онипко, нынѣ погибшаго отъ руки большевиковъ, необычайно было популярно въ Ставропольской губерніи еще со времени выборовъ въ первую Государственную Думу. Послѣ выборовъ тогда крестьяне провожали его цѣлыми сёлами по пути въ городъ, заказывая всенародные молебны о здравіи «раба Божія

Ѳедота», заставляли его всенародно цѣловать крестъ на томъ, что онъ народъ не обманетъ. Когда первая дума была распущена и Ѳ. М. Онипко былъ арестованъ и затѣмъ преданъ военному суду какъ участникъ кронштадтскаго возстанія, крестьянское населеніе губерніи вновь начало служить всенародные молебны объ избавленіи отъ бѣдъ «раба Божія Ѳедота» и затѣмъ предъявило правительству столь бурныя требованія «освободить и представить народу «Ѳедота», что спѣшно былъ замѣненъ тогдашній губернаторъ полк. Эльснеръ генераломъ Литвиновымъ, и губернія была объявлена на положеніи чрезвычайной охраны. Присужденный къ ссылкѣ на поселеніе Ѳ. М. Онипко бѣжалъ въ 1907 г. изъ ссылки заграницу, при объявленіи войны 1914 г. поступилъ волонтеромъ во французскую армію, былъ тяжело раненъ, лишь благодаря своему богатырскому организму оправился и по возвращеніи въ Россію, уже при Временномъ Правительствѣ, получилъ назначеніе на постъ генеральнаго комиссара Балтійскаго флота. Онъ былъ проникнутъ, насколько я могу судить по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ бесѣдъ съ нимъ, трезво-государственнымъ, культурнымъ, по европейски пониманіемъ задачъ и обязанностей власти въ то трудное время.

Не правъ И. Д. Сургучевъ въ своей брошюрѣ «Большевики въ Ставрополѣ», когда не находитъ другихъ словъ для характеристики Ѳ. М. Онипки, какъ только «бывшій волостной писарь». Эта ссылка на plusquamperfectum проистекала отъ того, что И. Д. Сургучеву не было извѣстно, какую огромную работу надъ своимъ образованіемъ продѣлалъ Ѳ. М. Онипко во время пребыванія эмигрантомъ заграницей, что дало ему возможность вернуться въ Россію значительно пополнивъ свое образованіе. Не было вѣроятно извѣстно, что Ѳ. М. Онипко продѣлалъ волонтеромъ путь войны въ рядахъ французской арміи и, занимая затѣмъ, одіозный въ глазахъ многихъ, постъ генеральнаго комиссара Балтійскаго фронта, былъ однимъ изъ наиболѣе трезвыхъ, проникнутыхъ преданностью россійской государственности, недюжинныхъ дѣятелей.

Возглавленіе списка мѣстныхъ с.-р. именемъ Ѳ. М. Онипко заранѣе обезпечивало побѣду этого списка на выборахъ Ставропольской губерніи. Наиболѣе актуальнымъ конкурентомъ этого списка былъ списокъ большевиковъ, мобилизовавшихъ для предвыборной агитаціи всѣ свои силы и связи съ находящимися въ дезертирствѣ фронтовиками. Пріемы ихъ агитаціи большею частью сводились къ тому, что, явившись на предвыборное собраніе сплоченной группой, они поднимали шумъ при выступленіи представителей конкуррирующихъ съ ними списковъ, прерывали ораторовъ криками: довольно, долой! и иногда просто срывали собраніе. Этотъ же методъ борьбы на собраніяхъ они примѣняли впослѣдствіи въ еще болѣе откровенныхъ формахъ и на крестьянскомъ съѣздѣ въ концѣ декабря 1917 г., и на губернскомъ народномъ собраніи.

Кромѣ этихъ двухъ списковъ были еще заявлены: соединенный списокъ кооператоровъ и народныхъ соціалистовъ, партіи народной свободы, соц.-демокр.-меньшевиковъ и «хлѣборобовъ», подъ названіемъ которыхъ проводились кандидатуры землевладѣльцевъ. Общій подсчетъ записокъ показалъ, что голосовало въ губерніи около 260 000 человѣкъ. Изъ всего количества записокъ — около 200 000 получили соц.-рев., около 20 000 большевики и к.-д., прочіе голоса разбились по остальнымъ спискамъ. Избраны были по списку соц.-рев. въ члены Учредительнаго Собранія: Ѳ. М. Онипко — генеральный комиссаръ Балтійскаго фронта, Е. А. Дементѣевъ — мѣстный журналистъ и адвокатъ, Л. Г. Малій — предсѣдатель правленія кооперативнаго банка, г. Бочарниковъ — журналистъ, г. Гуторовъ-Новиковъ, — предсѣдатель Александровской уѣздной управы

и г. Емельяновъ — крестьянинъ. Избранныя лица по приглашенію партіи поспѣшили выѣхать въ Петербургъ, но Учредительному Собранію, — на этотъ разъ уже по волѣ большевиковъ не суждено было открыться.

IX

Назначеніе прокуроромъ. Запросы совѣта. Эпизодъ съ дѣвицей-солдатомъ Ю.

Послѣ одного изъ засѣданій губернскаго комитета общественной безопасности, ко мнѣ обратился присутствовавшій на засѣданіи прокуроръ Новочеркасской судебной палаты Н. С. Ермоленко съ предложеніемъ занять освободившееся мѣсто ставропольскаго прокурора. При этомъ Н. С. Ермоленко указалъ мнѣ, что по его впечатлѣніямъ моя прежняя, извѣстная ему, дѣятельность гарантируетъ мнѣ наиболѣе независимое отъ внѣшнихъ давленій положеніе въ прокурорскомъ надзорѣ. Черезъ нѣкоторое время я изъявилъ согласіе, и представленіе обо мнѣ на должность ставропольскаго прокурора пошло въ министерство юстиціи. Когда я былъ въ Петербургѣ на августовскомъ съѣздѣ комиссаровъ и представителей общественныхъ организацій, управляющій министерствомъ юстиціи А. А. Демьяновъ сообщилъ мнѣ, что приказъ о моемъ назначеніи на дняхъ будетъ подписанъ. На мой вопросъ, возможно ли совмѣщеніе званія прокурора съ несеніемъ обязанностей предсѣдателя комитета и по городской думѣ, гдѣ намѣчалась моя кандидатура въ предсѣдатели, А. А. Демьяновъ отвѣтилъ, что лично онъ не находитъ къ этому препятствій, пока сама жизнь не обнаружитъ неудобства такого совмѣщенія. Впослѣдствіе жизнь обнаружила такое «неудобство», и я отказался отъ званія предсѣдателя городской думы, когда она была возстановлена въ своихъ правахъ Добровольческой Арміей.

Нѣкоторое время вступленіе мое въ должность задерживалось возложенными на меня обязанностями предсѣдателя комиссіи по выборамъ въ Учредительное Собраніе и лишь послѣ того, какъ я былъ освобожденъ по моей просьбѣ отъ этой срочной работы, я могъ приступить къ фактическому несенію обязанностей прокурора. Власть и сфера дѣятельности прокурора въ это время значительно расширились съ изданіемъ закона отъ 11 апрѣля 1917 г. объ отмѣнѣ административныхъ гарантій. Законъ этотъ предоставлялъ власти прокурора возбуждать уголовное преслѣдованіе противъ должностныхъ лицъ, укрытыхъ ранѣе всякаго рода гарантіями должностного иммунитета. Вмѣстѣ съ тѣмъ возвращеніе юстиціи къ незыблемымъ принципамъ судебныхъ уставовъ 1864 г. обѣщало, казалось, превратить прокурора въ слугу закона, но не слугу кого-либо другого. Но это только казалось. Прокуроромъ одной изъ сосѣднихъ съ Новочеркасской судебныхъ палатъ былъ изданъ замѣчательный въ исторіи прокуратуры циркуляръ о необходимости для прокурорскаго надзора дѣйствовать въ полномъ контактѣ съ возникшими демократическими организаціями. Этого ужъ, конечно, творцы судебныхъ уставовъ не предвидѣли. Не предвидѣли они и возможности такого совѣщанія судебныхъ дѣятелей, на которомъ обсуждался вопросъ о примѣненіи въ гражданскихъ судахъ 279 ст. воинскаго устава, что имѣло мѣсто уже въ дни Добровольческой Арміи.

Больше всего поводовъ для попытокъ къ «контакту» съ прокурорскимъ надзоромъ давала демократическимъ организаціямъ новелла Временнаго Прави-

тельства отъ 17 марта, въ части ея, касающейся предоставленія лицамъ, впавшимъ въ преступленіе, искупить свою вину на фронтѣ. Порядокъ примѣненія этого условнаго освобожденія былъ простъ: подавшія такое заявленіе лица автоматически освобождались прокурорскимъ надзоромъ. Но не такъ просто было вернуть этихъ лицъ въ прежнее тюремное состояніе, когда они, смѣнивъ арестантскій халатъ на воинскую одежду, дезертировали на мѣста. Арестъ ихъ обычно вызывалъ жалобу арестованнаго въ совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, а оттуда запросъ, на какомъ основаніи арестованъ товарищъ такой-то, а затѣмъ слѣдовалъ рядъ новыхъ заявленій арестованнаго о его желаніи искупить вину на фронтѣ и запросы совдепа, почему такой-то не освобождается. Въ одномъ изъ своихъ обычныхъ докладовъ мѣстный начальникъ уголовнаго розыска сообщилъ мнѣ, что въ пригородное село Михайловское прибылъ съ фронта условно освобожденный изъ тюрьмы каторжанинъ Абрамовъ, угрожающій свести кое съ кѣмъ старые счеты. Получивъ дополнительно изъ волостного правленія справку, что Абрамовъ проживаетъ внѣ своей воинской части по просроченному отпускному свидѣтельству, я составилъ постановленіе о возвращеніи его въ прежнее состояніе каторжанина. Заключенный въ тюрьму Абрамовъ поднялъ бучу чрезъ мѣстный совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, но мой отказъ совѣту въ признаніи его права на вмѣшательство въ распоряженіе прокурорскаго надзора установилъ въ дальнѣйшемъ такой порядокъ, что жалобы, поступавшія на меня въ совѣтъ, присылались мнѣ совѣтомъ при надписи «на распоряженіе», а я ихъ препровождалъ въ порядкѣ, указанномъ въ законѣ для жалобъ, по принадлежности, сообщая объ этомъ жалобщику. Но одинъ разъ мнѣ пришлось непосредственно выступить предъ совѣтомъ по слѣдующему поводу.

Ко мнѣ въ служебный кабинетъ явился юный солдатъ, конвоирующій уже не молодого, очень встревоженнаго интеллигента. Изъ опроса ихъ выяснилось, что молодая дѣвица Ю., одѣтая въ солдатскую форму, — «такъ лучше ѣздить по желѣзной дорогѣ», заявила она, — встрѣтила въ вагонѣ раненаго солдата, ѣхавшаго въ одиночномъ порядкѣ въ лазаретъ въ г. Ставрополь. Она убѣдила раненаго, что будетъ лучше, если онъ поѣдетъ не въ Ставрополь, а въ родное село, перегрузила его изъ вагона въ телѣгу и провезла его по грунтовой дорогѣ въ сел. Ладовскую Балку. Тамъ, явившись на амбулаторный пріемъ, кстати сказать, единственнаго на все село врача, потребовала, чтобы врачъ принялъ раненаго въ амбулаторію на излѣченіе. Какъ ни доказывалъ врачъ, что раненаго необходимо отправить въ лазаретъ, дѣвица Ю. не унималась и наконецъ заявила врачу, что онъ «арестованъ» и предложила ему слѣдовать за собой.

— А что же вы сдѣлали съ раненымъ? — спросилъ я.

— Оставила его въ селѣ. Не трясти же его опять 30 верстъ въ телѣгѣ, бойко отвѣтила дѣвица.

Врачъ послушно прослѣдовалъ за дѣвицей Ю. сначала 30 верстъ въ телѣгѣ, потомъ около 100 верстъ поѣздомъ и явился вмѣстѣ съ ней ко мнѣ въ прокурорскій кабинетъ.

— Ну, а теперь, что вы скажете? обратился я къ врачу, когда дѣвица Ю. окончила свой разсказъ.

— Да что же, я, право, не виноватъ. Вѣдь не могу же я держать въ амбулаторіи раненаго съ раздробленіемъ кости.

— Жалобъ вы никакихъ не заявляете?

— Нѣтъ что же, ѣхали мы мирно.

— Ну, а желаніе ваше каково?

— Да что жъ, право я ужъ и не знаю. — Онъ покосился на дѣвицу-солдата. — Поступите по закону, г. прокуроръ.

Я, наконецъ, не выдержалъ и выразилъ удивленіе «арестованному», какъ онъ, уже не молодой человѣкъ, по капризу подростка бросилъ село съ населеніемъ въ 20 тысячъ человѣкъ безъ медицинской помощи и, въ качествѣ добровольца-арестованнаго, явившись за 130 верстъ отъ мѣста службы въ кабинетъ прокурора, даже не имѣетъ сдѣлать никакихъ заявленій. —

— Потрудитесь немедленно вернуться къ мѣсту службы — обратился я къ врачу, — а васъ, заявилъ я дѣвицѣ Ю., я принужденъ задержать.

— Нѣтъ, ради Бога, этого не дѣлайте, — взмолился врачъ, — лучше арестуйте меня, я вѣдь не жалуюсь.

Я еще разъ въ болѣе настойчивой формѣ потребовалъ подъ угрозой, возбудить противъ него преслѣдованіе, чтобы онъ немедленно отправился къ мѣсту своей службы. Врачъ вышелъ, но черезъ нѣкоторое время вернулся ко мнѣ въ кабинетъ и нерѣшительно присѣлъ на краюшекъ стула у двери.

Дѣвица Ю. потребовала у меня бумаги, чтобы написать на меня жалобу въ совѣтъ. Я далъ ей листъ бумаги, но предупредилъ, что предварительно просмотрю ея жалобу, чтобы она, въ силу своей молодости, не создала себѣ неловкаго положенія. Жалоба ея начиналась словами: «какой-то . . ., — дальше стояло не литературное выраженіе, — арестовалъ меня за то, что я арестовала саботажника врача, отказавшагося лѣчить раненаго».

— Сколько вамъ лѣтъ, — задалъ я вопросъ.

— А вамъ зачѣмъ это? — Ну, семнадцать . . .

— Какое учебное заведеніе вы окончили?

— Гимназію. А что?

— Не кажется ли вамъ тонъ вашей жалобы неподходящимъ ни къ вашему возрасту, ни положенію дѣвушки, окончившей гимназію? Вы изложите подробно фактическую сторону дѣла безъ рѣзкихъ выраженій, оскорбляющихъ меня, какъ должностное лицо, и я немедленно отправлю ее по назначенію.

— Нѣтъ, я отправлю ее сама!

Въ коридорѣ, какъ оказалось, ее ожидали два солдата, которымъ она, съ моего разрѣшенія, и вручила жалобу, написанную на этотъ разъ безъ неприлично-грубыхъ выраженій. Я принялся было писать постановленіе о ея арестѣ, какъ она вдругъ обратилась ко мнѣ:

— Послушайте, дайте мнѣ рубль, я хочу послать за шоколадомъ . . .

— Разрѣшите, я принесу шоколаду, — привсталъ съ своего стула врачъ, о пребываніи котораго въ кабинетѣ я было забылъ.

Я не могъ не улыбнуться и . . . бросилъ писать постановленіе. Когда врачъ вышелъ я поднялъ глаза на дѣвушку, ходившую нервными шагами изъ угла въ уголъ моего кабинета. Въ это время раздался звонокъ по телефону. Предсѣдатель совѣта солдатскихъ депутатовъ просилъ меня прибыть, если можно сейчасъ же, въ засѣданіе совѣта, гдѣ разсказываютъ что-то невѣроятное о происходящемъ у меня въ кабинетѣ. Я обѣщалъ прійти. Дѣвица Ю. догадалась, что меня требуютъ въ совѣтъ.

— Надѣюсь, вы сообщите мнѣ постановленіе совѣта? — спросила она.

— Будьте покойны, сообщу, а вы ужъ потрудитесь подождать меня здѣсь, въ кабинетѣ.

Когда я вошелъ въ засѣданіе совѣта, я засталъ конецъ обсужденія внѣочередного заявленія о невѣроятномъ проявленіи мною контръ-революціонныхъ и . . .

имперiалистическихъ навыковъ. Когда говорившiй окончилъ свою рѣчь, я попросилъ огласить жалобу, подтвердилъ фактическую сторону ея содержанiя и затѣмъ задалъ собравшимся вопросъ, изъ-за чего меня оторвали отъ служебныхъ занятiй? Хотятъ ли мнѣ собравшiеся указать, что каждой 17-лѣтней дѣвушкѣ принадлежитъ право ареста, то самое право, которое обставлено строгими рамками и для лицъ, на то закономъ уполномоченныхъ? Или мнѣ заявятъ здѣсь, что правильно арестованъ врачъ, единственный въ селѣ, и что молодая дѣвица въ правѣ лишить по своему капризу 20 тысячное населенiе медицинской помощи? Для чего же вамъ тогда писать законы, если вы хотите управляться на твердомъ основанiи капризовъ несовершеннолѣтнихъ ребятъ? — спросилъ я.

Послѣ прекращенiя пренiй было принято предложенiе просить меня, въ виду несовершеннолѣтiя Ю., взамѣнъ заключенiя ея подъ стражу препроводить ее по мѣсту жительства подъ надзоръ родителей. Я попросилъ мнѣ выдать копiю этого постановленiя. Когда я вернулся къ себѣ въ кабинетъ, я засталъ дѣвицу Ю. и врача мирно кушающими шоколадъ. При моемъ появленiи дѣвица Ю. порывисто поднялась съ мѣста.

— Ну что же совѣтъ постановилъ?

Я протянулъ ей копiю постановленiя. Она быстро пробѣжала ее, посмотрѣла на меня глазами, полными слезъ, и быстро проговорила:

— Это хуже тюрьмы.

Я выслалъ врача изъ кабинета, усадилъ ее и спросилъ: неужто она и теперь не понимаетъ, какъ она согрѣшила противъ этого, уже не молодого врача, противъ раненаго, котораго она бросила на произволъ судьбы и противъ населенiя, которое она лишила медицинской помощи. А вѣдь тамъ, гдѣ живутъ 20 тысячъ людей, каждый часъ, каждую минуту можетъ потребоваться срочная помощь врача, безъ которой погибнетъ больной или пострадавшiй отъ несчастнаго случая. Кто приметъ на себя грѣхъ за это? За что, наконецъ, вы оскорбили меня? — спросилъ я. Неужто только за то, что на меня возложено закономъ оберегать населенiе отъ такихъ необдуманныхъ шаговъ, какъ вашъ? Перемѣните этотъ, такъ не идущiй къ вамъ, солдатскiй костюмъ и дайте мнѣ слово, что никогда болѣе не будете злоупотреблять ни этимъ костюмомъ, ни не принадлежащимъ вамъ правомъ. А теперь, прощайте.

Я протянулъ ей руку, она нерѣшительно пожала ее и быстро вышла изъ кабинета.

Послѣ этого эпизода не было болѣе случаевъ вмѣшательства въ мои дѣйствiя извнѣ, вплоть до того момента, когда я былъ арестованъ матросами-большевиками, принужденъ былъ бѣжать изъ Ставрополя, а потомъ, по вступленiи въ городъ Добровольческой Армiи попалъ въ управленiе поистинѣ Щедринскаго генералъ-губернатора Уварова.

X

Отзвуки октябрьскаго переворота. Безуспѣшное будированiе большевиковъ. Появленiе 39 дивизiи. Разгромъ винныхъ складовъ. Проектъ созыва народнаго собранiя. Въ комиссiи по созыву. Срывъ Народнаго Собранiя.

Октябрьскiй захватъ власти большевиками почти ничѣмъ внѣшне не отразился на жизни Ставропольской губернiи. Тщетно мѣстные большевики, значительно поднявшiе голову послѣ переворота въ центрѣ, почти въ каждомъ засѣданiи совѣ-

товъ вносили предложеніе о передачѣ власти совѣтамъ, — огромное совѣтское большинство опрокидывало это предложеніе до тѣхъ поръ, пока Ставропольская губернія, окруженная со всѣхъ сторонъ казачьей территоріей, не явилась мѣстомъ водворенія наиболѣе большевистски настроенныхъ воинскихъ частей, отчасти продвигавшихся съ фронта, отчасти проталкивавшихся казаками съ своихъ территорій. Первымъ незваннымъ гостемъ, положившимъ начало водворенію въ губерніи разложившихся частей былъ 111 запасный полкъ съ своимъ комиссаромъ студентомъ Анисимовымъ во главѣ, сыгравшимъ такую печальной памяти роль въ чеченско-казачьей стычкѣ, послѣ чего полкъ этотъ поспѣшилъ покинуть предѣлы Терской области. Слѣдомъ за 111-мъ полкомъ стали расквартировываться въ губерніи части 39 дивизіи, скоро выведшія жизнь изъ прежней болѣе или менѣе спокойной нормы. Положеніе въ губерніи власти, не признающей центральной власти большевиковъ, утратившей центръ послѣ паденія Временнаго Правительства, окруженной со всѣхъ сторонъ казачьими областями, въ которыхъ быстрѣе, чѣмъ въ губерніи, намѣчался распадъ, при заполненности губерніи большевистскими частями, обладающими въ изобиліи оружіемъ, дѣлалось совершенно исключительнымъ. Чтобы хоть сколько-нибудь оттянуть осуществленіе военной диктатуры явившихся въ губернію частей, возникла мысль о созывѣ губернскаго народнаго собранія, на вотумѣ и признаніи котораго власть разсчитывала построить основаніе своего дальнѣйшаго существованія. Побудили поспѣшить съ осуществленіемъ этого плана начавшіеся вскорѣ послѣ появленія 39 дивизіи разгромы винныхъ складовъ, въ томъ числѣ и въ Ставрополѣ, создававшіе жуткую картину разгула почувствовавшей свою силу черни. Въ Ставрополѣ разгромъ виннаго склада, если не ошибаюсь, произошелъ въ ночь на 29 ноября 1917 г. и окончательно убѣдилъ и населеніе, и власть въ полномъ безсиліи передъ вооруженною военною чернью, ставшую въ эту пьяную ночь господиномъ положенія.

Для разработки вопроса о созывѣ общегубернскаго народнаго собранія была организована особая комиссія, куда вошли представители отъ общественнаго самоуправленія, демократическихъ и профессіональныхъ организацій и отъ всѣхъ партій, до большевиковъ включительно. Повидимому всѣхъ, въ томъ числѣ и большевиковъ, объединяло одно общее опасеніе передъ надвинувшейся военной анархіей, которая уже явила знаменіе будущаго въ пьяную ночь разгрома складовъ. По мысли, принятой въ комиссіи, ядро народнаго собранія должно было составиться изъ губернскаго земскаго собранія, расширеннаго представительствомъ отъ волостныхъ земскихъ единицъ, представительствомъ городскихъ самоуправленій, совѣтовъ, профессіональныхъ организацій и партій. Назначенъ былъ срокъ созыва собранія на 30 декабря 1917 г. и срочно оповѣщено объ этомъ населеніе губерніи. Насколько всѣхъ объединяла мысль объ общей надвигающейся опасности, можно было судить по тому, что всѣ доклады, предполагаемые къ внесенію въ народное собраніе, обсуждались почти безъ преній и принимались почти единогласно. Въ числѣ предполагаемыхъ докладовъ были: о конструкціи власти, приходо-расходная смѣта губерніи и о заключеніи соглашенія съ сосѣдними областями, объ организаціи Юго-Восточнаго союза. Конструкція власти предполагалась въ слѣдующемъ видѣ. Во главѣ управленія стоитъ административное лицо съ функціями, мало отличающимися отъ прежнихъ функцій губернскаго комиссара Временнаго Правительства, съ совѣтомъ при немъ изъ 7 лицъ, являющимися въ то же время начальниками вѣдомствъ. Ландтагомъ въ губерніи является расширенное земское собраніе съ увеличеннымъ представительствомъ отъ волостныхъ

земствъ * и городскихъ самоуправленій, надѣленныхъ, какъ и волостныя земства, не только хозяйственными, но и функціями управленія. Даже проектъ соглашенія съ казаками объ организаціи Юго-Восточнаго союза, не взирая на будированіе большевиковъ, былъ принятъ для внесенія въ народное собраніе всѣми голосами комиссіи при двухъ воздержавшихся большевикахъ.

Но ни одному изъ этихъ докладовъ не суждено было получить жизнь на народномъ собраніи. 30 декабря 1917 г. недавно прибывшія въ городъ и губернію воинскія части заполнили своими представителями сначала созванный по иниціативѣ с.-р. крестьянскій съѣздъ, захватили для занятій послѣдняго обширную залу 1-ой мужской гимназіи, гдѣ должно было открыться Народное собраніе, потребовали перенесенія его открытія на 31 декабря, а затѣмъ провозгласили себя членами народнаго собранія. Стало совершенно очевиднымъ, что народное собраніе въ предполагавшейся конструкціи сорвано.

Тѣмъ не менѣе была сдѣлана попытка установить на собраніи хоть элементарный порядокъ и ввести его въ русло намѣченной программы обсужденія вопросовъ. Открывшій собраніе губернскій комиссаръ Д. Д. Старлочановъ, изложивъ мотивы созыва собранія, принятую комиссіей конструкцію его и списокъ вносимыхъ на собраніе докладовъ, предложилъ собранію, по избраніи временнаго президіума, приступить къ повѣркѣ полномочій членовъ собранія. Но по предложенію избраннаго предсѣдателемъ собранія комиссара 111 полка Анисимова, порядокъ этотъ былъ опрокинутъ принятымъ рѣшеніемъ приступить въ первую очередь къ реконструкціи собранія путемъ устраненія изъ собранія цензовыхъ и «контръ-революціонныхъ» элементовъ. Въ первую очередь были лишены права рѣшающаго голоса члены комиссіи по созыву этого собранія, затѣмъ проведена партійная демаркаціонная линія съ устраненіемъ отъ участія въ собраніи не только всѣхъ несоціалистическихъ партій, но даже народныхъ соціалистовъ, взятыхъ на этотъ счетъ въ подозрѣніе. Дальше уже пошли чисто анекдотическіе курьезы. Однимъ изъ участниковъ предлагалось лишить представительства учительскій союзъ, ибо «гимназіи — это барская затѣя, а школы, извѣстно, отъ земства», другимъ участникомъ предлагалось исключить союзъ почтовыхъ служащихъ, такъ какъ посылки на почтѣ пропадаютъ и кромѣ того приходится долго стоять въ очереди. За то мѣстная фондовая биржа получила представительство послѣ разъясненія, что извозчики — народъ трудовой и зимою стоять «на биржѣ» холодно.

Всѣ голосованія производились подъ стукъ прикладовъ многочисленныхъ членовъ собранія, явившихся на него съ винтовками, и голоса возражавшихъ тонули въ этомъ шумѣ, умолкавшемъ точно по командѣ, когда выступалъ кто-либо изъ первенствующаго сословія большевиковъ или сочувствующихъ имъ.

Послѣ такой чистки собраніе приступило къ органической работѣ, не ожидая результатовъ повѣрки полномочій. Въ первую очередь было провозглашено упраздненіе навсегда земства въ Ставропольской губерніи **, затѣмъ былъ установленъ принципъ голосованія: «открытаго, съ устраненіемъ контръ-революціонныхъ элементовъ». Когда стрѣлка приблизилась къ 12 часамъ, предсѣдатель собранія Анисимовъ, прервавъ выступавшаго оратора, предложилъ привѣтство-

* Для волостныхъ земствъ предполагалось представительство непосредственное, минуя уѣздное представительство.

** Характерно отмѣтить, что прошло это постановленіе при участіи давнишняго земскаго служащаго А. А. Пономарева.

вать наступающій 1918 годъ провозглашеніемъ перехода власти къ совѣтамъ и огласилъ текстъ заготовленной депеши на имя центральнаго правительства совѣтовъ.

Тотчасъ же передъ зданіемъ собранія началась ружейная пальба, перекинувшаяся, точно по сигналу, на улицы города и не прекращавшаяся почти всю ночь.

Этой заключительной сценой, не лишенной театральнаго эффекта, закончился первый періодъ блужданія Ставропольской губерніи въ поискахъ власти и наступила эра совѣтскаго владычества, не продолжительнаго, впрочемъ, на этотъ разъ.

XI

Первые дни совѣтской власти. Забастовка служащихъ. Раритеты. Конструкція власти. Первый составъ сов. нар. ком. «Мирное житіе». Комиссары Юстиціи Тисленко и Гамаюнъ. Симбіозъ думы и совѣтской власти. Прапорщикъ Сохацкій. Походъ его на ген. Корнилова. Упраздненіе гор. думы. Два послѣднихъ засѣданія. Нѣсколько словъ о Л. С. Миркинѣ и А. А. Чернышевѣ.

Въ ночь на 1 января 1918 г., вслѣдъ за провозглашеніемъ совѣтской власти, рабоче-солдатскими отрядами въ Ставрополѣ были заняты почтово-телеграфная контора, банки, казначейство и прежній губернаторскій домъ, гдѣ въ спѣшномъ порядкѣ обсуждался вопросъ о сформированіи перваго совѣта народныхъ комиссаровъ.

Но фактическій срывъ Народнаго Собранія, устраненіе отъ участія въ немъ значительнаго числа профессіональныхъ группъ и захватъ помѣщеній почты, телеграфа и кредитныхъ учрежденій вызвали уже 2 января столь единодушный протестъ со стороны всѣхъ безъ исключенія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, что предсѣдатель совѣта народныхъ комиссаровъ А. А. Пономаревъ принужденъ былъ гарантировать стачечному комитету служащихъ дальнѣйшее невмѣшательство совѣтской власти въ обычную работу учрежденій.

Данное А. А. Пономаревымъ обѣщаніе въ теченіе нѣкотораго времени выполнялось, и работа существующихъ учрежденій не только шла обычнымъ ходомъ, но изобиловала сплошь и рядомъ анекдотическими для совѣтской власти раритетами.

Такъ, напримѣръ, предсѣдатель совнаркома неизмѣнно требовалъ, чтобы во всѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ это по закону полагалось, присутствовалъ предводитель дворянства и ставилъ въ журналахъ свою подпись вслѣдъ за подписью предсѣдателя совнаркома, чтобы предсѣдателя совнаркома титуловали во всѣхъ бумагахъ, исходившихъ изъ губернскаго правленія и присутствія «вашимъ превосходительствомъ» и т. д.

Но все это продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока самъ предсѣдатель совнаркома Пономаревъ не былъ арестованъ «малой коллегіей», а затѣмъ въ спѣшномъ порядкѣ покинулъ предѣлы своего воеводства.

На губернскомъ собраніи, продолжавшемъ свои занятія еще нѣкоторое время послѣ провозглашенія совѣтской власти, была сдѣлана попытка конструировать власть на основаніи особой конституціи, предложенной большевиками. Схема этой конституціи была такова.

Высшимъ законодательнымъ органомъ въ губерніи является съѣздъ совѣтскихъ уполномоченныхъ, сессіи котораго должны происходить ежемѣсячно. Съѣздъ выдѣляетъ изъ себя исполнительный комитетъ съ зафиксированнымъ количествомъ депутатовъ отъ крестьянъ, солдатъ и рабочихъ, а исполнительный комитетъ конструируетъ совѣтъ народныхъ комиссаровъ и является органомъ контроля надъ послѣднимъ. Присутствовавшіе на губернскомъ собраніи крестьяне настаивали на пропорціональномъ представительствѣ въ исполнительномъ комитетѣ, но большевики, учтя, что значило бы пропорціональное представительство въ губерніи, гдѣ на милліонъ крестьянъ насчитывалось около 1500 зарегистрированныхъ фабричной инспекціей рабочихъ и нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, добились предоставленія крестьянамъ небольшого относительнаго перевѣса предъ рабочей и солдатской куріями исполнительнаго комитета, сорганизовали послѣднія, не ожидая пополненія его крестьянской куріей, и провели черезъ исполнительный комитетъ первый составъ совнаркома, поправъ, такимъ образомъ, собственную конституцію, только что выработанную на собраніи.

Въ составъ перваго Ставропольскаго совнаркома вошли, насколько припоминаю, слѣдующія лица: предсѣдателемъ — А. А. Пономаревъ, завѣдующій отдѣломъ статистики губернскаго земства, юристъ по образованію, комиссаромъ юстиціи — сельскій ходатай Тисленко, военнымъ комиссаромъ — призванный на военную службу артистъ изъ труппы народнаго дома Мирошниченко, комиссаромъ путей сообщенія — желѣзнодорожный десятникъ Петровъ, комиссаромъ народнаго здравія — сапожный мастеръ (фамиліи не помню). Портфели финансовъ и труда были предложены меньшевикамъ Ратнеру и Дубянскому, но они оба это предложеніе отклонили.

Нѣсколько позднѣе въ составъ совнаркома вошла комиссаромъ просвѣщенія Марія Вальяно, выѣхавшая для поступленія на курсы, гдѣ ее и застало предложеніе стать во главѣ вѣдомства просвѣщенія.

Почти одновременно организовались и уѣздные комиссаріаты, имѣвшіе въ своемъ составѣ комиссаровъ различныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и комиссаровъ юстиціи.

Какъ я указывалъ выше, первые мѣсяцы существованія совнаркома, пока совѣтская власть, оторванная отъ центра, получала въ лицѣ мѣстныхъ людей по методу нагляднаго обученія жизненный опытъ, было сравнительно «мирное житіе», почти ничѣмъ не отличавшееся отъ предыдущаго періода переходнаго времени.

Комиссары были скромны и почти не вмѣшивались въ жизнь вѣдомствъ, аресты были рѣдкимъ явленіемъ и кончались сплошь и рядомъ освобожденіемъ, иногда за соотвѣтствующую мзду, безъ предъявленія какого бы то ни было обвиненія. Такъ былъ освобожденъ изъ Ставропольской тюрьмы астраханскій калмыцкій воевода кн. Тундутовъ, задержанный было красноармейскимъ отрядомъ при переходѣ въ Донскую область.

Губернскій комиссаръ юстиціи Тисленко, малограмотный сельскій ходатай, не торопился съ преобразованіемъ судебныхъ мѣстъ, отговариваясь на очередныхъ съѣздахъ совѣтовъ невозможностью получить соотвѣтствующіе законы изъ центра, но подъ напоромъ направлявшихся по его адресу запросовъ, сдѣлалъ попытку проконтролировать дѣйствія суда.

Какъ-то въ служебные часы въ прокурорскомъ кабинетѣ мой курьеръ доложилъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть Тисленко.

— Въ родѣ, какъ наше начальство, — добавилъ онъ, улыбаясь.

Когда я вышелъ въ коридоръ, комиссаръ юстиціи, нескладно и путаясь въ словахъ, заявилъ, что онъ хотѣлъ бы принять участіе въ сессіи присяжныхъ засѣдателей, начавшейся въ судѣ.

— Какъ принять участіе, — удивился я, вѣдь вы же въ списокъ присяжныхъ не попали?

— Нѣтъ, я вѣдь хотѣлъ бы сидѣть съ судомъ.

— То-есть за столомъ съ судьями?

— Да, за столомъ, — отвѣтилъ онъ смущенно.

— Тогда обратитесь къ предсѣдательствующему, всѣ распоряженія по засѣданію по закону исходятъ онъ него.

Предсѣдательствующій объяснилъ комиссару, что за судейскимъ столомъ сидятъ только судьи, а, если онъ вообще хотѣлъ бы присутствовать при разборѣ дѣлъ, то судъ у насъ гласный.

— Обратитесь къ судебному приставу, онъ отведетъ вамъ мѣсто въ публикѣ, — добавилъ предсѣдатель.

— Нѣтъ, я въ публикѣ не хотѣлъ бы. Нельзя ли за столомъ? — упорствовалъ, хотя и не безъ смущенія, комиссаръ.

Присутствовавшій при этомъ разговорѣ молодой товарищъ прокурора, знавшій Тисленко, въ качествѣ деревенскаго ходатая, не удержался отъ язвительнаго замѣчанія, что для комиссара, разъ онъ не желаетъ сидѣть въ публикѣ, можно было бы отвести мѣсто вотъ тамъ, — онъ указалъ на скамью подсудимыхъ, — но мѣсто это будетъ сейчасъ занято «товарищами конокрадами».

Въ концѣ концовъ, комиссаръ юстиціи помирился на томъ, что ему поставили мягкое кресло около пюпитра секретаря, а на слѣдующемъ съѣздѣ совѣтовъ доложилъ, что онъ принималъ участіе въ судѣ и вынесъ впечатлѣніе, что судятъ «правильно».

Черезъ нѣкоторое время, когда, по выраженію того же Тисленко, изъ Москвы былъ полученъ «мѣшокъ законовъ», и среди этихъ законовъ декретъ о преобразованіи суда, Тисленко былъ замѣненъ на посту комиссара юстиціи Гамаюномъ, дѣлопроизводителемъ Александровскаго уѣзднаго съѣзда.

Вскорѣ по вступленіи въ должность, Гамаюнъ предложилъ чинамъ судебнаго вѣдомства обсудить, въ качествѣ «legis ferendae», декретъ центральной власти о преобразованіи суда. Состоявшееся соединенное совѣщаніе судей общихъ мѣстъ и мировыхъ, прокурорскаго надзора, слѣдователей и адвокатуры высказало единодушный взглядъ о невозможности отправленія правосудія при замѣнѣ такого совершеннаго памятника, какъ судебные уставы, совершенно неудовлетворительнымъ проектомъ судебнаго кодекса, упраздняющаго основные элементы судебнаго правосудія. Послѣ этого было объявлено, что комиссаріатомъ юстиціи будетъ выработанъ свой декретъ, а затѣмъ дѣйствительно былъ присланъ, уже въ качествѣ «legis latae», декретъ о судѣ, выработанный Гамаюномъ. Въ декретѣ этомъ, за небольшими исключеніями, изложено было собственными словами то, что имѣлось и въ декретѣ московскомъ. Отступленіемъ отъ московскаго декрета являлось то, что прокурорскій надзоръ упразднялся, но прокуроръ декретомъ сохранялся. Окружный судъ сообщилъ представителю комиссаріата, что совѣщаніе судебныхъ дѣятелей уже высказалось за необходимость сохраненія судебныхъ уставовъ 1864 г. и полагаетъ, что было бы цѣлесообразнѣе просто упразднить судебныя мѣста, чѣмъ создавать суррогатъ правосудія, предлагаемый декретомъ. Послѣ этого Гамаюномъ было предложено пред-

сѣдателю суда отобрать отъ всѣхъ чиновъ суда подписку, желаютъ ли они подчиниться декрету и предложить имъ подать персональныя заявленія о желаніи служить совѣтской власти. За исключеніемъ двухъ-трехъ лицъ, никто такихъ заявленій не подалъ въ указанный комиссаріатомъ срокъ. Срокъ былъ продленъ, но заявленій болѣе не поступало.

Гамаюнъ предложилъ управляющему казенной палатой не удовлетворять требовательныхъ вѣдомостей суда и мирового съѣзда, не скрѣпленныхъ его подписью, и закрылъ оплату содержанія административному и регистраціонному отдѣленіямъ суда, какъ упраздненнымъ декретомъ совѣтской власти.

Въ маѣ поступила въ судъ бумага совнаркома о воспрещеніи предсѣдателю, прокурору и членамъ суда посѣщать тюрьму, вскорѣ былъ арестованъ тов. прокурора Н. А. Русановъ, но по моему требованію былъ освобожденъ, а затѣмъ, нѣсколько дней спустя, ночью былъ арестованъ и я.

Своеобразный симбіозъ существовалъ у совѣтской власти съ органами ставропольскаго городского самоуправленія. Круто расправившись съ земствомъ, совнаркомъ болѣе трехъ мѣсяцевъ не посягалъ на существованіе Ставропольской Городской Думы, которая въ первые же дни провозглашенія совѣтской власти обратилась къ населенію съ печатнымъ приглашеніемъ не признавать власти захватчиковъ и затѣмъ не упускала случая демонстрировать это отношеніе въ каждомъ своемъ засѣданіи.

Отдѣльныя лица изъ большевистской молодежи дѣлали попытки сорвать думскія засѣданія, но онѣ кончались обычно не безъ ущерба для престижа этихъ же лицъ. Такая попытка прекратить вольнодуміе гласныхъ была сдѣлана прапорщикомъ Сохацкимъ, пріобрѣтшимъ затѣмъ извѣстность своимъ неудавшимся походомъ на ген. Корнилова. Явившись въ думское засѣданіе съ группой солдатъ, онъ громко анонсировалъ свое намѣреніе сорвать думское засѣданіе, если на немъ будетъ допущена критика дѣйствій совѣтской власти.

Во время думскаго засѣданія онъ сидѣлъ въ фуражкѣ, щелкалъ подсолнухи и громко разговаривалъ. Прервавъ засѣданіе, я обратилъ вниманіе гласныхъ, что въ залѣ засѣданія присутствуютъ лица, повидимому не отдающія себѣ отчета, гдѣ они находятся, и мѣшающія нормальному ходу занятій. Мнѣ остается просить ихъ покинуть залу засѣданія.

— Господинъ Сохацкій, я имѣю въ виду васъ и вашихъ товарищей.

Сохацкій быстро поднялся съ своего мѣста и двинулся по направленію къ столу, гдѣ я сидѣлъ. Я въ свою очередь вышелъ изъ-за стола навстрѣчу ему и, показывая рукой на дверь, почти крикнулъ:

— Выходная дверь тамъ, г. Сохацкій.

Онъ нѣсколько мгновеній поколебался, затѣмъ круто повернулся, бросилъ на ходу фразу, смыслъ которой былъ, что это мнѣ такъ не пройдетъ, и быстро вышелъ изъ залы засѣданій, а за нимъ и его военная группа товарищей.

Отвѣтственное порученіе «ликвидировать» ген. Корнилова и его армію, при выходѣ ея изъ Ростова, вѣроятно, поглотило въ его памяти этотъ незначительный эпизодъ и никакихъ встрѣчъ и разговоровъ съ Сохацкимъ у меня уже болѣе не было. Провожали Сохацкаго и его отрядъ въ этотъ походъ очень торжественно, съ освященіемъ знаменъ, парадомъ и рѣчами у помѣщенія совнаркома, но изъ похода вернулся этотъ Мальбрукъ очень сконфуженнымъ, а затѣмъ былъ преданъ военно-революціонному трибуналу по обвиненію въ томъ, что, увлекшись грабежомъ въ Батайскѣ, проворонилъ вмѣстѣ съ своей арміей вы-

ходъ генерала Корнилова изъ Ростова. Въ срединѣ марта было объявлено о предполагающейся замѣнѣ органовъ городского самоуправленія муниципальнымъ совѣтомъ и совѣту депутатовъ предложено было намѣтить составъ муниципальнаго совѣта. Подавляющее число намѣченныхъ кандидатовъ было совершенно неизвѣстными населенію лицами и поэтому ихъ предварительно рекомендовали собранію, причемъ рекомендація эта иногда буквально сводилась къ слѣдующему:

— Предлагаю товарища Хорошеву. Она хоть очень молода, но за послѣдніе мѣсяцы полѣвѣла, перейдя отъ меньшевиковъ сначала въ интернаціоналисты, а потомъ въ большевики, и будетъ полезна населенію.

Или такъ: предлагаю товарища Рашкина, хотя онъ по профессіи часовщикъ, но очень преданъ совѣтской власти . . .

Въ срединѣ марта послѣдовалъ декретъ объ упраздненіи органовъ городского самоуправленія и о замѣнѣ ихъ муниципальнымъ совѣтомъ. Вслѣдъ за этимъ въ городскую управу, въ сопровожденіи военнаго отряда, явился помощникъ коменданта К. С. Бѣлецкій и потребовалъ отъ городской управы сдачи дѣлъ и цѣнностей. Городская управа отказалась это выполнить и составъ ея былъ объявленъ арестованнымъ. Меня увѣдомили объ этомъ по телефону и я, какъ предсѣдатель думы, а затѣмъ и старѣйшины думскихъ фракцій явились въ помѣщеніе управы и предложили присоединить насъ къ составу управы. Арестъ нашъ продолжался до вечера, когда послѣдовало распоряженіе о наложеніи печатей къ кассѣ и помѣщенію управы и объ удаленіи управы изъ помѣщенія. Присутствующими былъ составленъ актъ о насильственномъ захватѣ дѣлъ и имущества и указано, что въ ближайшіе дни все это будетъ доложено экстренному собранію думы. Въ отвѣтъ на это было объявлено, что засѣданіе упраздненной думы не можетъ состояться и стражѣ, находящейся у помѣщенія думы, отдано предписаніе ни въ коемъ случаѣ не допускать собранія гласныхъ.

Тѣмъ не менѣе въ воскресенье, 25 марта, состоялось предпослѣднее засѣданіе думы. Явившись въ думскій залъ въ составѣ значительно превышающемъ обычный кворумъ, гласные заняли свои мѣста, и засѣданіе было открыто докладомъ управы о происшедшемъ захватѣ имущества. Въ срединѣ этого доклада въ залу, запыхавшись, вбѣжалъ въ сопровожденіи солдатъ членъ исполнительнаго комитета Лупандинъ и потребовалъ прекращенія засѣданія.

На вопросъ, кѣмъ онъ уполномоченъ для закрытія думскаго засѣданія, Лупандинъ предъявилъ свою фотографическую карточку съ надписью на оборотѣ, что предъявитель — членъ исполнительнаго комитета, — а, когда ему было указано, что этого еще недостаточно, онъ быстро вышелъ и нѣкоторое время спустя явился въ сопровожденіи значительной группы вооруженныхъ солдатъ, часть которыхъ была въ состояніи явнаго опьяненія. Началась тяжелая сцена прицѣла въ гласныхъ, щелканья ружейными затворами, замахиванія прикладами и штыками, причемъ состояніе явнаго опьяненія нѣкоторыхъ изъ солдатъ создавало реальную угрозу роковыхъ случайностей.

При крайне напряженномъ нервномъ состояніи былъ объявленъ перерывъ думскаго засѣданія, и слѣдующее собраніе гласныхъ происходило уже въ помѣщеніи городской библіотеки. На этомъ послѣднемъ, въ періодъ владычества большевиковъ, засѣданіи былъ выработанъ текстъ обращенія думы къ городскому населенію и рѣшено было пріостановить работу органовъ городского самоуправленія до болѣе благопріятнаго времени.

Возобновлена была дѣятельность этихъ органовъ лишь въ іюлѣ 1918 г. по вступленіи въ Ставрополь отряда Добровольческой Арміи.

Посвящая эти строки описанію короткаго существованія Ставропольской городской думы, я не могу не упомянуть двухъ именъ: стойкаго и благороднаго лидера кадетской фракціи въ думѣ, товарища предсѣдателя думы Л. С. Миркина, погибшаго отъ сыпного тифа на врачебномъ посту при обслуживаніи лазаретовъ Добровольческой Арміи, и А. А. Чернышева, лидера умѣреннаго крыла фракціи с.-р., педагога-народника, отдававшаго почти все свое время и трудъ популярнымъ бесѣдамъ съ окраиннымъ населеніемъ. Онъ палъ одной изъ первыхъ жертвъ звѣрства большевиковъ. Судебно-медицинскій актъ установилъ свыше тридцати ранъ прижизненнаго происхожденія. И даже послѣ его мученической смерти жестокая толпа окраинныхъ бабъ пыталась выбросить изъ гроба его изуродованное тѣло, когда, отыскавъ трупъ, вдова и дочь А. А. Чернышева везли его потаенно на кладбище.

Таковъ, быть можетъ. суровый рокъ и всей русской интеллигенціи . . .

XII

«Мирное житіе» совѣтской власти. Симптомы разложенія казачества. Насыщеніе губерніи разложившимися частями. Борьба съ крестьянами. Инструктора изъ центра. Два Коппэ. Эпизодъ съ Петербургскимъ градоначальникомъ ген. Балкомъ. Заложники. Встрѣча съ матросами. Столкновеніе съ Вальяно. Іудушки Головлевы. Арестъ предсѣдателя Совнаркома Пономарева и военнаго комиссара Мирошниченко.

Сравнительно «мирное житіе» въ первые два мѣсяца существованія въ Ставропольской губерніи совѣтской власти находило себѣ объясненіе въ особенностяхъ быта зажиточнаго крестьянства и территоріальнаго положенія губерніи, окруженной со всѣхъ сторонъ войсковыми землями Донского, Кубанскаго, Терскаго и Астраханскаго казачествъ.

Казалось, при такихъ условіяхъ, сами большевики, оторванные отъ центра, не вѣрили въ длительность своего существованія и старались быть скромными, поскольку это позволяло положеніе неопытнаго сѣдока на неосѣдланной взбѣсившейся лошади.

Но убійство въ срединѣ декабря 1917 г. на станціи Прохладной Терскаго атамана М. А. Караулова, безболѣзненный разгонъ Учредительнаго Собранія въ январѣ 1918 г., выстрѣлъ, положившій 28 января конецъ благородной жизни Донского атамана А. М. Каледина, уходъ въ ночь на 9 февраля въ неизвѣстномъ направленіи арміи ген. Корнилова, занятіе 11 февраля большевиствующими казаками Голубова столицы Дона, уходъ, наконецъ, объединеннаго Кубанскаго правительства и законодательной рады изъ Екатеринодара въ походномъ порядкѣ, — все это укрѣпляло временныя позиціи большевиковъ и вливало новую энергію въ ихъ стремленіе во что бы то ни стало удержаться у власти.

Понявъ еще въ концѣ 1917 г., какую роль могла бы сыграть по своему географическому положенію Ставропольская губернія, являющаяся тыловымъ центромъ четырехъ казачьихъ областей, большевики приложили всѣ усилія, чтобы направить именно туда большевистскія части съ Кавказскаго и другихъ фронтовъ и создать въ зажиточной губерніи вулканъ, лава котораго расплылась бы и на смежныя казачьи земли.

И въ этомъ отношеніи недальновидно помогли намѣренію большевиковъ сами казаки, проталкивая со всѣхъ сторонъ, какъ къ мѣсту свалки, въ Ставропольскую губернію, разложившіяся воинскія части и въ томъ числѣ пресловутую 39 дивизію, расположившуюся по линіямъ желѣзныхъ дорогъ Ставропольской губерніи.

Уже въ декабрѣ 1917 г. на территоріи губерніи почти одновременно съ раіонами Царицына и Грознаго изъ войскового состава Кавказскаго фронта начали формироваться большевистскія силы, власти которыхъ было отдано безоружное населеніе губерніи, непріемлющее большевизма, какъ таковаго, добровольно. Что крестьянское населеніе губерніи не склонно было отдаться не за страхъ, а за совѣсть въ руки воинствующаго большевизма, можно заключить хотя бы изъ эпизода, когда «малая коллегія» большевиковъ принуждена была окружить помѣщеніе мартовскаго—апрѣльскаго съѣзда совѣтовъ артиллеріей, чтобы добиться отъ съѣзда согласія на формированіе красной арміи. И эта сессія совѣтскихъ съѣздовъ, кажется, явилась гранью, вскрывшей для крестьянъ всю тяготу владычества большевиковъ.

Въ нѣкоторыхъ сёлахъ, какъ, напримѣръ, въ Воронцово-Александровскомъ, происходили самыя настоящія сраженія между крестьянскими совдепами и коммунистическими ячейками, результатомъ которыхъ являлись многочисленныя потери убитыми и ранеными съ той и другой стороны.

Кое-гдѣ начали организовываться партизанскіе отряды камышанниковъ, доставлявшіе много хлопотъ большевикамъ.

Разгульное, безхозяйственное поведеніе сельскихъ владыкъ-комиссаровъ не могло не вызывать возмущенія у степенныхъ, хозяйственныхъ мужиковъ, а такихъ въ губерніи было около 90%, — особенно опыты съ хищническимъ разбазариваніемъ культурныхъ племенныхъ разсадниковъ, въ результатѣ своемъ погубившимъ въ губерніи около 500 000 тонкорунныхъ мериносовыхъ овецъ на Старо-Зармутинской и Удѣльной степи.

Безсильное передъ вооруженной пришлой солдатчиной, коренное крестьянство, стиснувъ зубы, принуждено было терпѣливо ожидать конца этой напасти и жило прорывавшимися слухами о приближеніи легендарной, призрачной, крестоносной арміи, свершающей медленно, шагъ за шагомъ, свой побѣдоносный путь.

Условія, характеризовавшія положеніе совѣтской власти въ Ставропольской губерніи, не могли не внушать опасенія московскимъ политикамъ и канцлерамъ большевизма, и въ Ставропольскую губернію были направлены инструктора, на обязанности которыхъ лежало привести губернію въ надлежащій видъ.

Таинственно прибыли и поселились въ Ставрополѣ Коппэ-отецъ и Коппэсынъ, сорганизовавшіе вокругъ себя такъ называемую «малую коллегію», являвшуюся въ то же время и штабомъ красной арміи.

Очень характерно, что однимъ изъ первыхъ получилъ приглашеніе явиться въ этотъ штабъ потаенно проживавшій въ Ставрополѣ ген. Балкъ, бывшій Петербургскій градоначальникъ.

Перепуганный на смерть генералъ, къ своему удивленію, встрѣтилъ тамъ совершенно неожиданный предупредительный пріемъ.

— Ваша фамилія, спросили его.

— Балкъ!

— Генералъ Балкъ? Пожалуйте, Ваше превосходительство, внѣ очереди, васъ давно ждутъ.

Въ кабинетѣ Коппэ-отецъ предложилъ ген. Балку занять постъ завѣдующаго оперативнымъ отдѣломъ красной арміи и генералу пришлось притвориться совершенно утратившимъ слухъ, чтобы избѣжать этого назначенія. Вскорѣ на этотъ постъ былъ назначенъ ген. С. И. Рудневъ, впослѣдствіи командовавшій отрядомъ Добровольческой Арміи въ Дагестанѣ и казненный большевиками въ Баку.

Вмѣстѣ съ Коппэ въ Ставрополь просочилась значительная группа матросовъ, приступившая къ формированію батальона съ универсальнымъ названіемъ: конно-горно-морской.

Но главная работа матросовъ шла въ другой области. Въ поискахъ средствъ на существованіе, матросы, подъ видомъ карательныхъ экспедицій, совершали экспропріаторскіе набѣги и неустанно агитировали за необходимость устроить зажиточной буржуазіи «генеральный эксъ». Подъ вліяніемъ этой агитаціи совнаркомъ наложилъ на населеніе города, въ лицѣ зажиточныхъ классовъ, многомилліонную контрибуцію и до ея взноса заключилъ подъ стражу 80 заложниковъ.

Но напуганный развитіемъ дѣятельности конно-горно-морского батальона, составившаго для «генеральнаго экса» распредѣленіе города по кварталамъ, совнаркомъ внезапно арестовалъ главарей матросовъ и препроводилъ ихъ въ тюрьму для исключительно бдительнаго содержанія подъ стражей.

Одновременно была организована чрезвычайная слѣдственная комиссія съ М. Вальяно во главѣ, приступившая къ обслѣдованію дѣятельности вожаковъ конно-горно-морского батальона.

Однажды, при обходѣ мною тюрьмы, я зашелъ въ камеру, гдѣ содержались матросы и задалъ имъ обычный вопросъ, не имѣютъ ли они просьбъ, жалобъ или заявленій. Матросъ Игнатьевъ, обладавшій свирѣпой наружностью Малюты Скуратова, въ свою очередь спросилъ меня, на какомъ основаніи ихъ содержатъ въ тюрьмѣ хуже каторжниковъ, — безъ права свиданій, какихъ бы то ни было передачъ, прогулокъ и проч.

— За кѣмъ они числятся, — спросилъ я сопровождавшаго меня начальника тюрьмы.

— За чрезвычайной слѣдственной комиссіей совѣта народныхъ комиссаровъ.

— Видите, вашъ режимъ не отъ меня зависитъ, сказалъ я и спросилъ, нѣтъ ли еще какихъ вопросовъ.

— Спросить, что ли? — обратился Игнатьевъ къ товарищамъ. — Г. Прокуроръ у насъ сомнѣніе: отмѣнена или не отмѣнена смертная казнь.

Я разъяснилъ, что на фронтѣ смертная казнь возстановлена, а въ тылу при Временномъ Правительствѣ не примѣнялась. Но это при Временномъ Правительствѣ, — оговорился я.

— Все равно. Значитъ, насъ зря пугаютъ.

По выходѣ изъ камеры матросовъ я встрѣтилъ въ тюремномъ коридорѣ предсѣдательницу чрезвычайной комиссіи Вальяно, спросившую меня, на какомъ основаніи я былъ у совершенно секретныхъ преступниковъ.

Послѣ моего указанія, что для контроля прокурора не можетъ быть замковъ на камерахъ заключенныхъ, Вальяно что-то хотѣла возразить, но я прервалъ ее, указавъ, что неудобно въ тюремномъ коридорѣ, въ присутствіи тюремной стражи и слушающихъ изъ камеръ арестантовъ, вести диспутъ, что тюрьма прежде всего нуждается въ строгой дисциплинѣ, просилъ Вальяно пройти со мной въ тюремную контору, но Вальяно отказалась, заявивъ, что мною будетъ получена по этому вопросу особая бумага совнаркома.

Въ результатѣ этой встрѣчи и появилась въ судѣ бумага совнаркома о воспрещеніи посѣщать тюрьму прокурору, «предсѣдателю и членамъ суда».

Но такъ какъ въ тюрьмѣ въ это время содержались заложники и цѣлый рядъ арестованныхъ большевиками военныхъ, въ томъ числѣ и воинскій начальникъ А. А. Навроцкій, я, опасаясь, какъ бы надъ ними не было учинено какое-либо насиліе, старался ежедневно посѣщать тюрьму, контролируя тюремную администрацію, чтобы большевистскій караулъ внутрь тюремныхъ коридоровъ не допускался и чтобы внутреннее окарауливаніе камеръ неслось исключительно тюремной стражей.

Къ чести тогдашняго начальника тюрьмы, умершаго затѣмъ отъ сыпного тифа, С. З. Дейниковскаго, слѣдуетъ отмѣтить, что ни одного случая насилія въ тюрьмѣ имъ допущено не было, но не въ его власти было предотвратить избіеніе офицеровъ у стѣнъ тюрьмы во время офицерскаго возстанія.

Содержавшіеся въ тюрьмѣ заложники набирались большевиками главнымъ образомъ по признаку зажиточности. Были среди нихъ чиновники, купцы, землевладѣльцы и, численно значительная, группа студенческой молодежи. Большинство заложниковъ держалось бодро, но нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ пали духомъ, тѣмъ болѣе, что до тюрьмы стали доходить слухи о готовящихся матросами разстрѣлахъ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, начальникъ мѣстнаго управленія земледѣлія А. А. Польскій пожаловался мнѣ, что мѣстный присяжный повѣренный Н. Г. Левицкій, гласный городской думы и членъ группы к.-д., позволяетъ себѣ играть на нервахъ заложниковъ, и безъ того взвинченныхъ. Временами онъ разъѣзжаетъ вокругъ тюрьмы въ экипажѣ съ солдатами и матросами, играющими на гармоникѣ похоронный маршъ, крича при этомъ:

— Это мы васъ, буржуевъ, отпѣваемъ!

Я, было, не повѣрилъ этому, но почти въ тотъ же моментъ снизу раздался пьяный голосъ, кричавшій.

— Что попили кровушки, буржуи? Я бы васъ еще не такъ гноилъ, кровопійцы . . .

Къ моему удивленію это оказался все тотъ же Левицкій, удаленный затѣмъ по моему требованію изъ-подъ стѣнъ тюрьмы.

Черезъ день я былъ очевидцемъ еще одного выступленія г. Левицкаго на собраніи родственниковъ заложниковъ въ лѣтнемъ помѣщеніи коммерческаго клуба. Передъ собраніемъ онъ выпивалъ съ матросами, добывая средства на напитки путемъ «контрибуціи», взимавшейся матросами съ лицъ, на которыхъ указывалъ Левицкій.

Когда началось собраніе, въ залу ворвались матросы и подъ одобряющіе возгласы Левицкаго стали разгонять собравшихся, угрожая насиліемъ. Явившійся патруль красноармейцевъ удалилъ буяновъ и арестовалъ, было, Левицкаго, но потомъ его выпустилъ. О дѣйствіяхъ г. Левицкаго я довелъ до свѣдѣнія Ставропольской адвокатуры, не нашедшей для г. Левицкаго ничего болѣе достойнаго, какъ поставить на видъ его поведеніе.

Это «поведеніе» не помѣшало г. Левицкому позднѣе, при появленіи въ городѣ Добровольческой Арміи, заниматься чтеніемъ въ сердцахъ инако мыслящихъ общественныхъ дѣятелей, достаточно ли благонадежно они настроены по отношенію къ мѣстнымъ щедринствующимъ генераламъ, и печатно улавливать «соціалистовъ» на предметъ ущемленія.

Не могу также не отмѣтить и «поведенія» тогдашняго начальника городской милиціи, В. Е. Гнаденберга, прошедшаго на эту должность изъ судебнаго вѣдомства. Онъ сыгралъ отвратительно трусливую роль попустителя при самосудѣ толпы около полиціи надъ содержавшимися тамъ арестантами, предполагавшимися участниками грабежа и изнасилованія. Характеръ же пониманія имъ своихъ обязанностей ярко выразился въ слѣдующемъ эпизодѣ.

До меня дошли свѣдѣнія, что въ помѣщеніи полицейской кордегардіи содержится въ отвратительныхъ условіяхъ туберкулезный студентъ, задержанный рабочими завода Шмидта, какъ «подозрѣваемый контръ-революціонеръ». Явившись въ полицію, я дѣйствительно нашелъ тамъ въ каморкѣ, лишенной дневного свѣта, въ сообществѣ задержанныхъ пьяныхъ, истощеннаго студента, заявившаго мнѣ, что онъ лишенъ и права прогулокъ. Въ документѣ его ареста значилось, что онъ препровождается для содержанія подъ строгимъ арестомъ, какъ задержанный рабочими по подозрѣнію въ контръ-революціи.

Я потребовалъ явки ко мнѣ Начальника Милиціи, но г. Гнаденбергъ уклонился отъ этого, а въ отвѣтъ на мое письменное постановленіе о немедленномъ освобожденіи студента, сообщилъ мнѣ, что студентъ по распоряженію совнаркома уже переведенъ въ тюрьму.

Таковы не переводящіеся ни при какомъ режимѣ Іудушки Головлевы современнаго образца.

Столкновеніе съ Левицкимъ, Вальяно и Гнаденбергомъ въ значительной степени способствовало тому, что въ дальнѣйшемъ рабоче-солдатскіе патрули уже физической силой преграждали мнѣ доступъ въ тюрьму. Къ счастью, вскорѣ заложники были освобождены изъ тюрьмы и значительная тяжесть отвѣтственности, хотя и невольной, за участь пребывавшихъ въ тюрьмѣ заключенныхъ свалилась съ моей души.

Но въ ближайшіе дни произошелъ въ совѣтскихъ верхахъ сдвигъ, показавшій оскаленное лицо подлиннаго актуальнаго большевизма.

Первыми симптомами сдвига явились арестъ по ордеру предсѣдателя губ. исп. комитета Вдовенко предсѣдателя совѣта народныхъ комиссаровъ А. А. Пономарева и военнаго комиссара Мирошниченко, а затѣмъ освобожденіе изъ тюрьмы матросовъ, — вожаковъ конно-горно-морского батальона.

Правда, и Пономаревъ, и Мирошниченко скоро были возстановлены въ правахъ, но они предпочли скрыться и болѣе къ власти не возвращаться, освобожденіе же матросовъ изъ тюрьмы было чревато исключительными послѣдствіями.

XIII

Начало террора. Казнь А. А. Чернышева и Мачканиныхъ — отца и сына. Мое заявленіе совнаркому. Мой арестъ. Политическій комиссаръ Воронинъ. Ночь въ комендатурѣ. Эпизодъ съ католическимъ священникомъ. Освобожденіе. Похороны матроса Якшина. Бѣгство.

Освобожденіе матросовъ произошло какъ-то внезапно, въ отсутствіе комиссара юстиціи Гамаюна и, кажется, предсѣдательницы чрезвычайной слѣдственной комиссіи Вальяно. Выпущенные изъ тюрьмы матросы чуть ли не въ тотъ же вечеръ собрали многолюдный митингъ, на которомъ провели разработанный ими ранѣе планъ кроваваго похода на городское зажиточное населеніе.

По этому плану городъ былъ разбитъ на кварталы и каждый кварталъ былъ ввѣренъ попеченію карательнаго отряда съ руководителемъ изъ матросовъ во главѣ. Карательнымъ отрядамъ было поручено произвести повальные обыски во всѣхъ квартирахъ и, въ случаѣ нахожденія въ квартирѣ оружія, значительныхъ запасовъ питанія или при основаніи заподозрѣть кого-либо изъ живущихъ въ квартирѣ въ активной контръ-революціонности, начальникамъ карательныхъ отрядовъ предоставлялось право уничтожать виновныхъ на мѣстѣ ихъ пребыванія.

Я не знаю точно, санкціонированъ ли былъ этотъ планъ повальныхъ грабежей и убійствъ совѣтомъ народныхъ комиссаровъ и губернскимъ комитетомъ, но фактъ тотъ, что въ самомъ скоромъ времени населенію было объявлено о воспрещеніи послѣ извѣстнаго часа выходить на улицу подъ угрозой разстрѣла, появились на улицахъ тяжелые аутогрузовики, украшенные черными флагами, и начались обыски и аресты, сопровождаемые по ночамъ ружейной и револьверной пальбой.

Настало жуткое время для гор. Ставрополя. Изъ устъ въ уста передавались свѣдѣнія о произведенныхъ за ночь арестахъ, грабежахъ и разстрѣлахъ. Громыхали переполненные матросами грузовики съ чѣмъ-то, прикрытымъ брезентами. Жители квартиръ съ ужасомъ ожидали появленія карательнаго отряда.

Однимъ изъ первыхъ былъ арестованъ Андрей Андреевичъ Чернышевъ, о которомъ я уже сказалъ нѣсколько словъ выше, и бывшій Ставропольскій предводитель дворянства, 80-лѣтній ген. П. С. Мачканинъ. Сначала и мнѣ, и родственникамъ ихъ удавалось устанавливать часто мѣнявшіяся мѣста ихъ заключенія, но потомъ отъ А. А. Чернышева была получена черезъ случайнаго посредника записка, что его начали пытать и мучить и объявили, что завтра казнятъ.

Какъ-то не вѣрилось, что исключительно популярный на окраинахъ лекторъ, любимый педагогъ и учитель, между прочимъ, Маріи Вальяно, безсмѣнный гласный демократической думы, а съ другой стороны престарѣлый восьмидесятилѣтній П. С. Мачканинъ могутъ пасть жертвами кроваваго разгула матросовъ. Я утѣшалъ приходившихъ ко мнѣ родственниковъ ихъ, мучился самъ трагедіей моего безсилія, но искренно не вѣрилъ въ возможность ихъ мученической смерти.

Какъ вдругъ, однажды, на мой телефонный вопросъ члену слѣдственной комиссіи Амуръ-Санану, я получилъ отвѣтъ, что они оба казнены. Вскорѣ затѣмъ Амуръ-Сананъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ. Я теперь не помню, да едва ли и тогда давалъ себѣ отчетъ, что я ему говорилъ, но только помню, какъ онъ рыдалъ, закрывши лицо руками, клялся въ невиновности въ этой крови, а потомъ какъ-то бокомъ выскользнулъ изъ моего кабинета.

Въ состояніи сильнѣйшей экзальтаціи я сейчасъ же написалъ отъ руки и послалъ совнаркому заявленіе слѣдующаго содержанія:

«Вотъ уже нѣсколько дней какъ по городу идутъ повальные грабежи и аресты мирныхъ горожанъ Ставрополя, и совѣтская власть не принимаетъ никакихъ мѣръ къ обузданію грабителей и насильниковъ.

Мало того, ходятъ зловѣщіе слухи, что грабители присвоили себѣ обязанности безсудныхъ палачей и уже есть первые мученики ихъ разбойничьей расправы.

Предваряя совѣтъ народныхъ комиссаровъ, что мною предложено судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ немедленно приступить къ слѣдствію о творящихся массовыхъ насиліяхъ и убійствахъ, какъ прокуроръ, я требую, чтобы

были приняты немедленныя и самыя рѣшительная мѣры къ прекращенію творящихся преступленій, чтобы были арестованы и переданы въ распоряженіе мое виновные въ этихъ преступленіяхъ, и чтобы мнѣ и лицамъ прокурорскаго надзора былъ открытъ доступъ во всѣ мѣста заключенія для провѣрки основаній содержанія подъ стражей лицъ, тамъ находящихся».

Только что я отправилъ это заявленіе, какъ мнѣ сообщили, что арестованъ и отправленъ въ комендатуру товарищъ прокурора, только что демобилизованный Н. А. Русановъ. Я послалъ требованіе коменданту немедленно освободить г. Русанова для отправленія имъ передъ судомъ должностныхъ обязанностей и, къ моему удивленію, спустя нѣкоторое время Н. А. Русановъ явился ко мнѣ въ кабинетъ.

Это придало мнѣ бодрости, но черезъ нѣсколько минутъ передо мною были измученныя лица сына и дочери ген. Мачканина и жены и дочери А. А. Чернышева. Что я имъ могъ сказать?

Дѣти П. С. Мачканина спросили меня, могутъ ли они взять для погребенія трупъ отца. Я посовѣтовалъ имъ сдѣлать это осторожно и безъ огласки.

Давая этотъ совѣтъ, глядя въ измученные глаза Мачканина-сына, я не предвидѣлъ, что на другой день замученный трупъ этого юноши будетъ брошенъ на то самое мѣсто, откуда онъ осмѣлился взять для погребенія изуродованное тѣло своего отца.

Этотъ и послѣдующіе дни были какимъ-то сплошнымъ кошмаромъ. Отовсюду, отъ милиціи, судебныхъ слѣдователей, отдѣльныхъ лицъ, поступали заявленія объ обнаруженныхъ ими трупахъ: бывшаго совѣтника губ. правленія А. К. Барабаша, землевладѣльцевъ — отца и сына Жуковыхъ, бывшаго пристава Залѣвскаго, уѣзднаго предводителя дворянства полк. Иванова и т. д.

Накопецъ явился ко мнѣ съ перекошеннымъ лицомъ молодой кандидатъ, исправлявшій обязанности судебнаго слѣдователя, и протянулъ мнѣ актъ судебномедицинскаго осмотра тѣла несчастнаго А. А. Чернышева. Больше тридцати ранъ сабельныхъ, штыковыхъ и огнестрѣльныхъ обнаружено было на его тѣлѣ. Семья съ трудомъ узнала останки, когда они были ей предъявлены для опознанія. Тутъ же слѣдователь разсказалъ мнѣ о звѣриной жестокости солдатскихъ бабъ, пытавшихся выбросить тѣло изъ гроба, когда семья увозила его изъ часовни для погребенія на кладбищѣ.

Я ломалъ въ безсиліи руки и почти мечталъ о собственномъ арестѣ, какъ о выходѣ изъ создавшагося вокругъ меня кольца кошмарныхъ переживаній.

Наконецъ, наступилъ и мой чередъ. Въ ближайшую ночь — это было, кажется, 20 іюня 1918 г., — раздался стукъ прикладами въ двери моей квартиры. Съ улицы вошла группа матросовъ, увѣшанная, точно знаками отличія, пулеметными лентами. Предложивъ перепуганнымъ домашнимъ не трогаться съ мѣста, матросы назвали мое имя и задали вопросъ, имѣется ли у меня въ квартирѣ какое-либо оружіе. Послѣ моего отрицательнаго отвѣта они приступили къ обыску. Они отложили и потомъ забрали съ собой имѣвшійся у меня планъ губернаторскаго дома, гдѣ теперь размѣщался совнаркомъ, исправленную мною во время экскурсій карту окрестностей Эльбруса и тетрадь моихъ юношескихъ стихотворныхъ опытовъ.

При обыскѣ въ дѣтской они нашли кремневый, художественной работы, пистолетъ, подаренный моему сыну пріятелемъ горцемъ при посѣщеніи нами его родного аула и, не стѣсняясь присутствіемъ моей семьи и дѣтей, тутъ же подняли споръ, признать или не признать этотъ пистолетъ оружіемъ. Я понималъ, что,

въ сущности, это споръ о моей жизни. Можетъ быть, инстинктивно понялъ это и мой маленькій сынишка. Бросившись къ матросамъ, онъ просилъ, чтобы ему вернули его пистолетъ.

— Это не папинъ, а мой, не папѣ, а мнѣ подарилъ его Тау-бій, отдайте пистолетъ, требовалъ онъ.

Въ это время моя жена, узнавшая въ одномъ изъ матросовъ родственника Ѳ. М. Онипко — Воронина, шепнула мнѣ объ этомъ. Я отозвалъ Воронина въ сторону и спросилъ его, не извѣстно ли ему, гдѣ въ настоящее время Ѳ. М. Онипко, пояснивъ, что меня съ Ѳ. М. Онипко связываютъ самыя тѣсныя узы дружбы.

— Позвольте, такъ вы будете тотъ самый, — онъ назвалъ мое имя и отчество, — о которомъ мнѣ говорилъ Ѳедотъ Михайловичъ.

— Тотъ самый.

— Тогда не безпокойтесь, я постараюсь все уладить. Только первое условіе, не волнуйтесь, что бы вы ни увидѣли въ комендатурѣ.

— Ну, товарищи, идемте. А вы, обратился онъ ко мнѣ, — потрудитесь слѣдовать за нами.

Съ трудомъ оторвавшись отъ семьи, умолявшей матросовъ оставить меня въ квартирѣ до утра, я вышелъ въ сопровожденіи матросовъ на пустынную улицу. Было уже около 2 часовъ ночи. Воронинъ шелъ рядомъ со мною, остальные матросы сзади, о чемъ-то не громко перешептываясь. Это меня нервировало, — я вспомнилъ описаніе многочисленныхъ штыковыхъ ранъ въ спину при осмотрѣ тѣла А. А. Чернышева.

Замѣтивъ это, Воронинъ заявилъ, что доставку меня въ комендатуру онъ беретъ на свою личную отвѣтственность и предложилъ остальнымъ матросамъ идти впередъ.

По дорогѣ онъ мнѣ еще разъ обѣщалъ сдѣлать все, отъ него зависящее, чтобы меня не отправили въ Юнкерскій садъ *. Когда мы прибыли въ комендатуру и меня подвели къ столу, за которымъ, или вѣрнѣе — на которомъ, сидѣли матросъ Игнатьевъ и комендантъ Промовендовъ, предсѣдатель тройки, въ которую входилъ и Воронинъ въ качествѣ политическаго комиссара, Игнатьевъ спросилъ Воронина, указывая на меня:

— Кто такой?

— Прокуроръ Красновъ.

Игнатьевъ вглядѣлся въ меня и осклабился.

— А, господинъ прокуроръ, вотъ вы собирались судить «палачей», а теперь мы васъ будемъ судить. Только судъ у насъ скорый, но не милостивый.

Я просилъ дать мнѣ возможность сообщить семьѣ, что я прибылъ въ комендатуру и тѣмъ ее успокоить.

— Это что за нѣжности, — ухмыльнулся Игнатьевъ, — когда мы сидѣли въ тюрьмѣ, вѣдь вы намъ не разрѣшали успокаивать по телефону наши семьи?

— Не безпокойтесь, я сообщу вашей семьѣ, успѣлъ шепнуть мнѣ Воронинъ.

— Наши правила обращенія съ заключенными гуманнѣе во всякомъ случаѣ вашихъ. Извѣстно ли вамъ, спросилъ я Игнатьева, — что послѣ того, какъ я

---

* Въ этомъ огромномъ саду, выходящемъ своею длинной оградой на Базарную площадь впослѣдствіи было обнаружено около 70 труповъ казненныхъ за этотъ періодъ большевиками.

посѣтилъ въ тюрьмѣ вашу камеру и отвѣтилъ на вопросъ вашъ, отмѣнена ли смертная казнь, мнѣ было воспрещено дальнѣйшее посѣщеніе тюрьмы.

— Кѣмъ воспрещено?

— Совѣтомъ народныхъ комиссаровъ.

— А чѣмъ вы это подтвердите?

— Бумагой, офиціально присланной мнѣ.

— Она съ вами?

— Нѣтъ я не ношу съ собой своей канцеляріи.

— А когда вы ее мнѣ покажете?

— Когда вы меня освободите.

— Ишь, какой вы хитрый. Что у него нашли, — спросилъ Игнатьевъ вернувшагося Воронина.

Тотъ указалъ на свертокъ отобранныхъ у меня вещей. Какой-то незнакомый мнѣ господинъ, элегантно одѣтый, разсматривалъ, вынувъ изъ свертка кремневый пистолетъ.

— Что хороша штучка, графъ? — спросилъ Игнатьевъ, — за этакія штучки можно и въ Юнкерскій прогуляться.

Я хотѣлъ было возразить Игнатьеву, но «графъ»* дотронулся до моего рукава и съ оттѣнкомъ нерусскаго акцента, медленно, какъ говорятъ иностранцы, произнесъ:

— Это совершенно музейная вещь, товарищъ Игнатьевъ, въ этихъ штукахъ я толкъ понимаю. А вамъ, — обратился онъ ко мнѣ, надо не забывать, что лучшее украшеніе мужчины — выдержка.

Воронинъ принесъ мнѣ стулъ и предложилъ сѣсть въ сторонѣ отъ стола, а самъ о чемъ-то сталъ негромко говорить Игнатьеву.

— Ладно, — громко отвѣтилъ тотъ.

Проходя мимо меня, Воронинъ сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами и, когда мы отошли, онъ сообщилъ мнѣ, что добился отъ Игнатьева обѣщанія, что меня до утра не выведутъ изъ помѣщенія комендатуры, — а тамъ видно будетъ, — добавилъ онъ.

Для меня настали томительныя минуты ожиданія. Въ комендатуру то и дѣло приводили новыхъ арестованныхъ. Привели моего родственника генерала Л. А. Рослякова, ген. М. П. Пышненко, полк. Пеньковскаго, нѣсколько офицеровъ, у которыхъ нашли погоны и оружіе, какихъ-то простолюдиновъ въ поддевкахъ. Игнатьевъ и Промовендовъ большею частью говорили съ арестованными повышеннымъ до крика голосомъ, стуча рукоятками револьверовъ по столу. Изрѣдка присоединялся къ нимъ приходившій и уходившій куда-то истощенный, неврастеничнаго вида, субъектъ.

Уже утромъ ввели въ помѣщеніе комендатуры въ полномъ облаченіи католическаго ксендза и за нимъ ворвались въ помѣщеніе плачущія и кричащія женщины-католички, которыхъ красноармейцы пытались вытолкнуть изъ комендатуры.

Какъ выяснилось, ксендза арестовали во время совершавшагося имъ богослуженія, — въ этотъ день былъ праздникъ «Божьяго тѣла» — и прямо отъ алтаря доставили въ комендатуру. Истощенный субъектъ, оказавшійся палачемъ — садистомъ Анихинымъ, впослѣдствіи повѣшеннымъ по распоряженію ген. Ува-

---

* Потомъ мнѣ сообщили, что это титулованный плѣнный австрійскій офицеръ, служившій въ мѣстномъ штабѣ красной арміи. Впослѣдствіи, при Добровольческой Арміи, онъ умеръ отъ тифа въ Ставропольской тюрьмѣ.

рова, изступленно, даже не кричалъ, а визжалъ, топая ногами, какъ это дѣлаютъ дѣти, и тыча въ священника дуломъ револьвера. Ему вторилъ арестовавшій ксендза полякъ-рабочій, впослѣдствіи кончившій жизнь въ сумасшедшемъ домѣ.

Я не выдержалъ и подошелъ къ столу, сидя на которомъ Игнатьевъ и Промовендовъ равнодушно наблюдали эту изступленную сцену.

— Послушайте, — обратился я къ нимъ, — вѣдь самый злѣйшій врагъ вашъ не могъ бы придумать болѣе вредной для васъ сцены. Подумайте, что потомъ будутъ говорить о васъ эти простыя, полныя религіознаго негодованія женщины.

— Будетъ, товарищи! — прекратилъ эту сцену Игнатьевъ.

Когда началось движеніе по улицѣ я увидѣлъ прильнувшими къ стеклу зеркальнаго окна комендатуры лица моихъ дѣтей и жены, нѣкоторыхъ гласныхъ городской думы и знакомыхъ.

Рискуя быть арестованнымъ, къ Промовендову прорвался мой другъ — сослуживецъ по окружному суду и сталъ требовать объясненія основаній моего ареста.

Вскорѣ ушелъ Игнатьевъ, а затѣмъ куда-то вызвали по телефону Промовендова и онъ уѣхалъ на автомобилѣ. Вернувшись около 11 часовъ утра, онъ заявилъ мнѣ, что я свободенъ, а потомъ объявилъ и всѣмъ арестованнымъ въ эту ночь:

— Идите домой — вы свободны.

Столкнувшійся со мной въ выходныхъ дверяхъ Воронинъ спросилъ меня, не уводили ли кого-нибудь ночью изъ комендатуры.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я.

— А генералы ушли одни или съ родственниками.

— Кажется, съ родственниками.

— Ну сегодня на рѣдкость счастливая ночь, сказалъ Воронинъ и потомъ добавилъ, понизивъ голосъ: а вы все-таки поскорѣе отсюда уѣзжайте.

Этому совѣту мнѣ пришлось, по настоянію семьи и друзей, незамедлительно послѣдовать.

Послѣднимъ впечатлѣніемъ, сохранившимся въ моей зрительной памяти передъ отъѣздомъ изъ Ставрополя, было зрѣлище похоронъ матроса Якшина, убитаго на Медвѣженскомъ фронтѣ въ бою съ добровольцами. Большевики превратили эти похороны во внушительную манифестацію, открывавшуюся матросскимъ батальономъ, съ Игнатьевымъ во главѣ. Дальше громыхали грузовики съ уставленными на нихъ пулеметами, шло нѣсколько орудій артиллеріи, интернаціональный батальонъ, кавалерійскій эскадронъ красноармейцевъ, рабочія дружины. Шествіе это, изобилующее красными и черными флагами съ изображенными на нихъ эмблемами смерти замыкалось лафетомъ съ гробомъ убитаго, за которымъ, точно прикованные къ колесницѣ повелителя древніе рабы, шли представители различныхъ учрежденій и вѣдомствъ, обязанные особымъ распоряженіемъ принять участіе въ похоронахъ.

Въ ту же ночь въ Юнкерскомъ саду была принесена новая гекатомба мучениковъ, въ томъ числѣ освобожденные вмѣстѣ со мной наканунѣ ген. Росляковъ и полк. Пеньковскій.

Слѣдующее утро уже застало меня въ уединенной хибаркѣ садовладѣльца, на хуторкѣ, близъ селенія Петровскаго.

XIV

Призракъ возстанія. Неожиданная перестрѣлка въ лѣсу. Предварительная паника. Выступленіе офицеровъ. Неудача этого выступленія. Казнь полковника П. Ф. Ртищева. Усиленіе террора.

Весною 1918 г. въ Архіерейскомъ лѣсу красноармейскимъ дозоромъ была обнаружена военная палатка и въ ней нѣкоторое количество воинскаго оружія и снаряженія. Арестованные обитатели этой палатки, какъ большевики выяснили, оказались юнкерами и младшими офицерами.

Лѣсъ послѣ этого былъ пройденъ лавой красноармейцевъ и кромѣ того были произведены обыски и аресты на жилыхъ окраинахъ лѣса. Всего задержано было около 20 человѣкъ, въ томъ числѣ воинскій начальникъ А. А. Навроцкій и его дѣлопроизводитель, случайно находившіеся въ это время на окраинѣ города.

Съ тѣхъ поръ производились періодически облавы въ лѣсахъ, окружающихъ Ставрополь.

У большевиковъ зародилось подозрѣніе, что существуетъ организація, готовящая выступленіе противъ нихъ и страхъ передъ этимъ выступленіемъ, особенно, когда передъ Ставропольскою губерніей выросъ призракъ Добровольческой Арміи, все глубже укоренялся въ сердцахъ совѣтской власти.

При одной изъ облавъ, когда уже стемнѣло, въ лѣсу неожиданно раздалось «ура» и по красноармейцамъ захлопали винтовочные выстрѣлы. На другое утро создалась паника, развитію которой способствовала драка съ выстрѣлами, разгорѣвшаяся между двумя солдатами на базарѣ. Достаточно было кому-то крикнуть «идутъ казаки», какъ слова эти перекинулись во всѣ концы базара, оттуда на смежныя улицы, и докатились до совѣтскихъ учрежденій и лазаретовъ.

На улицахъ началось необычайное оживленіе. Силой захватывались проѣзжающія подводы и экипажи, многіе совѣтскіе служащіе бросились на базаръ и тамъ обрывали въ крестьянской упряжи постромки, чтобы верхомъ найти спасеніе за чертой города.

Черезъ самое короткое время на улицахъ, ведущихъ къ сельскому шляху, получились такіе заторы, что понадобилось потомъ, когда начальство очнулось отъ испуга, много часовъ, чтобы ихъ распутать.

Паника эта довольно скоро улеглась, и разсерженная власть поторопилась издать суровый декретъ, угрожающій всѣми доступными карами возможнымъ виновникамъ такого переполоха въ будущемъ. Но возможность и размѣры этого переполоха показали, какъ силенъ былъ страхъ въ эти дни въ большевистскомъ сердцѣ передъ надвигающимся призракомъ Добровольческой Арміи и какъ непрочны корни совѣтской власти въ средѣ Ставропольскаго населенія.

Въ неизмѣримо большемъ размѣрѣ переполохъ этотъ повторился, когда въ іюлѣ того же года, совершавшій по губерніи пролетъ, полк. Шкуро прислалъ большевикамъ сначала изъ сел. Кугульты трупъ повѣшеннаго военнаго комиссара Петрова, а потомъ изъ сел. Донского ультиматумъ: въ теченіе двухъ сутокъ покинуть городъ...

Начавшіеся по почину матросовъ, повальные обыски и массовые разстрѣлы имѣли, повидимому, одной изъ своихъ задачъ спровоцировать преждевременное выступленіе офицеровъ, ибо для многихъ изъ послѣднихъ не оставалось вы-

хода: или погибнуть безоружными по одиночкѣ или, перейдя отъ обороны къ нападенію, испытать свою судьбу съ оружіемъ въ рукахъ *.

Получивъ приказъ собраться глубокою ночью въ оградѣ Варваринской церкви, офицеры должны были двинуться вверхъ тремя колоннами и по сигнальной ракетѣ внезапно обрушиться на красноармейскія казармы, штабъ красной арміи въ Европейской гостиницѣ и совѣтскіе центры. Но уже первоначальный подсчетъ силъ показалъ, что по зову приказа не явилась и десятая часть предполагаемаго количества участниковъ и это, конечно, не могло не отразиться на порывѣ выступавшихъ. Тѣмъ не менѣе выступленіе состоялось въ надеждѣ, что въ рѣшительный моментъ сдержитъ свое обѣщаніе интернаціональный батальонъ, обѣщавшій офицерамъ поддержку, и дружины рабочихъ, обѣщавшія ее также.

Сначала офицерамъ сопутствовала удача. Они почти безболѣзненно захватили бывшія осетинскія казармы и находившіеся въ нихъ винтовки и пулеметы, но въ рѣшающій моментъ, когда надо было открыть пулеметный огонь, оказалось, что среди наличныхъ участниковъ возстанія нѣтъ достаточнаго числа пулеметчиковъ, кромѣ того наличныхъ силъ было слишкомъ недостаточно, чтобы обрушиться одновременно на всѣ намѣченные пункты.

Между тѣмъ красноармейскій штабъ успѣлъ стянуть всѣ наличныя силы, двинулъ грузовики съ пулеметами и преградилъ пути интернаціональному батальону и рабочимъ дружинамъ для соединенія съ возставшими.

Когда разсвѣло, исходъ боевого выступленія сталъ очевиденъ. Небольшая группа участниковъ съ полковникомъ П. Ф. Ртищевымъ во главѣ отстрѣливаясь, отступала къ лѣсу, значительная часть офицеровъ разсѣялась по городу, небольшая группа уничтожалась красноармейцами у стѣнъ тюрьмы.

На многихъ перекресткахъ и у самаго входа въ городской садъ долгое время лежали неприбранными тѣла участниковъ выступленія.

Штабу организаціи удалось, отбиваясь, скрыться въ лѣсу, а оттуда въ пригородное село Татарку, но на другой день они были выданы пріютившимъ ихъ мельникомъ. Часть офицеровъ была тутъ же перебита, а братья Ртищевы, какъ главари выступавшихъ, были привезены въ городъ и разстрѣляны на Ярмарочной площади.

Когда ихъ поставили у дороги и ружья были взяты на прицѣлъ, П. Ф. Ртищевъ, указывая на дорогу позади себя, сказалъ красноармейцамъ:

— Дурачье, поставьте къ стѣнкѣ, вѣдь сзади проѣзжая дорога . . .

Это были его послѣднія слова.

Трагедія этой неудачи усугублялась еще тѣмъ, что въ эту же ночь отрядъ Шкуро проходилъ въ 14 верстахъ отъ Ставрополя, но лица, посланныя для установленія съ нимъ связи, были перехвачены большевиками.

Неудавшееся возстаніе послужило предлогомъ къ новой вспышкѣ усилившагося террора. Впослѣдствіи было зафиксировано 96 жертвъ, погибшихъ за этотъ періодъ въ Ставрополѣ, начиная отъ 13-лѣтняго подростка и кончая такими глубокими старцами, какъ П. С. Мачканинъ.

Но уже двѣ недѣли спустя матросы и ихъ комиссары, получивъ ультиматумъ Шкуро, сами бѣжали въ паникѣ изъ города, цѣлые отряды красноармейцевъ разоружались отдѣльными безоружными горожанами, а садистъ-палачъ Ашихинъ былъ схваченъ во время бѣгства и переданъ временному генералъ-губернатору Уварову окраинными мѣщанами.

* Выступленіе офицеровъ произошло 22 или 23 іюня, когда я уже покинулъ городъ и подробности о немъ я знаю лишь по разсказамъ.

XV.

Терроръ въ губерніи. Очаги его. На калмыцкой территоріи Больше-Дербетовскаго улуса. Оскверненіе буддійскихъ святынь и храмовъ. Насилія надъ женщинами. Застѣнокъ Трунова въ сел. Терновскомъ. Въ селеніи Петровскомъ. На станціи Карамыкъ.

Изъ города терроръ перекинулся на уѣздную территорію. Производившееся позднѣе обслѣдованіе установило, что калмыцкая территорія Больше-Дербетовскаго улуса, село Безопасное, Петровское и станція Карамыкъ Прикумской желдор. были очагами наиболѣе жестокаго проявленія его.

Объѣхавъ Больше-Дербетовскій улусъ и ознакомившись съ разрушеніями, произведенными тамъ въ періодъ владычества большевизма, я получилъ впечатлѣніе, что, сознательно или инстинктивно, дѣлалась опредѣленная ставка на уничтоженіе этой народности.

Объясненіе этой новой попытки ликвидировать количественно и качественно не сильное племя калмыковъ слѣдуетъ искать тамъ же, откуда исходила и прежняя провокація степныхъ народовъ къ выселенію въ срединѣ прошлаго столѣтія, то-есть въ желаніи завладѣть ихъ обширными и богатыми Приманычскими пастбищами.

Выше я уже имѣлъ случай указывать, что распредѣленіе $3\frac{1}{2}$ милліоновъ десятинъ земли между свыше, чѣмъ милліоннымъ, русскимъ крестьянствомъ губерніи и $1\frac{1}{2}$ милліоновъ десятинъ между нѣсколькими десятками тысячъ степныхъ народовъ давно уже порождало вожделѣнія окрестныхъ селъ на почти дѣвственныя Приманычскія преріи съ бродящими среди ковыля сайгаками* и полными вольной птицы Манычскими лиманами и болотцами.

Учтя силу и давность этихъ вожделѣній, большевики со всей яростью обрушились на родовые** калмыцкіе хотоны***, уничтожая и самое населеніе и то, что у населенія было наиболѣе завѣтнаго, цѣннаго.

Въ одномъ изъ родовъ, осквернивъ храмъ, уничтоживъ и заливъ нечистотами изваянія Будды, изображенія на шелку Бурхановъ, священныя книги и другіе предметы культа, съ такимъ трудомъ добываемые калмыками изъ Тибета, предводимая большевиками толпа, узнавъ, что въ оградѣ храма покоится чтимый буддистами прахъ ламы, извлекла изъ могилы останки, разрубивъ и раздробивъ ихъ, выбросила кости на дорогу, въ могилу же зарыла зарубленную свинью. А потомъ предъявила къ женщинамъ натуральную повинность, причемъ нѣкоторымъ несчастнымъ послѣ изнасилованія были вырѣзаны половые органы.

Въ другомъ мѣстѣ я сфотографировалъ пепелище сожженнаго до тла со всею утварью и священными предметами храма.

Внѣшне уцѣлѣлъ наиболѣе богатый хурулъ**** второго Багатуктунова рода, величественно возвышающійся своей причудливой буддійской архитектурой надъ Приманычскими степями, но внутри храмъ представлялъ, въ сущности, усыпальницу богатаго когда-то подбора изваянныхъ перевоплощеній Будды и шелковыхъ

* Родъ южнаго оленя.

** Калмыки живутъ и носятъ названіе по родамъ: Ичикиносовъ родъ, 1-й Багатуктуновъ, 2-й Багатуктуновъ и т. д.

*** Населенные пункты.

**** Храмъ — соборъ.

полотнищъ-иконъ, изуродованныхъ разрывными выстрѣлами, прикладами, сабельными и штыковыми ударами. Здѣсь же среди груды разбитаго стекла валялись изрубленные церковные барабаны, маски, трубы и богослужебныя книги, перемѣшанныя съ конскимъ навозомъ.

Нѣкоторыя изваянія, послѣ того, какъ надъ ними было испробовано большевистское оружіе, привязанныя сзади подводъ, волоклись по дорогамъ мимо населенныхъ пунктовъ, и затѣмъ были брошены въ степи съ обрубленными руками и изуродованными главами *.

Въ такой же мѣрѣ пострадали школы, читальни и общественныя зданія улуса. Въ нихъ уничтожалась не только обстановка, книги и пособія, но сносились потолки, выламывались полы, оконные и дверные просвѣты.

Имущество частныхъ жилыхъ помѣщеній и сами послѣднія такъ же безжалостно уничтожались и приводились въ негодное состояніе. Гурты краснаго калмыцкаго скота, косяки лошадей, отары овецъ или сводились съ территорій улуса или уничтожались совершенно зря, безъ всякой нужды въ этомъ.

Но самую кровоточащую рану нанесло большевистское владычество самому калмыцкому народу, надругавшись надъ женщинами, квалифицированно жестоко казня духовныхъ лицъ, избивая населеніе, уродуя подростковъ.

Ко мнѣ приводили дѣтишекъ съ отрѣзанными ушами съ испорченнымъ на всю жизнь слухомъ или зрѣніемъ. Многія женщины послѣ произведенныхъ надъ ними насилій утратили возможность материнства, а нѣкоторыя изъ нихъ остались калѣками послѣ произведенной надъ ними чудовищной операціи...

Единственнымъ пунктомъ, капризомъ рока уцѣлѣвшимъ послѣ большевистскаго самума, было административное мѣстечко улуса, живописное урочище Башанта, былая резиденція послѣдняго калмыцкаго нойона М. М. Гагаева **, прахъ котораго покоится у дороги при въѣздѣ въ урочище.

Буддійскій символъ, — протянутая къ небу длань, — его надгробнаго памятника точно проситъ у неба хоть немного милосердія для остатковъ этого израненнаго физически и духовно замученнаго племени...

Не меньшее, если не большее количество жертвъ, чѣмъ въ Ставрополѣ было зафиксировано обслѣдованіемъ въ Безопасномъ, большомъ селѣ Ставропольскаго уѣзда.

Тамъ правилъ судъ и расправу «товарищъ» Труновъ, впослѣдствіи командовавшій отрядомъ Красной Арміи.

Избравъ своимъ застѣнкомъ сельскую тюрьму села Терновскаго, Труновъ вызывалъ въ коридоръ приводимыхъ изъ окрестныхъ селъ арестованныхъ и бесѣда его съ арестованными сводилась къ одной и той же стереотипной фразѣ:

— Покажь руку! Раздѣть!

---

* Во время посѣщенія Больше-Дербетовскаго улуса я имѣлъ возможность собрать тамъ значительное количество изваяній и другихъ предметовъ буддійскаго культа, поруганныхъ большевиками. Коллекція эта была доставлена въ Ростовъ и выставлена для обозрѣнія. О дальнѣйшей судьбѣ ея мнѣ въ точности неизвѣстно. Кажется, она погибла при эвакуаціи Ростова.

** Владѣтельнаго калмыцкаго князя, разведшаго лѣсныя насажденія въ Улусѣ и пользовавшагося среди кальмыковъ большимъ почетомъ. Задолго до революціи онъ погибъ въ Ростовѣ на Дону отъ случайнаго выстрѣла, перебившаго ему артерію. Не перевязанный, до прибытія врача, онъ умеръ, истекая кровью.

Съ узника срывали одежду, толкали къ выходу, тамъ подхватывали на штыки и выбрасывали тѣло въ ямы, сохранившія названіе «чумного база» послѣ чумной эпидеміи на рогатомъ скотѣ.

Случайно спасшійся узникъ этого застѣнка разсказывалъ мнѣ, что упившійся Труновъ, въ одну изъ ночей, вдругъ, вспомнивъ что-то, приказалъ позвать свою жену. Когда она вошла и стала выговаривать мужу, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, за то, что ее подняли съ постели, Труновъ бросилъ свою сакраментальную фразу:

— Раздѣть!

Жена боролась, бросалась на мужа, и долго сотрудники Трунова не могли совладать съ нею.

Чѣмъ этотъ эпизодъ кончился, разсказывавшій не зналъ, ибо раздавшаяся внезапно въ селѣ тревога и суматоха въ тюрьмѣ, дали ему возможность скрыться изъ застѣнка.

Въ селѣ Безопасномъ погибъ мученической смертью священникъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ крестьянъ, котораго сами мѣстные большевики охраняли, увѣряя, что они не допустятъ какого-либо лиха надъ батюшкой. Это не помѣшало потомъ имъ же схватить священника, возить его по селу на подводѣ, полной упившимися парнями и бабами и подъ звуки гармоники оповѣщать прохожихъ, что сейчасъ «по батѣ некому будетъ служить панихиды». На утро трупъ священника былъ найденъ его семьей среди другихъ многочисленныхъ жертвъ на «чумномъ базѣ».

Вдова мѣстнаго дьякона, заливаясь слезами, разсказывала, какъ на глазахъ дѣтей ее насиловала по очереди красноармейская стража, набивая ей ротъ, глаза и уши конскимъ навозомъ . . .

Въ селѣ Сергіевскомъ мученически погибъ членъ Гос. Думы третьяго созыва отъ крестьянъ Ставропольской губерніи И. А. Ефремовъ.

Въ селѣ Петровскомъ, сваливъ загубленныя жертвы съ крутого берега Калауса, въ томъ числѣ одного юношу-гимназиста, красноармейцы тѣшились, насилуя ученицъ находящейся въ с. Петровскомъ женской гимназіи, истязая ихъ при этомъ.

Обслѣдованіе установило исключительно большой процентъ жертвъ, павшій на православныхъ священнослужителей и лицъ духовнаго званія. Почти каждое село насчитывало такія жертвы. Но исключительный по своей жестокости эпизодъ произошелъ на станціи Карамыкъ, гдѣ были сосредоточены и долго томились отъ жары, голода и жажды въ раскаленныхъ зноемъ желѣзнодорожныхъ пакгаузахъ жертвы, свезенныя изъ окрестныхъ селъ.

Вытащивъ находившагося тамъ престарѣлаго священника, красноармейцы долго волочили его за волосы по шпаламъ къ мѣсту разстрѣла, когда же священникъ, благословляя предназначенныхъ къ казни, застылъ въ молитвенномъ экстазѣ и нѣкоторое время стоялъ и послѣ сдѣланнаго по жертвамъ залпа, одинъ изъ красноармейцевъ съ изступленною бранью сорвалъ съ него одежду и надругавшись надъ старцемъ, какъ мужчиной, разсѣкъ священнику черепъ сабельнымъ ударомъ . . .

Представители ногайскаго племени удостовѣрили своими письменными заявленіями о поруганіи храмовъ и мусульманскихъ святынь и жестокихъ казняхъ духовныхъ лицъ, произведенныхъ большевиками на ногайской территоріи Ачикулакскаго уѣзда . . .

Но что могутъ прибавить эти кошмарныя отрывочныя воспоминанія къ общему зрѣлищу поруганной и распятой Россіи, все еще кровоточащей своими отверзтыми ранами?

Наше время творитъ своею рукою, точно пророческія знаменія апокалипсиса, и въ жизни людей, и въ жизни народовъ загадочныя, полныя ужаса, письмена, ни смысла, ни необходимости которыхъ не пойметъ человѣческій умъ.

Быть можетъ, только отдаленные потомки наши поймутъ и оцѣнятъ, для кого и почему нужны были всѣ эти муки и жертвы и воздадутъ позднюю справедливость жертвенно-опустошенной жизни нашей!

И, если въ мірѣ ничто не исчезаетъ, если отъ каждой жизни, ушедшей изъ земной оболочки, останется хоть огонекъ, мерцающій въ пространствѣ временъ, пусть дошедшее до его лучей позднее пониманіе хоть тогда озаритъ уютомъ и лаской всѣ загубленныя, насильственно потушенныя души...

Имена же всѣхъ ихъ — Ты, Господи, одинъ вѣси...

Какъ началась «Южная Армія»

Герцога Г. Лейхтенбергскаго

I

Былъ конецъ іюля 1918 года. Въ Кіевѣ, гдѣ я тогда и проживалъ съ двумя своими старшими дѣтьми, постепенно, подъ охраной нѣмецкихъ штыковъ, укрѣплялось правительство Гетмана Скоропадскаго, организовывалась правительственная украинская власть, водворялись покой и тишина, и экономическая жизнь края начинала возрождаться.

На Дону правилъ Атаманъ Красновъ и тамъ также нарождалась вооруженная сила и укрѣплялись порядокъ и тишина.

На Кубани Добровольческая армія успѣшно боролась съ большевиками и старалась всемѣрно увеличивать свои силы. На югѣ Россіи, такимъ образомъ, создавалась широкая база для дѣйствій противъ Совѣтской Москвы въ будущемъ. Говорю: въ будущемъ, потому, что эти разнородныя силы — Украину, Донъ и Кубань — надо было еще координировать; теоретически координировать ихъ было бы нетрудно одной просто поставленной цѣлью — борьбой съ большевизмомъ, какъ съ міровымъ зломъ и міровой опасностью, и возстановленіемъ Россіи. Теоретически большинство дѣятелей того времени это и понимали, но практически достигнуть соглашенія въ этомъ направленіи было крайне нелегко: міровая война все еще продолжалась, и Россія, какъ таковая, выбыла изъ строя и превратилась въ арену междуусобной войны и международныхъ интересовъ.

На Украинѣ господствовали нѣмцы и гетманъ долженъ былъ съ ними считаться при каждомъ своемъ шагѣ. Своей арміи у него еще не было и неизвѣстно было, когда-то еще нѣмцы разрѣшатъ таковую создать. Пока у него былъ лишь незначительный конвой для личной безопасности.

Добровольческая армія, выкинувъ лозунгъ: «вѣрность союзникамъ до конца», всецѣло разсчитывала на ихъ, союзниковъ, помощь и, ставя патріотическимъ лозунгомъ: Единую, недѣлимую Россію, не желала признавать Украины, поневолѣ считалась съ Дономъ и, что было хуже съ практической, русской точки зрѣнія, признавала нѣмцевъ на Украинѣ своими врагами и всячески это подчеркивала.

Одинъ только Донъ, своими собственными силами избавившійся въ то время отъ большевиковъ, не былъ связанъ политически ни съ одной изъ боровшихся еще въ то время въ Европѣ коалицій и сохранялъ свою чисто-русскую независи-

мость. Атаманъ Красновъ могъ, поэтому, со спокойной совѣстью искать матеріальной поддержки и у нѣмцевъ, и у Союзниковъ, поскольку и тѣ, и другіе пожелали бы помогать ему въ борьбѣ противъ большевиковъ.

Четвертымъ элементомъ политической борьбы съ большевиками являлись русскіе люди, бѣгущіе изъ большевистскаго рая. Большинство ихъ были монархистами и попадали сперва на Украину, куда было легче пробраться изъ средней Россіи, а оттуда уже пробирались либо въ Добровольческую Армію, либо на Донъ, въ зависимости отъ личныхъ вкусовъ.

Многіе такіе бѣженцы приходили въ Кіевъ ко мнѣ и къ моему брату, особенно офицеры, отъ корнетовъ до генераловъ, и просили совѣтовъ и указаній, куда имъ направляться и что дѣлать. Пріѣзжали, чиновники, сановники, помѣщики, земскіе дѣятели и просто «штатскіе», желающіе служить Россіи какъ изъ патріотизма, такъ и изъ-за хлѣба насущнаго, и не знавшіе куда идти, чтобы не войти въ конфликтъ съ собственной совѣстью.

Одни понимали, что нужно всемѣрно укрѣплять гетманскую власть на Украинѣ, спасать отъ большевистскаго разоренія эту житницу Россіи и не отворачиваться отъ нѣмцевъ, хозяевъ положенія, и вчерашнихъ, правда, враговъ, но избавившихъ край отъ большевистскихъ безобразій и не менѣе революціонныхъ мѣропріятій Петлюры и Украинской Рады, — а пользоваться ихъ окупаціей, дабы спасти отъ разложенія хотя бы эту составную часть Россіи, разъ вчерашніе враги на это шли и пришли на Украину не какъ враги, а какъ друзья. Наконецъ, то обстоятельство, что нѣмцы почерпали яко бы изъ Украины продовольствіе и этимъ удлинняли срокъ противодѣйствія союзникамъ, смущало многихъ. Но, вѣдь, занятіе ими Украины произошло помимо воли насъ, русскихъ монархистовъ: ихъ призвала соціалъ-демократическая Центральная Украинская Рада и измѣнить совершившійся фактъ мы были не въ силахъ. Нѣмцы, все равно, выбирали бы изъ Украины все, что имъ надо было, и выгоднѣе было имѣть на Украинѣ хоть какую-нибудь, но свою власть, свое правительство, съ которымъ нѣмцамъ надо было, хотя бы и для вида только, но все-таки считаться, чѣмъ оказаться на положеніи оккупированной врагомъ провинціи.

Такимъ людямъ я говорилъ, что, служа Гетману, они несомнѣнно служатъ и Россіи, и они, оглядѣвшись, обыкновенно и поступали на службу гетманскому правительству, хотя нѣкоторые и находили для себя непреодолимымъ препятствіемъ требованіе говорить и писать на украинской «мовѣ» пана Грушевскаго, что требовалось — но плохо исполнялось за незнаніемъ этого языка — во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Украины.

Другіе «не могли переносить вида нѣмецкихъ касокъ на улицахъ Кіева» и старались пробираться на Кубань. Особенно офицеры. Такимъ мы, конечно, всячески содѣйствовали, частенько ходатайствуя имъ разрѣшенія на проѣздъ у нѣмецкихъ военныхъ властей, съ которыми у меня установились хорошія отношенія. При этомъ я долженъ сказать, что меня часто поражала легкость, съ которой нѣмцы отправляли, или закрывали глаза на отправку въ Добровольческую Армію такихъ офицеровъ. Врядъ ли я ошибусь, сказавъ, что при такомъ образѣ дѣйствій ими, по крайней мѣрѣ ихъ военными властями, руководило убѣжденіе, что Добровольческая Армія, по существу своему, монархична, что, поэтому, усиленіе ея есть усиленіе монархическаго элемента вообще и русскаго, національнаго, въ частности, и что съ монархической Россіей они легче сговорятся въ будущемъ, чѣмъ съ большевиками, органически противными имъ самымъ существомъ своимъ.

Правда, нѣмцамъ приходилось иногда арестовывать офицеровъ-добровольцевъ, слишкомъ уже откровенно ведшихъ свою агитацію въ Кіевѣ и на Украинѣ, и притомъ не только вербовкой офицеровъ въ Добровольческую Армію, но и опредѣленнымъ, при этомъ, возбужденіемъ офицерства противъ нѣмцевъ. Въ краѣ, какъ-никакъ а оккупированномъ нѣмцами, это было по меньшей мѣрѣ безтактно и нечего, поэтому, удивляться, что такихъ неумѣлыхъ агитаторовъ и вербовщиковъ нѣмцы арестовывали. Однако, въ большинствѣ случаевъ, дѣло кончалось тѣмъ, что, по ходатайству Гетмана или русскихъ видныхъ Кіевлянъ, этихъ арестованныхъ либо высылали изъ предѣловъ Украины, либо отпускали на всѣ четыре стороны и они возвращались въ Добровольческую Армію.

На Донъ, къ Краснову, съ которымъ нѣмцы поддерживали дружескія отношенія, они отпускали русскихъ людей и офицеровъ гораздо легче, и часто офицеръ, офиціально ѣхавшій на Донъ, отправлялся оттуда на Кубань и — нѣмцамъ зачастую это было извѣстно заранѣе.

Третьи, наконецъ, истые монархисты, не желали ни поступать на службу въ Украинѣ, ни ѣхать къ добровольцамъ, не видя у нихъ опредѣленно монархическихъ лозунговъ. И такихъ, особенно среди офицерства, было много. Они не хотѣли ѣхать къ Деникину, потому что не хотѣли признавать «Учредилки» и демократіи. На Донъ ѣхать — ихъ тамъ также могли не принять подъ стягомъ монархіи и Атаману Краснову, несомнѣнно монархисту въ душѣ, надо было проявлять въ этомъ отношеніи большую осторожность, считаясь съ вѣяніями времени среди казачьяго Круга.

Такіе люди, какъ и очень многіе другіе русскіе разныхъ сословій, съ одной стороны, думали передъ приходомъ нѣмцевъ: «Вотъ, пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ» — и чаяли единственно отъ нихъ возстановленія порядка и спасенія Россіи, а, съ другой стороны, по этимъ же самымъ соображеніямъ, готовы были организовываться сами, при условіи матеріальной поддержки со стороны нѣмцевъ.

Лично я, надѣявшійся одно время, послѣ разрыва нѣмцевъ съ большевиками въ Брестъ-Литовскѣ, что они пойдутъ на Москву и Петроградъ и тѣмъ спасутъ Россію отъ гибели — а съ разложеніемъ нашей арміи ничего иного ожидать было нельзя, — очень скоро послѣ прихода нѣмцевъ на Украину убѣдился изъ разговоровъ съ ними и изъ ихъ дѣйствій, что надѣяться на нихъ намъ особенно не приходится: они не понимали ни обстановки, ни психологіи народной, ни психологіи общественной и, если военныя власти, ближе соприкасавшіяся съ населеніемъ, правильнѣе понимали положеніе и старались дѣйствовать сообразно этому, то дипломатическіе представители ихъ во всемъ имъ перечили и, гдѣ могли, мѣшали, разыгрывая «демократовъ» и считаясь съ возраставшимъ вліяніемъ соціалистическихъ партій у себя дома.

Такимъ образомъ я зналъ, что на Украинѣ имѣется большой контингентъ людей, жаждущихъ организоваться, чтобы выступить противъ большевиковъ подъ монархическимъ стягомъ, и я не сомнѣвался, что, если бы такая организація могла состояться и собрать солидныя силы, то что она, вступивъ на территорію Совдепіи, найдетъ полную поддержку народа. Но какъ и гдѣ организоваться? Вопросъ казался неразрѣшимымъ.

Тутъ я какъ-то узналъ отъ моего брата, ѣздившаго на Донъ по приглашенію нѣкоторыхъ казаковъ — онъ числился казакомъ и думалъ найти себѣ примѣненіе въ Донской арміи — что Атаманъ Красновъ втайнѣ готовъ предоставить національной русской монархической арміи-организаціи, въ видѣ базы, или территоріи,

отвоеванные казаками у большевиковъ Богучарскій и части Бобровскаго уѣздовъ Воронежской губерніи, защищать которые казаки, поэтому, могутъ, въ одинъ прекрасный день, отказаться. Пріѣхавшіе къ моему брату казаки пытались въ это время завести съ нимъ и съ мѣстными Кіевскими русскими организаціями, правыми, военными и умѣренными, переговоры, но, побывавъ раза два на ихъ собраніяхъ и увидѣвъ ихъ пустословіе и бездѣятельность, мой братъ махнулъ на нихъ рукой и отстранился отъ всяческой политической дѣятельности. Замѣчу мимоходомъ, что нѣсколько позже онъ поѣхалъ отъ Атамана Краснова съ письмомъ къ Императору Вильгельму, былъ очень любезно принятъ въ главной квартирѣ германской арміи, но по политическимъ соображеніямъ Императора не видалъ и письма передать не смогъ, послѣ чего подалъ въ отставку и уѣхалъ въ нейтральную страну.

II

Въ Кіевѣ, въ одно прекрасное утро мнѣ докладываютъ: Г-нъ Акацатовъ. Акацатовъ? Акацатовъ? Кто такое Акацатовъ? Наконецъ, вспоминаю: да, это присяжный повѣренный съ непріятнымъ лицомъ, непріятнымъ, рѣзкимъ и хриплымъ голосомъ и злымъ языкомъ, который бывалъ у насъ въ Обществѣ Ревнителей Исторіи и про котораго мнѣ говорили: «Не обращайте вниманія на непріятную внѣшность его; это очень неглупый, дѣятельный и честный человѣкъ и чисто русскій патріотъ». Совѣтъ Общества его иногда просилъ выступать противъ нѣкоторыхъ строптивыхъ ораторовъ на собраніяхъ и онъ прекрасно умѣлъ ихъ отчитывать. Да, вспоминаю. «Просите».

Входитъ Акацатовъ, только что прибывшій съ Дона. Разговариваемъ о положеніи дѣлъ вообще. Онъ, оказывается, былъ съ Корниловымъ; имѣлъ и имѣетъ сношенія съ Оренбургскимъ Атаманомъ Дутовымъ, котораго высоко цѣнилъ; у него связи съ кругомъ спасенія Дона и съ казаками; есть связи съ правыми организаціями въ Одессѣ и на югѣ Россіи вообще. «Была бы, говоритъ, опредѣленная цѣль и средства, а силы для спасенія Россіи найдутся». Все это мнѣ нѣсколько подозрительно, ибо я знаю, какъ русскіе люди склонны вообще преувеличивать и увлекаться собственными мыслями и мечтами настолько, что скоро начинаютъ принимать ихъ за реальности.

Бесѣдуемъ дальше. Все, что говоритъ Акацатовъ, серьезно, правильно, основательно и — честно. Называетъ онъ мнѣ дѣятелей «Союза русскаго народа», которые дадутъ-де крестьянъ и запасныхъ солдатъ для арміи, называетъ цифры . . . Самъ онъ былъ членомъ «Русскаго Собранія» въ Петроградѣ, но взглядовъ умѣренныхъ, нынѣ конституціоналистъ. Въ концѣ концовъ, прихожу къ заключенію, что, если даже половина только того, что говоритъ Акацатовъ, вѣрна, то матеріалъ для вооруженной силы получить можно. Офицеры, конечно, найдутся въ достаточномъ числѣ. «Время не терпитъ, говоритъ Акацатовъ, нельзя теперь русскимъ людямъ сидѣть сложа руки, а надо работать. Давайте работать вмѣстѣ?»

«Я не политикъ, никогда ни къ какой политической партіи не принадлежалъ, на фронтѣ не былъ и ничѣмъ не командовалъ. Поэтому ни въ политическихъ группахъ, ни въ военныхъ сферахъ никакого авторитета имѣть не могу. Партій-

ности, политическихъ программъ, политической дѣятельности не знаю и не люблю; куда же я гожусь», — такъ, приблизительно, отвѣчаю я Акацатову. «Но принципіально я согласенъ съ Вашимъ мнѣніемъ и ничего противъ работы съ вами, по существу, не имѣю». На этомъ мы съ нимъ въ этотъ разъ разстаемся.

Черезъ день, другой, Акацатовъ опять приходитъ. Онъ уже успѣлъ войти въ сношенія съ разными мѣстными и пріѣзжими дѣятелями и является уже съ именами и съ болѣе опредѣленными цифрами и данными. Я, между тѣмъ, успѣлъ обдумать: дѣйствительно, всѣ мы, русскіе люди, сидимъ, болтаемъ, критикуемъ всѣхъ и все, но ничего не предпринимаемъ. Самъ я вынужденъ бездѣльничать и это меня угнетаетъ. Положеніе мое, однако, выгодное: отношенія съ Гетманомъ у меня дружескія — по свойству и прежнему полковому товариществу; съ нѣмцами также отношенія довѣрительныя, ибо, живя въ Германіи послѣдніе десять лѣтъ, я тамъ извѣстенъ, нѣмецкій характеръ, его достоинства и недостатки знаю, ихъ языкъ знаю и знаю, какъ съ ними надо разговаривать. Они мнѣ вѣрятъ, зная, что у меня природной вражды къ нимъ нѣтъ. Самъ я человѣкъ вполнѣ независимый, никакими партійными политическими программами не стѣсненный и не связанный. Соображаю: Акацатовъ все это знаетъ. Я ему нуженъ, какъ вывѣска, какъ лицо, которому нѣмцы повѣрятъ, которому повѣрятъ и наши монархисты и которое ни тѣ, ни другіе, не заподозрятъ по крайней мѣрѣ въ корыстныхъ цѣляхъ. Дѣло слѣдовательно слагается такъ: мое имя будетъ флагомъ, подъ которымъ будетъ работать Акацатовъ и . . . тѣ, кого онъ привлечетъ. Но кто они? — не знаю. Довѣрить свое честное имя мало знакомому человѣку? Рисковано. Вспоминаю, однако, отзывы о немъ людей, его раньше знавшихъ, о его честности, вспоминаю, что долгъ всякаго русскаго въ это время работать, а не жаться боязливо по своимъ угламъ, вспоминаю пословицу: «Волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить» и . . . рѣшаю рискнуть идти въ лѣсъ.

Ясно, что первый же возникающій вопросъ это — откуда добыть средства; и столь же ясно, что дать ихъ, для начала по крайней мѣрѣ, могутъ только нѣмцы. Я, значитъ, долженъ ѣхать съ ними разговаривать.

«Хорошо, Михаилъ Епифановичъ, говорю я, но отъ чьего же имени я буду съ ними разговаривать? Не отъ себя же лично? этого имъ будетъ мало».

«Надо создать организацію».

«Кто же въ ней будетъ?»

«Да Вы, я, найдутся и другіе единомышленники . . .»

«Прекрасно, но намъ вѣдь надо, чтобы хоть въ центральномъ органѣ были люди, если не съ громкими, то хоть извѣстными именами, и главное, съ чистыми именами».

Акацатовъ называетъ мнѣ нѣсколько именъ, дѣйствительно подходящихъ, но они всѣ на Дону, на Кубани, или въ Совдепіи, или опредѣленно антантофильской оріентаціи. Какъ мы ни ищемъ, а налицо въ Кіевѣ и на Украинѣ не находится ни одного дѣятеля, котораго мы могли бы сейчасъ взять въ совѣтъ будущей организаціи. Останавливаемся, наконецъ, на генералѣ Андреевѣ, котораго я немного, а Акацатовъ хорошо знаемъ, бывшемъ генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, который сейчасъ находится въ Петроградѣ, но котораго, по словамъ Акацатова, легко можно оттуда добыть и вызвать. (Въ дѣйствительности, генералъ Андреевъ такъ никогда и не пріѣхалъ.)

Все это мнѣ не улыбается, ибо только tres faciunt collegium, но дѣлать нечего, придется пока изображать collegium намъ двоимъ. Понемногу, Богъ дастъ, наберемъ другихъ еще членовъ совѣта. Названіе нашей новоявленной организаціи даемъ: «Союзъ — Наша Родина», и ставимъ цѣлью — офиціальной — борьбу съ большевизмомъ и спасеніе Россіи, ничего больше. О тайной цѣли — «Единой, недѣлимой» мы въ офиціально самостійной Украинѣ, конечно, говорить не можемъ, и Гетманъ не можетъ, понятно, разрѣшить въ управляемой имъ странѣ организаціи, которая явно не признавала бы самостійности. Говорить о монархіи офиціально также нельзя, ибо германское правительство заигрываетъ съ нашими и украинскими «демократами» и даже съ соціалистами, и всячески старается тянуть Гетмана влѣво. Оно, значитъ, не можетъ поддерживать монархистовъ въ Россіи явно, ибо тогда посыплются запросы въ Рейхстагѣ со стороны соціалистовъ, хотя въ душѣ оно, вѣроятно, понимаетъ, что съ русской монархіей легче и скорѣе будетъ можно столковаться, чѣмъ съ большевиками, которые уже начали отбиваться у нихъ отъ рукъ.

На дѣлѣ, конечно, всѣмъ вступающимъ въ организацію должно быть и будетъ извѣстно совершенно опредѣленно, что цѣль нашей организаціи — сверженіе большевиковъ и установленіе затѣмъ въ Россіи конституціонной монархіи, своими, русскими силами, безъ участія иностранныхъ вооруженныхъ силъ. Эта же цѣль будетъ столь же прямо и ясно сообщена нѣмцамъ. Посмотримъ, что они скажутъ.

Ѣду въ нѣмецкое главное командованіе; объясняю въ чемъ дѣло. Подумавъ, они выражаютъ принципіальное свое согласіе и сочувствіе нашимъ цѣлямъ, обѣщаютъ помочь деньгами и не мѣшать намъ вербовать офицеровъ и солдатъ въ предѣлахъ Украины. Спрашиваютъ, наконецъ: «Гдѣ же вы собираетесь формировать самыя части?» Тогда, зная, что планъ Краснова имъ извѣстенъ, отвѣчаю, что въ Богучарскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, то-есть на территоріи, не ими оккупированной, для нихъ нейтральной, и что я войду на этотъ предметъ въ переговоры съ Донскимъ Атаманомъ. Большевики, такимъ образомъ, не смогутъ быть на нихъ въ претензіи, такъ какъ эта территорія имъ, нѣмцамъ, не подвластна, и нѣмцы не отвѣтственны за то, что тамъ можетъ происходить; не можетъ и Рейхстагъ ихъ ничего возразить, — тѣмъ не менѣе, при прощаніи, они говорятъ мнѣ: «Только мы васъ очень просимъ, пока что, не говорить объ этомъ нашимъ дипломатическимъ представителямъ, а все это дѣло вести только съ нами и тайно».

Заручившись, такимъ образомъ, содѣйствіемъ германскаго военнаго командованія, открываю Акацатову секретъ о Богучарскомъ уѣздѣ, котораго онъ еще не зналъ и который привелъ его въ восторгъ. Рѣшаемъ, что предсѣдателемъ союза «Наша Родина» будетъ онъ, а не я, дабы не давать дѣлу сразу слишкомъ явную окраску; что предполагаемая къ формированію «армія» будетъ называться «Южная армія», какъ долженствующая, въ конечномъ итогѣ, объединить, со временемъ, всѣ вооруженныя силы антибольшевистской Россіи на югѣ; что сила ея предполагается первоначально въ составѣ одной дивизіи пѣхоты военнаго состава, съ соотвѣтствующей конницей и артиллеріей; что отличительнымъ знакомъ ея будетъ нашитый на рукавѣ уголъ изъ лентъ національныхъ цвѣтовъ и бѣло-черно-желтой, какъ символа національно-монархическаго ея характера, и затѣмъ Акацатовъ поѣхалъ на Донъ, къ Атаману Краснову, заручиться его согласіемъ и переговорить съ нимъ о предоставленіи нашему союзу Богучарскаго уѣзда,

какъ территоріи для формированія арміи и даже для введенія своей администраціи. Возвратившись оттуда съ благопріятнымъ для насъ отвѣтомъ, онъ усиленно принялся за работу.

Очень быстро былъ сформированъ «штабъ арміи», въ которомъ вся тяжесть работы лежала на двухъ преданныхъ дѣлу, честныхъ русскихъ офицерахъ, полковникахъ Чеснаковѣ и Вилямовскомъ, мнѣ тогда совершенно неизвѣстныхъ, но которыхъ я вскорѣ научился уважать и цѣнить. Они работали, дѣйствительно, не за страхъ, а за совѣсть, съ полнымъ самоотверженіемъ, и я долженъ признать, что въ отношеніи ихъ выборъ Акацатова оказался прекраснымъ.

Офицеровъ, желающихъ поступить въ ряды арміи, было достаточно. Передъ зачисленіемъ имъ открывали монархическую цѣль формированія, не говоря, пока, откуда имѣются деньги; тщательно, насколько это вообще бывало возможно, провѣряли ихъ политическія убѣжденія и предыдущую службу. При вступленіи, никакихъ подписокъ съ нихъ не отбирали, а объясняли, что армія — чисто русская, ни въ какую борьбу ни съ какими внѣшними врагами ввязываться не будетъ и, въ частности, ни въ коемъ случаѣ не подниметъ оружія противъ нѣмцевъ, такъ какъ формируется на занятой ими территоріи и съ ихъ вѣдома, а потому идти противъ нихъ было бы нечестно, что мы надѣемся въ будущемъ дѣйствовать рука объ руку съ Добровольческой Арміей и съ казаками.

Впослѣдствіи недоброжелателями Южной Арміи распускались слухи, будто руководители ея брали съ поступающихъ какія-то подписки, отдающія ихъ въ кабалу нѣмцамъ, могущія заставить ихъ идти противъ Добровольческой Арміи, въ случаѣ выступленія ея противъ нѣмцевъ и т. п. Долженъ здѣсь заявить самымъ категорическимъ образомъ, что не только съ поступающихъ въ ея ряды никакихъ подписокъ нами не бралось, но и самъ союзъ «Наша Родина» никакихъ письменныхъ обязательствъ нѣмцамъ не давалъ, они ни разу таковой не требовали и ограничились лишь нашимъ словеснымъ обѣщаніемъ, что оружіе, выдаваемое ими намъ, ни въ коемъ случаѣ не будетъ обращено противъ нихъ, то-есть въ томъ, теоретически возможномъ, но практически маловѣроятномъ случаѣ, если бы возникло вооруженное столкновеніе между Добровольческой Арміей и ими, Южная Армія обязывалась оставаться нейтральной и ограничиться дѣйствіями противъ большевиковъ; или, въ случаѣ нежеланія или невозможности оставаться нейтральной, расформироваться и сдать полученное отъ нѣмцевъ оружіе обратно, причемъ однако личному составу не препятствовалось бы вступить въ ряды Добровольцевъ. Такая оговорка была понятна, если принять во вниманіе, что Добровольческая Армія, ея вожди и вербовщики не стѣснялись говорить, что они «выгонятъ нѣмцевъ изъ предѣловъ Россіи».

Конечно, при тогдашней численности Добровольческой Арміи и политической тогдашней обстановкѣ, такія угрозы были просто смѣшны, и мы не предвидѣли никакого вѣроятія вооруженнаго конфликта между нею и германской арміей. Но предусмотрѣть такой случай было, все-таки, необходимо, и каждый чинъ Южной Арміи долженъ былъ знать, на что онъ идетъ и на что не долженъ идти. При дилеммѣ: идти противъ своихъ братьевъ-добровольцевъ за нѣмцевъ, или наоборотъ, лично каждому предоставлялось рѣшать этотъ вопросъ по влеченію совѣсти, и рѣшеніе это не могло быть сомнительнымъ. Но организованныя на нѣмецкія средства и получившія отъ нихъ оружіе части, конечно, не должны были выступать противъ нихъ, какъ таковыя. Слѣдуетъ признать, такимъ образомъ, что германскіе военные круги показали себя въ данномъ случаѣ весьма честными и благородными.

Чтобы покончить съ взаимоотношеніями нашими съ Добровольческой Арміей, долженъ, забѣгая впередъ, присовокупить, что, когда наши формированія начались, я счелъ долгомъ написать генералу Деникину письмо, въ которомъ излагалъ цѣль формированія Южной Арміи и выражалъ надежду на совмѣстныя, въ будущемъ, военныя дѣйствія съ находящимися подъ его начальствомъ вооруженными силами противъ враговъ Россіи — большевиковъ. Этимъ письмомъ я надѣялся выяснить генералу Деникину наши цѣли и разсѣять у него всякія сомнѣнія на нашъ счетъ. Отвѣтъ я получилъ вѣжливый, но весьма сухой, который сводился къ тому, что мы — Добровольцы, совершенно-де самостоятельны, ни въ чьей помощи не нуждаемся, а что о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ можно будетъ говорить тогда только, когда Южная Армія освободится отъ иноземной зависимости и обязательствъ. Письмо это, къ сожалѣнію, осталось вмѣстѣ съ другими моими бумагами въ Кіевѣ, и я не могу привести подлиннаго его текста, но содержаніе его врѣзалось — и очень непріятно — въ памяти у меня твердо.

Вожди Добровольцевъ не понимали, или не хотѣли понять того, что такъ ясно выражалъ графъ Келлеръ, впослѣдствіи столь гнусно убитый Петлюровцами въ Кіевѣ, въ письмѣ къ генералу Алексѣеву отъ 20 іюля/2 августа 1918 г., въ собственноручно снятой имъ самимъ копіи лежащемъ предо мною:

«Единственной надеждой, пишетъ графъ Келлеръ, являлась до сихъ поръ для насъ Добровольческая Армія, но въ послѣднее время и къ ней относятся подозрительно и подозрѣніе, вкравшееся уже давно, растетъ съ каждымъ днемъ . . . Вѣрятъ Вамъ кадеты и, можетъ быть, и то отчасти, группа Шульгина, но большинство монархическихъ партій, которыя въ послѣднее время все разростаются, въ Васъ не увѣрены, что вызывается тѣмъ, что никто отъ Васъ не слышалъ столь желаннаго, яснаго и опредѣленнаго объявленія, куда и къ какой цѣли Вы идете сами и куда ведете Добровольческую Армію. Нѣмцы это, очевидно, поняли, и я сильно опасаюсь, что они этимъ воспользуются въ свою пользу, то-есть для разъединенія офицерства . . .»

«Боюсь я также, что для того, чтобы отвлечь отъ Васъ офицеровъ, изъ которыхъ лучшій элементъ монархисты, нѣмцы не остановятся передъ тѣмъ, чтобы здѣсь въ Малороссіи или Крыму формировать армію съ чисто монархическимъ, опредѣленнымъ лозунгомъ. Если нѣмцы объявятъ, что цѣль формированія — возведеніе законнаго Государя на престолъ и объединеніе Россіи подъ Его державою и дадутъ твердыя гарантіи, то для такой цѣли, какъ бы противно ни было идти съ ними рука объ руку, пойдетъ почти все лучшее офицерство кадроваго состава».

«Въ Вашихъ рукахъ, Михаилъ Васильевичъ, средство предупредить еще нѣмцевъ (чистымъ намѣреніямъ коихъ я не вѣрю), но для этого Вы должны честно и открыто, не мѣшкая, объявить — кто Вы, куда и къ какой цѣли Вы стремитесь и ведете Добровольческую Армію».

«Объединеніе Россіи великое дѣло, но такой лозунгъ слишкомъ неопредѣленный и каждый даже Вашъ доброволецъ чувствуетъ въ немъ что-то недосказанное, такъ какъ каждый человѣкъ понимаетъ, что собрать и объединить разсыпавшихся можно только къ одному опредѣленному мѣсту или лицу. Вы же объ этомъ лицѣ, который можетъ быть только прирожденный, законный Государь, умалчиваете. Объявите, что Вы идете за законнаго Государя, если его дѣйствительно уже нѣтъ на свѣтѣ, то за законнаго же наслѣдника Его, и за Вами пойдетъ

безъ колебаній все лучшее, что осталось въ Россіи, и весь народъ истосковавшійся по твердой власти . . .»

То, что такъ ясно и опредѣленно высказывалъ въ своемъ письмѣ рыцарски честный и прямой графъ Келлеръ, жившій въ то время въ Харьковѣ, то еще ярче ощущали мы, въ Кіевѣ, и это-то привело насъ къ мысли о созданіи Южной Арміи, какъ я говорилъ выше. Генералъ Алексѣевъ не внялъ словамъ графа Келлера. Добровольческая Армія осталась при своихъ туманныхъ лозунгахъ, но продолжала дуться и сердиться на то, что лучшее офицерство вступало въ ряды Южной, Астраханской, а позднѣе и Саратовской, армій. Она винила насъ, и винитъ даже вѣроятно еще насъ и теперь въ томъ, что мы ослабляли, подъ вліяніемъ нѣмцевъ, ея ряды: она признавала себя единственной носительницей Русской національной идеи, была увѣрена, на словахъ по крайней мѣрѣ, въ своей побѣдѣ, а насъ — считала чуть ли не измѣнниками русскому дѣлу.

Если графъ Келлеръ былъ правъ, говоря въ другой части своего вышеприведеннаго письма, что . . . «не подлежитъ сомнѣнію, что формированіемъ при нѣмецкой поддержкѣ и на нѣмецкія деньги Астраханскаго монархическаго отряда нѣмцы преслѣдуютъ ту же цѣль (разъединенія офицерства)», то, какъ мы видѣли выше, зарожденіе Южной Арміи произошло совершенно независимо отъ ихъ воли и намѣренія. И по крайней мѣрѣ, я и Акацатовъ узнали о началѣ формированія Астраханской Арміи лишь нѣсколько дней по открытіи нашего вербовочнаго бюро.

Эта «Астраханская Армія» формировалась яко бы подъ командой Атамана Астраханскаго Казачьяго Войска князя Тундутова, русскими подозрительными агентами, состоявшими на нѣмецкомъ содержаніи.

Никакой общественной организаціи за ними въ то время не стояло. Кромѣ того, эти германскіе агенты повели дѣло столь неумѣло, такъ, будучи сами личностями болѣе чѣмъ двусмысленнаго характера, кутили и прибѣгали къ такимъ пріемамъ, что самимъ нѣмцамъ вскорѣ пришлось этихъ своихъ агентовъ уволить и спрятать, а Астраханская Армія впослѣдствіи перешла въ вѣдѣніе крайнихъ правыхъ монархическихъ группъ.

Допускаю, что созданіе Южной Арміи было нѣмцамъ на руку, допускаю, что она отвлекала отъ Добровольческой Арміи часть офицерства, которая, въ концѣ концовъ, пошла бы туда, чтобы не бездѣйствовать и . . . питаться, — но большинство офицеровъ Южной Арміи все равно туда бы не пошло, по причинамъ, выше изложеннымъ. Но виною тому была отнюдь не сама Южная Армія. Наконецъ, горделиво звучавшее слово генерала Деникина о независимости Добровольческой Арміи было на дѣлѣ также понятіемъ очень относительнымъ. Снаряды и патроны они получали, правда, отъ Атамана Краснова; правда, эти снаряды и патроны были русскіе, изъ запасовъ, накопленныхъ еще Императорскимъ Правительствомъ на Украинѣ; правда, въ Батайскѣ нѣмцами была учреждена офиціальная застава, долженствовавшая не пропускать этихъ снарядовъ на Кубань, дабы избѣжать нареканій со стороны большевиковъ въ поддержкѣ ихъ противниковъ. Но столько же правда, что безъ разрѣшенія нѣмцевъ и Гетмана, Красновъ не могъ бы получать этихъ русскихъ снарядовъ, ни пересылать ихъ столь нуждавшейся въ нихъ Добровольческой Арміи. Нѣмцы сказали Краснову: «Мы ставимъ заставу въ Батайскѣ, но мы будемъ закрывать глаза, если Вы будете возить снаряды и патроны Добровольцамъ другимъ путемъ, изъ числа удѣляемыхъ вамъ запасовъ». И каждый день грузовики, въ обходъ Батайска, возили по грунтовымъ дорогамъ на Кубань снаряды и патроны, которые доста-

вляли Добровольцамъ Донъ и Украина — ими непризнаваемые — съ вѣдома ненавистныхъ имъ нѣмцевъ. Вожди Добровольцевъ это знали. И, казалось бы, не слѣдовало бы имъ кичиться своей «независимостью», по крайней мѣрѣ въ тайныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ со своими соотечественниками, если даже, по политическимъ соображеніямъ и въ цѣляхъ пропаганды, такое офиціально непримиримое отношеніе къ остальнымъ русскимъ людямъ, можетъ быть, и могло имѣть смыслъ.

И глубоко неправъ былъ графъ Келлеръ, когда въ своемъ письмѣ къ Алексѣеву писалъ, что . . . здѣсь (на Украинѣ) часть интеллигенціи держится союзнической оріентаціи, другая, большая часть — приверженцы нѣмецкой оріентаціи, но тѣ и другіе забыли о своей русской оріентаціи. По отношенію къ нашей мягкотѣлой интеллигенціи это было, пожалуй, вѣрно; но организаторы и члены союза «Наша Родина» и чины Южной Арміи именно держались чисто русской оріентаціи, то-есть, думали прежде всего о спасеніи Россіи и столь же охотно, и даже еще охотнѣе, воспользовались бы помощью союзниковъ, если бы въ то время союзники были въ состояніи имъ помочь. Но въ то время они не могли этого сдѣлать, даже для Добровольческой Арміи, а потому, казалось бы, если бы вожди Добровольцевъ имѣли дѣйствительно только «русскую оріентацію», то имъ слѣдовало бы открыто пользоваться тѣми ближайшими средствами и источниками спасенія Россіи, которые были болѣе доступны, и находились, волею судьбы, въ рукахъ нѣмцевъ.

Мы преклонялись передъ духовною мощью Корнилова и его сподвижниковъ, мы умилялись надъ геройствомъ «Ледяного похода», мы восторгались успѣхами Добровольческой Арміи, радовались ихъ побѣдамъ и всемѣрно имъ содѣйствовали, — а тамъ отвергали протянутую руку и клеймили насъ кличкой едва ли не измѣнниковъ и предателей Россіи. И, конечно, такое слѣпое и непримиримое отношеніе Добровольческой Арміи къ остальнымъ русскимъ людямъ больше удерживало притокъ къ ней офицеровъ и добровольцевъ — истинныхъ, а не партійныхъ патріотовъ, чѣмъ созданіе Южной Арміи.

III

Но, конечно, нѣмцы постарались имѣть свой глазъ и въ нашей арміи. Придя какъ-то въ одинъ изъ первыхъ дней существованія нашего «штаба», помѣщавшагося тогда въ двухъ комнатахъ гостиницы, я увидалъ тамъ нѣкоего подполковника Бермондта, коего мнѣ представили, какъ и остальныхъ чиновъ штаба, полковники Чеснаковъ и Вилямовскій. Статный, съ отчетливой военной выправкой, темноглазый и темноволосый, съ черными длинными усами и открытымъ взглядомъ, Бермондтъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Онъ былъ нѣсколько разъ раненъ германскими пулями на войнѣ, два раза сильно контуженъ, что отразилось на его нервной системѣ, и возбужденіе его, поэтому, доходило иногда до границъ невмѣняемости.

Черезъ нѣсколько дней, кто-то изъ знакомыхъ офицеровъ говоритъ мнѣ: «А вѣдь у васъ служитъ нѣмецкій агентъ, да къ тому же и самозванецъ». — «Кто такой?» — «Бермондтъ. Онъ вовсе не подполковникъ, а корнетъ и состоитъ у нѣмцевъ на службѣ».

Говорю объ этомъ нашимъ двумъ полковникамъ. Они отвѣчаютъ: «Мы знаемъ, что у него, дѣйствительно, хорошія отношенія и связи съ нѣмцами. Но онъ безусловно русскій человѣкъ и монархистъ; отлично умѣетъ разбираться въ политическихъ убѣжденіяхъ офицеровъ, говорить съ ними, разъяснять имъ положеніе и привлекать ихъ въ наши ряды; къ тому же ненавидитъ всей душой большевиковъ, что доказалъ уже своими дѣйствіями, и прекрасно умѣетъ разоблачать ихъ агентовъ» . . .

Призываемъ Бермондта, спрашиваю: «Съ какого времени вы имѣете чинъ подполковника?» Отвѣчаетъ: «Я, корнетъ Его Величества». — «То-есть, какъ такъ?» говорю я. — «Да. Я при Государѣ Императорѣ былъ только корнетомъ. Былъ представленъ къ производству въ такой-то (не помню уже въ какой именно) чинъ, а при Керенскомъ къ производству въ подполковники; знаю, что производство состоялось, но офиціальной бумаги, вслѣдствіе захвата власти большевиками, не получилъ». Отвѣтъ, прямой и честный, меня обезоруживаетъ, хотя можетъ быть это все и выдумки. (Я и до сихъ поръ не знаю, правда ли это?) Разсуждаемъ такъ: отъ нѣмцевъ намъ скрывать нечего; выгонять этого человѣка, въ своемъ родѣ намъ полезнаго, и изъ-за этого поссориться, можетъ быть, съ нѣмцами намъ нѣтъ никакого основанія. А глазъ за нимъ имѣть будемъ.

Долженъ здѣсь присовокупить, что, если у Бермондта и были недостатки: онъ любилъ сорить деньгами, впрочемъ, не въ свою пользу, а для пропаганды и для кутежей съ молодыми офицерами, любилъ съ ними выпить и такимъ путемъ узнавать сущность ихъ взглядовъ, — то, съ одной стороны въ недобросовѣстномъ пользованіи деньгами въ свою пользу мы его упрекнуть не могли, а равнымъ образомъ въ тайныхъ намъ вредныхъ сношеніяхъ съ нѣмцами уличить его не пришлось (да и не было въ томъ надобности, ибо мы дѣйствовали совершенно относительно нихъ открыто), и я до сихъ поръ не знаю, былъ ли онъ, дѣйствительно, ихъ агентомъ, или нѣтъ.

Но каково же было мое удивленіе, когда, больше года спустя, будучи въ Италіи или Швейцаріи, я узналъ изъ газетъ, что во главѣ русско-нѣмецкой арміи, организованной фонъ-деръ-Гольцомъ стоитъ «генералъ князь Аваловъ-Бермондтъ»!! Пишу друзьямъ въ Берлинъ, тотъ ли это самый Бермондтъ, который былъ у насъ въ Южной Арміи. Оказывается — тотъ самый. И я, помнится, подумалъ: «Плохи же дѣла, если нѣмцамъ пришлось во главѣ столь серьезнаго предпріятія поставить такого мелкаго человѣка. Неужели они не могли найти настоящаго русскаго генерала съ именемъ, а должны были прибѣгнуть къ помощи авантюриста, самодѣльнаго генерала и бывшаго своего, вѣроятно, мелкаго агента?» Впрочемъ, патріотизмъ Бермондта мнѣ не внушаетъ сомнѣнія и, при надлежащей опекѣ, онъ, несомнѣнно, могъ быть прекраснымъ орудіемъ. На первыя же роли, онъ, какъ и показалъ опять, не пригоденъ.

Въ штабѣ Южной Арміи его органически не переносилъ мой старый товарищъ по полку и другъ, полковникъ А. В. Молоствовъ. Молоствовъ, давно бывшій въ отставкѣ при объявленіи войны, попалъ потомъ въ ополченіе и, передъ революціей, командовалъ ополченской дивизіей въ Одессѣ. Человѣкъ совершенно не боевой, онъ былъ честнѣйшимъ и порядочнѣйшимъ человѣкомъ, добросовѣстнымъ офицеромъ, отличнымъ администраторомъ и сумѣлъ организовать свою дивизію прекрасно, подобравъ отличный составъ офицеровъ, въ большинствѣ гвардейскихъ, своихъ старыхъ знакомыхъ и товарищей, и поддерживалъ

среди нихъ старую дисциплину и бодрый духъ. При всемъ томъ это былъ человѣкъ весьма скромный.

Выйдя при Керенскомъ въ отставку, онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, и мнѣ удалось уговорить его поступить въ штабъ Южной Арміи на должность завѣдывающаго хозяйственной частью штаба, на что онъ согласился, мнѣ кажется, не столько, чтобы имѣть заработокъ, — средствъ у него не было никакихъ, — сколько изъ патріотизма съ одной стороны и, главное, изъ дружбы ко мнѣ лично и желанія мнѣ помочь.

Дѣйствительно, получать деньги отъ вчерашнихъ враговъ мнѣ было крайне тяжело само по себѣ; денегъ этихъ было очень мало, надобно было обращаться съ ними очень экономно и, главное, слѣдить за тѣмъ, чтобы онѣ не пропадали, не расхищались, не шли въ карманы частныхъ лицъ непроизводительно, словомъ — не растрачивались зря. Имѣя на этомъ дѣлѣ Аркадія Молоствова, я могъ спать спокойно и знать, что никакихъ злоупотребленій не будетъ. Такъ оно и вышло на дѣлѣ, и я сохранилъ самую благодарную память Молоствову, этому честному русскому человѣку и патріоту, за понесенный имъ чрезвычайно нелегкій и отвѣтственный трудъ. Онъ умеръ въ Кіевѣ, отъ какой-то болѣзни, въ началѣ 1919 года, какъ я позже узналъ. Миръ праху твоему, добрый другъ и честный русскій патріотъ!

Выше я назвалъ Бермондта авантюристомъ. Но я долженъ сказать, что, задумываясь подчасъ надъ начатымъ дѣломъ, я тогда самъ сознавалъ, что все дѣло Южной Арміи, пока-что — авантюра. Обѣщанной нѣмцами суммы было достаточно развѣ что на содержаніе штаба, перевозку чиновъ Арміи въ Богучарскій уѣздъ, содержаніе вербовочныхъ нашихъ бюро въ другихъ городахъ и небольшой воинской части, въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ. У насъ не было ни популярнаго начальника, намѣченный нами тогда въ командующаго арміей генералъ Арсеньевъ былъ въ Петроградѣ подъ арестомъ у большевиковъ и намъ такъ и не удалось его оттуда добыть, не было и начальника штаба. Все это я сознавалъ, меня угнетало все это, и все-таки я сознательно пошелъ на эту авантюру, считая, что это лишь пробный камень для опредѣленія истинныхъ намѣреній и желаній нѣмцевъ. Я полагалъ, и не безъ основанія, что если дѣло пойдетъ успѣшно, то они дадутъ и нужныя средства, и вооруженіе, и обмундированіе, и снаряженіе изъ русско-украинскихъ складовъ.

Начальникомъ штаба пришлось взять генерала Шильдбаха, бывшаго командира Л. Гв. Литовскаго полка и георгіевскаго кавалера. Шильдбахъ въ то время состоялъ гдѣ-то въ Прилукахъ на украинской службѣ негласно и собирался поступить въ ряды предполагавшейся къ созданію украинской арміи. Онъ былъ офицеромъ генеральнаго штаба, и я знавалъ его молодымъ капитаномъ въ Петербургскомъ военномъ округѣ. Никого болѣе подходящаго на эту должность въ Кіевѣ въ то время не оказалось, дѣло не терпѣло отлагательства, и мы рѣшили его взять: онъ былъ по крайней мѣрѣ не совершенно мнѣ незнакомый человѣкъ, а служебный стажъ его, казалось, говорилъ въ его пользу. Только послѣ этого я узналъ, что онъ въ рядахъ своего собственнаго Л. Гв. Литовскаго полка былъ вовсе не популяренъ и что георгіевскій крестъ, заслуженный имъ во главѣ полка, считался этимъ самымъ полкомъ — вовсе не заслуженнымъ. Съ его вступленіемъ въ должность начальника штаба, дѣло организаціи штабовъ и снабженія арміи пошло нѣсколько лучше; но все-таки все вымаливать у нѣмцевъ приходилось лично мнѣ, и Шильдбахъ не проявилъ должной энергіи и оказался не на высотѣ.

Не лучше обстояло дѣло и съ командующимъ арміей. Я сознавалъ крайнюю важность и для дѣла, и для впечатлѣнія у нѣмцевъ, поставить во главѣ арміи популярнаго русскаго генерала, но таковаго не находилъ. Былъ графъ Келлеръ; но онъ не желалъ идти съ нѣмцами, не вѣря имъ; Акацатовъ находилъ неудобнымъ брать его изъ-за его нѣмецкой фамиліи, я же, лично не зная его тогда, но зная отъ другихъ его характеръ, отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что онъ былъ бы не у мѣста: командующій Южной Арміей долженъ былъ быть человѣкомъ гибкимъ, умѣющимъ примѣниться къ обстановкѣ, ладить и съ гетманскимъ правительствомъ, и съ нѣмцами, и не выбрасывать слишкомъ открыто монархическій флагъ, дабы не поставить и тѣхъ, и другихъ въ необходимость прекратить поддержку арміи. Требовался политическій тактъ. Прямой, цѣльный характеръ графа Келлера, конечно, не справился бы съ этой задачей. И когда позже мы съ нимъ встрѣтились въ Кіевѣ, я ему это совершенно открыто высказалъ, не желая, чтобы онъ думалъ, что я его обошелъ по какимъ-нибудь личнымъ соображеніямъ. Позже, послѣ германской революціи, уже когда Скоропадскій открыто призналъ русскую оріентацію и далъ графу Келлеру почти неограниченныя правомочія въ организаціи русскихъ силъ, характеръ графа Келлера очень быстро сказался превышеніемъ данной ему гетманомъ власти и на 5-й уже день Скоропадскому пришлось уволить его отъ должности Главнокомандующаго, замѣнивъ его княземъ Долгорукимъ.

Въ политическихъ, военныхъ и монархическихъ кругахъ и кружкахъ Кіева нарожденіе союза «Наша Родина» произвело переполохъ. Личность Акацатова подверглась нападкамъ; всевозможные друзья и недруги старались меня съ нимъ поссорить, сдѣлать его въ моихъ глазахъ подозрительнымъ. Въ правыхъ политическихъ организаціяхъ — въ большинствѣ своемъ, крайне-правыхъ — онъ считался слишкомъ лѣвымъ, и наша «конституціонная платформа» не внушала имъ довѣрія; завидно имъ было также, вѣроятно, и то, что мы такъ быстро заручились помощью нѣмцевъ и что вербовка у насъ пошла успѣшно и скоро дала результаты. Среди нихъ были и антантофилы, и германофилы, хорошіе мои знакомые, политическіе дѣятели разныхъ окрасокъ и характеровъ. Они всѣ не прочь были заручиться помощью нѣмцевъ, но не умѣли, повидимому, обставить это надлежащимъ образомъ. Для меня разгадка была проста: изъ разговоровъ съ нѣмцами, которые я велъ долгое время единолично — только уже много позже иногда при этомъ присутствовалъ Акацатовъ или Шильдбахъ по своимъ спеціальностямъ — мнѣ было ясно, что наши монархисты, съ одной стороны, торговались съ нѣмцами о политическихъ платформахъ и обязательствахъ въ будущемъ, а съ другой стороны, увѣряли ихъ въ томъ, что за ними стоятъ «массы русскаго народа, сильнѣйшія народныя организаціи» и т. п. Нѣмцы, конечно, имѣвшіе своихъ агентовъ вездѣ, не безъ основанія относились къ такимъ завѣреніямъ скептически, не довѣряли имъ и тянули.

Я, не будучи вовсе политикомъ, не говорилъ нѣмцамъ, что за союзомъ «Наша Родина» стоятъ «широкія массы населенія», не скрывалъ, что нашъ союзъ немногочисленъ пока, но говорилъ, что у Акацатова дѣйствительно есть много связей въ разныхъ слояхъ народа и общества и что мы убѣждены, что монархическое движеніе подъ открытымъ лозунгомъ борьбы съ большевиками найдетъ откликъ вездѣ, — что офицерскій и солдатскій составъ найдутся. Я предлагалъ имъ попробовать и убѣдиться на дѣлѣ, правы мы, или ошибаемся. Словомъ — я предлагалъ имъ не слова, платформы и программы, а дѣло. И они на это пошли.

Тѣ же слова и ту же глухую, а, подчасъ, и открытую оппозицію, я встрѣтилъ и въ средѣ «Общества взаимопомощи офицеровъ» въ Кіевѣ, въ которомъ главный контингентъ составляли генералы. Они были «обижены», что мы не обратились къ нимъ за указаніями, совѣтами и рекомендаціями личнаго состава. Съ нашей же стороны это объяснялось тѣмъ, что мы прекрасно знали составъ этого общества, знали, что могущіе пригодиться для нашей арміи лица были опредѣленно союзнической оріентаціи, а что остальные были болѣе пригодны для зарабатыванія денегъ устройствомъ въ собраніи Общества азартныхъ игръ (чѣмъ общество и жило), чѣмъ для боевыхъ дѣйствій, знали, наконецъ, что предсѣдатель, генералъ Веселовскій, весьма неопредѣленныхъ политическихъ убѣжденій и склоняется къ «демократіи». Однажды, мнѣ, однако, все-таки пришлось пойти туда вслѣдствіе открытыхъ нападокъ со стороны общества на Акацатова и выдержать тамъ двухчасовой «допросъ» и «баню». Обвиненія противъ Акацатова были, по существу, вздорныя и диктовались незнакомствомъ предъявлявшихъ ихъ съ нимъ и неправильнымъ о немъ представленіемъ; они были вполнѣ бездоказательны. Многое мнѣ удалось просто опровергнуть, въ другомъ отношеніи я не могъ отрицать нѣкоторыхъ несимпатичныхъ чертъ его характера и обращенія, но объяснялъ, что эти его мелкіе недостатки всецѣло окупаются его честностью и, главное, тѣмъ, что онъ не только разговариваетъ, но и работаетъ не покладая рукъ. Взбѣшенный генералъ Веселовскій позволилъ себѣ тутъ нѣсколько весьма рѣзкихъ выпадовъ противъ меня, на которые получилъ отпоръ со стороны нѣсколькихъ гвардейскихъ генераловъ, знавшихъ меня съ молодыхъ чиновъ и заступившихся за меня. Кончилось это засѣданіе — первое и послѣднее для меня въ этомъ обществѣ — тѣмъ, что я прямо просилъ генерала Веселовскаго, если онъ сочувствуетъ нашему дѣлу и желаетъ намъ помочь, указать мнѣ тутъ же, изъ среды членовъ общества, командующаго арміей и его начальника штаба, разъ они находятъ генерала Шильдбаха неподходящимъ (кстати сказать, въ данномъ случаѣ они были правы, но я этого тогда еще не могъ выяснить). Но на этотъ вопросъ я отвѣта не получилъ и получить не могъ, потому что въ Кіевѣ тогда дѣйствительно подходящаго для этой должности лица не было; это засѣданіе, несмотря на его для меня крайнюю тягостность, имѣло однако ту пользу, что открытое изложеніе нашихъ цѣлей и намѣреній въ средѣ этого общества разсѣяло въ глазахъ честныхъ людей, которыхъ въ средѣ общества было все-таки немало, многія подозрѣнія, недомолвки и неясности, порождаемыя въ ихъ мнѣніи завистниками и недоброжелателями разныхъ родовъ и окрасокъ. Политическая же окраска самого генерала Веселовскаго мнѣ остается неясной и по сегодняшній день.

Несмотря на эти недочеты и тренія, дѣло вербовки Южной Арміи продолжалось и развивалось; организовывались вербовочныя бюро въ другихъ городахъ и въ концѣ августа Атаманъ Красновъ уже могъ смотрѣть на станціи Чертково эскадронъ кавалерійскаго полка, а въ городѣ Богучарѣ баталіонъ пѣхоты въ 600 человѣкъ — первыя части сформированныя нами. Въ штабъ арміи начали поступать предложенія отъ цѣлыхъ офицерскихъ составовъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ поступить въ ряды Южной Арміи со своими знаменами и штандартами, спасенными ими въ дни революціи, и даже съ частью старослуживыхъ нижнихъ чиновъ, при условіи сохраненія старыхъ наименованій ихъ полковъ. На это мы, понятно, охотно согласились, это насъ ободряло и радовало, показывая намъ, что мы идемъ по вѣрному пути, отвѣчающему желаніямъ лучшей части нашего офицерства.

Вскорѣ, такимъ образомъ, выяснилось, что у насъ будетъ полный офицерскій кадръ не для одной только, а для двухъ дивизій, которыя и были намѣчены къ сформированію. Лично я былъ противъ этого, считая, что сперва надо набрать солдатскій составъ и организовать на дѣлѣ одну полную дивизію, а затѣмъ только уже приниматься за другую, но мои сотрудники такъ настаивали, такъ были окрылены надеждами и были такъ увѣрены, что люди будутъ, что ихъ можно будетъ получить по мобилизаціи въ Воронежской губерніи, что у меня не хватило духу противиться и я согласился. На практикѣ я оказался правымъ: намъ не удалось набрать состава нижнихъ чиновъ даже на полный комплектъ одной дивизіи боевого состава. По существу же были правы, я думаю, они и, не уйди нѣмцы съ Украины такъ скоро, какъ это случилось въ дѣйствительности, Южная Армія развернулась бы фактически въ 2 дивизіи и представила бы грозную силу.

Но на дѣлѣ случилось иное. Центральныя государства были разбиты, и въ началѣ ноября произошла германская революція. Понятно, что, съ установленіемъ въ Германіи республики, субсидіи русской монархической арміи, даже секретнаго военнаго фонда Германіи, должны были прекратиться. Но затрудненія въ этомъ отношеніи стали ощущаться уже задолго до революціи. Ассигнованныя намъ незначительныя суммы приходили къ концу. Когда я приходилъ къ нѣмцамъ просить дальнѣйшихъ ассигнованій, то они мнѣ очень любезно отвѣчали, что наличныхъ средствъ у нихъ въ Кіевѣ больше нѣтъ, что они просятъ таковыхъ у военнаго министерства въ Берлинѣ и просятъ настойчиво, но что тамъ все больше и больше сказывается вліяніе соціалистическихъ партій и что, поэтому, военное министерство вынуждено обращаться съ тайными фондами очень осторожно и т. д. и т. д. Какъ показало ближайшее затѣмъ время, причины эти были основательны; отчасти, впрочемъ, ихъ не удовлетворяли организаторскія способности дѣятелей Южной Арміи. Какой изъ этихъ двухъ мотивовъ преобладалъ — судить не берусь; вѣроятно, играли роль оба. Но фактъ былъ тотъ, что впереди средствъ у насъ въ виду не было, и надо было изыскивать другой способъ спасти тѣ русскія силы, которыя уже были организованы и продолжать уже начатое дѣло дальше.

При такомъ положеніи дѣлъ исходъ былъ только одинъ: передать всю Южную Армію въ вѣдѣніе и на содержаніе Атамана Краснова, которому она была, пока, подчинена лишь въ военномъ, строевомъ отношеніи. Приходилось отказываться отъ автономіи, и это было многимъ моимъ сотрудникамъ очень непріятно. М. Е. Акацатовъ, въ частности, очень горевалъ, что ему такъ и не придется вводить въ Воронежскую губернію «свою администрацію» и способы управленія. Я же лично считалъ, что такъ для пользы дѣла будетъ лучше: для успѣха нужно было имѣть подъ ногами основательную базу въ лицѣ уже организованнаго района, или еще лучше, государственнаго образованія. Въ данномъ случаѣ, такими могли быть Украина, или Донъ, или, еще лучше, оба вмѣстѣ.

На дѣлѣ такъ и вышло. Я поѣхалъ къ Скоропадскому, у котораго, начавъ организацію Южной Арміи, я сталъ бывать гораздо рѣже, чтобы не причинить ему непріятныхъ запросовъ со стороны его украинскихъ соціалистовъ, и объяснилъ ему положеніе дѣлъ. Онъ снесся съ Красновымъ, который согласился принять Южную Армію на Донскую службу — она могла быть ему очень полезной для веденія военныхъ операцій внѣ предѣловъ Войска Донского, и было рѣшено,

что штабъ Южной Арміи въ Кіевѣ будетъ переименованъ и будетъ исполнять функціи лишь вербовочнаго бюро для арміи, давая директивы остальнымъ бюро въ провинціи, подъ руководствомъ союза «Наша Родина», а что содержаніе, вооруженіе, снаряженіе и прочее довольствіе армія будетъ получать отъ Дона, по соглашенію съ Украиной. Военный штабъ на Дону и начальствующія лица назначались уже не нами, а Атаманомъ Красновымъ. Но, пока всѣ эти переговоры тянулись, наши средства изсякали и намъ всѣмъ, а мнѣ въ особенности, пришлось пережить очень тяжелые дни и нравственныя терзанія! Вѣдь выходило такъ, что мы могли «подвести» честныхъ русскихъ людей, офицеровъ и солдатъ, довѣрившихся намъ. Наконецъ, однако, 20 октября/3 ноября на станціи Скороходово состоялось между Скоропадскимъ и Красновымъ свиданіе, на которомъ они заключили между собою союзъ для борьбы съ большевиками, и рѣшилась судьба Южной Арміи. Донской Атаманъ испросилъ у Гетмана на армію 76 милліоновъ рублей и снаряженіе. Это было обѣщано и скоро начало приводиться въ исполненіе. 1/14 ноября приказомъ Донского Атамана была сформирована новая «Южная Армія», во главѣ коей сталъ генералъ Н. І. Ивановъ. Ядромъ этой арміи стали уже сформированныя нами части нашей Южной Арміи, вошедшей въ новую армію подъ наименованіемъ «Воронежскаго корпуса»; части «Астраханской Арміи», формировавшіяся подъ руководствомъ крайне-правыхъ нашихъ русскихъ организацій въ Кіевѣ, вошли туда подъ наименованіемъ «Астраханскаго корпуса», и немногочисленныя формированія «Саратовской арміи», руководимыя группой земскихъ дѣятелей Саратовской губерніи неопредѣленнаго политическаго направленія, вошли туда подъ наименованіемъ «Саратовскаго корпуса». Подъ опытнымъ руководствомъ Атамана Краснова и генерала Иванова, новая Южная Армія стала быстро развиваться и крѣпнуть. Но еще до этого переустройства Воронежскій корпусъ не безъ доблести сражался съ большевиками въ бою на станціи Лпски. Это былъ единственный плодъ нашихъ трудовъ, который намъ, иниціаторамъ организаціи Южной Арміи, пришлось еще увидѣть.

Вскорѣ послѣдовалъ разгромъ Австро-Германскихъ армій, революціи въ Германіи и Австріи, и какъ слѣдствіе ихъ, частичное разложеніе австро-германскихъ оккупаціонныхъ армій на Украинѣ, затѣмъ вынужденный уходъ ихъ оттуда; незамѣна ихъ союзническими силами; двойная игра союзниковъ съ Гетманомъ и Петлюрой; возстаніе послѣдняго на Украинѣ и паденіе гетманскаго правительства.

Въ этомъ возстаніи вербовочныя бюро Южной Арміи въ разныхъ городахъ и формировавшіяся при нихъ нѣкоторыя небольшія части ея доблестно боролись съ оружіемъ въ рукахъ противъ украино-большевистскихъ бандъ Петлюры, тщетно надѣясь на обѣщанный приходъ и помощь союзниковъ, и многіе изъ нихъ погибли въ неравномъ бою, какъ и другіе вооруженные отряды русскихъ людей, надѣявшихся еще спасти въ лицѣ Украины надежную базу для возстановленія Россіи. Союзники не помогли. Власть перешла къ Петлюрѣ и Украинской «Директоріи», а русскимъ дѣятелямъ на Украинѣ оставалось лишь спасать свою шкуру, кто какъ могъ, ибо «петлюровцы» расправлялись со своими политическими противниками совершенно по-большевистски. Бѣжали они съ тяжелой увѣренностью, что Союзники совершаютъ непоправимую ошибку, предавая гетманскую Украину, что отъ «Директоріи» до торжества большевиковъ — одинъ только шагъ и, увы, не ошиблись. Очень скоро выяснилось все безсиліе «Директоріи» противустоять большевикамъ; достояніемъ послѣднихъ скоро сдѣлались сперва вся Украина, за нею Донъ, а потомъ и Кубань, и Крымъ . . . Западно-европей-

скія «демократіи» торжествовали по всей линіи, насъ, «проклятыхъ царистовъ», пытавшихся открыть имъ глаза на истинное положеніе дѣлъ въ Россіи, не слушали и слушать не хотѣли. Пусть же пеняютъ на самихъ себя, если у нихъ среди русскихъ эмигрантовъ осталось мало партизановъ: тѣ, кто видѣлъ, что нарождалось на югѣ Россіи въ 1918 году и какъ все сдѣланное разлетѣлось во прахъ вслѣдствіе недомыслія союзниковъ, какъ исчезали, одна за другой, надежды на спасеніе Россіи отъ большевистскаго кошмара и во что она теперь, вслѣдствіе всего этого, превратилась — тѣ не могутъ питать сочувствія къ тѣмъ союзнымъ правительствамъ, которыя допустили весь этотъ ужасъ! Теперь эти народы и правительства начинаютъ, какъ будто, уже жалѣть о содѣянномъ, понимать свою ошибку, понимать, что были неправы, не слушая голоса тѣхъ, кто думалъ прежде всего о своей Родинѣ, о Россіи, а не объ «оріентаціяхъ». Но не поздно ли?

Денежные знаки революціи и гражданской войны

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО *

1, 2 — т. наз. Керенки. Размѣръ (63×48 мм). 20 р.— желтаго и коричневаго цвѣта. 40 р. — зеленаго и краснаго.

3, 4 — т. наз. Думскіе 250 р.— (175×105 мм). съ лицевой стороны лиловаго цвѣта, съ оборота — зеленаго, синяго и краснаго (радуга) цвѣта. 1000 р. (210×130 мм) — съ лицевой стороны зеленаго, съ оборота синяго, коричневаго, краснаго и зеленаго (радуга) цвѣта.

5. Заемъ Свободы (150×205мм). Съ лицевой стороны разныхъ оттѣнковъ желтаго цвѣта, съ оборота краснаго. Заемъ Свободы былъ выпущенъ достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1000, 5000, 10 000 и 25 000 р. Во время гражданской войны, съ разными печатями и надписями, купюры Займа Свободы были въ обращеніи въ качествѣ денегъ.

БОЛЬШЕВИКИ

6, 7, 8, 9 — т. наз. Пятаковки, по подписи управляющаго Гос. (Народнымъ) Банкомъ. Къ этому выпуску относятся:

1	р.	коричневаго цвѣта	(113× 66 мм)
3	,,	зеленаго цвѣта	(118× 71 мм)
5	,,	синяго цвѣта	(124× 76 мм)

---

* Въ настоящій обзоръ входитъ описаніе денежныхъ знаковъ, выпущенныхъ на территоріи русскаго государства за времи революціи и гражданской войны. Въ обзоръ не вошло описаніе знаковъ, выпущенныхъ отдѣльными городскими самоуправленіями и мѣстными отдѣленіями государственнаго банка, за исключеніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ. Не вошли также денежные знаки Финляндіи, Эстоніи, Латвіи, Литвы, Польши и Бессарабіи, за исключеніемъ латвійскаго коммунистическаго денежнаго знака, выпущеннаго въ то время, когда Латвія была тѣсно связана съ Россіей.

№№, печатаемые съ лѣвой стороны, соотвѣтствуютъ №№ слѣдующей за обзоромъ коллекціи снимковъ. Въ самой коллекціи №№ съ буквой «а» обозначаютъ лицевую сторону знака, — съ буквой «b» — оборотную. Не воспроизведены гладкія оборотныя стороны; въ случаѣ, если у нѣсколькихъ знаковъ оборотная сторона одинаковая или схожая, она приводитсн лишь одинъ разъ (см. напр. денежные знаки арміи Юденича).

Значительная часть настоящаго обзора составлена С. Виноградовымъ на основаніи собственной коллекціи.

Размѣръ отдѣльныхъ знаковъ приводится въ миллиметрахъ. При этомъ надо, однако, имѣть ввиду, что онъ для всей серіи знаковъ часто нвляется приблизительнымъ, ввиду того, что, при неаккуратномъ разрѣзываніи, знаки одного и того же типа отличаются размѣромъ одинъ отъ другого.

Размѣръ и окраску нѣкоторыхъ знаковъ установить не удалось; они приведены въ обзорѣ съ вопросительными знаками въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

Снимки громаднаго большинства знаковъ сдѣланы съ акземпляровъ, входнщихъ въ коллекцію С. Виноградова. Оригиналы снимковъ №№ 20, 22, 32, 35, 54, 138, 139, 149, 157, 172, 173, 175, 179, 180, 182, 183, 184 принадлежатъ г-ну Іонасу (H. Jonas, Berlin), б. уполномоченному германскаго и шведскаго Краснаго Креста въ Восточной Сибири.

10	руб.	краснаго цвѣта	(128× 80 мм)
25	,,	блѣдно-лиловаго цвѣта	(133× 83 мм)
50	,,	свѣтло-кофейнаго цвѣта	(139× 90 мм)
100	,,	красно-бураго цвѣта	(145× 95 мм)
250	,,	зеленаго цвѣта	(149×101 мм)
500	,,	зеленаго цвѣта	(154×105 мм)
1000	,,	блѣдно-коричневаго цвѣта	(158×109 мм)
5000	.	?	?
10000	,,	лилово-оранжеваго съ лиц. стороны, радужнаго и розоваго цвѣта съ оборота	(213×132 мм)

Знаки эти заготовлены были еще Вр. Правительствомъ, но выпущены были большевиками: отъ 1 рубля до 1000 р. въ 1919 г., а въ 5000 и 10000 р. въ началѣ 1920 г.

10, 11, 12, 13. Расчетные знаки Р. С. Ф. С. Р. выпущены въ обращеніе въ 1919 г

1	рубль	желтаго цвѣта съ лиц. стор., краснаго съ радугой съ оборота	(37 × 47 мм)
2	рубля	коричневаго цвѣта съ лиц. стор., сѣраго съ радугой съ оборота	(39 × 48 мм)
3	,,	зеленаго цвѣта съ лиц. стор., зеленаго съ радугой съ оборота	(37 × 47 мм)
5	рублей	синяго цвѣта	(37 × 48 мм)
15	,,	коричневаго съ лиц. стор., сѣраго съ краснымъ съ оборота	(77 × 48 мм)
30	,,	зеленаго съ лиц. стор., зеленаго съ радугой съ оборота	(86 × 54 мм)
60	,,	лиловаго съ лицевой стороны, бураго съ зеленымъ съ оборота	(94 × 62 мм)

14, 15, 16 Расчетные знаки Р. С. Ф. С. Р. съ надписью: «Пролетарии всех стран соединяйтесь» — на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, арабскомъ и китайскомъ языкахъ. Выпущены въ 1920 г.

100	рублей	свѣтло-коричн. съ лицевой стороны и свѣтло-коричн. съ зеленымъ съ оборота	(100 × 62 мм)
250	,,	бураго цвѣта съ лиц. стороны, такого же, но съ радугой, съ оборота	(104 × 70 мм)
500	,,	зеленаго съ лиц. стор., такого же съ радугой съ оборота	(110 × 75 мм)
1000	,,	зеленаго цвѣта съ лиц. стор. и зеленаго съ бурымъ съ оборота	(115 × 78 мм)
5000	,,	темно-синій и желтый съ лиц. стор., синій съ коричн. и радугой съ оборота	(165 × 115 мм)
10000	,,	буро-красный съ синимъ съ лиц. стороны, розовый съ зеленымъ съ радугой съ оборота	(171 × 123 мм)

17. — упрощенный типъ по сравненіи съ № 16. Лицевая сторона синяя и сѣрая; оборотная синяя съ радугой. (123 × 86 мм) Выпущенъ въ 1921 г.

18, 19, 20 Расчетные знаки С. Р. Ф. С. Р. упрощеннаго типа, на тонкой бумагѣ.

50 рублей (50 × 36 мм) коричневаго цвѣта
500 ,, (87 × 50 мм) синяго цвѣта } на оборотѣ простая сѣтка
1000 ,, (84 × 48 мм) малиноваго цвѣта } соотвѣтственнаго цвѣта.

21, 22. Билеты въ 50000 и 100000 съ водяными фигурными знаками.

50 000 зеленаго цвѣта . . . . (158 × 87 мм)
100 000 краснаго цвѣта . . . . (160 × 85 мм)

23 Обязательство Р. С. Ф. С. Р. въ 1000000 рублей, желтаго цвѣта (261 × 129 мм). Имѣетъ водяной знакъ, изображающій гербъ Р. С. Ф. С. Р. (серпъ и молотъ); оборотная сторона — гладкая.

24, 25, 26 Государственные денежные знаки (девальваціонные)

1 рубль оранжевый . . . . (132 × 66 мм)
3 рубля зеленаго цвѣта . . . . (136 × 70 мм)

5	рублей	синяго цвѣта	(151 × 77 мм)
10	,,	краснаго цвѣта	(153 × 79 мм)
25	,,	лиловаго цвѣта	(135 × 84 мм)
50	,,	синяго цвѣта	(136 × 91 мм)
100	,,	краснаго цвѣта	?
500	,,	?	?
1000	,,	красный, синій и сѣро-коричн. съ лиц. стороны, лиловый зеленый и красный съ радугой, съ оборота	(200 × 112 мм)

Въ концѣ 1922 г. были выпущены Государственнымъ Банкомъ банковые билеты со слѣдующей надписью:

«Государственный Банк. Р. С. Ф. С. Р. 1922. Банковый билет ..... Червонцев. Один червонец содержит одни зол. 78. 24 дол. чистого золота. Банковый билет подлежит размену на золото. Начало размена устанавливается особым правительственным актом. Банковые билеты обеспечиваются в полном размере золотом, драгоценными металлами, устойчивой валютой и прочими активами Госбанка. Банковые билеты принимаются по их нарицательной цене в уплату государственных сборов и платежей, взимаемых по закону в золоте.

Правление Государственного Банка:
7 подписей — Бухгалтер: — подпись».

АРХАНГЕЛЬСКЪ И ПРАВИТЕЛЬСТВО СѢВЕРНОЙ РОССІИ.

27, 28 Чеки Архангельскаго отдѣленія Госуд. Банка.

3 рубля	билетъ,	зеленый съ обѣихъ сторонъ	(140 × 84 мм)
10 рублей	,,	красный съ обѣихъ сторонъ	(137 × 85 мм)
25 ,,	,,	т. н. моржовки, лиловатаго цвѣта	(163 × 104 мм)

При правительствѣ Н В. Чайковскаго эти знаки допускались къ обращенію послѣ регистраціи ихъ въ Госуд. Банкѣ, гдѣ они штемпелевались.

29, 30. Кредитные билеты Правительства Сѣверной Россіи.

Эти денежные знаки были выпущены достоинствомъ:

10	коп.	розоватаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(86 × 47 мм)
20	,,	зеленоватаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(91 × 53 мм)
50	,,	желтоватаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(91 × 59 мм)
1	рубль	краска и видъ Николаевскаго билета	(150 × 90 мм)
3	рубля	краска и видъ Николаевскаго билета	(153 × 101 мм)
5	рублей	?	?
10	,,	?	?
25	,,	?	?
100	,,	?	?
500	,,	?	?

Кромѣ этихъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи въ Сѣверной области, были также всѣ образцы т. наз. Николаевскихъ денегъ достоинствомъ отъ 50 коп. до 500 руб., а также и всѣ образцы денегъ Вр. Правительства отъ 20 р. до 1000 р., — пробитые компостеромъ (знаки: Г. Б. С. О. = Гос. Банкъ Сѣверной Области).

31. Краткосрочное обязательство Временнаго Правительства Сѣверной Области.

Эти 5% обязательства были достоинствомъ въ

50	рублей	зеленаго цвѣта	(332 × 131 мм)
100	,,	желтаго цвѣта	(330 × 128 мм)
500	,,	синяго цвѣта	(330 × 131 мм)
1000	,,	розоваго цвѣта	(330 × 128 мм)

АРМІЯ ГЕН. ВАНДАМА (Псковъ)

32. Размѣръ 164×116 мм зеленовато-сѣраго цвѣта съ лиц. стор., красновато-синяго съ обратяой

РИГА (коммунистическіе)

Къ этому выпуску относятся

33.	1	р.	коричневый съ краснымъ	(94 × 54 мм)
	3	,,	зеленый съ краснымъ	(112 × 62 мм)
	5	,,	синій съ краснымъ	(115 × 70 мм)
	10	,,	розовый, зеленый и красный	(112 × 70 мм)

АРМІЯ АВАЛОВА-БЕРМОНДТА

34, 35. Выпущены въ Митавѣ въ 1919 г.

Къ этому выпуску относятся:

1	марка	лиц. сторона коричн. цвѣта обр. сторона синяго цвѣта	(99 × 71 мм)
5	,,	лиц. сторона свѣтло-фіолет. обр. сторона красная	(121 × 87 мм)
10	,,	лиц. сторона бѣлая обр. сторона зеленая	(134 × 95 мм)
50	,,	лиц. сторона бѣлая обр. сторона желтая	(145 × 93 мм)

АРМІЯ ГЕН. ЮДЕНИЧА

36—39. Денежные знаки полевого казначейства Сѣв.-Зап. Арміи. Выпущены въ 1919 г.

(Оборотная сторона у всѣхъ этихъ знаковъ какъ № 38 b.)

Эти билеты были слѣдующихъ достоинствъ:

25	коп.	желто-зеленаго цвѣта	(100 × 44 мм)
50	,,	свѣтло-лиловаго цвѣта	(100 × 44 мм)
1	руб.	желто-зеленаго цвѣта	(120 × 52 мм)
3	,,	розоватаго цвѣта	(131 × 55 мм)
5	,,	?	?
10	,,	зеленаго	(139 × 60 мм)
25	,,	лиловаго цвѣта	(160 × 72 мм)
100	,,	лиловатаго цвѣта	(172 × 80 мм)
500	,,	?	?
1000	,,	желтаго цвѣта (съ нѣсколько измѣненнымъ рисункомъ)	(230 × 100 мм)

ОТДѢЛЬНЫЙ КОРПУСЪ СѢВ. АРМІИ ГЕН. РОДЗЯНКО

40. Размѣнный знакъ. Были выпущены двухъ купюръ въ 5 р. и 10 р. (103×71 мм) красныя съ обѣихъ сторонъ.

ОДЕССА 1917 г.

(Текстъ оборотной стороны №№ 41 и 42, какъ въ № 43 b)

41, 42, 43, 44. Къ этому выпуску относятся:

15	коп.	коричневаго цвѣта	(26 × 32 мм)	1917
20	,,	зеленаго цвѣта	(26 × 32 мм)	1917
50	,,	синяго съ оранжевымъ	(57 × 38 мм)	1917
3	р.	зеленаго	(142 × 81 мм)	1917
5	,,	синяго цвѣта	(147 × 80 мм)	1917
10	,,	краснаго цвѣта	(93 × 147 мм)	1917
25	,,	зеленоватаго съ розоватымъ	(143 × 96 мм)	1917
50	,,	зеленоватаго	(180 × 97 мм)	1918

УКРАИНА

45. Первые украинскіе денежные знаки, выпущенные въ 1917 г. Лицевая сторона оранжеваго цвѣта, обратная зеленаго съ сѣрымъ. Размѣръ (167×103 мм).

46. Выпущенъ правительствомъ Голубовича. Размѣръ (130×75 мм) лицевая сторона зеленая и сѣрая, оборотная — зеленая и кирпичная

47, 48, 49, 50, 51. Выпущены при гетманѣ Скоропадскомъ

2	грив.	зеленаго цвѣта	(108× 70 мм)
5	,,	сѣрые	(98× 59 мм)
		Выпущены въ Кіевѣ какъ размѣнный знакъ.	
10	,,	красные	(139× 90 мм)
100	,,	синіе	(174×116 мм)
500	,,	сѣро-зелено-оранжев.	(185×120 мм)
1000	,,	на лицевой сторонѣ цвѣта сине-оранжеваго, на обратной сине-золотого	(198×126 мм)
2000	,,	на лицевой сторонѣ красно-зеленаго цвѣта, на обратной сѣро-краснаго	(200×130 мм)

52. 3,6% билетъ Госуд. Казначейства выпущенъ при Гетманѣ Скоропадскомъ.
Эти билеты были слѣдующаго достоинства:

50	гривень	зеленоватаго цвѣта	(293×150 мм) Считая полную длину билета съ 2 рядами купоновъ справа и слѣва билета.
100	,,	розоваго цвѣта	
200	,,	синяго цвѣта	
1000	,,	коричневаго цвѣта	

Этотъ билетъ, какъ и всѣ знаки, за исключеніемъ разм. знака въ 5 гр., выпущенные при Гетманѣ Скоропадскомъ, печатались въ Германіи.

53. Билетъ Госуд. Казначейства; былъ выпущенъ послѣ сверженія Гетм. Правительства.

Къ этому выпуску относятся:

10	карб.	красные	(140× 83 мм)	безъ года
25	,,	коричн.	(140× 84 мм)	1919 ,,
100	,,	сѣрые съ коричнев.	(178× 89 мм)	1918 ,,
250	,,	темно-зеленые	(145× 97 мм)	1918 ,,
1000	,,	отпечатан. 4 красками: коричневой свѣтлой, темной, красной и зеленой	(191×119 мм)	безъ года

---

54. Выпущенъ при занятіи Бродъ Украинцами. Размѣръ 92×72 мм.

ЕЛИСАВЕТГРАДЪ 1918—1919 гг.

55, 56. На билетахъ выпуска 1918 г. надпись: Елисаветградскаго Государственнаго Банка. На выпускѣ 1919 г. слово «Государственнаго» замѣнено словомъ: «Народнаго».

10	руб.	розоватаго цвѣта	(138× 83 мм)
25	,,	лиловато-синяго	(135× 88 мм)

КРЫМЪ 1918 г.

57—58. Денежные знаки Крымскаго Краевого Казначейства.

Къ этому выпуску относятся:

50	коп.	почтовая, гербовая и денежная марка, коричнев. . . .	(30×37 мм)
5	руб.	синіе	(110×71 мм)
10	,,	красные	(123×79 мм)
25	,,	съ лицевой стороны лиловые и зеленые, съ обратной синіе и оранжевые	(125× 80 мм)

ВОЙСКО ДОНСКОЕ.

59—65. Первый выпускъ.

Къ этому выпуску относятся:

20 коп.	зеленаго	(25×30 мм)	1918
50 ,,	желтаго	(96×58 мм)	,,
1 р.	коричневый съ синимъ на лицев. сторонѣ и коричнев. съ оборота	(143×86 мм)	,,
3 ,,	желто-зеленаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(150×92 мм)	,,
5 ,,	синяго и мѣстами розоватаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(152×93 мм)	,,
10 ,,	слабой окраски розово-зеленой съ обѣихъ сторонъ	(150×88 мм)	,,
25 ,,	съ обѣихъ сторонъ темно-розово-зеленый	(151×94 мм)	,,
50 ,,	сѣрый съ коричневымъ, текстъ частью синей краской	(138×88 мм)	1919
100 ,,	стальной и коричневый цвѣтъ съ обѣихъ сторонъ	(182×94 мм)	1918
250 ,,	черный, зеленый и коричневатый съ обѣихъ сторонъ	(181×99 мм)	,,

66. 5% Краткосрочное обязательство Всевеликаго Войска Донского

Эти обязательства были выпущены въ слѣдующихъ купюрахъ:

500 руб.	зеленовато-сѣроватаго цвѣта съ красной краскою	(306×117 мм)
1000 ,,	,, ,, ,, ,, ,,	(306×117 мм)
3000 ,,	,, ,, ,, ,, ,,	(306×117 мм)
5000 ,,	,, ,, ,, ,, ,,	(306×117 мм)
10000 ,,	,, ,, ,, ,, ,,	(306×117 мм)

67—69. Второй выпускъ.

100 ,,	напечатанъ съ обѣихъ сторонъ въ три краски: розовую, зеленую и темно-желтую	(184× 96 мм)	1919
500 ,,	въ три краски: зеленую, розоватую и черную съ обѣихъ сторонъ	(204×111 мм)	1918
1000 ,,	напечатанъ въ три краски: синюю, фіолетовую и сѣрую, съ обратной сторон. сѣрый и синій	(198×109 мм)	1919
5000 ,,	оранжеваго цвѣта съ зеленымъ	(228×113 мм)	1919

На билетахъ въ 100, 500 и 5000 руб. надпись водяными знаками: «Россія единая, недѣлимая». На билетахъ въ 1000 руб. надпись на щитѣ: «Россія Великая, единая, недѣлимая».

---

70 Заемный билетъ Владикавказской жел. дор., выпущенъ въ Ростовѣ н. Д. въ 1918 г.

Эти билеты были двухъ купюръ:

50 руб.	зеленаго съ сѣрымъ цвѣта	(159× 92 мм)
100 ,,	сѣро-розоватаго съ синимъ	(184× 97 мм)

АСТРАХАНЬ

Къ этому выпуску относятся:

71

1 р.	коричневаго съ синимъ цвѣта	(84× 55 мм)
3 ,,	зеленаго цвѣта	(90× 58 мм)
5 ,,	розоваго съ синимъ цвѣта	(90× 55 мм)
10 ,,	краснаго и зеленаго цвѣта	(88× 55 мм)
25 ,,	розоваго съ зеленымъ на лицев. сторонѣ и сѣраго съ коричневымъ съ обратной	(142× 87 мм)

ЕКАТЕРИНОДАРЪ

72. «Бон Екатер. Отд. Гос. Б.», выпущенъ въ началѣ 1918 г. Отпечатанъ на вексельной бумагѣ. Въ обращеніи были двѣ купюры:

50 рублей	(213×127 мм)
100 ,,	(237×134 мм)

(На нѣкоторыхъ бонахъ надпись болѣе сокращенная; нѣтъ словъ: «и имеет обязательное хождеяие в пределах всей Республини наравне с кредитными билетами».)

Въ томъ же 1918 году были выпущены боны достоинствомъ въ 10 рублей со слѣдующей надписью:

«Бон Екатеринодарского Отделения Государственного Банна. 27253. Десять рублей 27253. Означенный бон обезпечен обязательством государственного назначейства за № 197 на номинальную сумму 100 000 руб.

Управляющий Синорский Кассир (подп. не разб.)». На оборотѣ: 1918. Означенный бон, согласно постановлению Кубансного Областного Центрального Исполнительного Комитета Советовъ Народных Депутатов, имеет обязательное хождение в пределах Кубанской Республини и лица, отказывающие в приеме бонов, подлежат суду Народного Трибунала, нан неподчиняющиеся Советской Власти.

Подделна бонов преследуется.»

Коричневаго съ синимъ цвѣта . . . . (138 × 82 мм)

---

73. Выпущенъ по распоряженію Кубансной Краевой Рады въ концѣ 1918 г. Цвѣтъ свѣтло-коричневый съ синимъ. Размѣръ 94 × 64 мм.

СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ

74, 78. Казначейсніе знани Пятигорснаго Онружного Совѣта.

Къ этому выпусну относятся:

1	р.	желтаго цвѣта	(123 × 72 мм)
3	,,	зеленаго цвѣта	(125 × 73 мм)
5	,,	синяго цвѣта	(150 × 91 мм)
10	,,	краснаго цвѣта	(151 × 95 мм)
25	,,	лиловаго цвѣта	(150 × 92 мм)
50	,,	синяго съ розовымъ на лиц. стор. и желтаго съ синимъ съ обратной	(202 × 120 мм)

75—76. Кредитные билеты Сѣверокавказ. Соц. Сов. Республики.

10	руб.	краснаго съ желтымъ цвѣта	(138 × 83 мм)
25	,,	лиловаго съ зеленымъ цвѣта	(132 × 81 мм)

---

77. «Бон Времен. центральнаго управл. отделениями народ банна Северо-Кавказской Советской Социалист. республини».

Къ этому выпуску принадлежатъ:

25	руб.	голубого цвѣта	(126 × 78 мм)
50	,,	коричневаго цвѣта	(128 × 75 мм)
100	,,	зеленаго цвѣта	(125 × 74 мм)

На оборотной сторонѣ оттиснъ штампа лиловаго цвѣта.

Въ концѣ 1917 и началѣ 1918 г. минераловодснія городснія самоуправленія выпускали денежные знани со слѣдующими надписями:

«Минераловодскія Городснія Самоуправленія. .... Рублей. Принимаются мѣстными назначействами государственными и частными баннами наравнѣ с нредитными билетами без ограниченія суммы.

А—7. Пятигорскій Городской Голова Леонид Орлов [на нѣкоторыхъ билетахъ: И. об. Пятигорскаго Городского Головы (подпись неразборчивая)] Кисловодскій Городской голова: (подп. неразб.)»

На оборотѣ: «Размѣнные знаки обезпечены в полной суммѣ неприкосновенным вкладом в Пятигорском Отдѣленіи Государственнаго Банка на имя Пятигорскаго и Кисловодскаго Городских Самоуправленій. Управляющій Пятигорскимъ Отд. Государственнаго Банка Н. Сѣров. ... Рублей. 1917 г. Поддѣлка преслѣдуется закономъ».

Къ этому выпуску относятся

10	коп.	краснаго цвѣта	(27 × 34 мм)	—	1918
15	,,	лиловаго цвѣта	(27 × 34 мм)	—	1918
25	,,	зеленаго цвѣта	(28 × 34 мм)	—	1918
50	,,	желтаго съ синимъ	(85 × 54 мм)	—	1918
1	р.	коричневаго цвѣта	(121 × 71 мм)	1917	1918
3	,,	зеленаго цвѣта	(129 × 82 мм)	1917	1918
5	,,	синяго цвѣта	(131 × 82 мм)	1917	1918
10	,,	краснаго съ зеленымъ	(144 × 85 мм)	1917	1918
25	,,	лиловаго съ сѣрымъ	(149 × 88 мм)	1917	1918
50	,,	голубоватаго цвѣта	?	—	1918
100	,,	св. коричневаго и коричневаго	(149 × 88 мм)	1917	1918

На маркахъ въ 10, 15 и 25 к. и на размѣнномъ знакѣ въ 50 к. надпись: «Минераловод. город. самоуправленія. Имѣетъ хожденіе наравнѣ съ размѣнной монетой». На размѣнномъ знакѣ въ 50 к. есть и обѣ подписи.

Что касается 100 р. билета 1918 г., то онъ иного размѣра и печати, чѣмъ билетъ въ 100 р. 1917 г.; его размѣръ (200 × 120 мм), съ лицевой стороны онъ въ 3 краски желтую, синюю и красную, а съ оборота желтый, зеленый, красный.

---

79. Билетъ Краевого Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ Сѣвернаго Кавказа.

Къ этому выпуску относятся:

5	руб.	синяго цвѣта	(77 × 127 мм)
50	,,	коричневаго съ желтымъ и зеленымъ цвѣта	(149 × 90 мм)
100	,,	синяго съ желтымъ и зеленымъ цвѣта	(149 × 90 мм)

---

80. Размѣнный знакъ Совѣта Нар. Комиссаровъ Терской Республики. Выпущенъ во Владикавказѣ въ 1918 г.

Къ этому выпуску относятся:

10	коп.	синяго цвѣта	(22 × 32 мм)
15	,,	коричневаго	(26 × 32 мм)
20	,,	зеленаго	(26 × 32 мм)
1	руб.	коричневаго, съ обратн. желтаго	(116 × 77 мм)
3	,,	зеленаго съ двухъ сторонъ	(116 × 77 мм)
5	,,	синяго съ сѣрымъ	(114 × 76 мм)
10	,,	краснаго	(115 × 77 мм)
25	,,	голубоватаго съ чернымъ	(155 × 99 мм)
50	,,	желто-черно-краснаго, съ обратн. стор. зеленоватого съ коричнев.	(144 × 83 мм)
100	,,	коричневаго съ темно-коричневымъ	(155 × 99 мм)

На лицевой сторонѣ 1 руб. и 3 руб. билета — надпись: «Свобода Равенство и Братство».

---

81. Чекъ Кисловодскаго Отдѣленія Гос. Банка.

Къ этому выпуску принадлежатъ:

3	р.	на простой бумагѣ	(110 × 73 мм)	1918 г.
5	,,	,, ,, ...		1918 г.
10	,,	,, ,, ...		1918 г.
25	,,	,, ,, ...		1918 г.
50	,,	,, ,, ...		1918 г.
75	,,	,, ,, ...		1918 г.
100	,,	,, ,, ...		1918 г.
200	,,	,, ,, ...		1918 г.
20	,,	на сияей бумагѣ		1919 г.

Эти денежяые знаки выпущены въ связи съ налетами отряда Шкуро на Кисловодскъ.

---

82. Кредитный билетъ Горской Республики (Дагестана).
Зеленаго съ коричневымъ цвѣта. Размѣръ (140 × 92 мм).

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ

а) Деникинскіе

83—89. Билеты Госуд. Казначейства Главнаго Командованія Воор. Силами на югѣ Россіи.

3	руб.	зеленаго цвѣта съ обѣихъ стороять	(99 × 63 мм)	1919
10	,,	розоваго цвѣта съ обѣихъ стороять	(129 × 80 мм)	1919
50	,,	коричневаго съ лицевой стороны и коричневаго съ синимъ съ обратной	(148 × 88 мм)	1919
200	,,	лиловаго съ свѣтло коричн. съ лицев. стор. и лиловаго съ обратной	(173 × 103 мм)	1919
1000	,,	съ лицевой стороны оранжевый, зеленый, черн. съ обратной стор. свѣтло-желтый, сия.-лиловый . т. н. «Ленточка» или «Колоколъ».	(202 × 132 мм)	1919
5000	руб.	?	?	
10000	,,	съ лицевой стороны свѣтло-желтаго и коричневаго, съ обратной стороны коричневаго цвѣта	(202 × 100 мм)	1919

90. 6% краткосрочное обязательство Госуд. Казначейства Главн. Командованія Воор. Силъ на югѣ Россіи.
оранжеваго цвѣта . . . . (283 × 113 мм)

91—93. б) Врангелевскіе

100	руб.	краснаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(153 × 76 мм)
250	,,	лиловаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	153 × 76 мм)
500	,,	синяго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(153 × 76 мм)

94—95. Казначейскіе знаки Государства Россійскаго

50	руб.	синяго съ желтымъ, на оборотѣ коричневаго цвѣта . .	(140 × 82 мм)
500	,,	зеленаго съ свѣтло-коричневымъ, на оборотѣ зеленаго съ желтымъ	(200 × 94 мм

у — 500 руб. билета въ лѣвой части лицевой стороны водяной знакъ 500 и внизу зеленая розетка Серія и N.

Эти деньги, предполагавшіяся къ унификаціи и девальваціи всѣхъ деяежныхъ знаковъ территоріи занятой Воор. Сил. юга Россіи — печатаны были въ Англіи, поступили лишь въ іюлѣ 1920 г. въ Россію (Крымъ) и выпущены въ обращеніе не были.

ЗАКАВКАЗЬЕ 1918 г.
ТИФЛИСЪ

96—99. Боны Закавказскаго Комиссаріата:

Въ массахъ населенія Закавказья — весь этотъ выпускъ получилъ названіе «Гегечкоркн», къ нему принадлежатъ купюры:

1	р.	свѣтло-коричневаго цвѣта съ лиц. стороны, сняяго н сѣраго съ оборотной	(55 × 79 мм)
3	,,	зеленый и темно-зеленый	(63 × 89 мм)
5	,,	на сѣромъ фонѣ сняяго цвѣта	(113 × 74 мм)
10	,,	на зеленоватомъ — краснаго	(120 × 78 мм)
50	,,	на сѣромъ — чернаго	(137 × 88 мм)
100	,,	на свѣтло-коричневомъ — темно-коричневаго	(157 × 111 мм)
250	,,	съ лнцевой стороны на розоватомъ — чернаго, съ обратной въ трн краскн: свѣтло-желтую, свѣтло-коричневую н снюю	(165 × 102 мм)

ГРУЗІЯ

100—106. Къ этому выпуску относятся:

50	коп.	съ обѣихъ сторонъ: желтаго цвѣта съ свѣтло-сннимъ	(52 × 38 мм)	1919
1	р.	съ обѣнхъ сторонъ: розовый съ коричневымъ . .	(78 × 53 мм)	1919
3	,,	съ обѣнхъ сторонъ: зеленый съ чернымъ	(90 × 61 мм)	1919
5	,,	съ обѣихъ сторонъ: на розовомъ фонѣ сѣрый съ коричпевымъ	(114 × 74 мм)	1919
10	,,	съ обѣнхъ сторонъ: въ свѣтлыхъ и темныхъ розоватыхъ тонахъ	(118 × 77 мм)	1919
50	,,	съ обѣнхъ сторонъ: на коричнев. фонѣ лиловый .	(130 × 90 мм)	1919
100	,,	съ обѣнхъ сторонъ: на свѣтло-зеленомъ фонѣ, зеленаго цвѣта	(157 × 100 мм)	1919
500	,,	на лицевой сторонѣ розоватый, желтый и лиловый, на обратной лнловый	(163 × 103 мм)	1919
1000	,,	желто-голубой, коричневый	(164 × 113 мм)	1920
5000	,,	лиловый съ лнцевой стороны, сневато-стального цвѣта съ обратной. На лицевой сторонѣ этого билета помѣщенъ снимокъ зданія Намѣстннка на Кавказѣ	(173 × 104 мм)	1921

Всѣ билеты этого выпуска въ русскомъ н французскомъ текстахъ имѣютъ однѣ и тѣ же надписи, только 1000 руб. купюра получила добавочное «S» къ слову russe. Въ остальномъ оборотная сторона какъ въ 1000 руб. билетѣ, такъ и въ пятитысячномъ приблизительно такая же, какъ н № 104b.

БАТУМЪ 1919 г.

107. Размѣнный денежный знакъ Батумскаго Казначейства.

Къ этому выпуску относятся:

1	руб.	желтаго цвѣта	(30 × 50 мм)
3	,,	зеленаго	
5	,,	синяго	
10	,,	краснаго	
25	,,	коричневаго	
50	,,	лиловаго	

Обратная сторона — гладкая, иногда съ подписью кассира отъ руки. Нѣкоторые изъ знаковъ пробиты компостеромъ («1919»).

СОЧИ

108. Бонъ Черноморской жел. дор. Краснаго цвѣта (85×139 мм). «Выпущенъ на основанiи постанов. Главн. Дорожн. Комит. отъ 10 Апрѣля 1918 г. и постановл. Сочин. Окружн. Исп. К-та Рабоч. и Кр. Депут. отъ 11 Апрѣля 1918 г.»

109—112. Боны Сочинскаго городского управленiя.

Къ этому выпуску относятся:

1	руб.	свѣтло-коричневаго цвѣта	(75×45 мм)	1919
3	,,	зеленаго цвѣта	(85×50 мм)	1919
5	,,	синяго цвѣта	(94×52 мм)	1919
10	,,	краснаго цвѣта	(105×65 мм)	1919
25	,,	?		?
50	,,	?		?
100	,,	?		?
250	,,	?		?

№ 109 — однорублевый бонъ 1918 г. отличается отъ соотвѣтственнаго бона 1919 г. надписью и размѣромъ (снимокъ сдѣланъ въ натуральную величину). Текстъ оборотной стороны однорублеваго бона 1919 г. отличается отъ текста оборотной стороны 5-рублеваго бона тѣмъ, что въ немъ нѣтъ римскихъ цыфръ (I, II) и что конецъ второй фразы формулированъ: «........ подвергаются наказанiю, по закону».

На лицевой сторонѣ 10 и 25 руб. боновъ есть еще надпись: «Выпущены по постановленiю Город. Думы и обезпечены неприкосн. вкладомъ въ мѣстныхъ кредитныхъ учрежденiяхъ.»

---

113. Размѣнный знакъ комитета освобожденiя Черноморскаго побережья.

Къ этому выпуску относятся:

25	руб.	розоваго цвѣта	(117×70 мм)
50	,,	зеленаго цвѣта	(127×78 мм)
100	,,	синяго цвѣта	(129×80 мм)
250	,,	?	?

БАКУ (Азербайджанъ)

Баку 1918 г.

114. Денежный знакъ Бакинской городской управы.

Къ этому выпуску относятся:

5	коп.	зеленаго цвѣта	(30×40 мм)
15	,,	коричневаго	(34×44 мм)
50	,,	свѣтло-коричневаго	(49×35 мм)
1	руб.	коричневаго	(96×57 мм)
3	,,	зеленаго съ коричневымъ	(96×57 мм)
5	,,	синяго съ краснымъ	(96×57 мм)
10	,,	краснаго съ розовымъ	(96×57 мм)
25	,,	лиловаго съ желтымъ и на оборотѣ коричневаго съ сѣрымъ	(109×69 мм)

Въ 1918 г. были выпущены еще знаки со слѣдующими надписями: Совѣта городского хозяйства — рублей. 1918. Имѣетъ хожденiе наравнѣ съ государственными кредитными билетами — рублей. Народный комиссаръ Н. Наримановъ. Завѣд. Финанс. Отд. Г. Григоровъ. Серiя —. На оборотѣ: Совѣтъ Бакинскаго Городского Хозяйства — рублей. Поддѣлка преслѣдуется закономъ.

Къ этому выпуску относятся:

10	руб.	розоваго съ оранжев. цвѣта	(99×70 мм)
25	,,	лиловаго съ краснымъ	(99×66 мм)
50	,,	синiй съ коричневымъ	(108×67 мм)

115—118. Азербайджанская Республика.

Баку 1919—1920 гг.

Къ этому выпуску принадлежатъ:

25 руб.	лиловаго цвѣта	(107 × 64 мм)	1919
50 ,,	свѣтло-синяго цвѣта	(107 × 65 мм)	1919
100 ,,	коричневаго съ краснымъ	(138 × 90 мм)	1919
250 ,,	лиловаго съ коричневымъ и зеленаго	(151 × 96 мм)	1919
500 ,,	темно-лиловыхъ тоновъ съ свѣтлыми	(151 × 96 мм)	1920

Сторублевый билетъ имѣетъ разновидность: текстъ его такой же, но вмѣсто «Азербайджанская Республика» стоитъ «Азербайджанское Правительство» и другія подписи: предсѣд. сов. мин. Ф. Лонскій (?) и министр. финансовъ И. Протасьевъ. Помѣченъ этотъ билетъ также 1919 г. (см. № 115)

119—123. Баку послѣ 27. IV. 1920 г.

Знаки Азербайджанской соціалистической совѣтской республики.

Къ этому выпуску принадлежатъ:

5 руб.	лиловый съ лицевой стороны и сѣрой и коричневой краски на оборотѣ	(49 × 64 мм)	
100 ,,	сѣрый съ желтымъ	(98 × 60 мм)	
1000 ,,	зеленаго и свѣтло-зеленаго тоновъ	(118 × 67 мм)	1920
5000 ,,	сине-желтый, съ обр. стороны въ свѣтло-синемъ тонѣ съ коричневымъ	(146 × 94 мм)	1921
10000 ,,	коричневаго цвѣта съ зеленымъ, съ обратной стороны въ коричневомъ цвѣтѣ	(149 × 93 мм)	1921

АРМЕНІЯ (Эривань)

124, 125. Эривань 1919 г.

Чеки Эриванскаго отдѣленія Госуд. Банка.

Къ этой серіи принадлежатъ:

5 руб.	съ обѣихъ сторонъ синій.	(109 × 67 мм)
10 ,,	съ обѣихъ сторонъ красный	(117 × 67 мм)
25 ,,	съ обѣихъ сторонъ коричневый	(171 × 103 мм)
50 ,,	?	?
100 ,,	съ обѣихъ сторонъ желтый	(170 × 104 мм)
250 ,,	?	?
500 ,,	съ обѣихъ сторонъ синій	(180 × 103 мм)
1000 ,,	съ обѣихъ сторонъ оранжевый	(177 × 111 мм)
5000 ,,	съ обѣихъ сторонъ лиловый	(178 × 112 мм)

Отъ имени Эриванскаго Отд. Г. Б. были выпущены такіе же чеки (тотъ же текстъ, размѣръ и краска) что и вышеприведенные, но отличіе ихъ состояло въ томъ, что въ лѣвомъ и правомъ верхнихъ углахъ лицевой стороны билетовъ на армянскомъ языкѣ было напечатано достоинство чека. Кромѣ того на нѣкоторыхъ чекахъ этого выпуска съ обратной стороны отсутствовалъ текстъ.

126, 127. Кромѣ приведенныхъ двухъ Эриванскихъ выпусковъ въ Арменіи существовалъ третій выпускъ національныхъ армянскихъ денежныхъ знаковъ. Весь выпускъ былъ исполненъ печатаніемъ въ Англіи и поступилъ въ Арменію въ концѣ 1920 года. Этотъ выпускъ предполагалъ упорядоченіе Армянской денежной системы и обезпечивался заключеннымъ 6% займомъ въ долларахъ. Большевистскій переворотъ этотъ проэктъ ликвидировалъ.

Къ этому выпуску относятся:

1	р.	?	?
3	,,	?	?
50	,,	сѣраго съ розовымъ цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(125 × 81 мм)
100	,,	?	?
250	,,	лилово-желто-зеленаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(160 × 96 мм)

128. Знакъ Армянской соціалистической Сов. Республики выпущенъ въ 1921 г. Цвѣтъ лиловатый съ обѣихъ сторонъ (130 × 78 мм).

129, 130. ЗАКАСПІЙСКОЕ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

(Асхабадъ) 1919.

Къ этому выпуску относятся:

5	р.	свѣтло-зелёнаго цвѣта	(106 × 135 мм)
10	,,	свѣтло-краснаго цвѣта	(90 × 120 мм)
25	,,	свѣтло-синяго цвѣта	(109 × 140 мм)
50	,,	синяго цвѣта	(152 × 104 мм)
100	,,		?
250	,,	лиловаго цвѣта	(151 × 102 мм)
500	,,	коричневаго съ зеленымъ	(156 × 107 мм)

ТУРКЕСТАНЪ

(Ташкентъ) 1918—1920 гг.

131—135.

Къ этому выпуску принадлежатъ:

1	р.	коричневаго	(112 × 64 мм)	1918
3	,,	зеленаго	(112 × 64 мм)	1918
5	,,	синяго	(112 × 85 мм)	1918
10	,,	краснаго	(112 × 85 мм)	1918
25	,,	лиловаго съ розовымъ	(111 × 86 мм)	1918
50	,,	голубого	(138 × 89 мм)	1918
100	,,	коричневаго	(163 × 90 мм)	1918
250	,,	?	?	1919
500	,,	съ лицевой стороны розоваго цвѣта, съ обратной стороны синяго	(108 × 193 мм)	1919
1000	,,	коричневаго съ чернымъ съ обѣихъ сторонъ	(137 × 92 мм)	1920
5000	,,	?	?	1920

Въ томъ же г. Ташкентѣ въ 1918 г. отъ имени Ташкентскаго Отд. Госуд. Б. за подписью его управляющаго М. Грибовскаго, выпускались «Размѣнные денежные знаки Ташкент. Отд. Госуд. Банка», съ надписью: по распоряженію Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Туркестанскаго Края согласно постановленія особаго совѣщанія съ участіемъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, представителей вѣдомствъ, финансоваго Государственнаго Контроля и Государственнаго Банка и кредитныхъ учрежденій гор. Ташкента.

Всѣ эти билеты помѣчены 1918 годомъ, имѣютъ ту же окраску и форматъ, что и вышеприведенные билеты «Туркестанскаго Края» достоинствомъ до 100 руб. включительно.

СЕМИРѢЧЬЕ

136. Семирѣченскій Кредитный билетъ. Обезпеченъ «опіемъ», храпящимся въ Госуд. Банкѣ и всѣмъ достояніемъ Семирѣчья. — Размѣръ: (183 × 109 мм). Цвѣта коричневаго.

ОРЕНБУРГЪ 1917—1918

137. Денежный знакъ Оренбургскаго Отдѣленія Государственнаго Банка, т. н. «Дутовскія деньги».

Къ этому выпуску относятся:

1	р.	?	(? мм) 1918
3	,,	зеленый	(109 × 64 мм) 1918
25	,,	свѣтло-коричневый	(127 × 83 мм) 1917
100	,,	оранжевый	(169 × 104 мм) 1917
500	,,	съ лицевой стороны розоватый, съ обратной такой же, но темнѣй	(176 × 118 мм) 1917

Послѣ занятія Оренбурга большевиками, эти знаки печатались со слѣдующимъ текстомъ на оборотной сторонѣ: «Выпущенъ съ разрѣшенія Оренбургскаго Губернскаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ и съ согласія Правительства Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. Подлежитъ обмѣну на общегосударственные знаки. 1918.»

КОМИТЕТЪ ЧЛЕНОВЪ УЧРЕД. СОБРАНІЯ (Комучъ) 1918 г.

138—139. Отпечатанъ на вексельной бумагѣ зеленаго цвѣта. Размѣръ 307 × 128 мм Оборотная сторона — гладкая.

ЕКАТЕРИНБУРГЪ

140—141. Областной кредитный билетъ Урала.

1	р.	коричневаго цвѣта	(110 × 68 мм)
5	,,	синяго цвѣта	(90 × 53 мм)

142. Размѣнная марка Екатеринб. отдѣленія Гос. Банка, желтаго цвѣта. Размѣръ 65 × 44 мм. Выпущена послѣ занятія Екатеринбурга чехами.

СИБИРСКОЕ ВРЕМ. ПРАВИТЕЛЬСТВО

143. Казначейскій знакъ Сибирскаго Врем. Правительства 1918 г.

Къ этому выпуску относятся:

1	р.	коричневаго цвѣта	(121 × 75 мм)
5	,,	синяго цвѣта	(121 × 71 мм)
10	,,	краснаго цвѣта	(121 × 71 мм)

144—145. Казначейскіе знаки Сибирскаго Врем. Правительства.

(Выпущенные при адм. Колчакѣ)

3	руб.	зеленаго цвѣта	(120 × 72 мм) 1919
300	,,	съ лицевой стороны синяго, съ обратной коричневаго цвѣта	(122 × 71 мм) 1918

Отличаются отъ предыдущихъ рисункомъ Госуд. Герба (крестъ и надпись: «Симъ побѣдиши».)

146. Сибирское Краткосрочное Обязательство Госуд. Казначейства.

Къ этому выпуску принадлежатъ:

25	руб.	синяго цвѣта	(145 × 58 мм)
50	,,	зеленаго цвѣта	(145 × 60 мм)
100	,,	сѣраго съ синимъ	(210 × 78 мм)
250	,,	розоваго и коричневаго	(215 × 79 мм)
500	,,	желто-зелено-лиловаго	(215 × 87 мм)
1000	,,	желто-зелено-коричневаго	(230 × 90 мм)
5000	,,	желтаго и коричневаго	(315 × 120 мм)
10000	,,	?	?

Эти 5% обязательства, напечатаны на разной бумагѣ, сроки ихъ также различны, а 1000 р. и 5000 р. куп. существовали двухъ форматовъ большого (315 × 120 мм) и малаго (230 × 90 мм).

147. Госуд. Выигрышный заемъ.

Къ этому выпуску выигрышныхъ билетовъ принадлежатъ 5 разрядовъ:

200 руб. I разряда зеленаго цвѣта
200 ,, II разряда оранжеваго цвѣта
200 ,, III разряда темно-коричневаго цвѣта . . . . (200 × 193 мм)
200 ,, IV разряда синяго цвѣта
200 ,, V разряда свѣтло-коричневаго

Эти билеты всѣхъ 5 разрядовъ изготовлены были въ С. Америкѣ «American Bank Note Company» и поступили черезъ Владивостокъ въ Сибирь къ 1919 году, гдѣ опи въ виду недостатка въ денежныхъ знакахъ при адм. Колчакѣ были выпущены въ обращеніе, какъ денежные знаки достоинствомъ въ 200 р. каждый. Въ 1919 г. было выпущено ихъ въ обращеніе только 3 разряда, (1, 2 и 3-ій) причемъ по мѣсту нахожденія Отдѣленія Г. Б. ихъ выпускавшаго подъ словомъ «Бухгалтеръ» — (на лицевой сторонѣ билета) ставился штампъ, напр. «Владив. Отд. Госуд. Банка.» или «Ирк. Отд. Гос. Б.» и т. д. Разряды же 4-й и 5-й выпущены были въ обращеніе уже послѣ сверженія адм. Колчака — Совѣтской Властью на рубежѣ 1919 и 1920 г., причемъ, передъ выпускомъ этихъ разрядовъ въ обращеніе, па нихъ красной краской или синей ставился особый, печатный штемпель съ гербомъ Совѣтской Республики и текстомъ «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Сибирский Революционный Комитет, председатель: (под. неразб.) 1920. Обязателен к обращению наравне с кредитными билетами и расчетными знаками Российской Социалистической Советской Республики. Подделка преследуется законом».

При этихъ листахъ 4% Выигрыш. з. 1917 года находились и листы купоновъ (по 20 штукъ).

Купоны 1, 2 и 3-го разрядовъ были использованы какъ и билеты этихъ же разрядовъ, и выпущены были въ обращеніе безъ какихъ бы то ни было особыхъ знаковъ или штемпелей, 4-й же и 5-й разряды этихъ купоновъ по наложеніи на нихъ штемпеля «Обязательны къ обращенію наравне с кредитными билетами и расчетными знаками Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» — поступили въ обращеніе въ 1920 г.

ЧИТА

148. «Сибирскій кредитный билетъ». Выпущенъ въ Читѣ въ 1918 г., т. н. Кузнечикъ, розоваго и синяго цвѣта (144 × 72 мм).

Денежные знаки, выпущенные при атаманѣ Семеновѣ.

149. Билетъ № 148 съ печатью Читинскаго Отдѣленія Гос. Банка. Билеты съ такой печатью были допущены атам. Семеновымъ въ обращеніе.

150. Билеты Читинскаго отдѣленія Государственнаго Банка.

1 р.
2 ,,
3 ,,
5 ,, ... (109 × 85 мм)
10 ,,
25 ,,
100 ,,

151, 152. 100 ,, на розоватомъ фонѣ черной краской . . . . (122 × 80 мм)
500 ,, есть синяго и зеленаго цвѣтовъ . . . . (149 × 85 мм)

Дальне-Восточная Республика.

153—156. Къ этой серіи принадлежатъ:

1 р. коричневаго цвѣта . . . . (54 × 89 мм)
3 ,, зеленаго цвѣта . . . . (54 × 89 мм)
5 ,, синяго цвѣта . . . . (81 × 54 мм)

10 руб. краснаго цвѣта . . . . (81 × 54 мм)
25 ,, сѣро-синяго цвѣта . . . . (83 × 57 мм)
50 ,, сѣро-зеленаго цвѣта . . . . (83 × 57 мм)
500 ,, съ лицевой стороны коричневый въ свѣтлыхъ и темныхъ тонахъ и синяго со слабо-коричневымъ съ обратной стороны . . . . (142 × 100 мм)
1000 ,, съ лицевой стороны зеленые тона съ чернымъ, коричневаго цвѣта съ обратной стороны . . . . (173 × 107 мм)

1, 3, 5, 10 и 500 р. — «Кредитные билеты», 25 и 50 р. — «расчетные знаки», а 1000 руб. «Государственный Кредитный Билет» ДВР.

БЛАГОВѢЩЕНСКЪ

157. Размѣнный билетъ гор. Благовѣщенска 1917 г.
(143 × 86 мм) — Коричневаго цвѣта.

---

158. Амурскій областиой размѣнный билетъ. — Зеленаго цвѣта, размѣръ (105 × 67 мм)

159, 160. Денежные знаки Благовѣщ. Отд. Госуд. Банка.

Къ этой серіи относятся:

100 руб. желтаго цвѣта . . . . (166 × 106 мм)
500 ,, лиловаго цвѣта . . . . (168 × 106 мм)
1000 ,, зеленаго съ лицев. стор. и сѣраго съ синимъ съ обратной (164 × 98 мм)
3000 ,, красиаго цвѣта . . . . (106 × 65 мм)
5000 ,, синяго цвѣта . . . . (164 × 98 мм)

ХАБАРОВСКЪ

161. Билетъ «Дальневосточнаго Совѣта Народныхъ Комиссаровъ» 1918 г.
10 руб. съ лицевой стороны розовый, съ обратной стороны зеленый . . . . (154 × 98 мм)

ХАРБИНЪ 1919 г.

162. Расписка Харбинскаго Городского Совѣта

Къ этому выпуску относятся:

1 руб. коричневаго цвѣта . . . . (124 × 78 мм)
3 ,, зеленаго цвѣта . . . . (124 × 78 мм)
5 ,, синяго цвѣта . . . . (124 × 78 мм)

163—165. Боны Русско-Азіатскаго Банка

Къ этому выпуску относятся:

50 коп. стального цвѣта, на обратн. стор. зеленый съ оранжев. (125 × 76 мм)
1 рубль коричневаго съ сине-зелеными отливами, на обратн. сторонѣ коричневаго . . . . (147 × 82 мм)
3 рубля зеленаго съ коричнево-синими отливами, на обратной сторонѣ темно-зеленаго . . . . (151 × 82 мм)
10 рублей краснаго съ сѣрозелен. отливами, на обратной сторонѣ краснаго . . . . (161 × 86 мм)
100 ,, коричневаго съ сѣрозелеными отливами . . . . (168 × 93 мм)

ВЛАДИВОСТОКЪ

165—168. Денежные знаки Правительства Медвѣдева.

Къ этой серіи относятся:

5 коп.	желтый	(63 × 37 мм)
10 ,,	коричневый	(70 × 42 мм)
30 ,,	зеленый	(77 × 47 мм)
1 рубль	коричневый	(113 × 62 мм)
5 рублей	сине-розовый	(133 × 74 мм)
10 ,,	красно-зеленый	(140 × 85 мм)

169—171. 50 коп. оранжевый . . . . (95 × 57 мм)
25 руб. стального цвѣта . . . . (148 × 86 мм)
100 ,, лицевая сторона черно-коричневая, обратн. коричнев. (156 × 88 мм)

Эти знаки были заготовлены въ С. А. С. Ш. еще по заказу Всероссійскаго Временнаго Правительства. Они были выпущены въ обращеніе во Владивостокѣ во время Правительства Медвѣдева за подписью Управляющаго Государственнымъ Банкомъ Ивановымъ.

Знакъ въ 50 коп. безъ всякой подписи былъ въ обращеніи по всей Сибири и при Колчакѣ.

Знаки въ 50 р. и 100 руб. съ печатью «Временная земская власть Прибайкалья» (см. № 170а) были выпущены въ обращеніе въ Верхнеудинскѣ въ 1920 г., послѣ сверженія Колчака, Временнымъ Правительствомъ Дальневосточной Республики.

НИКОЛАЕВСКЪ НА АМУРѢ.

172. Чекъ Николаевскаго отдѣленія Гос. Банка, выпущенный по постановленію Областн. Исп. Ком. Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, красноватаго цвѣта — сто (100) рублей — отпечатаны зеленой краской . . . . (158 × 98 мм)

173. «Разменный билет Николаевского на Амуре Гос. Банка», зеленаго цвѣта . . . . (108 × 71 мм)

ЯПОНСКАЯ ОККУПАЦІЯ.

174. Лицевая сторона желтаго цвѣта, оборотная оранжеваго и кирпичнаго (118 × 76)

ЛАГЕРЯ ГЕРМАНСКИХЪ И ВЕНГЕРСКИХЪ ВОЕННОПЛѢННЫХЪ.

175—181. 176—178, 181 въ натуральную величину, 175 — (110 × 48 мм) 179 — (97 × 50 мм), 180 — (110 × 60 мм).

182. ДЕНЕЖНЫЙ ЗНАКЪ КИТАЙСКАГО ВОСТОЧНАГО БАНКА.

Лицевая сторона кирпичнаго и синяго цвѣта, оборотная сѣрая и свѣтло-синяя (114 × 55).

---

183. Чекъ магазина Кунстъ и Альберсъ въ Владивостокѣ зеленаго цвѣта . . . . (112 × 65 мм)

184. Чекъ магазина Симада въ Николаевскѣ на Амурѣ. отпечатанъ на японской бумагѣ . . . . (111 × 72 мм)

1a

1b

2a

2b

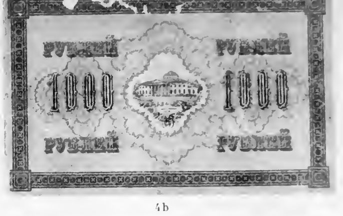
3a

3b

4a

4b

1917 • ЗАЕМЪ СВОБОДЫ • 1917

Срокъ последняго купона 16 марта 1922 года.

1917 • ЗАЕМЪ СВОБОДЫ • 1917

5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ.
АА-044 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
ПЯТЬ
РУБЛЕЙ
Кредитные билеты размѣниваются Государственнымъ банкомъ на золотую монету безъ ограниченія суммы и обезпечиваются всѣмъ достояніемъ Государства.
АА-044
Управляющій
1918
Кассиръ
5 РУБ 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ.

6a

5 РУБЛЕЙ
5 РУБЛЕЙ
ПОДДѢЛКА КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ ПРЕСЛѢДУЕТСЯ ПО ЗАКОНУ.

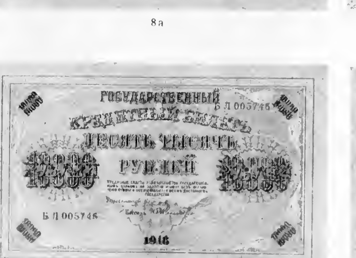
6b

АА-051 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
ПЯТЬДЕСЯТЪ
РУБЛЕЙ
50
50
Управляющій
Кассиръ
1918
АА-051

7a

РУБЛЕЙ
РУБЛЕЙ
50
50
РУБЛЕЙ
РУБЛЕЙ

7b

АА-065 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
ТЫСЯЧА
РУБЛЕЙ
1000
1000
1918
АА-065

8a

РУБЛЕЙ
1000
РУБЛЕЙ
РУБЛЕЙ
1000
РУБЛЕЙ
1918

8b

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
Б Л 005746
КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧЪ
РУБЛЕЙ
Б Л 005746
1918

9a

10000
10000
10000
10000
РУБЛЕЙ
РУБЛЕЙ

9b

10a

10b

11a

11b

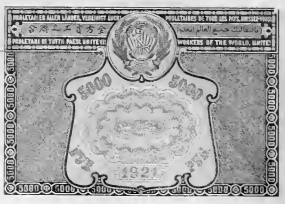
12a

12b

17a

17b

18a

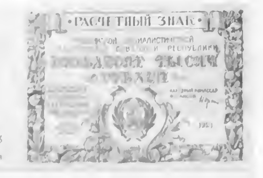

18b

19

20

22 a

22 b

Серия АБ. Руб. 1.000.000.

Обязательство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Предъявителю сего уплачивается один миллион рублей существующими расчетными знаками во всех Приходо-Расходных Кассах Народного Комиссариата Финансов, Губфинотделов и Уфинотделов Р. С. Ф. С. Р.

Народный Комиссар Финансов

№ 291097 Заведующий отделом денежн. и расчетн. знаков 1921 г.

Главный Бухгалтер

23

24 a

24 b

25a

25b

26a

26b

27a

27b

28a

28b

34 a

34 b

35 a

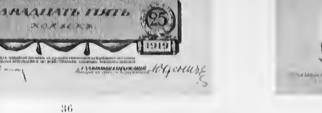
35 b

40 a

40 b

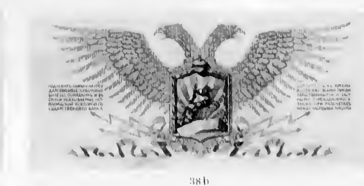
36

ДЕНЕЖНЫЙ ЗНАКЪ
799294
3
ТРИ РУБЛЯ
3

37

294727
ДЕНЕЖНЫЙ ЗНАКЪ
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ
РУБЛЕЙ
25
1919

38 a

38 b

39

34a

34b

35a

35b

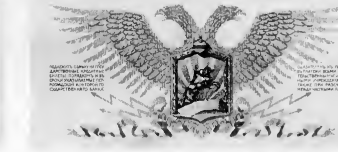
40a

40b

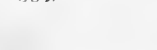
36

37

38a

38b

39

РАЗМѢННЫЙ БИЛЕТЪ г. ОДЕССЫ
ДЕСЯТЬ
РУБЛЕЙ
1917 г.
10

43а

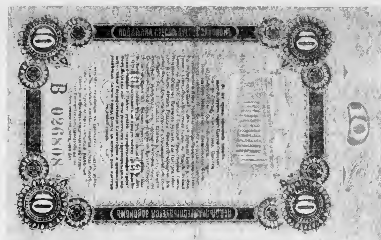

3
ТРИ РУБЛЯ
1917 годъ
РАЗМѢННЫЙ БИЛЕТЪ ГОРОДА ОДЕССЫ.

И 670274

41

Размѣнный билетъ гор. Одессы
ПЯТЬ РУБЛЕЙ
Казначей
5
ПЯТЬ РУБЛЕЙ
1917 годъ

42

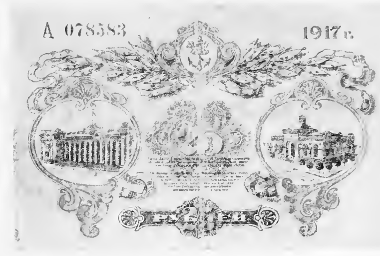

43b

44a

44b

45a

45b

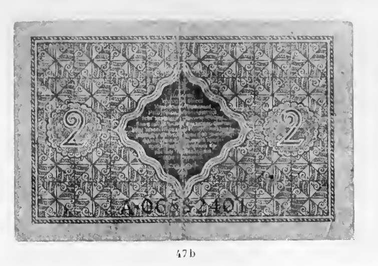
46a

46b

47a

47b

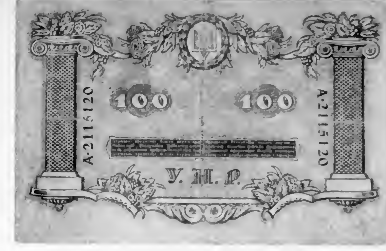
48a

48b

49a

49b

50a

50b

51a

51b

52 a

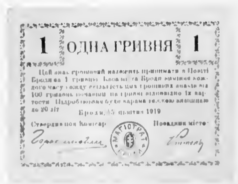
52 b

Українська Держава
Знак Державної Скарбниці
100
100
СТО
КАРБОВАНЦІВ
1918
ТА 002173

53 a

СТО КАРБОВАНЦІВ
100
100
ХОДИТЬ НАРІВНІ З КРЕДИТОВИМИ БІЛЕТАМИ

53 b

1
ОДНА ГРИВНЯ
1
МАГІСТРАТ

54

10
ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ
1918 годъ
серія 2.
ПОДДѢЛКА ПРЕСЛѢДУЕТСЯ ЗАКОНОМЪ
493963

55

РАЗМѢННЫЙ БИЛЕТЪ
ЕЛИСАВЕТГРАДСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ НАРОДНАГО БАНКА
1919 г.
Поддѣлка размѣнныхъ билетовъ преслѣдуется закономъ
25
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ РУБЛЕЙ
135148
25
РУБЛЕЙ

56 a

25
25 руб.
25 руб.
25
25
25

56 b

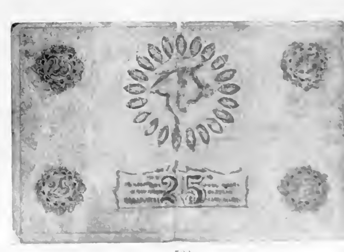
57 a

57 b

58 a

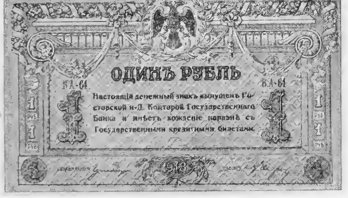
58 b

59 a

59 b

60 a

60 b

61 a

61 b

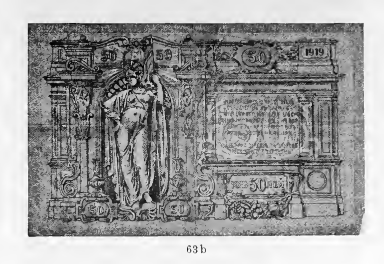

62 a

62 b

63 a

63 b

64 a

64 b

65a

65b

66a

66b

67a

67b

68a

68b

69a

69b

70 a

70 b

71 a

71 b

ЛИ—114 **50 р.**

БОН

Екатеринодарского Отделения Государственного Банка

ПЯТЬДЕСЯТ рублей.

Бон обезпечен обязательством Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики под поступления табачного акциза и имеет обязательное хождение в пределах всей Республики наравне с кредитными билетами

Управляющий

Кассир

50 р. ЛИ—114

72

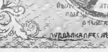
73a

73b

74a

КАЗНАЧЕЙСКIЙ ЗНАКЪ

ОДИНЪ РУБЛЬ

74b

75a

75b

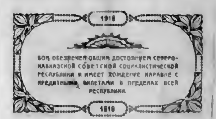
76a

76b

77a

77b

78a

78b

ДЕНЕЖНЫЙ ЗНАК
ПЯТЬ
РУБЛЕЙ

79a

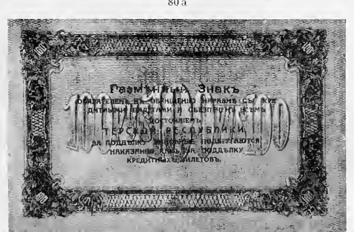

5
2 подделка преследуется законом
А-17
А-17
ПЯТЬ РУБЛЕЙ

79 b

РАЗМѢННЫЙ ЗНАКЪ
СОВѢТА НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ
ТЕРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
1918
1918
Б—26
Б—26

80 a

Размѣнный Знакъ
ТЕРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ.

81 a

81 b

82 a

82 b

83a

83b

84a

84b

85 a

85 b

86 a

86 b

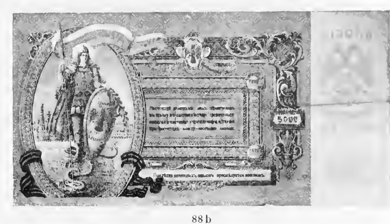
87a

87b

88a

88b

89a

89b

90a

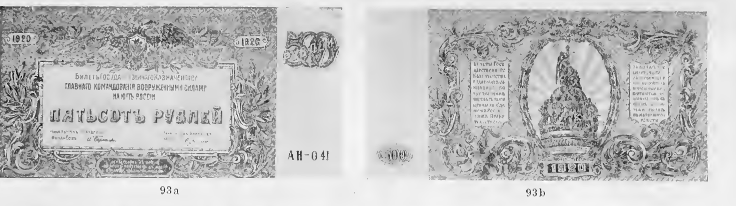
90b

91

92

93a

93b

94a

94b

95a

95b

96a

96b

97a

97b

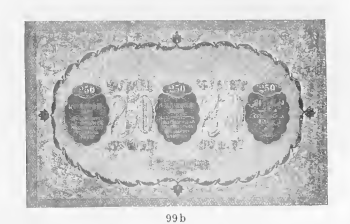
98a

98b

99a

99b

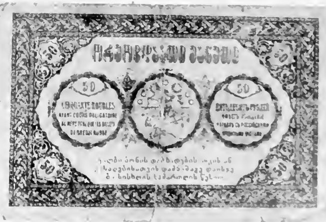

100a

100b

101a

101b

102

103a

103b

104a

104b

105

106

108a

107

108b

109a

109b

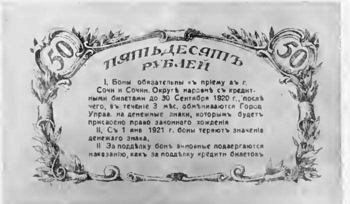
110a

111a

110b

111b

112a

112b

113a

113b

114a

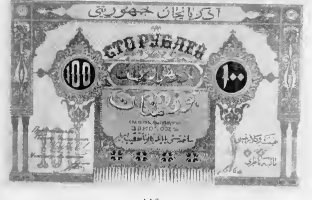
114b

115a

115b

116a

116b

117 a

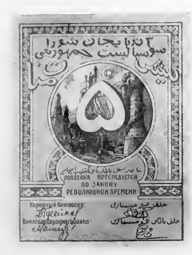
117 b

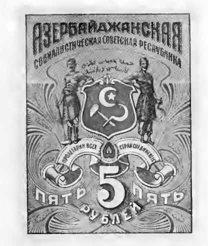
118 a

118 b

119 a

119 b

120 a

120 b

121 a

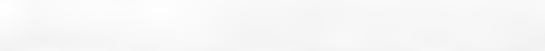

121 b

122 a

122 b

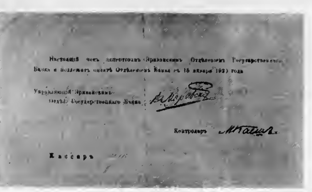
123 a

123 b

124 a

124 b

125 a

125 b

126a

126b

127a

127b

128a

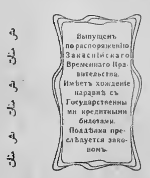
128b

129a

129b

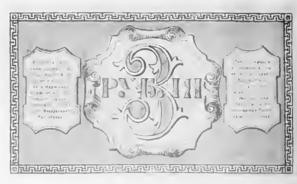
130a

130b

131 a

131 b

132 a

132 b

133 a

133 b

134a

134b

135a

135b

136 a

136 b

137 a

137b

140a

140b

141a

141b

142a

Извлеченie изъ постановленія
21. Октября 1918 года.

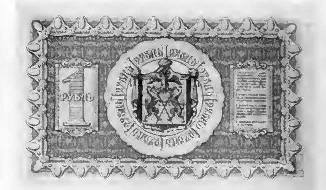
2 Размѣнныя марки обезпечиваются въ полной суммѣ выпуска особымъ фондомъ изъ 5% обязательствъ Государственнаго Казначейства крупныхъ купюръ, хранящихся въ Екатеринбургскомъ Отдѣленіи Государственнаго Банка.

Поддѣлка марокъ преслѣдуется закономъ.

142b

143a

143b

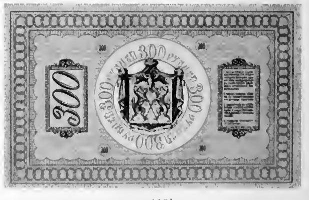
144a

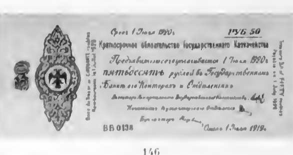
144b

145a

145b

146

Разрядъ пятый

200 200

Серія номеръ 7778

Билетъ номеръ 77

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

ВНУТРЕННІЙ 4½% ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМЪ 1917 ГОДА.

БИЛЕТЪ

ВЪ ДВѢСТИ РУБЛЕЙ НАРИЦАТЕЛЬНЫХЪ

ПОДДѢЛКА ПРЕСЛѢДУЕТСЯ ЗАКОНОМЪ

Срокъ послѣдняго купона 16 Мая 1928 года.

147a

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

ВНУТРЕННІЙ 4½% ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМЪ 1917 ГОДА

выпускается отдѣльными разрядами по 400.000.000 рублей нарицательныхъ каждый

Всего 20,000 серій

147b

ПЯТЬДЕСЯТ РУБЛЕЙ

СИБИРСКІЙ КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТ.

1918

ИМЕЕТ ХОЖДЕНІЕ ПО ВСЕЙ СИБИРИ И ОБЕЗПЕЧИВАЕТСЯ ЗОЛОТЫМ ЗАПАСОМ СИБИРСКИХ ОТДЕЛЕНІЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА

ПОДДЕЛКА ПРЕСЛЕДУЕТСЯ ЗАКОНОМ.

038284 ЕО

148a

148b

149

150

151 a

ИМѢЕТЪ ХОЖДЕНIЕ
НАРАВНѢ СЪ ДЕНЕЖНЫМИ
ЗНАКАМИ.

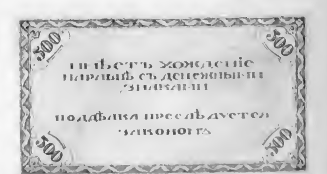
Поддѣлка преслѣдуется
закономъ.

100 100 100 100

151 b

152 a

152 b

153a

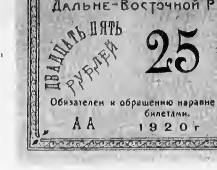
153b

154a

154b

155a

155b

156a

156b

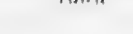
157a

157b

158a

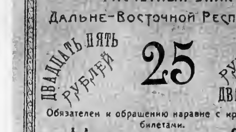
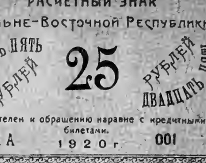

158b

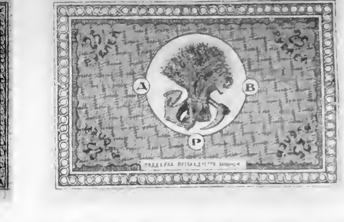
159a

159b

155a

155b

156a

156b

157a

157b

158a

158b

159a

159b

160 a

160 b

161 a

161 b

162 a

162 b

163 a

163 b

164a

164b

165a

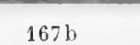

165b

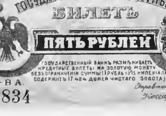
166

167a

167b

168a

168b

169 a

169 b

170 a

170 b

171 a

171 b

172a

Этотъ чекъ согласно постановленію Сахалинскаго Областного Исполнительнаго Комитета Совѣта рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ и Самоуправленій отъ 14 марта 1918 года безсроченъ и, согласно тому же постановленію, имѣетъ хожденіе въ предѣлахъ Сахалинской области наравнѣ съ кредитными билетами, слѣдовательно обязателенъ къ пріему во всѣ платежи всѣми лицами, фирмами и учрежденіями.

Выпущенные Николаевскимъ на Амурѣ Отдѣленіемъ Государственнаго Банка чеки обезпечены хранящимся въ Отдѣленіи Банка неприкосновеннымъ запасомъ кредитныхъ билетовъ 1.000 рублеваго достоинства и въ случаѣ предъявленія чековъ на достаточную сумму на эти (тысячерублевые) билеты безпрепятственно обмѣниваются.

Поддѣлка преслѣдуется закономъ.

172b

173a

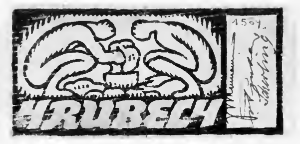
173b

174 a

174 b

175

176

177

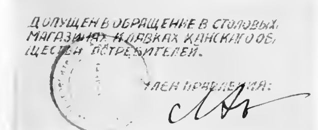

178

№ 119 АССИГНОВКА РУБ 5
в ЛАГЕРНЫЙ БАНК на
"ПЯТЬ РУБЛЕЙ"

РАСПИСКА:
КОНТРОЛЬ:
КАНСК, ... 1920 г.

179a

179b

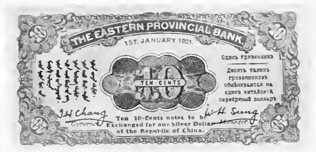
180a

180b

181

182 a

182 b

183

184 a

184 b

Содержаніе

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ